

Sub[культура]

ИСТОРИЯ

В СТИЛЕ

ХИП-ХОП

РОМАН АВТОРА ПО ИМЕНИ ГОР ПТА

Санкт-Петербург

АМФОРА

2009

УДК 82/89
ББК 84(7Coe)6
П 87

HERU ПТАН
A Hip-Hop Story

Перевели с английского Л. А. Речная и Е. Н. Шинкарева

*Издательство выражает благодарность литературному агентству
AndrewNurnberg за содействие в приобретении прав*

Защиту интеллектуальной собственности и прав издательской группы
«Амфора» осуществляет юридическая компания «Усков и Партнеры»

Пта Г.

История в стиле хип-хоп: [роман] / Гор Пта; [пер. с англ. Л. Речной и Е. Шинкаревой]. — СПб.: Амфора. ТИД Амфора, 2009. — 478 с. — (Серия «5иь[культура]»).

ISBN978-5-367-00957-6

Впервые на русском языке о хип-хопе: ритм нью-йоркских кварталов и горячие чернокожие девчонки, бешеные деньги и отчаянная борьба за выживание, страсть и ярость под жесткий бит.

УДК 82/89
ББК 84(7Coe)6

© Henry«Нери Ptah» Richards, 2002
© Издание на русском языке, перевод на русский язык, оформление.
ЗАО ТИД «Амфора», 2009

ISBN978-5-367-00957-6

Для всех и каждого, с каждого угла и
перекрестка каждого города и
района в мире; для всех тех, кто
когда-либо брался за перо и
отваживался рискнуть, кто верил в
свою мечту, видел картину целиком и
хотел завоевать мир.
Эта книга для вас — сохраняйте веру
и не молчите.

Се есть бог Пта, величайший из великих, создатель божественной силы и источник ее в каждом сердце, мыслях и словах. Языком и сердцем сотворил он мир и все в нем существующее, задумав творение в сердце своем и назвав задуманное языком. И каждое слово божье превратилось в сущее.

Husia*

* Собрание священныхдревнеегипетских текстов, составленное в 1984 г. профессором Мауланой Каренгой. В противовес культуре госпелов, основанной на христианстве, корни хип-хопа лежат в движении «blackpower», которое считает духовной родиной чернокожих Древний Египет (Эфиопию). — Здесь и далее примеч. пер.

Они вошли в середину поезда в разгар столпотворения, но на удивление смогли найти два свободных места рядом. Дело было вечером, час пик еще не прошел, и на этой остановке поезд уже должен был трещать по швам. Нельзя сказать, что в тот день он был пуст, но пассажиры чувствовали себя куда лучше сидеть в бочке. Сегодня было холоднее, чем в предыдущие недели. И оба оделись потеплее, чтобы защититься от непогоды. Выглядели они стильно, но чувствовали себя грузными и неуклюжими в толстых шерстяных пальто. Оказавшись в теплом вагоне, Миха с Эрикой наконец смогли расстегнуть свою защитную броню. Как только он распахнул пальто, Эрика положила голову ему на грудь и обвила рукой плечи. И юные любовники замерли, наслаждаясь прикосновением друг друга даже сквозь бесчисленные слои теплой одежды.

Приложив ухо к груди Михи, Эрика внимательно вслушивалась в биение его сердца. Сквозь толстую ткань ей не удавалось уловить его стук.

— Я не слышу биения твоего сердца, — сказала она, подняв на Миху взгляд.

— Не волнуйся. Мое сердце на месте, — ответил он.

— Не уверена, я его не слышу. Думаю, ты умер, — шутливо заметила девушка.

— Если б я умер, то вряд ли бы разговаривал сейчас с тобой.

— А может быть, ты умер, но пока об этом не знаешь.

— Хочешь сказать, что мы умираем, только если признаем смерть?

— Возможно. А возможно, мы живем, только пока признаем жизнь. Ноя в этом не уверена.

— Что ж, тогда я не стану признавать смерть и смогу жить вечно.

— А что бы ты делал, если б мог жить вечно? — спросила она.

— Остался бы здесь и продолжал любить тебя, как в эту самую м и нуту.

— Но я-то не смогу жить вечно. И что ты будешь делать, когда я умру?

— Детка, ты никогда не умрешь. На свете мало вещей, в которых я уверен, но это одна из них.

— Что ж, будем оба жить и любить вечно. — Слова Эрики прозвучали одновременно как утверждение и как вопрос.

— Почему бы нет.

В едином порыве влюбленные отыскиали губы друг друга, не обращая внимания на толпу вокруг. Они целовались, закрыв глаза, их сердца слились воедино, а мысли улетели на много миль отсюда, в окутанные сиреневой дымкой дали.

Когда они прервались, чтобы отдышаться, поезд как раз остановился на Пятьдесят девятой улице. Часть пассажиров вышла, их тут же сменили новые. Какой-то паренек сел прямо напротив. В руках у него был журнал: он раскрыл

его на всю ширину и держал перед собой. Тот закрывал парня целиком от живота до макушки — и в глаза бросалась фотография, занимавшая всю первую страницу. На ней были запечатлены Безупречный и Ганнибал, лицом к лицу, а над ними заголовок: «Война Короны». Глянцевый снимок так и маячил перед влюбленными страшным предвестником — будто они нуждались в напоминании о войне.

КНИГА

ПЕРВАЯ

1

*Мне нет нужды пердеть,
Потому что мой пердеж Пахнет лучше тебя,
Даже мое дерьмо лучше тебя.
Да, я тощий чувак,
Но не обольщайся, жирдяй:
Так тебя отпинаю,
Что психушка покажется раем,
Ведь ты явный псих,
Что явился сюда —
Пернул разок И замолк навсегда.
Сидел бы дома Да маялся дробкой,
А то стоишь тут, пыхтишь,
Потеешь от каждой строчки.*

Слова резкие, колкие и язвительные, любого достанут. Нужен крепкий панцирь, чтобы снести их, выслушать и сохранить спокойствие, по ходу сочиняя еще более унижительный ответ. Вот и стоит этот толстый чудило, ждет своей очереди в толпе команды поддержки и делает вид, будто его не трогают яростные поношения со стороны дохляка-оппонента. Ждет своего хода, решая, как бы перетянуть на свою сторону симпатии все прибывающей публики. Сейчас, кажется, дохляк дошел до кульминации своей тирады, вот-вот начнется его бит.

Не время сдавать, быстро, бит — мой, так... и ничего. Какого черта! Твою мать... Все из головы вылетело.

Черт, все смотрят на меня. Чего я говорить-то собирался? Что-то ему в ответ. Бля, да что он сказал? Не помню. Бля, какого хрена я не помню, что он там говорил? Да если я сейчас ничего не выдам, они ж меня съедят. Рта уже не дадут раскрыть лотом. Давай, блин, не сдавайся. Думай, думай. Что же я говорить-то собирался? Так, буду повторять «е, е», пока что-нибудь на ум не придет. Нормально, так держать. Лады пялиться на меня. Надо что-нибудь выдать, когда бит заново начнется. Господи, ну пожалуйста. Ну вот, началось. Что говорить, что говорить-то? «Е, е». Шевели мозгами, думай... ааааа... ну вот. Вместо рта у тебя жопа,

*Пердеть ты умеешь неплохо.
Но закрой свою помойку,
Твою вонь переносу стойко,
Ведь я утилизатор, мусоровоз.
Это не жир, а вес, ты, хуесос.
От моего апперкота не увернешься,
Своими яйцами поперхнешься.
Будешь знать,
Как на бруклинских гнать.
Когда кончу тебе в зад,
Даже мамочке будешь не рад.*

Он поймал волну, оседлал ритм. Неизменные «твою мать» стали ему фоном. Его несло, ругательства так и жалили. Дохлая здорово задело. Он был не столь хладнокровен, как его упитанный противник. И видя это, тот притиснулся к своей жертве, будто для поцелуя. На языке вертелось его главное оружие... и он-таки выдал эти слова, непроизвольно сопроводив их плевком. «Твою мать!..» — сквозь стиснутые зубы выдохнула толпа. Дохлак не стал дожидаться извинений. Взял да и вмазал кулаком. Жирдяй дал сдачи, и публика взорвалась.

Драку затеяли в ночном клубе «Ярость». Это был один из самых популярных хип-хоп клубов в Нижнем Манхэттене. Завидев прогрессирующий бардак, двое здоровых, отлично одетых громил направились туда и тут же положили ему конец. Развели драчунов — те, на самом-то деле, воевать и не планировали, просто вспыхнули адреналином соревнования.

Снаружи все было заставлено джипами и прочими дорогими машинами, от «лексуса» до «мерса». На входе — вышибалы при костюмах. Люди стояли в очереди за ограждением, растянулись на целый квартал, за угол. Разнополые, разных стилей. На девушках самые обтягивающие наряды из их гардероба, парни в широких джинсах с кроссами или кедами, в футболках или спортивных майках. Пульсирующая в клубе музыка была слышна и снаружи. Бит манил их к себе, как огонь притягивает мотыльков.

Пареньку, прошедшему мимо громил, вручили флайер. Там было написано: «Хип-хоп за справедливость, за правду! Свободу политическим заключенным, нет войне с терроризмом!». А на картинке чувак с проникновенным взглядом, дредами и в наручниках. Там что-то еще было, но паренек забил и быстро сунул флайер в карман. Думать он мог только о красивой девчонке, идущей перед ним, не отрывал взгляда от линиям ткани на ее заднице. На входе их обыскали. Пока мускулистый охранник жестко

хватал парня за все, что можно, его заботило лишь то, как здоровенная охранница агрессивно облапала девочку. Когда та прошла внутрь, паренек обратился к охраннице:

— Эй, мамаша, подскажи, как устроиться на твое место?

Та саркастически скривила рот и подтолкнула его ко входу. Он попробовал догнать девушку, но в зале окончательно потерял ее из виду. Клуб был битком, народу куча; музыка орет. Он поозирался по сторонам, но все без толку. Потерял ее в мельтешении тел и психоделе светомузыки. Но минуту спустя паренек уже был не прочь последовать за покачивающимися бедрами другой красоти, попавшейся ему на глаза.

Народу была куча, полторы-две тысячи человек. Качая головой вместе с битом, танцуя, насколько позволяло свободное пространство, они устремили свои взгляды на сцену и ди-джея — человека известного, завоевавшего публику своими искусными сведениями. Это был Ра, самый крутой ди-джей в городе. Над ним висел неохватных размеров баннер рэпера Бин Ладена. Тогда он считался популярнейшим хип-хоп исполнителем. Номер раз в обойме «Краун рекордс»*, поэтому и название вездесущего гиганта музыки было напечатано рядом с его именем. А прямо под плакатом Бин Ладена — баннер «Спора», чемпионата по фристайлу, и опять логотип «Краун», спонсора обоих мероприятий.

Музыка поутихла с появлением на сцене мужчины и женщины. Она была хорошенькая, со светлой кожей, коренастая; в одежде идеальная смесь богемы и хип-хоперского стиля. Он — худой, высокий, очень темный, симпатичный; прикид — среднее между гангстером и зубрилой. Фри и Эй-Джей, хозяева «Спора 106» и «Парка».

Он начал:

— Эй, че как, Нью-Йорк, как поживаете?

А Фри следом добавила:

— Йо, ну как вы там? Выглядите просто отпад. Так ведь, Эй-Джей? Здорово сегодня они выглядят?

— Ты абсолютно права, Фри. Особенно подруги; сестренки, вы просто блеск! Братьям такие мысли в голову приходят... — и он оглянулся на Фри, которая игриво шлепнула его по плечу:

— Ты, парень, лучше притормози, пока не засмотрелся на чужую бабу, — так и огрести можно.

— Фри, ты о чем? Я держу себя в руках. Но ты права, права, права. Я просто хотел сказать, что девочки сегодня хороши. И давайте-ка поаплодируем этому факту.

* Crown — корона (англ).

— Ну а теперь, все вместе — зачем мы здесь?

И на вопрос Фри толпа прокричала:

— Бин Ладен!

— Точно, мы здесь, чтобы поддержать нашего террориста, Бин Ладена, — отозвалась Фри. — Он верен себе, сейчас закидает нас своими бомбами. Ну а еще для чего мы собрались?

Толпа снова проревела:

— Фристайл!

— В точку, народ, именно, — подтвердил Эй-Джей. — Это финал наших фристайл-баттлов, в котором два местных самородка выйдут на эту сцену, чтобы сразиться друг с другом. А в результате один из них перестанет быть самородком и покинет мероприятие с лакомым кусочком — контрактом с «Краун рекорде», домом Бин Ладена, Сталина и мини-Гитлера. И, между прочим, компанией-спонсором этого вечера.

И вновь толпа, как по команде, зашумела в ответ.

— А теперь, Эй-Джей, давай скажем, кто эти двое, — обратилась к партнеру Фри.

— К этому моменту оба они в течение девяти недель подряд побеждали в телевизионной версии наших фристайл-баттлов. Это было непросто, но они справились. А сегодня они оба здесь, чтобы определить лучшего из лучших.

— А вы хоть знаете, о ком мы говорим? — поинтересовалась Фри.

Народ начал выкрикивать «Безупречный!» и «Бык!». Публика почти поровну разделилась на поклонников одного и другого.

— Черт, Эй-Джей, тут сегодня будет настоящая война.

— Точняк, Фри; в общем, не будем больше заставлять вас ждать. Развяжем войну! Позвольте вам представить — мой любимец, мастер рифмы Безупречный, а с другой стороны выступает непререкаемый авторитет — да я просто боюсь этого парня! — Бык, Ганнибал- каннибал.

Безупречный вышел на сцену слева, а Ганнибал — справа. Оба — привлекательные черные парни немногим за двадцать, среднего роста, худощавые. Безупречный так вообще красавец. И одет поярче: белые «шелл-топы», светлые джинсы, свободная футболка черного цвета; на голове — аккуратно постриженная грива. В своих «тимберлендах» Ганнибал выглядел грубее. Одежда в темных тонах, мешковатая, сам держится построже, и голова бритая. Толпа отреагировала на разницу в их стилях. Девушки завизжали в восторге от Безупречного, парни лаем и криками поддерживали Ганнибала. Оба участника сохраняли молчание. Фри прорвалась сквозь вой:

— Итак, господа, установим правила. Вообще-то, никаких правил нет. Это вам не телевидение, так что и цензуры не будет. Единственное ограничение:

давайте обойдемся словами.

— Да, братаны, рукоприкладства нам тут не надо. Это и публики касается. Я знаю, все мы любим, чтобы было прямо «гангста», но только давайте разойдемся миром. Пусть достанется только микрофону.

— Что ж, довольно слов, давайте наконец начнем. Безупречный уступил в предварительной жеребьевке, так что пойдет первым. Будут три раунда, по три минуты каждый. Публика выберет победителя каждого раунда; выигравший в двух из трех и одержит победу.

Фри обернулась к обоим участникам:

— Ну что, готовы, братья? Пора. Диджей, врубай бит.

2

Безупречный жил в скромном доме достаточно мирного квартала в небогатом районе Квинса, Нью-Йорк. На крыльце стояла его сестра Эрика со своим ухажером. Ей, писаной красавице с гипнотической улыбкой, в ту пору было девятнадцать; парень, как и положено, пялился на нее во все глаза. Он был темнокожий, выглядел крутым, а в душе — сущий ягненок. Он пытался быть нежным и вежливым, одновременно стараясь пересилить бушующее естество, которое будто рентгеном высвечивало все крутые изгибы и выпуклости тела девушки. С неловкостью влюбленного он пробормотал:

— Ну, вот мы и пришли.

И она ответила в своей обычной манере, очень тихо, мягко, даже соблазнительно, но нисколько не играя:

— Да, мы пришли. — Из ее уст эти простые слова звучали намного милее.

— Я отлично провел вечер.

— Да, мне тоже было весело.

— Да-да, это просто здорово. Знаешь, может... Мне бы хотелось... слушай, можно еще куда-нибудь выбраться.

— Ага, почему бы и нет. Я, пожалуй, не против.

— Блин, отлично, просто круто.

Почувствовав себя увереннее, он подступил к девушке, чуть сокращая расстояние между ними. Так близко к ней он за весь вечер еще не был. Он смог ощутить запах шампуня в ее волосах, возбуждающий аромат духов и заглянуть прямо в темную глубину ее глаз. Парень окончательно поплыл: облизнул губы и размышлял о поцелуе, надеясь, что его прозрачную попытку соблазнения заметят и что Эрика будет не против.

Пока он оценивал свои шансы, рядом с домом притормозила машина. Оттуда неслась громкая музыка — впрочем, не настолько громкая, чтобы разбудить соседей. Безупречный сидел на пассажирском сиденье, а за рулем — Томми. У них было много общего — и возраст, и интересы; оба одного телосложения, только Томми чуть светлее. Они дружили со старших классов, всё прошли вместе: Безупречный и его верный Томми, плечом к плечу. За баранкой в их союзе всегда сидел Томми, но рулил Безупречный. Это был неписанный закон, сам по себе сложившийся тандем, неосознанный и естественный, почти инстинктивный.

— Йо, ты сегодня своего добился, чувак. Выиграл контракт, теперь для тебя настанут великие времена, — сказал Томми с гордостью, при этом осознавая, что большой успех, возможно, разлучит их.

Безупречный быстро рассеял его страхи:

— Великие времена настанут для нас. Куда я, туда со мною и ты. Так всегда было, так всегда и будет. Говорю тебе, мы весь мир перевернем, установим свои правила.

Успокоенный Томми не смог скрыть радости:

— Ну и слава богу, слава богу.

С легким сердцем он переключил внимание на крыльцо и увидел Эрику и ее парня.

— Ха, как я погляжу, Эрика себе хахаля завела.

Безупречный был все еще под впечатлением от случившегося, так что не замечал ничего за тонированными окнами.

— Что? — спросил ОН.

Томми кивнул в сторону ребят. Безупречный посмотрел на крыльцо и... замер.

— Так когда вы должны встретиться с этими людьми и оформить все официально? — Безупречный не реагировал на вопрос Томми. — Эй, друг, ты меня слышишь?

— О чем ты? — наконец откликнулся Безупречный, разрываясь между Томми и происходящим на крыльце.

— Я спросил, когда ты встречаешься с ребятами из «Краун», чтобы подписать контракт?

— А, это... Мы должны встретиться завтра, — сказал Безупречный, ненадолго забыв о своей слежке.

— Тебя подкинуть до конторы?

— Ага, было бы здорово. Завалимся туда вместе.

И приятели пожелали друг другу спокойной ночи и попрощались в особой мужской манере — жестким ударом-объятием, куда более горячим, чем традиционное рукопожатие, но и не таким интимным, как обычные обнималки.

Томми отъехал, Безупречный помахал ему рукой. Увидев брата, Эрика и ее приятель чуть отодвинулись друг от друга; девушка едва заметно улыбнулась, уже догадавшись, на что надеялся ее парень.

— Майкл, ты вернулся, — поприветствовала она брата.

При виде Безупречного ее приятель выказал обычные знаки уважения к брату своей потенциальной девушки; промелькнувшее в его теноре восхищение свидетельствовало о том, что и об успехах Безупречного у ми-

крофона он тоже был слышан.

— Йо, как жизнь, Безупречный? — поздоровался он, протянув руку. Безупречный небрежно пожал ее. — Видел тебя в «106». Ты хорош, чувак, хорош.

— Спасибо. — Ответ Безупречного был таким же безразличным, как и рукопожатие.

— Ты же сегодня выступал в финале. Ну и как прошло?

— Нормально, — сказал Безупречный, не сводя глаз с Эрики, будто ее парень был просто надоедливой мошкой. — Привет, Эрика. Смотрю, ты сегодня припозднилась.

— Как и ты, Майкл, — усмехнулась девушка с едва заметным сарказмом.

— Ну, у меня были причины.

— И у меня тоже.

Вспомнив о своем спутнике, Эрика снова обратилась к нему:

— В общем, я просто здорово провела сегодня вечер. Так что ты мне позвони, может, потусим еще вместе.

— Ага. Так и сделаю.

Парень знал, что пора прощаться, но его чувства не давали ему просто так уйти. Он-то рассчитывал поцеловать ее на прощанье, как положено, или хотя бы обнять. Но, глянув на Безупречного, который смотрел на него как солдат на вошь, парень решил обойтись без всего этого и стал спускаться по ступенькам по направлению к калитке. Эрика открыла дверь и зашла в дом. Следивший за ней Безупречный тоже направился было домой, но все-таки развернулся и окликнул парня. Тот тут же бегом вернулся.

— Йо, в чем дело, Безупречный? — спросил он.

— Эй, послушай. Ты мужик, и я мужик, так что давай называть вещи своими именами.

— Согласен.

— Я знаю, чего ты добиваешься.

— В смысле?

— Ниггер, не строй из себя идиота. Думаешь трахнуть мою сестренку!

— погоди, остынь, чувак. Ничего такого я не думаю, — пробормотал паренек.

— Ага, так ты, значит, не хочешь трахнуть мою сестру?

— Слушай, я не говорил ни того, ни другого. Могу только сказать, что она мне нравится.

— Так все-таки хочешь трахнуть?

— Эй... ты передергиваешь мои слова.

— Не-а. Мне вообще плевать на твои слова; меня твои помыслы волнуют.

Слушай, я в курсе, что моя сестра очень красивая девушка. И любой урод от нее бы не отказался. Но, блин, она не из таковских, моя сестра — это тебе не какая-нибудь шлюха или девка.

— Да знаю я. Поэтому она мне и нравится.

— Это почему? Хочешь быть тем, кто ее попортит?

— Да нет, чувак, не в этом же дело.

— Да в этом, именно в этом. И ни хрена этого не будет. Знаешь, что? Будь умницей и не вздумай ей звонить или приходить сюда. Никогда!

— Эй, друг, ты же это не серьезно...

— Бля, еще как серьезно! Все, я закончил. Спокойной ночи!

И пока ее поклонник не успел вставить хоть слово, Безупречный развернулся и зашел в дом. А обалдевший ухажер остался в одиночестве стоять у ворот. Постоял немного, да и пошел восвояси.

Внутри дом излучал уют, между симпатичными диванами с цветочной отделкой стояла мебель из добротного дерева. Безупречный вошел в гостиную и увидел мать, дремлющую на большой софе. Сразу налево шла лестница на второй этаж, застеленная красной дорожкой. Еще левее — столовая, а дверь прямо напротив вела в кухню. Едва Безупречный успел войти и закрыть за собой, Эрика заговорила с ним с лестницы.

— Ну и что ты сделал, Майкл? Что ты сделал? — напустилась она на брата.

— Это ты о чем? — ответил он с ухмылкой.

— Сам знаешь. Ты с ним на улице разговаривал — и о чем же?

— Просто пожелал братишке спокойной ночи.

— Ага, конечно. Мам! Майкл еще одного парня отпугнул!

Мать очнулась и запахнула халат. Это был один из ее редких выходных. Когда работаешь на двух работах сразу, сон становится роскошью. Вот почему ее лицо выглядело таким заплывшим и усталым, хотя ей было чуть за сорок. Привыкшая к бодрствованию, она не могла полностью расслабиться. Потревоженная в своей полудреме, она сонно пробормотала:

— Майкл, я уже тебе говорила насчет мальчиков. Оставь сестру в покое.

Пусть живет своей жизнью.

Безупречный, включаясь в игру, возразил:

— Мам, да ничего я не делал, клянусь.

— Да уж, конечно. Ладно, посмотрим, — добавила Эрика и стала подниматься к себе, метнув сердитый взгляд на Безупречного.

Он же переключился на мать. Его распирала гордость за собственное достижение, он хотел поделиться своей радостью. В свои двадцать три Безупречный уже год как не учился. Бросил. Бросил прямо посреди семестра, просто из нежелания учиться. Два года он высиживал однозанятие за другим,

обрабатывая колонки цифр, чтобы стать бухгалтером, и при этом грезил о поэзии. Он сидел, погружившись в диаграммы и значки, а стихи сами срывались с кончика его ручки. Это была его настоящая страсть. Бухгалтера он изображал ради мамы — уважаемая профессия и ответственное занятие. Но ведь ответственность обычно только сковывает. Правду сказать, единственное, что его вдохновляло в этой студенческой жизни, были дважды в квартал устраиваемые конкурсы талантов, которые Безупречный постоянно выигрывал. Словесный дар сделал его звездой факультета, но ранг знаменитости колледжа был для него мелковат. Он смотрел шире, и в конце концов Нью-Йорк позвал его из студенческого городка.

Он хотел большего; не просто зубрить, а научиться. Еще в школе он обожал уроки литературы. Изучил всех великих: от Шекспира и Вордсворта до Хьюза, Энджелу и Санчеса. Майкл восхищался их произведениями, но полагал, что сможет не хуже. Особое, свойственное хип-хопу ревнивое стремление быть первым не отпускало его.

Но бит тоже был частью его души, как и поэзия, и две его страсти счастливо объединились в рэпе. Он любил это занятие, а учебу считал пустой тратой времени. Потому и бросил, к разочарованию своей матери. И весь этот год она изводила сына одной и той же песней. Он нуждался в терпении и вере, а мать гнала его обратно учиться. И не раз, выигрывая баттл за баттлом, но так ничего конкретного и не добившись, он спрашивал себя, не было ли его решение бросить колледж просто глупостью. Теперь, когда он получил контракт, такой вопрос уже не стоял, и Безупречный очень хотел поделиться с матерью хорошими новостями, чтобы она вновь могла смотреть на него с гордостью.

— Слушай, мам, у меня тут новости для тебя.

— Ох, Майкл, если речь не о возвращении в школу, то я даже слушать не хочу. Что ж такое, сынок! Просто тратишь попусту свою жизнь и свои знания.

— Я не трачу попусту жизнь, мамуль. Я хочу воплотить свою мечту.

— Я тебе вот что скажу, сынок. Если всегда делать только то, что хочешь, никогда не будешь счастлив. Послушай меня, возвращайся в школу, повзрослей уже и прими на себя обязательства взрослой жизни. Вся эта рэперская чепуха никуда тебя не приведет.

Безупречный улыбнулся про себя. Но слова жалили, даже несмотря на его сегодняшнюю победу. Неверие матери погасило его энтузиазм, так что он решил ничего ей не говорить — по крайней мере пока.

— Да, мама. Наверное, не приведет.

— Поверь мне, ты же умный мальчик, иди снова учиться. Иди учиться, — повторила она. — А теперь, будь добр, принеси мне покрывало.

Безупречный поднялся наверх, достал из шкафа покрывало и укутал мать. Потом поцеловал ее в лоб, выключил свет в гостиной и тихонько пошел наверх.

Он уже почти добрался до своей комнаты, когда решил зайти к Эрике и все ей рассказать. Сестричка точно оценит. В отличие от матери Эрика всегда поддерживала его точку зрения. Девушка прислушивалась к брату, а он делился с нею своими идеями. Рассказывал ей то, что не смог бы открыть даже Томми, по той простой причине, что все мужики боятся выглядеть слабыми в глазах других мужчин. Сестре он поверял самое сокровенное — то, что ему не хотелось рассказывать женщинам, которые ненадолго появлялись в его жизни. Ни одна девушка не была ему так близка, как сестра. И теперь он жаждал увидеть выражение ее лица, когда она узнает новости.

Он хотел постучать, но дверь была приоткрыта. В глубине комнаты ему бросилось в глаза большое зеркало во весь рост. Там отражалась полуголая Эрика, натягивающая пижаму. Это зрелище застало Безупречного врасплох. Он отступил, переждал немного и только тогда постучал. Видел он ее всего секунду, а картинка перед глазами так и стояла. Она и впрямь выросла в очень красивую женщину.

— Кто там? — отозвалась она.

— Майкл, — ответил Безупречный.

— Ладно, заходи, — разрешила она через мгновение.

Безупречный вошел в ее комнату. Она была точно, как сама Эрика — милая и женственная, но без всяких девчачьих переборов, только трюмо и большое зеркало. Его Безупречный заметил сразу, как зашел. И тут же отвернулся, чтобы уйти от порождаемых им мыслей. Сейчас Эрика была одета в малиновые шорты и футболку. Ему было так неудобно, что он невольно подсматривал за сестрой, что впору было сбежать, лишь бы избавиться от той картинки.

— Что, пришел проверить, не прячу ли я здесь парней?

— Ага, точно. Кто у тебя тут под кроватью? — Безупречный в шутку направился к постели и заглянул под нее.

За это Эрика огрела его подушкой:

— Хватит дурачиться. Я на тебя злюсь. Ну зачем ты?!

— По-моему, он просто тебе не пара.

— Да, только ты так себя ведешь со всеми, кого я привожу.

— Ну, по-моему, они все тебе не пара.

— Ага, конечно. Послушать тебя, так мне надо пойти в монашки.

— А что, не так уж плохо.

Эрика снова шлепнула его подушкой:

— Нечего на мне срываться, если у тебя что-то не срослось.
— Вот так номер. С чего ты взяла, что у меня что-то не срослось?

С прорывающим волнением она спросила:

— Ты хочешь сказать... ты выиграл?
— Ну, может быть.
— Прекрати, Майкл. Говори, выиграл или нет?
— Так точно, — беспечно ответил Безупречный.
— Ты получил контракт? Ты выиграл?!
— Я выиграл.

Сестра подбежала и обняла его — крепче, чем ему в тот момент хотелось бы.

— Ой, я так за тебя рада! Что же ты молчишь?
Безупречный освободился от ее объятий и отступил:

— Ну вот я тебе сообщаю.
— Нет, раньше почему молчал? Почему маме не сказал?
— Да я собирался, но она затянула опять свое «возвращайся в школу», ну и так далее...

— Так что, ты ей не скажешь?
— Да нет, скажу, скажу. Завтра скажу.
— Ох, милый. Наконец-то ты получил контракт, — повторила она.
— Наконец-то.
— Я так за тебя рада, — и Эрика снова обняла его.

Безупречный хотел оттолкнуть ее, но сдался и пригнулся в ее объятиях.

— За нас всех радуйся. Перед нами целый новый мир, абсолютно новая жизнь. Уедем из этого дома, из этого = района. Отныне будем жить только по самому высшему разряду! — Он все же отстранился.

— Вот черт, Майкл, это ж наверняка было здорово. | Жаль, что я не видела.

— Нет, хорошо, что ты не видела. А вдруг бы я проиграл — как бы я на тебя смотрел.

— Вообще ты прав. А что, был риск?

Безупречный задумался, и лицо его стало напряженным — Ганнибал всегда так на него действовал. Если Эрика — свет его жизни, то Ганнибал — тень.

— Это же Бык. С ним всегда тяжело. И я рад, что мне удалось его сделать. Эта глава моей жизни закончена, и больше мне не придется иметь с ним дело.

3

Черный «лексус» Ганнибала переливался в лунном свете, пока он парковался в районе бруклинских новостроек. По времени это было между поздней-поздней ночью и ранним-ранним утром. Ганнибал молча сидел в машине и смотрел в лабиринт многоэтажек Сайпресс-Хилла. Луна и его усталый взгляд делали их величественными. На самом-то деле, как прекрасно знал Ганнибал, они просто убогие.

Он был эмоционально и физически истощен. Он действительно хотел выиграть. Выходя против Безупречного, он осознавал, что просто не будет, но верил, что ему хватит пороха для победы. Он не столько хотел получить контракт, сколько мечтал вырваться отсюда. Проигрыш добил Ганнибала. Он не был уверен, что сможет подняться после такого удара, и не знал, нужно ли ему это. Стоит ли вообще игра свеч? Он видел свое отражение в зеркале заднего вида. Посмотрел себе прямо в глаза. Да, он устал, но если паяться в одну точку, сил не прибавится.

Пошатываясь, словно пьяный, Ганнибал направился по лабиринту к зданию, где размещалась его квартира. Прошел мимо стайки местных пацанов — те встали по стойке «смирно», выказывая ему свое почтение. Для него обычным делом было поболтать с ними, прежде чем зайти внутрь, но сегодня он был не настроен разговаривать. Ему хотелось только проспать эту ночь до утра.

Он вошел в подъезд. Клифту вел длинный коридор, плохо освещенный и насквозь провонявший мочой. Эта вонь была обычным местным запахом, но сегодня она казалась особенно едкой среди облупившихся, набухших от влаги стен, идеальной почвы для плесени и микробов. Ганнибал вызвал лифт и, едва не ваясь с ног от усталости, стал его ждать.

Когда дверь открылась, оттуда вышла привлекательная молодая женщина в очень узких джинсах; каждым своим движением она напоминала о сексе.

— Эй, Бык, милый! Как дела? — поздоровалась она.

Ее голос показался ему резким и неприятным; она гнусавила в манере участников шоу Джерри Спрингера.

— Отлично, — ответил Ганнибал, немного приободрившись.

— На отлично ты не выглядишь, малыш; ты выглядишь усталым.

— Нет, ничего подобного. Я в порядке.

— Уверен? Если надо, я приду и поухаживаю за тобой.

Ганнибал взглянул на девицу и чуть не поддался мимолетному порыву. Но потом вспомнил, как он дико устал и как ему на самом деле неохота сначала кувыркаться с ней, а потом еще и выгонять ее часом позже.

— Нет, подруга, все нормально. Я в порядке.

— Ну ладно, если передумаешь — знаешь, как меня найти. — И она поцеловала его в губы.

Ганнибал промолчал. Девица развернулась и поплыла по коридору, стараясь подчеркнуть свои достоинства и покачивая бедрами.

Едва Ганнибал собирался войти в лифт, как тот захлопнулся прямо перед его носом. Парень с яростью стал нажимать кнопку вызова, но его уже опередили на другом этаже. И тут взбешенный Ганнибал наконец выплеснул в ночь свои чувства:

— Блядь!

Сначала было темно. Ганнибал произнес «свет», и вся комната пришла в движение. Квартира была на удивление большой, с отлично обустроенной гостиной, отделанной в цвете «черный металлик». У стены стоял черный кожаный диван — прямо напротив гигантского широкоэкранного телевизора. Экран был и впрямь огромным, метра на полтора, да еще на подставке высотой в полметра. Ганнибал подошел к телевизору — тот возвышался над ним — и погладил с привычной нежностью, так другие ласкают своих домашних любимцев. Налево от телевизора была кухня, аккуратно прибранная — никаких завалов грязной посудой недельной давности. Ганнибал заглянул в холодильник; его голод поборолся немного с изнеможением и проиграл. Парень направился напрямик в спальню, из-за усталости не услышав исходящих оттуда страстных стонов.

Комната наполнилась светом из кухни, и сразу же Ганнибал увидел силуэты мужчины и женщины, застигнутых в середине акта. Они определенно наслаждались тем, что их интимность нарушена, совсем не обращая внимания на невольного зрителя, как, впрочем, и он не обращал внимания на них. Он спокойно подошел к минибару в углу и приготовил себе выпить.

Девушку он не знал, а парень — это, конечно, был Мук. Если и был у Ганнибала лучший друг, то это Мук. Они были партнерами по бизнесу, делили обязанности в торговле, а иногда соревновались и в постели. Хотя и квартира, и постель принадлежали Ганнибалу, Мук был здесь как дома. Нередко, вернувшись домой, Ганнибал заставлял приятеля за подобным занятием и

обычно был к нему очень великодушен, почти как к брату, но не сегодня: сегодня он устал.

— Йо, Бык, что за хрень? Я тут кое-чем занят, — выдохнул Мук.

Даже не обернувшись, Ганнибал сдержанно ответил:

— Я заметил. Пусть твоя сучка выметается отсюда.

— Да ты шутишь, ниггер.

— Нет, бля, я серьезно. Давайте, оба, валите вон, — јвелел Ганнибал, не повышая голоса. И вышел из комнаты со стаканом в руке, не закрыв за собой дверь и оставив полоску света.

Ганнибал, развалившись на диване, смотрел «Ганнибала». Смотрел, жадно ловя каждое слово с любопытством девственницы, хотя в этом смысле его можно было скорее назвать проституткой — он наслаждался этой картиной уже раз семидесятый или семьдесят второй. Только «Молчание ягнят» он смотрел чаще — за эти годы он подошел уже к сотне. Но такими темпами «Ганнибалу» суждено было побить рекорд. Это была его кровавая психологическая отдушина в реальности. И к тому же герой был его тезкой.

Из двадцати четырех лет жизни последние десять он называл себя Ганнибалом и общался лишь с теми, кто только под этим именем его и знал, так что сам он уже практически забыл, как же его изначально звали. Новое имя стало его сущностью. И хотя персонаж вдохновлял его, Лектером он не был и быть не хотел — он был пожирателем другого сорта. Ну и, наконец, имя просто казалось ему прикольным.

Ганнибал сидел и смотрел с неослабным вниманием, когда из комнаты вышла девушка. Застегивая рубашку и натягивая брюки, она заслонила собой экран. Она была хорошенькая, но Ганнибала волновало только то, что она мешала ему смотреть.

— Привет, Бык, — кокетливо поздоровалась девушка.

— Ты мне телевизор закрываешь, — бросил он раздраженно.

— Ой, прости, прости.

Она поспешила отойти от экрана, а в гостиной появился Мук, темнокожий, как и Ганнибал. Он был с голым торсом и в болтающихся штанах, из которых выглядывала резинка трусов. Сложение у него было как у зека: руки и грудь накачаны, а живот и ноги — нет. Он спокойно прошел мимо телевизора и подошел к девушке, прошептал ей что-то на ухо, поцеловал, потянув за нижнюю губу, потом открыл перед ней дверь и шлепнул подругу по заднице. На это она игриво подмигнула и уже собралась уходить, но сперва попрощалась: «Пока, Бык», — и помахала рукой. Ганнибал и бровью не повел в ответ.

Мук закрыл дверь, подошел и сел в уголке справа от Ганнибала. Он дотянулся до столика и стал сворачивать косяк из остатков марихуаны, лежавших на нем. Не поднимая головы, он спросил:

— Что, ниггер, слил сегодня и взбесился?

— С чего ты-взял, что я слил?

— Да брось ты, я тебя знаю. Выиграй ты, сам бы заявился с двумя сучками и присоединился бы к нам. — Ганнибал молча посмотрел на приятеля. — Ладно, может, и не присоединился бы, но ты понимаешь, о чем я. Ты ведь проиграл?

Ганнибал сделал глоток. Коньяк сегодня горчил.

— Ну, будь ты там, не пришлось бы спрашивать. Спасибо за поддержку. Пока Мук решал, что ответить, повисла неловкая пауза.

— Это был Безупречный? — наконец спросил он.

— Так это ж всегда Безупречный. Иногда он выигрывает, иногда — я. Сегодня выиграл он. И получил контракт.

— Черт, так Безупречному предложили контракт! Вот черт! Да и хрен с ним, забей. Просто вернемся к плану А.

Ганнибал глотнул еще немного горящего напитка и спросил:

— Что за план А?

— О чем, блин, ты вообще думаешь? План А — это то, чем мы и занимались. То, благодаря чему у тебя есть эта хата и понтовая машина. Нам нужно — нет, блин, это тебе нужно — всерьез в этом направлении работать.

— Ага, работать в этом направлении, — в голосе Быка слышался сарказм.

— Да брось, ниггер, не прикидывайся, будто не понимаешь. Ты — один из крупнейших дилеров Бруклина, а собирался похерить все наработанное, чтобы каким-то рэпером стать. Нет, я не спорю, способности у тебя есть и все такое, но я не понимаю, на черта тебе это вообще сдалось.

— Ну и что мне делать? До конца дней своих торговать наркотиками?

— И почему бы и нет, мать твою? Некоторые так и поступают.

— Ага, только все они преимущественно в тюрьге или на том свете.

— Ну, чувак, я был в тюрьге. Такой у нас бизнес, это жизнь. Тоже мне, новость дня — да брось ты.

— Слушай, я этим занимаюсь не для того» чтобы пулю словить или сесть, а исключительно ради денег. Вот и все.

— Так мы и зарабатываем деньги, куда больше, чем эти придурки с ВЕТ*. Сам посуди. Они обычно даже тачки для своих клипов напрокат берут. А у нас машины собственные. Вся эта индустрия — просто пародия на нашу жизнь.

* BlackEntertainmentTelevision — кабельный развлекательный телеканал, ориентированный на афроамериканскую аудиторию.

Эти пидорасы черные утверждают, будто они киллеры. Да они никто! Блин, вот этого-то я и не понимаю — у нас и так есть деньги, тачки и бабы!

— Достали меня эти местные сучки.

— И что? Теперь хочешь трахать какую-нибудь модель за миллион долларов?

— Да я не об этом. Просто я хочу большего. Хватит с меня этой дыры и одних и тех же местных придурков каждый день.

— Эти местные придурки тебя любят и, более того, уважают. Можем куда угодно поехать и на любой улице оставить наше корыто незапертым, не забываясь, что его обнесут. Многие ли твои фальшивые хип-хоп гангстеры могут этим похвастаться? Ну-ну, музыка музыкой, а пусть только кто-нибудь из них попробует козырнуть своими побрякушками не на той улице — сразу нарвется. Бля, вот бы повстречать такого — отымею его по полной, пустой домой уйдет. И ведь никто не говорит, что мы обязаны тут остаться. Хочешь переехать в пригород — валяй. Там как раз большинство наших клиентов живут. Но дело же не в этом, так?

— Прав ты, абсолютно прав. Не в этом. У меня на будущее большие планы, и эта дрянь к ним отношения не имеет.

— Нет, чувак. Нужно последовательно развивать свои перспективы.

— Ни хрена. У меня все нормально с перспективой.

Я вижу картину целиком. Да, целиком. И на данный момент целиком — это я и моя кровать. — Ганнибал прошел мимо Мука по направлению к спальне. Постоял там немного, опустив голову, потом спокойно прошагал к кухонному столу, взял баллон освежителя воздуха и всучил ее Муку.

— Это еще зачем? — спросил тот.

— Топай, смени простыни и выкури это блядство, — ответил Ганнибал с ледяным спокойствием.

— Какого хрена?

— Потому что пахнет, бля, мочой, потом и говном. Выветри это к чертовой матери.

Мук поднялся и, разозлившись, направился в комнату.

— О чем ты вообще говоришь, не знаю... — Тут он что-то унюхал. — Фу, вот дерьмо, — и начал яростно опрыскивать комнату.

Ганнибал вышел на кухню и выглянул в окно на вызывающие приступ клаустрофобии нагромождения жилого массива — изнанку зданий, пожарные лестницы, сохнувшее на веревках белье, алевшее в зареве рассвета. Солнце еще не взошло, но ночь уже кончилась. Казалось, в небе два времени суток воюют за превосходство под неусыпным и невозмутимым взглядом Ганнибала, и он произносит: «Да, я вижу картину целиком».

4

Стоял отличный день, один из тех ясных весенних деньков, которые наполняют радостью оттого, что зима закончилась, и заставляют думать о все приближающемся лете. Хотя весна — время года нестабильное, переменчивое и абсолютно ненадежное. С утра все прекрасно, к обеду просто кошмар, вечером очень приятно, ночью натурально зима, а то еще и дождь зарядит. Правда в том, что весна — она и есть весна, само непостоянство в природе, совсем как чувства влюбленных. Тем не менее, день действительно был отличный.

Безупречный, запрокинув голову, любовался высотками Нью-Йорк-Сити. Уж насколько он был далек от туризма, а гулял по улицам Манхэттена с неприкрытым восторгом. На этой вершине капитализма он нередко ощущал себя песчинкой, затерявшейся в огромном пространстве среди гор денег. Столько бабла, можно в буквальном смысле попробовать богатство на вкус — его олицетворяют даже не сами богачи, а нечто смутное, неосязаемое. Нет ничего хуже для голодного человека, чем чувствовать запах еды, но не иметь возможности поесть. Весь мир смотрел голодными глазами сквозь стеклянные окна этого величайшего ресторана, наблюдая, как посетители наслаждаются обильной трапезой и скорее выкинут кусок, чем отдадут другим. И сейчас посреди всего этого, на подступах к капитализму, стоял Безупречный, и он был приглашен на эту трапезу.

Безупречный и Томми вошли в огромное здание из стекла и железа, офис «Краун рекорде». Друзья были переполнены волнением и осознанием того, что они теперь стали частью этого нового мира. Они направились к стойке охраны; Безупречный тут же обратил внимание на необыкновенно красивую девушку, оформлявшую там пропуск. Так увлекся, что даже не заметил, когда пожилая толстая охранница обратилась к нему.

— Простите, чем я могу вам помочь? — повторила она уже с некоторым давлением.

— Ой, извините. Я немного задумался, — очнулся Безупречный.

— Да я заметила. Что у вас тут за дело, молодые люди?

— У меня встреча с мистером Хеннесси.

— А зовут вас?..

— Майкл, Майкл Уильямс.

Охранница проверила свой список и отрицательно покачала головой:

— Мне очень жаль, юноша, но тут нет Майкла Уильямса.

Безупречный уставился на нее с недоверием; владевшее им еще минуту назад чувство причастности стало уступать место смущению.

— Это, должно быть, какая-то ошибка, — пробормотал он.

Охранница обернулась к красавице возле стойки охраны и улыбнулась ей, приглашая посмеяться над парнем, но та ее веселья не разделила.

Безупречный был готов проклясть эту толстуху, которая украла его уверенность в себе, но он знал, что ее не обойти, вот и прикинулся дипломатом:

— Знаете, что, поищите-ка Безупречного, Безупречного попробуйте.

— Безупречного?

— Вы все-таки посмотрите, — настаивал он.

Тетенька вновь стала проверять по списку — казалось, она не ожидала найти там нужное имя и готова была просто поднять глаза на расстроенного паренька и отослать его.

— Ну кто бы мог подумать! Тут что-то есть про Безупречного Майкла Уильямса, — проворчала она, явно разочарованная.

— Отлично.

Безупречный подозвал к себе Томми, и охранница тут же переключилась на его друга. Безупречный успокоил ее:

— Да он со мной.

— Извините, но если его нет в списке, ему наверх нельзя.

— А вы не могли бы позвонить и уточнить?

— Нет, не могла бы. Такие правила! — как отрезала она.

Безупречный разозлился, он готов был накинуться на эту толстую дуру — ведь она нашла его имя в списке и все-таки упирается! Заметив это, вмешался Томми:

— Брось, ничего страшного. Я тут подожду.

— Ну хорошо. Только это, я как приду на место, pošлю их за тобой.

— Так, вам нужен семьдесят второй этаж. Как регистрируетесь, проходите за угол налево, там лифт, — инструктировала Безупречного охранница.

На пропускном пункте Безупречного ждали металлодетектор вроде тех, что стоят в аэропортах, и огромный охранник.

— Положите все металлические предметы, если они у вас есть, в этот контейнер. Снимите пиджак и туфли, положите их на ленту конвейера, — скомандовал бугай глубоким тенором.

Еще пять лет назад такие меры предосторожности выглядели бы нелепо, но сейчас наступили новые времена, и нелепость стала нормой. Так что

Безупречный беспрекословно подчинился указаниям. Он уже собирался пройти, как его остановили — ту самую красавицу все еще проверяли: другая охранница сканировала ее маленьким детектором. Безупречный наконец увидел красотку сзади и теперь наслаждался этим зрелищем. Потом девушке велели повернуться, и они оказались лицом к лицу, что понравилось Безупречному еще больше. Они встретились глазами, и ему стало жарко. На девушке было обтягивающее платье цвета лаванды, до колен длиной, — оно сидело на ней, как вторая кожа. Безупречный отметил каждый изгиб ее тела, форму бюста, золотую подвеску, которая спускалась в ложбинку между ее грудями. У девушки были дреды, очень ухоженные и собранные в пучок сзади; ее безупречная кожа цвета карамели словно напрашивалась на прикосновение и казалась сладкой на вкус. Кроме того, у нее были аппетитные губы и глубокие карие глаза, широкие скулы и узкий подбородок. Она была просто прекрасна и во многом напомнила Безупречному Эрику.

Охранница наконец закончила с девушкой и отпустила ее. Безупречный беспрепятственно проскочил детектор, надел туфли и пиджак и поспешил клифту в надежде не потерять из виду красавицу. Даже не заговори он с ней, а просто взгляни еще раз... его переполняли эмоции. Завернув за угол, он к своему изумлению обнаружил, что девушка держит для него дверь. Безупречный зашел в лифт.

И тут она произнесла мечтательным контральто:

— Семьдесят второй, да?

— Да, откуда вы знаете?

— Подслушала. К тому же сама туда еду.

Ух ты, так она слушала! Он протянул руку:

— Привет, я — Безупречный.

Она пожала его руку своей, мягкой и нежной.

— Да, Майкл, я в курсе, — ответила она немного кокетливо. Это было странно — Безупречный привык, что по имени его зовут только дома. А эта незнакомка обратилась к нему так по-свойски, прямо удивительно. Но ему понравилось — пусть только так его впредь и зовет.

— Дай угадаю: это ты тоже подслушала, — пошутил он.

Она улыбнулась, он тоже улыбнулся; слова уже вертелись у него на языке, но прежде чем он успел что-то произнести, лифт открылся и девушка вышла.

Это был этаж «Краун рекорде». Фирменный знак компании, словно нос корабля, висел на оконных растяжках. Обычный офисный центр, как и любой другой, с кучей крохотных кабинетов и работающих там клерков. На стенах были развешаны постеры с музыкантами «Краун рекорде»; особенно большой — с Бин Ладеном.

— Ну, увидимся, Майкл, — сказала красавица Безупречному, направившись по коридору в другую сторону. Он понаблюдал за ней, любуясь каждым ее шагом, и прошептал про себя: «Точно увидимся».

— Безупречный! — Кто-то с энтузиазмом окликнул его.

Парень развернулся и оказался лицом к лицу с Хеннесси — белым мужчиной к сорока годам, среднего роста и телосложения, одетым в футболку с портретом Бин Ладена, крутые новенькие линялые джинсы и бейсболку полицейского управления Нью-Йорка. Наряд был про- 5 стой, но ему не подходил — Безупречный, скорее, представлял его в костюме от Армани.

Хеннесси являлся президентом «Краун рекордс» и за время своего правления он полностью изменил работу компании. Раньше «Краун» была вотчиной звезд попсы и кантри, включая «Черри поп» и «Синк-стрит», самых известных бойз-бендов 90-х, чьи альбомы не раз становились платиновыми. Но в новом тысячелетии их популярность стала снижаться. Музыка кантри удержалась на своих позициях, но уже не развивалась, и молодежной ее было не называть. А как известно, журнал «Биллборд» покупает по большей части молодежь.

Хеннесси изменил стратегию и вслед за своими конкурентами взялся за хип-хоп, с головой окунув «Краун» в направление, от которого раньше они держались подальше. С Хеннесси во главе и благодаря агрессивной и не всегда этичной политике, за семь лет «Краун» стала самым прибыльным хип-хоп лейблом, превратив Хеннесси в настоящего магната.

— Мистер Хеннесси, очень приятно видеть вас снова.

— Нет, сынок. Это мне приятно. Ты сейчас на коне. Пойдем ко мне в кабинет.

Хеннесси разговаривал с потрясающей уверенностью и завораживающей мягкостью. Дар ведения переговоров был, наверное, самым главным его козырем. Именно благодаря своему языку он добился таких результатов — он сделал себя сам и достиг самой вершины.

— Секундочку. У меня там друг внизу ждет, хочу его позвать.

— Позовем-позовем. Только давай сначала поговорим.

Настаивать или спорить Безупречному не хотелось.

— Ладно, — ответил Безупречный и последовал за Хеннесси по длинному коридору, вдоль множества кабинетов, пока они не дошли до последнего.

Хеннесси пригласил парня пройти и обернулся к секретарше.

— Джейн, у меня важная встреча, так что не переключай на меня звонки, пока я не разрешу, — сказал он достаточно громко, чтобы только зашедший в кабинет Безупречный наверняка услышал.

— Хорошо, мистер Хеннесси, — ответила Джейн, удивленная, что босс

напоминает ей об очевидных вещах.

Кабинет был огромен, больше обычной гостиной, пол целиком покрывал розовый ковер из тех, в которых ноги утопают по щиколотку. Прямо напротив входа вокруг кофейного столика стояли белые диваны, за ними располагались личный душ и туалет мистера Хеннесси, а слева — стол красного дерева. На стенах висело множество пластинок в золотых и платиновых рамках и море фотографий Хеннесси с различными знаменитостями, от Майкла Джексона до Билла Клинтона. Потрясенный до глубины души, Безупречный с открытым ртом обошел всю комнату, выглянул в окно на всю ширину кабинета. Присел на одно из кожаных кресел, все еще пахнущее новой кожей. Помещение излучало достаток.

— Ну что, произвел я на тебя впечатление? — улыбнулся Хеннесси.

— Да уж, не то слово.

— Ну и отлично, так и было задумано.

Тут Хеннесси заметил, что взгляд Безупречного остановился на полу, за его столом. Там лежал парашют.

— Бред, я знаю, — сказал Хеннесси, прежде чем Безупречный начал спрашивать. — Но времена теперь другие, а я на семьдесят втором этаже. Лучше перестраховаться, чем потом сожалеть, правда? По мне, так разбомбили бы их всех или пересажали... Ладно, сейчас не об этом.

Заявление Хеннесси ошарашило Безупречного, но он решил не обращать внимания.

— Ну, дорогой мой Безупречный, расскажи о себе.

— Ну не знаю. Что тут сказать? Все просто: я читаю рэп и хочу завоевать весь мир.

— Завоевать мир! Вот так, всего-то на всего, ну надо же. Но мне такой настрой нравится. И знаешь почему? Я в тебя верю. Верю, что ты завоеешь весь мир. Как насчет того, чтобы сделать это вместе?

— Ничего против не имею.

— Отлично. Потому что, на мой взгляд, сейчас между тобой и «Краун рекорде» начинаются серьезные отношения.

— Да, я понимаю.

— Ну и здорово, здорово. Приятно, что мы одинаково смотрим на вещи. Ну, Безупречный, расскажи мне о своей семье. Есть семья?

Безупречный удивился последнему вопросу и взглянул на Хеннесси, который смотрел на него, ожидая ответа.

— Да, семья есть, — кивнул Безупречный. — Я живу с мамой и сестрой.

— И что они думают по поводу рэпа?

— Сестра только за, а мама бесится.

— Бесится даже после того, как ты рассказал ей о контракте?

— Ну, я пока ей не рассказал.

— А, ну тогда поверь мне — как расскажешь, все изменится. У меня на тебя большие планы, Безупречный. Ты теперь мой главный приоритет.

— Да бросьте, — засомневался Безупречный.

— Именно. То, что ты выделял вчера вечером, просто гениально. Ты вообще гений. Послушай меня, я был знаком и работал со многими рэперами и должен тебе сказать, никто и рядом с тобой не стоит. Ты — лучший.

— Спасибо.

— Благодарить меня не за что. Я просто констатирую факт. С твоим талантом ты разорвешь всех соперников — с хорошей командой и промоушеном, конечно. А этим мы тебя обеспечим.

— Звучит здорово.

— Это и есть здорово. И даже лучше. Я могу тебя вставить в трек Бин Ладена — с тебя всего шестнадцать строк. Как, справишься?

— Да запросто, конечно, справлюсь. Черт... Бин Ладен, он же сейчас самый крутой в игре!

— Так и есть, но знаешь, что? Ты его голыми руками сделаешь. Судя по тому, что я услышал на демозаписи, ты кого угодно сделаешь. Доверься мне, засветишься и в других треках, мы уже новые продюсируем. Такой ажиотаж тебе создадим, что, когда через девять месяцев выйдет твой альбом, сразу станет платиновым.

— Ухты. Круто.

— Доверься мне. Этого можно добиться быстро, но нужны талант и отличная команда, а у нас все это есть.

— Ну тогда я готов. Давайте сделаем это.

— Вот это я понимаю, подход — то, что надо.

Тут Хеннеси вытащил уже подготовленный контракт и вручил его Безупречному.

— Твои данные уже внесены, так что просто подпиши, и поехали.

Безупречный взял десятистраничный документ и начал его просматривать. Хеннеси указал ему, куда нужно смотреть:

— Там внизу, где галочка.

Безупречный же был несколько подавлен важностью момента:

— Да, просто я хочу немного вчитаться.

— Брось ты. Я понимаю, о чем ты, но нечего там вычитывать. Все, что тебе необходимо знать, — ты получаешь двести пятьдесят тысяч долларов задатка, пятьдесят центов с каждого проданного диска, пятьдесят тысяч сверху, если он становится «золотым», и сто — если «платиновым». Вот так вот, чувак, —

ставишь подпись и превращаешься в богатого человека на полпути к миллионам. Принесешь домой чек на двести пятьдесят косых, и мама, спору, больше слова плохого о рэпе не скажет.

— Ага. Точно, не скажет. Но все-таки мне бы хотелось кое-что просмотреть.

— Ладно, конечно.

Хеннеси замолк, но выдержал секунд семь, не больше, а потом снова влез:

— Это же сделка, парень, и обратной дороги нет. Уйдешь отсюда сегодня, а завтра тебе, может, никто ничего и предлагать не станет. Или ты уже не будешь моим главным приоритетом, потому что тратишь мое время впустую.

— Эй, да в чем дело? Погодите-ка. Никто тут не тратит время впустую, я просто хотел просмотреть контракт.

— Но это и есть трата моего времени, сынок. У меня все уже на мази, только и ждет твоей подписи. Тормозишь одно, другое вообще отменяется. В нашем деле это может стоить миллионов долларов — просто просмотреть контракт, который все равно не обсуждается.

— Ясно.

— Я рад, что тебе ясно. Так что?

Безупречный был в нерешительности, слишком уж резко поменялась ситуация. Хеннеси почувствовал перемену в настроении парня и заговорил помягче:

— Слушай, иди-ка сюда. Хочу тебе кое-что показать.

Он подвел Безупречного к окну и вручил ему бинокль.

— Думал сделать тебе сюрприз в честь подписания контракта, но, кажется, имеет смысл сейчас показать. Смотри прямо вниз — видишь там красный джип с бантиком? — спросил Хеннеси.

— Ага, — ответил Безупречный, не отрываясь от бинокля.

— Это «бенц», абсолютно новый, все включено, все оплачено — и он твой.

— Вот черт!

— И это только начало. Я тебе вот что скажу, Безупречный, — на улице полным-полно талантливых ребят, не хуже тебя. Большинство из них просто бездельники или вкалывают с девяти до пяти, а знаешь почему? Потому что испугались добиться своей мечты, побоялись преуспеть. Скажу тебе то, что понял за годы в этом бизнесе: хуже чем «бывший» — только «потенциальный». Не надо быть «потенциальным», Безупречный. Дай-ка спрошу у тебя — что такое деизм, знаешь?

— Нуда, — ответил парень, несколько сбитый с толку таким вопросом. — Это вера в то, что Бог создал наш мир и с тех пор не вмешивается в нашу жизнь, равнодушен к своему творению.

Безупречный узнал это на занятиях по философии. Какое отношение деизм имеет к происходящему, он не понял.

— Ну так вот, меня можно назвать деистом, — продолжил Хеннесси. — Это значит, что я не верю в судьбу, рок, религию и прочую фигню. Не верю в то, что будущее предначертано. Пускай Бог создал мир, но жизнь — в твоих собственных руках, и с ней можно делать, что хочешь. Так что принимай решения, выбирай свою судьбу и не позволяй другим указывать, кем тебе быть. Господь вписал тебя в этот мир, но теперь ручка в твоей руке, пропиши свою жизнь, как тебе нравится, а потом положи это на бит и зарифмуй. Это твой шанс — не упusti его, перестраховавшись. А то очнешься лет так через тридцать на убогой работе, которую ты ненавидишь, с женой, от которой тебя тошнит, и будешь мечтать о том, как могла бы сложиться твоя жизнь. Сделай свою судьбу такой, какой ты ее хочешь видеть. Я знаю, что тебе нужно, Безупречный, я сам такой: возможность жить, любить и процветать. Все, чего бы ты ни желал, возможно, все твои надежды, мечты — просто впиши их в свою реальность. Знаю, что ты думаешь: надо нанять адвоката, надо завести агента, чтобы они за всем следили. Зачем? Чтобы они получали пятнадцать процентов того, что по праву принадлежит тебе? Что ты заработал собственным трудом? Послушай, Безупречный, это твой шанс. Вот контракт, он не обсуждается — исправлений не будет, «Краун» ставит условия. Это твоя возможность — так не упusti ее, давай, выбери будущее, не переживай и помни, что теперь Бог тебе не помеха.

Переварив сказанное Хеннесси, Безупречный глубоко вздохнул, улыбнулся, подошел к столу и подписал контракт. Хеннесси похлопал его по плечу:

— Ну что же, сынок, контракт подписан. А теперь давай завоюем мир, — и он нажал на кнопку селектора. — Джейн, у нас родился сын. Всех сюда, и давай представим нашего мальчика. Я бы выпил. Ты выпьешь? — спросил он Безупречного.

— Конечно.

Все прошло так быстро, что никакой радости Безупречный не ощущал. Правильно ли он поступил? Так все и должно было произойти? Он слышал страшные истории про драконовские контракты, но может, это просто жалобы неудачников? Все, что говорил Хеннесси, выглядело здравым, а джип внизу и вовсе вдохновлял. Но что он все-таки подписал? Это было ему неизвестно и немного пугало.

Хеннесси подвел парня к минибару слева от стола, открыл маленький холодильник и достал бутылку шампанского.

— Какие планы на сегодня? — спросил он у Безупречного.

— Понятия не имею.

— Ну и отлично. Значит, пойдешь на вечеринку. Релиз альбома Сталина в «Голдстейне».

— Круто! — Что угодно, лишь бы отвлечься от произошедшего.

— Ну, как насчет «Кристала»? «Кристал» пробовал?

— Нет.

— Ну, дружище, отныне только «Кристал»! — Хеннеси откупорил бутылку, и немного шампанского выплеснулось на пол. — Ухты, — прокомментировал он.

Он вручил Безупречному бокал, наполнил его. В этот момент Джейн привела в кабинет пятерых людей, среди которых Безупречный узнал красотку из лифта.

— Так, народ, подходите и давайте отпразднуем появление на свет нового артиста «Краун рекорде». Все - это Безупречный, Безупречный — это все. Команда, которая сделает тебя номером один.

Безупречный обменялся со всеми приветствиями, особое внимание уделив красавице. Как только он снова увидел девушку и дотронулся до нее, страхи стали испаряться. Теперь его волновали только глубина ее глаз и сияние ее кожи.

— Это Триш. Она будет твоим пресс-секретарем. Она в «Краун» новенькая, новенькая в этом деле, но уже самый лучший специалист, доказательством чего служит ее работа с Бин Ладеном. Без нее никто бы Осаму от Саддама не знал. Не знаю, откуда она взялась, но я не представляю, что я без нее делал бы.

Триш — милое у нее имя. Хотя разве в нем дело? С ее формами любое имя заиграло бы. Безупречный не переставал думать о девушке, пока Хеннеси продолжал знакомить его со всеми — от маркетинга и медиа службы до стилиста. Имена были у всех, но запомнил Безупречный только одно: Триш. Божественное создание, само совершенство. С ней рядом Безупречный куда легче принимал свое только что подписанное будущее.

5

Ганнибал сидел, скрестив ноги, перед своим гигантским телевизором и смотрел «Ганнибала». Семьдесят третий раз. Дело шло к развязке — на экране разворачивалась сцена, в которой Лектер кормит агента Крендлера его же жареными мозгами.

«Вот-вот, так ублюдку и надо», — пронеслось в голове Ганнибала.

В этот момент в квартире появился Мук с двумя итальянцами, с виду постарше его самого, — дверь была заперта, но у Мука имелся свой ключ. Ганнибал молча кивнул вошедшим, он прекрасно знал и Джерси, и Якобинца. Джерси был ему вроде босса — худенький мужчина с размахом, харизматичный и крутой, как и положено профессиональному гангстеру. Киллер, который вызывает восхищение; хотя Джерси был не совсем и киллером — за последние годы он лишь организовывал убийства, но сам их редко совершал. Для этого существовал Якобинец — повыше, потолще, потупее. Он во всем подражал Джерси, даже одевался так же — в тот день на обоих были серые костюмы. Джерси любил называть себя бизнесменом; он занимался азартными играми, строительством, канализацией и наркоторговлей, за которую в Бруклине отвечал Ганнибал. А его босс контролировал многомиллионные операции по отмывке денег с таким профессионализмом, что они выглядели практически законными.

— Как жизнь, Бык? — поздоровался Джерси.

— Ну, как идут дела? — Как и положено, Якобинец вступал только после того, как выскажется Джерси. Якобинец был правой рукой Джерси, его кузеном и, если не считать костюма, его точной копией.

— Дела отлично, господа. Чему обязан вашим визитом? — спросил Ганнибал, не вставая с дивана. Мужчины стояли прямо перед телевизором, закрывая экран, и Ганнибала это бесило. Будь на их месте кто-нибудь другой, он бы уже рывкнул, но с Джерси он свое место не забывал.

— Ты же нас знаешь, Бык. Мы любим быть в курсе того, как работают наши инвестиции, чтобы убедиться, что все идет хорошо.

— Ну что же, все идет хорошо.

— Да, я не сомневаюсь, но все-таки давай кое-что обсудим.

— Отлично, пойдёмте тогда в спальню, — вмешался Мук.

— Не... лучше на кухню, — сказал Ганнибал, отвергнув предложение Мука.

Он провел всех на кухню, и Якобинец начал:

— Ну, Бык, как наш бизнес?

— Как я и сказал, все по плану, эффективнее, чем когда-либо, — ответил ему Ганнибал, не сводя глаз с Джерси.

— Да-да, я в курсе, — согласился Джерси.

— Тогда зачем вы здесь? Выручку забирать еще не время, к тому же обычно я сам ее вам доставляю.

— Все верно, Бык. Дела в порядке, но мы все-таки беспокоимся. Ты привлекаешь к себе слишком много внимания.

— В каком смысле?

— Со всей этой хип-хоп шнягой, — снова вмешался Мук, и Ганнибал уже начал злиться на своего бесцеремонного друга. Теперь он понял, что происходит, — все из-за Мука. Ганнибал посмотрел на него со значением и вновь обратился к Джерси:

— Поверьте, это ерунда.

— Бык, тебя по телику показывали. И не раз.

— Нельзя заниматься нашим делом и привлекать к себе внимание. Кое-кто начинает нервничать! — подчеркнул Якобинец с оттенком угрозы.

— Я понял, — ответил Ганнибал, не споря.

— Послушай, Бык. Я тебя, парень, люблю. Люблю за то, что ты приносишь мне бабки. — Джерси не лгал, доказательством чего служил его приезд сюда, в Сайпресс, и личный разговор с Ганнибалом. К любому другому он послал бы Якобинца или своих бойцов. — Никто лучше тебя на улицах не справляется, ты мудр не по годам и пользуешься уважением, которое в нашем деле необходимо. Я знаю тех, кто в два раза тебя старше, а так вести дела не могут, — на этой фразе Джерси обернулся к Якобинцу, то же сделал и Ганнибал: намек был понят.

— Но даже самые умные люди порой совершают глупости, вроде этого дурацкого рэперства, — вклинился Якобинец, не заметивший безмолвного диалога этих двоих.

— Короче, на мой взгляд, мы не требуем ничего невозможного. Ты и сам понимаешь, что был не прав. В общем, так: бросаешь свой хип-хоп, и мы, как и прежде, продолжаем работать. Либо-либо, — подчеркнул Джерси.

— Я понял, — снова согласился Ганнибал.

— Точно? — переспросил Джерси.

— Да.

— Замечательно. Ловлю тебя на слове. Друган мой Бык, давай-ка обнимемся, и мы поехали.

Они горячо обнялись, и Джерси с Якобинцем вышли.

— Ну и отлично. А теперь, когда все устаканилось, давай вернемся к работе, - подытожил Мук, чувствуя, что он правильно поступил, призвав Ганнибала на ковер (или, вернее, организовав ему «ковер» прямо дома).

— Пойду прогуляюсь, — сказал Ганнибал; его мутило, он был без сил.

Был чудесный полдень, но тут погода по весеннему обыкновению круто изменилась, начался дождь — не ливень, а так, морось, но все равно неприятно. Правда, пацанам, игравшим в кости на улице у стены дома, он не мешал. Их могло отвлечь только появление какого-нибудь торчка, к которому они тут же кидались, словно гончие. Или сумасшедшего бродяги Джона, который приходил за дозой. В этом и состояла их настоящая работа; а игра в кости была лишь прикрытием, видимостью.

Это была пехота Ганнибала; сейчас из шестнадцати человек на месте присутствовали только девять. Среди них выделялся Терренс — третье звено в связке Ганнибала, посредник между ним и мальчишками. Благодаря своему обаянию Терренс в этой роли смотрелся очень естественно — классический клоун класса, всегда в центре внимания. Этот темнокожий паренек года двадцати одного привлекал не столько внешними достоинствами, сколько, прежде всего, острым умом. Он был очень сообразительный, хоть и без всякого образования. Он родился и вырос в печально известных бруклинских трущобах. Пройдоха, прошедший огонь и воду, воплощение хип-хопа: широченные джинсы, последняя модель «джорданс», свитер от Аллена Иверсона, бандана поверх тугих косичек, шляпа, надвинутая на самую бандану, во рту — леденец на палочке.

Ганнибал вышел из своего дома во двор многоэтажного лабиринта: Сайпресс — сплошной бетон, ничего живого. Ребята вытянулись и вразной затынули:

— Йо, Бык, как дела?

— Нормально, нормально, жизнь как жизнь, чуваки. Кто выигрывает?

— Кто выигрывает — понятно, кто; как обычно надираю им задницы, — ответил Быку Терренс, это у них был ритуал такой. Даже если Терренс проигрывал, что бывало редко, отвечал всегда он. Остальные просто стояли вокруг как истуканы и молчали.

— Круто. Оторву вас на минутку. Надо кое-что вам показать.

Парни окружили Ганнибала, а тот вытащил CD, на котором было просто написано: «Ганнибал: Молчание ягнят».

— Это мой CD, — пояснил Ганнибал.

— Эй, это ты, что ли?

— Да, чувак, и это тоже Бык. Тема что надо.

— Да не вопрос, не вопрос.

— Короче, вот чего я хочу от вас. У меня таких две тысячи для начала, и мне их надо толкнуть. Так что будете ими торговать.

— Да когда нам этим заниматься? У нас и так дел по горло.

— Ага, костей у вас по горло. Дополнительного времени это не потребует. Будете втюхивать их вместе с основным товаром. Нашим же покупателям; белым в особенности.

— Ну а кто не захочет покупать?

— Бля, так заставьте их. Продайте эту хрень. Хоть какими путями. Короче, продаете за десять долларов, четыре оставляете себе. — На это Терренс кивнул, и остальные тоже. — Ну что, уговорились на том?

— Лады, чувак.

— Отлично. Выручку несите прямо мне. Это только между нами, больше никто не в курсе, даже Мук.

Все опять согласились.

— Супер. В общем, коробки стоят внизу, в подвале. Давайте, парни, за работу.

6

Зал «Голдстейн», содрогающийся под грохот тяжелого хип-хоп бита, представлял собой смесь роскоши и упадка. Чрезмерность для ресторана была нормой, а вот такая музыка — в новинку. За столетнюю историю заведения здесь обычно обслуживали под Баха или Генделя, но теперь все решают те, кто платит. И раз бабло, перемещаясь от жанра к жанру, от джаза к року и поп-музыке, наконец дошло до хип-хопа, в «Голдстейне» нового тысячелетия регулярно звучал хип-хоп.

Публика состояла преимущественно из своих, было много тусовщиков, улыбающихся и позирующих направо и налево. В дресс-коде деловой стиль соседствовал с богемным и гангстерским — в эту новую хип-хоп эру мешковатые штаны и грубые ботинки стали шиком. А еще это было что-то вроде выставки достижений прогресса — полный ассортимент дорогущих наладонников, пейджеров и мобильных. Информация передавалась быстрее, чем у Скотти в «Стар треке».

До космической эры было еще далеко, но реальность уже стала фантастичной. Пейджеры и мобильные телефоны потихоньку превращались в часть человеческого тела, вроде руки или, по крайней мере, ее продолжения. Куда ни пойдешь, все было на связи, прямо подсели на эту фишку. И эта зависимость была общепризнанной, как и удивление тому факту, что раньше люди могли жить без связи. И впрямь, как они вообще выкручивались десять, даже пять лет назад? Жизнь была совсем другой, и абсолютно другими казались теперь те, кто технологиями не увлекался. Натуральные динозавры в ожидании своего исчезновения или перед ассимиляцией с боргами*. Безупречный впервые наблюдал такое, и, как всё в первый раз, это было здорово.

Безупречный с Томми зашли в зал через большие белые двери, рассматривая великолепные люстры и колонны до самого потолка, и окунулись в море лиц, приветствуемые множеством симпатичных официанток, предлагающих разнообразные закуски. Юноши восторженно переглядывались и наслаждались этой прелюдией вечеринки, стоя на возвышавшемся на семь ступенек над залом подиуме.

* Одна из рас в фантастическом сериале «Стар трек».

Не успел Безупречный подумать о Хеннесси, как увидел, что тот внизу, в людском потоке, машет ему. Безупречный сделал знак в ответ.

— Слушай, Томми, там внизу Хеннесси.

И они стали пробираться сквозь толпу; компания была разношерстная, разноцветная, преимущественно черные и латиносы, но встречались и белые. Бросалась в глаза какая-то гейская цветистость, и Безупречного это немного раздражало. Плюс, наверняка, здесь не обходится без криминала, пришло ему в голову. Они добрались до Хеннесси, разряженного в шикарную джинсу.

— Безупречный, дружище, как отдыхается? — спросил тот.

— Просто здорово.

— Я так и знал, так и знал. Хочу тебя кое с кем познакомить.

— Здорово — да, кстати, это мой друг, Томми.

Хеннесси и Томми поздоровались и обменялись рукопожатиями.

— Аты, Томми, тоже рифмуешь? — спросил Хеннесси из чистой вежливости.

— Да так, немного. Я по большей части свожу.

— Правда?

— Точно, Томми мою демку спродюсировал, — добавил Безупречный.

— Ну, это достойная работа, — похвалил Хеннесси.

— Спасибо, — поблагодарил Томми.

— Интересно, что ты сумел бы в настоящей студии.

— Да уж, и мне интересно.

— Хорошо, посмотрим... прошу прощения, Томас, мне нужно тут все показать нашему парню.

— Да, конечно, — ответил Томми, несколько разочарованный.

— Эй, я скоро, — бросил ему Безупречный, прежде чем исчез в толпе, оставив друга в полном одиночестве.

Хеннесси не без труда провел Безупречного туда, где стоял Ноа, в ту пору признанный лучшим музыкальным продюсером. Это было новое течение — чтить продюсеров также, как самих исполнителей. В хип-хопе новой волны, посреди всей этой излишней риторики, главным был бит, а не тексты, так что акции продюсеров здорово поднялись в цене. Уже не говоря о том, что срок службы продюсера в разы превосходит срок службы артиста; ведь, по правде говоря, исполнительство — это всего лишь баловство, а продюсерство — это карьера. Ноа не просто сделал хорошую карьеру, он был в индустрии уже более десяти лет и работал только с лучшими, другие не могли себе его позволить. Имя Ноа стало брендом в мире музыки, и само его участие делало трек хитом, добавляло изюминки.

Ноа был не просто человеком, он представлял собой намного большее —

можно сказать, целую продюсерскую корпорацию. В его студиях одновременно работали по семь разных продюсеров, изобретая на своих ASR-10новые клубные хиты. А когда клиент хотел получить фирменный звук Ноа, тот просто прогуливался в коридорах своих студий, слушал то, что предлагают его работники, выбирая наиболее подходящий трек, добавлял туда собственные узнаваемые фишки и загребал авторские права. Затем все это продавалось клиенту за сумму до сотни тысяч за позицию в альбоме: половину денег Ноа отдавал конкретному продюсеру, но права оставлял себе. Даже те, у кого получалось продавать свой бит не дороже пяти тысяч, были все же довольны выплатами и тем, что работают с самим Ноа, как раньше и сам Ноа работал на Адама в качестве его помощника, производящего хиты только за деньги, пока не осознал, что авторские — вещь серьезная и что в этом бизнесе самое важное — занять имя. И с тех пор он уже работал только самостоятельно, с собственным звуком, и вместе со своей командой оттеснил всех остальных участников игры.

Худой, темный, с косичками и в обнимку сразу с двумя красотками, Ноа стоял в самой гуще народа и игрался со своим пейджером, пока не подошел Хеннесси.

— Ноа, мой главный по рычажкам.

— Йо, как дела, Хеннесси? — оторвался Ноа от пейджера.

— Ну, Безупречный тут со мной, вот какие дела. — Услышав свое имя, Безупречный выступил вперед. — Безупречный теперь мой протеже, основной приоритет.

— О, даже так, — удивился Ноа.

— Именно так. — Хеннесси обернулся к Безупречному: — Ноа у нас делает самые крутые биты.

— Да, чувак. Я про Ноа слышал. Отлично с Бин Ладеном поработал.

— Это точно, специально для него несколько фишек придумал. А скоро будет работать с тобой.

— Тебя тут очень хвалят, ты, наверное, ничего, — обратился к Безупречному Ноа.

— Ты и представить себе не можешь, — вклинился Хеннесси, прежде чем Безупречный смог что-то ответить. — Сам скоро поймешь. Ну а пока... Поживем-увидим.

— Поживем-увидим, — согласился Ноа.

Безупречный в их компании ощущал себя заморышем среди гигантов и старался лишнего не говорить.

— Ну, до встречи.

Ноа попрощался с Безупречным, и они с Хеннесси двинулись дальше.

— Я тебя еще много с кем хочу здесь познакомить, — сказал Хеннеси, пока они продирались сквозь толпу, мимо множества лиц, знакомых Безупречному по клипам, журналам и прочим СМИ. А про неизвестных ему он понял, что они — влиятельные теневые фигуры: это было заметно по тому, что при всей своей анонимности они были окружены настоящей свитой. И постепенно он узнал, что ему предстоит познакомиться со всеми ними, что именно они будут его окружать и ублажать. Этот мир будет принадлежать ему — вот что происходит; Безупречный это кожей чувствовал, ощущал всем нутром.

Так уж в последнее время повелось, что стоило Безупречному всерьез о чем-то задуматься, как он встречал Триш — так оно опять и вышло. Она выглядела сногшибательно в черном обтягивающем мини-платье, открывавшем стройные ноги. С ней были трое подруг, каждая по-своему красивая, но для Безупречного они служили лишь оправой к ее совершенству.

— Привет, Триш, дамы, — поприветствовал Безупречный.

— Мистер Хеннеси, Майкл, — сказала в ответ Триш. Ну вот, снова она назвала его по имени. Выглядело это неуместно, но все равно было мило — наверное, потому, что шло из ее уст. И ему вдруг стало интересно, какая она на вкус.

— Какие на сегодня планы? — спросила Триш.

— Так, знакомиться и общаться, знакомиться и общаться. Ты же знаешь наш бизнес, — ответил Хеннеси.

Да, но это же можно сделать в любое время... — Она на мгновение замолчала и взглянула на Безупречного, а он, конечно, посмотрел на нее в ответ. — А ничего, если я одолжу нашего парня на сегодняшний вечер? Зачем сразу мучить его всем нашим народом.

— Думаешь? Ну, это не от меня зависит. Безупречный, ты что об этом думаешь?

— Да без проблем.

Хеннеси так быстро закончить не планировал, он бы и сам с Безупречным вместе походил-пообщался. Но с гормонами лучше не спорить — это спор априори проигранный.

— Ну что ж, тогда закончим наше знакомство с индустрией в другой раз.

— Отлично, — ответила Триш.

Хеннеси попрощался с ними и удалился, быстро затерявшись в толпе. Триш обернулась к своей компании, и девушки беспрекословно покинули их. Тогда она взяла Безупречного за руку и повела его сквозь толпу, время от времени останавливаясь, чтобы быстро обменяться с кем-то приветствиями. Безупречный растерялся и не знал, что и говорить.

— Может, свалим отсюда? — предложила она.

— Нуда, конечно, а куда?

— Да пока не знаю, просто хочу сбежать от всей этой толпы.

— Ладно, только я с другом пришел, надо ему сказать, что я ухожу. —

Безупречный оглянулся и понял, что он далеко от того места, где остался Томми. — Мне нужно его найти.

Он даже не представлял, в каком же направлении идти, а если Томми где-нибудь заныкался, так его вообще не найдешь.

— Мобильный у него есть? — поинтересовалась Триш.

— Ага.

— Ну так позвони ему. Иначе вечно его тут будешь искать.

Она протянула ему телефон. Безупречный отошел, чтобы позвонить, зажал уши. Но через минуту вернулся к Триш.

— Поговорили?

— Нет, не дозвонился. Оставил ему сообщение, надеюсь, получит.

— Ну, теперь ты готов?

— Да.

— Тогда пошли.

Безупречный и Триш вышли на улицу в потоке людей, снующих туда-обратно. Прекрасный весенний день превратился в прохладную зимнюю ночь. Мороз застал Триш врасплох — она была одета по поводу, а не по сезону.

— Господи, холодно-то как! — пожаловалась она, стуча зубами, и тут же крепко прижалась к Безупречному.

Она сделала это инстинктивно, не планируя соблазнить, просто в его объятиях было комфортнее. И она не к каждому с такой легкостью бросилась бы.

Ближе за все это время они еще не были; так близко, что Безупречный мог ощутить полноту ее груди, прижатой к нему, ее сосков, щекочущих его торс. Было приятно, даже слишком, и он немного отодвинулся от нее — а вдруг ее обидит, если у него встанет.

— Прости, не хотела так нападать на тебя, — смутилась она.

— Да все нормально, нормально. Поверь мне, ничего против таких атак я не имею. Одолжить тебе мой пиджак?

Триш улыбнулась в ответ на его галантность.

— Большое тебе спасибо, — ответила она и тут же укуталась, а потом спустилась по лестнице к швейцару и вручила ему билет. Он ушел, и через минуту подъехал серебряный «камри».

— Ты поведешь? — спросила Триш Безупречного.

— Я не вожу, — ответил он.

— Да ладно, — удивилась она немного.

— Правда, не вожу, — вынужден был подтвердить Безупречный, несколько смущаясь.

— А это мило, — сказала она с улыбкой, а он так и не понял, пожалела его Триш или похвалила, — но ее улыбка склоняла его к последнему.

И тут загредел гром, заревели басы — приехал Сам: на восемнадцатиколесном грузовике к «Голдстейну» со всей помпой и прочим цирком подкатил его величество Сталин. Огромный мужчина, чрезмерный во всем. У многих есть рекламные фургоны, у него же был восемнадцатиколесник, всеми колесами наружу, чтобы сам вид ужаснул рекламной кампанией нового диска Сталина. Внутри размещались огромный телевизор, диван, стереосистема, бар, джакузи и прочий антураж, равного которому ни у кого не было. Сталин был сам себе праздник.

Грузовик подъехал к специальной площадке, и Сам со товарищи стал выходить. Сталин напоминал луковицу — такой же светлокожий и лысый; а еще ненасытный — оглядел Триш так, словно она была куском мяса. Он подошел к девушке перекинуться парой слов, с ног до головы осматривая Безупречного в поисках изъянов. Безупречный ответил на вызов и устался на рэпера с похожим упорством. Тогда Сталин прекратил играть в гляделки и обратился к Триш:

— Как дела, лапочка? Как жизнь, Триш?

— Да все работа, работа, Сталин. Ты же знаешь.

— Да-да. А это кто? — спросил он, кивнув на Безупречного и не переставая пялиться в ее декольте.

— А, Сталин, это же Безупречный. Он только что подписал с «Краун» контракт.

— Правда... Безупречный, говоришь? — рассмеялся Сталин.

— Да, Безупречный, — ответил Безупречный.

— И это типа в каком-то смысле, да?

— Это во всех смыслах, — твердо ответил Безупречный. Не нравился ему этот громила, совсем не нравился.

Сталин попытался понять, что же имел в виду Безупречный, но бросил.

— Не важно, ниггер, не важно. — Потом он снова переключился на Триш: — Ну че, Триш, когда ты наконец бросишь этого бездельника Бин Ладена и начнешь работать со мной? Точняк, с этим альбомом я на новый уровень выхожу. Минимум пять платиновых, сто пудов.

— Ну, Сталин, ты же знаешь, босс у нас Хеннесси, и сейчас он хочет, чтобы я занялась Безупречным.

— Ах даже так?

— Кажется, так.

— Круто, ну ладно-ладно. — Сталин снова оглядел Триш снизу доверху и, прикусив нижнюю губу, спросил: — Так когда ты перестанешь меня динамить и наконец дашь, Триш?

— Спокойной ночи, Сталин, — резко ответила Триш на его нелепое предложение.

— Ну как хочешь, сучка, тебе же хуже, — бросил он на ее отказ. И затем обратился к своим ребятам: — Ну, парни, поехали.

С этими словами Сталин с компанией наконец отчалили и при полном параде направились на вечеринку.

Безупречный наблюдал за ними, все еще не до конца остыв от стычки. Триш мягко положила ладонь ему на щеку и легонько развернула к себе его лицо:

— Ну, ты в порядке?

— Да, все хорошо, — ответил он.

— Не переживай из-за этого, Майкл. Даже не думай. Ты его сделаешь. Ты всех здесь сделаешь. Да ты уже и сейчас их обходишь, в разы. — Ее слова ласкали слух парня, умиротворяли; уже очень скоро он думал только о ней.

Они сели в ее джип и какое-то время просто смотрели друг на друга. Нечасто встретишь кого-то, в чьем присутствии так уютно помолчать. Так что они просто глядели друг на друга, наслаждаясь моментом, пока сзади им не просигналили, чтобы трогались.

— Ну, куда направимся? — спросила Триш.

— Куда угодно.

— Я подустала. Не против, если мы просто заедем ко мне?

— Нет... совсем не против.

— Отлично, тогда поехали.

Безупречный и Триш поднимались в ее квартиру, скромно держась за руки и ощущая покой и комфорт в компании друг друга, пусть они и были знакомы меньше суток. Она жила в особняке в Форт-Грин, в Бруклине. Форт-Грин считался перспективным районом, там селилась богема. Правда, престижное соседство отражалось на цене, но Триш могла себе это позволить. Ей было двадцать пять лет, она уже состоялась в профессии и вообще по жизни, в «Краун» ей хорошо платили. Она была женщиной нового типа, нового тысячелетия — независимой, самодостаточной в материальном смысле; сердечные дела — другое дело.

Внутри было темно. Она нащупала выключатель, включила свет, и Безупречный оказался посреди шикарной гостиной, представляющей собой смесь африканского стиля и «ИКЕА». Везде царил коричневый цвет, во всех

его оттенках — от паркетного пола до бежевых диванов, от кирпичных стен до вырезанных из дерева африканских болванчиков, то ли приехавших с другого континента, то ли купленных в магазине за углом. Комната выглядела очень естественной, оживленной предметами искусства и обстановкой. На стенах друг напротив друга висели оригиналы Мшиндо*, создавая определенный баланс красоты. Словно мечта, застывшая прекрасная реальность в сиреновом флере.

— Ух ты, отличное местечко, — сказал Безупречный, осматривая комнату.

— Спасибо, — ответила Триш. — Подожди секунду.

Она подошла к автоответчику. Когда она наклонилась, косички упали ей на лицо, и она поправила их движением, которое Безупречного возбудило. Подталкиваемый своими желаниями, он медленно направился к девушке и остановился позади нее, всего в нескольких дюймах. Триш не ощутила его присутствия, потому что была занята прослушиванием сообщений.

Послышался мужской голос:

— Триш, я тебе уже сотый раз звоню. Малышка, я так больше не могу, нужно увидеться. Мне надо... — Тут речь прервалась, потому что Триш удалила сообщение. Она чуть покачнулась всем телом, и ее зад, приподнявшись, легонько задел Безупречного. Она наконец почувствовала его близость и замерла.

Он заговорил с ней почти шепотом:

— И кто это был?

— Никто, — ответила она так же тихо.

— Бывший.

— Вроде того.

— Я понимаю его чувства.

— Да ладно.

— Я бы тоже переживал. И еще... а кто тебе я?

— Майкл, ты будешь тем, кем хочешь.

— А кто ты?

— Я просто Триш, не более и не менее.

— Я не знаю Триш.

— А хотел бы узнать?

Безупречный сказал ей на ухо:

— Думаю, да.

Он уткнулся ей в шею, вдыхая ее аромат:

* Мшиндо Куумба Ай — современный художник и дизайнер африканского происхождения.

— Как же ты пахнешь.

— А каков же ты на ощупь, — подхватила она, лаская через джинсы его бедра.

Безупречный медленно стянул лямки ее платья с плеч, и оно медленно соскользнуло к ее ногам. Бюстгальтера она не носила, на ней остались только стринги. Его руки последовали вниз, накрыли грудь девушки, двинулись дальше по изгибам ее тела, до талии, потом опустились ей на бедра.

Безупречный резко прижал Триш к себе. Он уже окончательно возбуждился, она тоже. И поздно стало размышлять — правильно ли они поступают. Они только сегодня познакомились, но чужими друг друга не чувствовали. И как ни странно, она без сомнений или неловкости готова была поделиться с ним своим телом. Признаться, Триш отличалась темпераментом, но даже для нее это было слишком — очень уж быстро развивались события, пусть это и казалось правильным. Почему? Она не знала, она просто отдалась чувствам, и это было приятно. Когда Безупречный смотрел на нее, она не могла не ответить на его взгляд — словно сетчатка глаза была идеальным проводником прямо к сердцу. В его взгляде сквозило какое-то умиротворение, покой, которого она не встречала ни в одном другом мужчине. Триш ясно поняла это, лишь увидев его тем утром. Это чувство комфорта все делало каким-то нереальным.

— Скажи, Майкл, думаешь, ты смог бы полюбить меня? — спросила Триш Безупречного.

Вот уж чего он не ожидал услышать — шок даже несколько остудил его. Девушка ему очень нравилась, так что вопрос прозвучал даже трогательно. Но все же мысль о любви в самый разгар похоти казалась странной.

— А при чем тут любовь? — спросил он.

— При том. Так думаешь, смог бы?

— А сама-то ты смогла бы? — переадресовал он ей вопрос.

— Как ни странно, да.

— Почему? С чего ты взяла? Ты же меня совсем не знаешь.

Тогда она обернулась к Безупречному и нежно поцеловала его.

— Не знаю, просто мне так кажется. Я это вижу.

— Видишь, что?

— Да как тебе сказать... А ты что сейчас видишь?

— Не знаю, Триш, я вижу тебя рядом с собою.

— И как ты себя чувствуешь?

— Лучше, чем когда-либо.

Он желал ее весь день, может, даже до того, как они познакомились. То, что она сейчас была в его объятиях, казалось нереальным. Слова

Безупречного польстили ей, она удержала его руки на своей талии, чтобы ее тело не отвлекало его.

— Так скажи, Майкл, думаешь, ты смог бы полюбить меня?

Он притянул ее к себе и, сам не понимая, что говорит, просто поддавшись моменту, произнес:

— Да, кажется, смог бы.

7

В лабиринте Сайпресса было пасмурно, надвигался дождь. И по цвету облаков Терренс понимал, что мелкой Иморосью не обойдется. Он с другими парнями был по обыкновению занят игрой в кости. Но тут уголком глаза, сквозь шум и гам, он заметил знакомую машину, подъезжающую к парковке. Вспомнив об обязанностях, он собрал с бетона свой выигрыш.

— Ладно, ребята, я пошел, так что оставьте себе свою мелочь. — Рассовав добро по карманам, Терренс направился прочь.

— Йо, Ти! Ты же дашь нам шанс отыгаться? — крикнул ему вслед один из игроков.

— Какое отыгаться? Ниггер, проиграл — так смиришься с этим. Блин, вам еще повезло, что я вас не до трусов раздел.

Терренс вытащил свой плеер и напялил наушники. Через пару секунд музыка заиграла достаточно громко, чтобы погасить все остальные звуки в районе. Терренс не слышал пацанов, все еще клянчивших у него реванш, мамашу, нудно предостерегающую своего малыша от всякой ерунды, подростка, угрожающего собственной девушке, полицейскую сирену. Не слышал гуляющую неподалеку пару с новорожденным, проповеди для молодежи от местного растафари, комментарии увлеченных шахматистов, смех детей, играющих в пятнашки. В этом мире скудной растительности, дешевого кирпича и неухоженных домов Терренс был глух ко многим вещам, но зрению хватало. Пока он шел к припаркованному БМВ, ничто не ускользало от его внимания, он чувствовал себя как рыба в воде.

Когда он подошел, сидевшие в машине белые поздоровались. За рулем был блондинчик, на пассажирском сиденье и сзади — две брюнетки. Все трое — этикие жуткие провинциалы.

Терренс подошел со стороны пассажира и склонился к машине: в наушниках орет музыка, а он просто молча стоит-отдыхает. Это были его хорошие знакомые, одни из лучших клиентов. Каждую неделю в одно и то же время приезжали за своей дозой. Иногда покупали экстази, порой — героин, изредка кокс, несколько раз кислоту и всегда — марихуану, или ганджу, как они ее называли, поскольку носили футболки с портретом Боба Марли, а может, просто из-за модного жаргона.

Эми, брюнетка с пассажирского места, крикнула:

— Эй, Ти, как дела?

Терренс не ответил, погрузившись в музыку. Дэррин, водитель, перегнулся через салон и повторил приветствие:

— Ти, ты нас слышишь, чувак?

— Ты, ниггер, сказал что-то? — откликнулся Терренс, снимая наушники.

— Нуда, мы типа здоровались, — проворчала Эми.

— А, да, извините. Я просто так проперся от этой темы — зови меня мама, не услышал бы. А у мамыши глотка — дай боже.

— Понятно, дружище, понятно, — кивнул Дэррин.

— А че там, новый трек Бин Ладена? — поинтересовалась Эми.

— Бин Ладен! Я тебя умоляю, да этот перец выкурит Бин Ладена и надерет его талибскую задницу.

— Правда, что ли? — удивился Дэррин.

— Да точно. Вот, послушайте.

Терренс вынул диск и протянул его на ладони, как подношение. Эми взяла его с улыбкой и передала Дэррину. Тот, однако, брать не стал:

— Слушай, Ти, нету нас времени.

— Да не так уж это и долго.

— Ну, Дэррин, успокойся. Давай послушаем, — поддержала Терренса Эми.

— Ну, Дэррин, успокойся, — повторил Терренс.

Они с Эми понимающе переглянулись, пока Дэрринвставлял диск. Начался глухой бит, а потом вступил узнаваемый голос Ганнибала. Через минуту все уже качали в такт музыке головами.

— Не хуже крэка пробирает, правда? — отметил Терренс.

— Да, чувак, крутая тема.

— А кто это? — спросил Дэррин.

— Друг мой, Бык.

— Бык. Вот это дурь, — сказала Эми, все еще кокетничая с Терренсом.

— Дурью он и занимается, вернулся снова в бизнес.

Дэррин был рад, что Терренс сменил тему и заговорило том, ради чего они и приехали. Сколько бы он сюда ни приезжал, всегда чувствовал себя некомфортно, каждый раз его так и тянуло свалить побыстрее. Он возвращался только потому, что был уверен в качестве товара Терренса. Хорошего дилера, как хорошего доктора, менять не хочется, особенно если привык к его лекарствам.

— Ну че, Ти, товар у тебя есть?

— Бля, я, между прочим, профессионал. С чего бы у меня не было товара?

— Отлично,

Дэррин полез в карман за деньгами, пока Терренс переключился на Эми:

— Значит, проперло тебя от моего Быка?

— Да уж, чумовая хрень.

— Точно, просто чума. Короче. Я могу продать.

— Правда? И почему?

— Для тебя, подруга, только десяточка.

— Я возьму один.

— Вот молодца, люблю я вас, ребятки. Просто здорово. А знаешь, что? У меня их много. Может, возьмешь штук десять?

— Десять? — выдохнула она удивленно.

— Да, десять, — спокойно повторил Терренс.

— Терренс, ты что, всерьез хочешь, чтобы она купила себе десять дисков?

— вмешался не к месту деревенщина Дэррин.

— Ну что ты, конечно, нет.

— Вот и отлично.

— Зачем одной ею ограничиваться. Э нет... вы каждый по десять возьмете!

— заявил Терренс, особо подчеркнув слово «каждый».

— Каждый! Да какого хрена? Ты идиот, что ли?

— Ниггер, это ты про меня сказал?

Эми попыталась/разрулить ситуацию.

— Да нет, он не имел это в виду, — успокоила она, похлопав Терренса по руке.

— Надеюсь, что не имел. А то я покажу ему идиота. Сам он полный идиот, если считает, что сможет выбраться отсюда целым и невредимым без моего разрешения.

— Ты гонишь! — не поверил Дэррин.

— Не, бля, я серьезно. Че я тебе, гребаный комик какой, тоже мне! Я, блин, совершенно серьезен. Тридцать CD, по десятке каждый, равняется трем сотням. Плюс две сотни за обычный товар, и в сумме мы имеем...

— Пять сотен!

— О, смотри, быстрее меня посчитал. Вот что значит образование.

— Нет у меня с собой столько.

— Вот для чего нам нужны друзья, чувак. Давайте, скиньтесь все вместе. По-быстрому, у меня дела, игра в кости ждет. А пока дайте мне Майкла нашего послушать.

Терренс достал диск Майкла Джексона и сунул его в плеер. Дал ребятам на углу знак, чтобы тащили тридцать дисков. Те принесли их и положили на заднее сиденье машины, напугав до смерти робкую девушку, сидевшую там, а потом вернулись опять на угол.

Музыка играла громко, и Терренсу захотелось выступить.

— Вот, вот классный момент, — и он начал подпевать: — «My life will never be the same, 'cause girl you came and changed, the way I walk, the way I talk, I cannot explain...»

Тем временем троица в машине препиралась. Дэррин не желал уступать, но девушки в итоге пересилили и уговорили его. После чего все они покопались в карманах и собрали наличные, которые Эми вручила Терренсу.

— Класс, класс. Как за вами не приглядывать? Ну давайте, хорошего денька и счастливо добраться домой. До следующей недели.

— Ну и че нам с этими дисками теперь делать? — огрызнулся Дэррин.

КНИГА

ВТОРАЯ

8

*Эй, я бесстыжий, чувак,
Трахну фанатку И даже ее маму сладкую.
А если задница у нее не катит,
Я найду, как отличиться,
Сумею своего добиться:
Спущу ей в руку Залп за залпом.
Девочек сладких здесь не счесть,
Так и хочется всех их съесть —
Нет, не съесть, просто укусить...*

— Йо, Нью-Йорк. С вами бог Ра, здесь и сейчас, на частоте самых горячих хип-хоп и г'н'бхитов, «WHRU», — голос ди-джея зазвучал громко, заглушая текст, пока постепенно бит не затих совсем. — А что это значит? Это значит, что у нас играет исключительно то, от чего искры летят! Никакой посредственности, только лучшие треки. К ним привыкаешь, как к крэку, сидишь, киваешь в такт рэпу. Да, знаю, рифма — отстой, но мне тут за «телеги» не платят. Я рэп не читаю, только диски кручу и верчусь тут среди всяких крутых шишек, вот почему Ра — всегда в курсе, на «WHRU», частоте самых горячих хип-хоп и г'н'бхитов. Йо, поприветствуйте своего бога!

Диджей Ра выдал свою фирменную зажигательную тираду в эфир, обращаясь ко всем слушателям этого диапазона и к остальной своей пастве, с приходом интернета увеличившейся до размеров, о которых можно толькогадать. В его распоряжении были самые рейтинговые четырехчасанаглавномхип-хопрдиоНью-Йоркаи, вполне вероятно, всей страны. Если ты представлял собой в индустрии хоть что-то — или хотел что-то собой представлять, — рано или поздно ты оказывался у микрофона в студии Ра. Он обладал властью возводить, а порой и разрушать музыкальные карьеры. Так что во многих отношениях Ра действительно был богом.

Сейчас Ра — коренастый светлокожий парень лет двадцати восьми, на голове студийные наушники, — сидел лицом к микрофону с внутренней стороны стола в форме полумесяца. Напротив него примостился Безупречный, тоже при наушниках и микрофоне, — ждал, пока его представят. За ним у обшитой панелями стены молча стояли двое представителей маркетингового

отдела «Краун», Малик и Девон. А позади Ра, в звуконепроницаемой кабине, работал звукорежиссер.

— Ну, и кто же сегодня в гостях у Ра? Конечно же, настоящий герой дня, самый обсуждаемый персонаж из всех мне известных, бог ты мой, да вы, друзья, только что слышали его песню перед эфиром — встречайте же: Безупречный! — Представив гостя аудитории, Ра повернулся к Безупречному и начал интервью: — Ну, че как, бог в помощь? Как жизнь?

— Все хорошо, и я рад, что я здесь.

— Ну вот, девочки, вы услышали его голос, можете визжать, — Ра нажал на кнопку и проиграл записанный женский визг. Это вызвало у Безупречного усмешку. — Да ладно, Без, дела ведь идут лучше, чем просто хорошо, правда?

— Да нет, просто все в порядке.

— Конечно, в порядке, коли ты на обложке всех хип-хоп изданий месяца. И все это еще до выхода твоего альбома.

— Что ж, это большое счастье, когда вокруг тебя прекрасные люди занимаются твоим продвижением. И кстати о продвижении — хочу сказать, что как раз сегодня, прямо сегодня мой альбом наконец появится в продаже, так что не пропустите.

— Уж поверь мне, все в курсе, все в курсе. А все в индустрии в курсе, что их конец близок, — чуваки тебя боятся.

— Ну что тут сказать?..

— А нечего тут говорить. Ты отвечаешь своими записями — всех убрал, на каком бы треке ни появился. Вот только что карьеру Бин Ладена загубил. Это, наверное, была самая большая его ошибка — позвать тебя поучаствовать в своей песне. Но как ты все-таки этого добился? И, главное, как ты так быстро все это провернул? В смысле, я помню, вот ты участвуешь в «106» со своим фристайлом, и тут, как разбойник в ночи, — на тебе! — взял и захватил все радиоволны.

— О, это отлично сказано, про разбойника в ночи. Но правду сказать, одному такого не добиться. У меня была помощь — поддержка лейбла и отличный менеджмент. Так что хочу поприветствовать всех тех, кто работает за сценой и благодаря кому происходит движняк.

— Точно, точно. Нужно правильно ситуацию оценивать.

— И кстати о благодарностях — я хочу поблагодарить тебя и остальных чуваков с радио, относившихся ко мне с офигенной симпатией и крутивших мои треки, в результате чего сегодня мой сингл стал номером один.

— Да уж, с симпатией, но благодарить тут не за что. Мы всегда ставим только самые яркие треки, а твои — без всякой балды, — ярче не бывает. И я даже больше скажу: ты на сегодняшний день — самый лучший текстник.

— Ну, Ра, это высокая похвала, с радостью бы сто» бой согласился.

— Поверь, это не только мое мнение. Похвала заслуженная и дорогого стоит. Ну а сейчас грош нам цена, если мы не уйдем на рекламу. Жаль, что не сможешь провести с нами еще часок, но ты человек занятой. Итак, хочу поблагодарить Безупречного зато, что пришел сегодня. Ну и — чувак, здесь всегда тебе рады.

— Да в любое время, чувак. И еще раз спасибо, что позвал.

— Ну и для тех, кто в танке и умудрился пропустить, сообщаю — сегодня у нашего героя выходит альбом, так что не зевайте. Что ж, а теперь заработаем немного деньжат. С вами Ра, это «WHRU», и мы скоро к вам вернемся.

— И мы уходим из эфира через пять, четыре, три, две... всем спасибо, — прогремел голос звукорежиссера, сигнализируя о том, что уже можно разговаривать и свободно перемещаться по студии. Ра и Безупречный сняли наушники, обогнули стол и обнялись.

Как и положено богу, Ра встречался практически со всеми, кто профессионально занимался рэпом, от совсем зеленых до старичков. С уважением он относился процентам к трем из них. Некоторых Ра приглашал в свою передачу только из-за их коммерческого успеха — продашь больше миллиона дисков, так и бог тебя признает; в других — ценил их талант. И хотя сам он работал в цехе, созданном для удовлетворения нужд людей в тупом развлечении, на самом деле Ра был большим поклонником поэзии. Так что Безупречного он уважал.

Обычно Ра очень со скепсисом относился к тем, кого так активно раскручивают, — а Хеннеси сдержал свое слово, и появилась целая лавина информации о Безупречном, основном приоритете «Краун». Так что у всего рэперского мира просто не осталось шансов игнорировать Безупречного. Ра знал многих, кто выехал исключительно на ажиотаже, — но Безупречный в число не входил.

— Хорошее шоу, хорошее, — сказал ему Ра.

— Да, чувак, спасибо за приглашение,

— Некогда расслабляться, нужно бежать на «106», — вставил Девон, пока Безупречный не вздумал продолжить разговор. Это была их с Маликом работа — пасти звезду, вовремя приводить с шоу на шоу и проверять, все ли в порядке.

— Ладно, поехали, — согласился нечасто спорящий Безупречный.

На выходе из Мидтаун-билдинг на Манхэттене Безупречного на морозе ждали человек тридцать — поглазеть на кумира, дотронуться до него или получить автограф, а если получится, то и все вместе. Он поприветствовал их, поулыбался, подписал несколько постеров и поспешил к лимузину.

Едва Безупречный забрался в салон, Малик вручил ему сотовый — на связи был репортер одной из ежедневных газет. Пока Безупречный с ним разговаривал, Малик подсунул ему ноутбук — нужно было поучаствовать в чате какого-то сетевого издания. И удивительным образом Без все успевал, пока Девон с Маликом, не прекращая висеть на телефоне, договаривались о новых встречах с журналистами, — а машина тем временем везла их на очередное интервью в Гарлем. Выглядело все несколько безумным, но именно о такой жизни Безупречный мечтал, так что ему не на что было жаловаться.

— Здравствуйте все. Добро пожаловать на новый выпуск «106 и Парк» на канале BET, — объявила Фри.

— Сегодня на нашем канале мы рады предложить вам кое-что особенное. Реальная история успеха, начавшаяся на этой сцене, в «106», — подхватил Эй-Джей.

— Покорив эту сцену, он затем покориł радиоэфир, а теперь готов сделать то же самое и с музыкальными магазинами, потому что как раз сегодня выходит его дебютный альбом.

— Так что давайте все похлопаем и как надо встретим человека дня родом из «106 и Парк» — Безупречного!

Безупречный вышел из-за сцены. Вся аудитория стоя аплодировала ему. Он помахал им в ответ и стал осторожно подниматься к ведущим. Не важно, насколько ты крут, стоит раз повернуться со ступенек в прямом эфире на национальном канале, твоей карьере конец — стучало у него в голове. Он добрался-таки до площадки без инцидентов, обнял и поцеловал Фри, обменялся объятием с Эй-Джеем, а потом присел на лавандовый диван в правой части сцены, а Фри с Эй-Джеем устроились на малиновом диване слева. С этой стороны сцены Безупречный никогда не был, она предназначалась для суперзвезд. Так что теперь он стал одной из них.

Эй-Джей начал интервью под непрекращающиеся крики и шум аудитории:

— Ну что, Безупречный, дружище, как оно — каково чувствовать такое?

Публика поутихла в ожидании ответа Безупречного.

— Здорово. Просто здорово получить столько любви.

— Да уж, это любовь. Девушки, вы же любите Безупречного? — Вопрос Фри стал толчком к тому, чтобы все присутствующие девчонки

продемонстрировали свои вокальные данные, слившись в едином сопрано.

— Да нет, Фри, не только девушки, потому что, насколько я знаю, парням стиль Безупречного тоже по вкусу. — На слова Эй-Джея мужчины ответили воем и криками.

— Тихо, тихо, — Безупречный скромно успокаивал публику.

Им владели странные ощущения. Прошло всего-то девять месяцев, а его жизнь так изменилась. Периодически ему хотелось ущипнуть себя, чтобы поверить в реальность происходящего.

— Ну что ж, приятель, многое случилось с тех пор, как ты последний раз появился на нашей сцене. Ты заключил контракт и за следующие несколько месяцев отметился уже двумя хитами на саундтреках и очень удачным сотрудничеством с многочисленными музыкантами, включая Мэрайю Кэри, между прочим. Теперь твой сингл на первой строчке национального хит-парада, а сегодня выходит долгожданный и уже признанный критиками дебютный альбом «Безупречная победа».

— Ну ничего себе, — прокомментировала Фри.

— Так все и есть. Это был счастливый год, я повстречал много замечательных людей и со мной много чего замечательного произошло. И я рад, что альбом наконец услышат.

— Я его послушала и хочу тебе сказать, братишка, что у тебя настоящий талант, не по рэперским меркам, а как у настоящего поэта, — заметила Фри.

— Да, Фри, он просто золотое перо, мастер, — добавил Эй-Джей.

— О, золотое перо — это мне нравится. А вообще, все так и было задумано, потому что многие не признают хип-хоп поэзией, чтобы не нужно было относиться к нему серьезно. Но это настоящая поэзия — не хуже Шекспира или Хьюза, и я просто хочу вывести хип-хоп на новый уровень, сделать его уважаемой формой искусства. Я даже так скажу: хочу писать стихи, которые потом дети в школе будут проходить.

— Ух, вот это здорово, — восхитилась ведущая.

— Согласен, Фри. И, чувак, я жутко горд, что поучаствовал в твоей карьере. На этой сцене многие зажигали, но никто с тобой не сравнится, — заверил Эй-Джей.

— Абсолютная правда. Пожалуй, единственный, кто к тебе близко подошел, это, наверное, Ганнибал. Вы же помните Быка? — обратилась Фри к аудитории. Та зашумела в ответ, некоторые даже нараспев повторили имя рэпера.

— А кстати, как у Быка дела? Ты не в курсе, чем он сейчас занимается? — спросил Безупречного Эй-Джей.

Ганнибал, Ганнибал, Ганнибал. Девять месяцев, уже девять месяцев Безупречный ни разу не слышал это имя. И тут вот на тебе — как снег на голову. Безупречный терпеть не мог вспоминать о Ганнибале; он был рад завершению того периода своей жизни и уже привык думать о Быке в прошедшем времени. Но отвечать все равно надо.

— Ну, знаете, я познакомился с Быком, когда соревновался с ним, в самом начале. Ничего друг против друга мы не имели, но и подружиться нам не удалось. Так что мне неизвестно, что с ним происходит. Но я вот что скажу. Он пробивной парень, в буквальном смысле, так что я уверен: чем бы он ни занимался — он в порядке.

Кажется, ответ удовлетворил и ведущих, и публику. Безупречный надеялся, что останавливаться на этом они не станут. Воспоминание о Быке пробудило в нем старые тревожные мысли, которые он мечтал поскорее загнать обратно в подсознание, чтобы можно было опять жить своей новой жизнью, в мире без Ганнибала.

9

На экране было лицо Безупречного крупным планом. Изображение занимало крохотный квадратик в правом углу гигантского телевизора Ганнибала. На большом квадратике — крупный план Лектера. Раз сто пятый или сто шестой. Обе картинки привлекали внимание Ганнибала, и, как ни странно, ему удавалось следить за обеими. И хотя Безупречный был таким малюсеньким, Лектеру он не уступал.

— Интересно, очень интересно, — вслух размышлял Ганнибал над последней ремаркой Безупречного.

Безупречный, Безупречный, Безупречный. За последние девять месяцев не было и дня, чтобы Ганнибал не вспомнил о нем и об их последнем поединке. Бесконечный раздражитель: прикушенный язык, камешек в ботинке, чирей на жопе. Как Ганнибал ни старался, не мог успокоиться, забыть о нем. Но дело было не только в психологии. Рекламная машина «Краун» разворачивалась полным ходом, Безупречный физически был повсюду: на обложках журналов, в чартах, на радио, телевидении и в сети. Для Ганнибала Безупречный стал просто вездесущим — словно кто-то напердел, а запах все не выветривается.

Пока Ганнибал размышлял над всеохватностью вони, в квартиру, открыв дверь своим ключом, зашел Мук с двумя чемоданами. Быстро прошел в комнату, едва взглянув на телевизор. Понятно, Ганнибал как всегда смотрит Лектера — поначалу Мук разделял его увлечение каннибализмом, но с годами его эта привычка стала бесить, и от самого вида Лектера его тошнило. Но тут ему бросилось в глаза маленькое изображение на экране.

— Черт, это что, Безупречный? Точняк, Безупречный. Да уж, чувак теперь повсюду.

— Точно, повсюду, — согласился Ганнибал.

— Ну, у парня, судя по всему, дела идут.

— Хм-м-м. Кстати о делах — поставка у тебя? — Ганнибал быстро переключился на бизнес. Ведь Мука только это по-настоящему интересовало. Да и говорить об успехах Безупречного Ганнибалу не хотелось.

— Чел, ты что, не видишь, что у меня в руках?

— Без проблем прошло?

— Как по маслу. Говорю тебе, больше на черных не зацкливаются. Вот будь я арабом — тогда да, отымели бы по полной. И что бы мы без

терроризма делали?

— Смешной ты, чувак.

— Не, я серьезно; дела в порядке, выручка отличная, а я ведь жадный до выручки.

Тут в дверь по-особенному постучали. Ганнибал понял, что это Терренс. Мук его впустил.

— Йо, как дела, Бык... Мук? — С Муком Терренс поздоровался не сразу, не любил его почему-то. Ничего особенного, просто Мук — не самый привлекательный из людей.

— Как делишки, Ти? Как торговля? — спросил Ганнибал.

— Стабильно, доходы по всем статьям растут. — Терренс глянул на телевизор: — Вижу, опять смотришь Лектера.

— Как всегда, — с сарказмом вставил Мук, на что ни Ганнибал, ни Терренс и бровью не повели. Тут Терренс заметил маленький экран в углу — сейчас там шел клип, в котором танцевала едва одетая красотка.

— Ну что за задница! Боже, как же хороша! Она сейчас в каждом видео. Черт, вот лапочка! Знакомьтесь — попка моей мечты. Чуваки, на нее так классно дрончить! — Это заявление Терренса заставило Мука и Ганнибала переглянуться с отвращением. Терренс, заметив это, не смутился: — А че вы на меня так смотрите? Слово я — единственный ниггер, который дрончит.

Ганнибал с улыбкой покачал головой, однако Мук по-прежнему кривился. Терренс вновь посмотрел на экран и заметил Безупречного:

— Эй, да это ж Безупречный! Так это его видео? Черт, он просто повсюду. Я тут его дисочек раздобыл. Крутой перец.

Вот про Безупречного Ганнибалу меньше всего хотелось слушать. Терренс это понял и свернул:

— Но с тобой ему не сравниться, Бык, — и тут наконец вспомнил, зачем пришел. — Об этом-то мне и нужно с тобой поговорить.

— Так говори, — ответил Ганнибал.

— Наедине, — сказал Терренс октавой ниже.

— Понятно. Мук, выйди.

— Да какого хрена? — возмутился Мук. Он был не в восторге от того, что у Ганнибала с Терренсом есть от него секреты; да и то, что он должен уйти по просьбе Ти, его бесило.

— Ну сказано же! — закрыл тему Ганнибал.

— Ах даже так, — разъярился Мук.

Ганнибал понял, что только что накричал на него при подчиненном, и смягчил тон:

— Не надо раздувать из мухи слона. Просто оставь нас на минуту.

— Супер. Я сваливаю.

Мук вышел из квартиры, злобно посмотрев на Терренса. По этому взгляду тот понял, что Мук сейчас про себя честит его по полной, последними именами называет. Когда Мук наконец исчез, Терренс заинтересовался:

— Эй, Бык, чего это с ним?

— Да не обращай внимания. В чем дело?

— Нам бы еще поставку.

— А, это... так мы только что получили поставку.

— Да нет, не то. Нам бы еще дисков.

— Брось ты. А что с теми десятью тысячами с прошлого месяца?

— Все разошлись. Товар идет лучше кокса.

— Да иди ты.

— Знаю, сам удивлен. Поначалу мне приходилось их силой втюхивать, чуть ли не под дулом пистолета. А сейчас сами спрашивают. И не только наши клиенты — ко мне и какие-то новенькие обращаются, я их раньше не видел. Сарафанное радио, наверное, работает.

— Хрень какая-то. Уже тысяч пятьдесят дисков ушло за эти девять месяцев.

Это казалось Ганнибалу удивительным. Началось все по его инициативе, но в целом он на рэп забил. Ганнибал получал от Терренса вырученные деньги, но был так подавлен, что не особо следил за процессом. За все отвечал Терренс. Это по его инициативе каждый раз заказывалась партия больше той, которую удалось пристроить. А теперь стало очевидно, что дело переросло в нечто большее, и Терренс решил, что самое время повысить ставки.

— Короче, чуваки хотят еще. Белый какой-то мне рассказывал, что ставил твою хрень на своей школьной радиостанции и что беложопые от нее без ума. Хотя, чтобы ты приехал и выступил у них.

— Да пошел ты!

— Не, чел, я серьезно. Короче, суммирую: нам нужно больше дисков.

— Обеспечим покупателей тем, что они хотят, да? — ухмыльнулся

Ганнибал. Это были лучшие новости за весь год, у него даже появилась вдруг какая-то надежда. Он ожил.

— Ага, только мне кажется, надо бы тебе напечатать какое-нибудь туда вложение. Ну, типа хотя бы список песен, информацию какую-нибудь, что-нибудь про заказ дисков; заведем еще один телефон, веб-сайт организуем, все такое.

— Веб-сайт? А ты че, это умеешь? — удивился Ганнибал.

— Ну, блин, у меня же полно талантов. Терренс умеет все.

Вообще-то на тот момент Терренс понятия не имел, как сделать веб-сайт,

но был уверен, что сможет научиться. Он к любому делу подходил подобным образом.

— Ну и круто, давай тогда так и сделаем. И знаешь, не будем ограничиваться этим — напечатаем еще флайеров, постеров, стикеров и расклеим их по всему городу. Бруклин, Квинс, Бронкс — повсюду. Сам готов ездить и клеить. Всерьез за дело возьмемся. Хотят чуваки меня в своей школе увидеть — да ради бога, приеду! — И снова Ганнибал понял, какова общая схема, увидел картину целиком. Он и мечтать об этом забыл за последние месяцы. Сейчас же он чувствовал себя так, словно заново родился.

— Йо, Бык, я обеими руками за все, что ты предлагаешь. Только я думал, ты захочешь, чтобы все прошло по- тихому. А такая движуха много шума вызовет.

— Ты прав, да и хрен с ним. Не могу же я всю жизнь наркотой торговать. Аты?

— Черт, Бык, я за тобой куда угодно. Крэк ты сливаешь или треки — по мне, одна круть.

— Отлично, отлично. Ну, ты картину-то целиком видишь?

— О да, еще как.

— Так давай воплотим ее в жизнь.

Пока они планировали будущее, большой экран растворился в глазах Лектера; на маленьком же, в правом углу, по-прежнему красовался Безупречный — сидел, улыбался, смеялся, болтал и блистал уже сегодня.

10

Открой глаза. Открой глаза, Безупречный, сказал он себе, пока его ресницы медленно расцеплялись, а веки, складываясь, будто жалюзи на окнах в окружающий мир, поднимались. Видел он ясно — передним микрофон; для МС микрофон — как часть тела, но с такого близкого расстояния все виделось словно заново: его шарообразная форма, множество крохотных дырочек в металлическом основании, и все это на кубике в полтора дюйма, сбоку напечатаны характерные буквы MTV. Мощная штука. Ты просто губы оближешь — и всем слышно, вот такая мощная штука. Все — человек сто — толпились всего в полуметре от Безупречного, не сводя с него глаз в предвкушении. Камерная аудитория, сказал он себе. Сказать-то сказал, но понимал при этом, что это лишь та сотня, которую он видит, а еще есть миллионы по ту сторону экрана. Сама мысль нервировала в той же степени, что и приободряла, пока Безупречный стоял в окружении камер и этой самой сотни зрителей в студии MTV.

Только что был на самой вершине, чувствовал себя как рыба в воде, и тут вдруг — совершенно один перед миллионами. Он посмотрел вправо и увидел Томми, который пришел ему аккомпанировать, подстегивать его. Увидел его и успокоился. Безупречный дал ди-джею Шу отмашку и снял со стойки микрофон.

Начался бит. Это был его второй релиз, «Коричневая штучка»: завязанный на сексе, но очень минорный, жесткий текст. Ему нравилось исполнять его, это был один излюбимых треков Безупречного. И девушек тоже — они-то и обеспечили песне первое место чартов, уже второй раз за его карьеру.

Это все были хитрости рынка. «Краун» превратила маркетинг в настоящую науку. Исполнитель хип-хопа должен поначалу жестко показать себя — как и сделал Безупречный с заглавным треком своего альбома «Безупречная победа». Название обыгрывало его сценическое имя, а текст предназначался исключительно для мужчин.

Хотя немало женщин добилось успеха на этом поприще, хип-хоп все еще оставался рынком, которым управляли тестостерон и яички уличных мачо. В первую очередь, артист должен был завоевать уважение улиц, а потом, уже после мужиков, переходил к женщинам. Все просто: девушки покупают больше, увлекаются сильнее, и они намного преданней. Мужчины, по

большей части, не станут кидаться в фургон к музыкантам, но уж точно соскочат оттуда первыми. А девицы залезут и пройдут с тобой огонь и воду. Но и чересчур заигрывать с женской частью аудитории не стоит, потому что едва лишишься уважения мужиков и улиц — все, игра окончена.

Пока Томми доводил публику до экстаза своим битом, Безупречный оглядел помещение в поисках той, кому можно было бы адресовать его серенаду. Он всегда так делал — получалось намного интимнее. Его глаза искали самую красивую девушку и, наконец, нашли. Она была просто великолепна, она была идеальна, и она была его сестрой. Эрика. Нет, не сработает, сестра тут не катит. Безупречный уже и забыл, что пригласил ее. Она улыбалась с гордостью, и он был рад, что ей есть чем гордиться. Да, она красавица, но тут не подходила. Впрочем, и соседка у нее ничего. Без посмотрел на девушку, та ответила ему влюбленным взглядом. И он начал.

*Углядел коричневую штучку,
Маленькую доминиканку,
Смуглую танзанийку,
Словно мандаринку.
Девочка супер,
Сестричка что надо,
От узелков в ее косичках До пальцев на ногах.
А я сумасшедший до тела,
Для меня грудь — фетиш.
Дыхание сперло по-любому.
Она чуть бедрами качнула,
Чтоб подчеркнуть свое богатство,
А то, как колыхается ее попа,
Отбило у меня другие интересы.
До чего же круто —
Тлеет словно фимиам,
Пробрало до самого нутра,
Разобрало на кусочки.
До смерти хочу ее увидеть,
С ума схожу — дотронуться мечтаю,
Потому что куколка меня Из себя выводит,
Словно доберман-пинчера Заставляет меня взвыть,
Схватить ее,
Раздеть ее
И хорошенько ей вставить.*

*И я просто не в себе,
Совсем потерял контроль:
Даже не познакомился с ней,
А уже готов жениться.*

Он прочитал первый куплет, хвалебный. В двух других речь шла о смерти и печали. В конце глубоко тронутая публика взорвалась бешеными аплодисментами. Анаида Льюис, специально приглашенная ведущая шоу, шласквозь толпу, рот открыв от восхищения. Карамельная красавица чуть за двадцать, с манерами и внешностью телезвезды.

— Да, Безупречный, дружище, это было восхитительно! — И, воздав должное Безупречному, она развернулась к аудитории: — Народ, правда же восхитительно?

Будто по команде, толпа впала в неистовство. Потребовалась целая минута, чтобы утихомирить зрителей.

— Безупречный, тут, между прочим, куча народа хочет посмотреть на тебя. Не хочешь подойти к окну и поздороваться?

Рэпер пробрался сквозь радующуюся ему толпу к окну и выглянул на Таймс-сквер. На самой площади он не раз бывал, но сверху ее никогда не видел. Это было потрясающее зрелище. Вот он тут, в самом центре материального богатства, на его вершине, и перед ним нет преград. Он опустил глаза и увидел то, что раньше и присниться ему не могло.

Вся площадь была забита народом.словно рой пчел, тысяч пять человек собрались на апрельском холоде. Такой мороз залезает под одежду, до самых костей пробирает, щекочет во всех местах с нежностью любовника (погода, видите ли, не в курсе, что уже весна наступила), а люди, тем не менее, стояли на улице, выкрикивая всей толпой его имя. Безумие какое, думал Безупречный. Бред полный. Им становилось теплее от близости друг друга и от его появления. Копы очень старались контролировать ситуацию, а фанаты размахивали плакатами, баннерами, постерами и прочей атрибутикой, крауновской и самодельной.

Безупречный и не догадывался, что его популярность доросла до уровня фанатизма, будто из клипов Майкла Джексона. Он грезил славой, а теперь это стало реальностью, происходило с ним прямо сейчас. И это было по-настоящему круто.

— Эй, Безупречный, возвращайся-ка сюда, покатам не началось восстание, — позвала его Ананда, но он, потрясенный происходящим, не слышал ее. Тогда Ананда повторила игрово: — Безупречный! А ну давай сюда.

Он, наконец, услышал ее призыв и вернулся к ведущей.

— Да уж, тебя тут так любят, брат, ты ведь чувствуешь это, правда?

— О да, еще как.

— Что ж, так и должно быть. Твой альбом уже пять раз признан «платиновым» всего через три месяца после релиза.

— Как я уже говорил, меня услышали, да и вообще это был удачный год.

— Ты заслужил эту удачу, чувак, потому что альбом у тебя потрясающий. Тебя называют лучшим из пишущих сейчас текстовиков.

— Ну, я не стану тут увлекаться, но и врать не буду: альбом получился, нового уровня работа, вроде того. Так что будем завоевывать с нею мир.

— Ну, брат, я верю, что у тебя получится. И большое спасибо, что пришел к нам сегодня.

— Не за что, не за что. Но прежде чем уйти — иначе она меня потом убьет, — я хочу поприветствовать свою сестру, Эрику, которая сейчас с нами, среди зрителей.

И все камеры MTV тут же сконцентрировались на Эрике, сидевшей в первом ряду.

— Как трогательно. Эй, а почему бы тебе к нам не выйти?

Эрика присоединилась к ним под одобряющие возгласы и крики мужской половины аудитории. Они с Анаидой обнялись.

— Ух, Безупречный, какая у тебя симпатичная сестренка. Это, наверное, у вас наследственное.

— Ага, именно.

— Что ж, снова благодарю вас обоих за то, что заглянули. Народ, давайте поприветствуем хорошенько Безупречного и его сестру Эрику, и через минуту мы вернемся к десятке самых лучших видео.

— И мы отключаемся через пять, четыре, три, две... отбой, — раздался из интеркома безликий голос.

— Отличное шоу, Безупречный. — Теперь Ананда говорила поспокойнее, но так же искренне. Они обнялись и чмокнули друг друга.

— Спасибо, что позвала, — ответил Безупречный.

К Ананде подошел ее ассистент:

— Нанди, Чак хочет там что-то поправить, пока мы на рекламе.

— Ладно, поняла. — Девушка вновь повернулась к Безупречному и Эрике:

— Ребята, простите, надо бежать. Безупречный, до встречи.

— Точняк.

— И рада была с тобой познакомиться, увидимся еще как-нибудь, — сказала Ананда Эрике.

— Конечно, я бы не против, — ответила Эрика.

— Да уж, Без, организуй. Бери ее с собой почаще. — И Ананда убежала со

сцены.

— Слышал, Майкл? Бери меня с собой почаще, — повторила Эрика.

— Слушай, я просто не хочу скандалов, понятно?

— Каких еще скандалов?

— Скандалов из-за того, что какой-нибудь дегенерат узколобый захочет превратить тебя в шалаву из своих клипов или одну из своих девочек на ночь.

— Вечно ты об одном и том же. Не бывать этому.

— Блин, ты такая наивная, что сиди-ка лучше дома! —

Брат и сестра нахмурились и недовольно уставились друг на друга — молчаливый диалог двух родных душ.

И тут Безупречного окружили поклонники. Здороваясь и раздавая улыбки, он не переставал присматривать за Эрикой, которая встала поодаль. Он напрягся, когда какой-то парень подошел к ней и заговорил. Ну уж нет, подумал Безупречный и дал сигнал Томми. Томми понял, направился к ним и мягко прекратил беседу. Он ктакому привык и был Эрике за старую дуэнью, когда бы Безупречный ни попросил. Эрика попыталась спорить, но во взгляде Томми прочла непоколебимую упертость. Так что девушка вздохнула, показала Безупречному язык и опустила глаза. В ответ Безупречный только рассмеялся.

Малик протолкнулся к нему и передал мобильный.

— Привет! Что? Кто это? — сказал Безупречный, стараясь разобрать реплики звонившего.

— Это я, сынок, только что посмотрел шоу по телевизору, я в восторге, — раздался в телефоне громкий голос Хеннесси.

— Да, прошло здорово! — согласился Безупречный.

— Ага. Звоню, чтобы сообщить тебе, что сегодня у тебя вечер свободен. Так что отдыхай — завтра будет очередной медийный марафон.

— Рад это слышать. — Новость была и впрямь радостная. Безупречному нравилось все это внимание, но он устал. Последние три месяца были сумасшедшими.

— Ну давай, сынок, до завтра.

Безупречный, Эрика, Томми, Малик и Шу с охраной направились к выходу из павильонов MTV. Идя по холлу, Без почувствовал, как в кармане зажужжало. Узнав сигнал, он достал свой пейджер. «Насколько я знаю, у тебя свободный вечер. Я в отеле, очень жду тебя. Целую, Триш».

Мысль о Триш заставила Безупречного улыбнуться. Он так всю дорогу и улыбался, поглядывая на шагающую перед ним Эрику.

Они вышли с черного входа и бегом направились к ожидающему их черному лимузину. Безупречный почти забрался в него, когда увидел на

асфальте флайер. Что-то в нем привлекло его внимание. «Вперед, хип-хоп За справедливость! Нет войне с терроризмом! За репарации! Нет смертной казни, свободу политическим заключенным!» Безупречного это заинтересовало, и он подо брал флайер, чтобы потом внимательно почитать, и тут же заметил еще один прямо у своих ног: «„Каннибал рекордс“ с гордостью представляет — Ганнибал, „Молчание ягнят“. Самый рискованный и неоднозначный хип-хоп альбом за всю историю. Его не продают в магазинах и не станут крутить на радио. Его можно купить только на сайте www.cannibalrec.com. Закажи сейчас, но готовься: рэп- индустрию на твоих глазах сожрут».

— Майкл, так ты идешь? — крикнула Эрика из лимузина.

— Да-да, — ответил ей Безупречный. Словно в тумане, он поднял флайер Ганнибала, а предыдущий затолкал поглубже в карман. Потом забрался в машину, и они отъехали. Безупречный протянул флайер Томми:

— Глянь на это.

Томми пробежал его глазами и поинтересовался:

— Думаешь, это тот самый Ганнибал?

— А кто еще?

— Кажется, он заключил контракт с лейблом.

— Не, создал свой собственный. Все это каннибальское дерьмо, типичный Бык.

— Ну, значит, и у него дела продвигаются.

— Да уж, я думаю, — бросил Безупречный, глядя на дорогу. Ганнибал — прямо какое-то проклятье его жизни. Этот второй флайер разозлил его до чертиков.

Лимузин остановился перед отелем «Миллениум», вышел один Безупречный. Номер был зарезервирован только для него — с самого утра у него в центре интервью, ездить туда-обратно домой в Джерси было бессмысленно.

— Ну давай, Малик, завтра увидимся. Томми, сделай одолжение, проследи, чтобы Эрика добралась до нашего нового дома.

— Слушай, я же не ребенок! — закричала Эрика.

— Нуда, конечно. Я тебя тоже люблю, и всем до завтра. Мир вам.

Он захлопнул дверь, и лимузин отъехал. Провожаемый швейцаром ко входу, Безупречный заметил на земле еще один флайер, который на поверку тоже оказался ганнибаловским. Потом он заглянул в переулок и увидел, что весь тротуар усыпан такими же флайерами. Он встревожился. Что это еще такое происходит?

11

«Готовься: рэп-индустрию на твоих глазах сожрут». Сожрут, да? Ну-ну, посмотрим. Безупречный не отрывался от флайера Ганнибала, раз за разом перечитывая его. Что-то в нем было такое, что тревожило Беза. Что? Его размеры? Да нет. Кровавый шрифт или фон? Тоже нет. Глаза — глаза Ганнибала, — изображенные на картинке? Точно нет. Все это ни при чем. Дело в самом Ганнибале. Просто этот кусок бумаги был делом рук Ганнибала, и уже одно это вызывало ту же ненависть, какую Безупречный чувствовал к самому Ганнибалу.

Черт, какого хрена этот ублюдок делает на флайере и почему он повсюду? Типично каннибальская хрень — создать свой лейбл, а потом со своими гребаными бандосами его везде продвигать. Черт, я-то думал, что он меня больше не волнует. Вот дерьмо, и какого дьявола он лейбл-то организовал? Так, спокойно. Успокойся, все в порядке, Безупречный. Небось, строгаёт диски в какой-нибудь жопе, у себя в дыре, в новостройках. Чего тут волноваться? Разве это конкуренция?

Пока Безупречный размышлял над всем этим, на флайер откуда-то стала капать мыльная пена, постепенно превращая его в мокрую кашу. Без поднял голову и уткнулся взглядом в Триш, как всегда прекрасную и виновато улыбающуюся: ее замечательные косички свисали вниз, с влажной руки стекала мыльная пена.

— Ну зачем ты это сделала? — спросил он. На это она только улыбнулась.
— Очень смешно.

— А чего ты сидишь тут и пялишься на кусок бумаги в один из редких своих свободных вечеров, вместо того чтобы быть со мной?

— Ничего я не пялюсь. Так, проверяю кое-что.

— Ты уж прости, милый, но смотреть на что-либо в течение часа значит пялиться.

«Целый час... ничего себе, уже так долго?» — подумал Безупречный, взглянув на настенные часы. Да, именно так.

— Ладно-ладно, пора от него избавиться, — Без скомкал флайер и отбросил прочь. Тот упал на мраморный пол ванной. Это была большая ванная комната; каждая деталь искусно вырезана из экзотических пород камня, так что создавалась разноцветная отражающая поверхность с золотой

отделкой.

Безупречный уселся в самую середину позолоченной ванны, между ног Триш, прямо в мыльную пену.

— Ну, теперь ты довольна? — спросил он Триш.

— Нет, — ответила она, надув губки.

— А чего так?

Триш помолчала немного, а потом шутливо спросила:

— А скажи, Безупречный, чего это ты на мне не женишься?

Безупречный понял, что она шутит; тем не менее, он не знал, что ответить.

— Ладно. Дай мне к тебе повернуться, а то, судя по всему, разговор намечается серьезный. — Безупречный поднялся и пересел в другой конец ванны, чтобы оказаться с ней лицом к лицу.

— Да не надо было вставать. Не так уж все серьезно.

— Кажется, все-таки серьезно. Ты не первый раз об этом заговариваешь.

— Я просто пошутила, и потом — ничего тут удивительного нет.

— Да нет, есть. Послушай, детка, тебе не кажется, что это как-то слишком быстро? Мы всего год встречаемся.

— А какое отношение к любви имеет время? Ведь Ромео и Джульетта встретились, полюбили друг друга и поженились всего за три дня.

— Ага, точно, а потом еще и умерли за те же три дня.

— Да, но это не делает их любовь менее красивой.

— Зато делает ее менее правдоподобной.

— Да что вообще в этом мире правдоподобно?

— Ой, давай только не будем философствовать.

Триш не нравилось то, как развивался диалог, а еще больше ее расстраивало, что Безупречный вообще стал спорить. Она решила разыграть свою главную карту:

— Ладно. Давай по-простому. Майкл, ты меня любишь?

«И чего женщины так любят задавать этот вопрос?» — подумал Безупречный, прежде чем ответил:

— Да, я люблю тебя, уже говорил тебе... много раз.

Но мне самому только двадцать четыре, и за последний год моя жизнь круто изменилась, мне нужно время, чтобы осознать все это.

— С этим я не спорю. Все понятно, — согласилась девушка.

— Правда?

— Да... а сейчас мне нужно выбираться из этой ванны, пока вся кожа не слезла.

Безупречный наблюдал, как она поднималась, а пена стекала по ее телу, оставляя его в полной наготе. Красота. За этот год он видел тело Триш много

раз, в самых разных позах, и оно не переставало возбуждать его, как и сейчас. Под водой и пеной у него вставал.

Она медленно выбралась из ванны: сначала правую, потом левую ногу. Безупречный изучал каждое ее движение, особенно интересуясь влажным пятном между ее бедер с аккуратно выстриженным треугольником. Выйдя из ванны, она, обнаженная, на цыпочках пошла по бежевому мраморному полу. Без наблюдал, как вода скатывалась по ее влажному телу — сначала по спине, потом по изгибам ее бедер и, наконец, падала с ее упругих гладких ягодич на пол. Триш вышла, накинула белый халат и направилась в гостиную их съюта. Безупречный хотел ее. Она была прекрасна, но еще более возбуждало то, что она и сама это знала.

Безупречный поднялся в ванне, постоял немного, дав воде стечь с его худого, мускулистого тела. Вылез и, все еще влажный, направился в гостиную, следуя за своим членом. Халатом или полотенцем он пренебрег. Вода с его тела капала на мраморный пол и пушистое ковровое покрытие. Он шел по следам, которые оставили на малиновом ковре ноги Триш.

Комната была большая, пышно декорированная в коричневом цвете. По ее периметру шло огромное окно, в котором виднелись силуэты ночного Нью-Йорк-Сити. Это был президентский съют, образец роскоши и блистательного великолепия — пять тысяч долларов за ночь.

Триш в халате стояла у окна и смотрела на ночное небо. Окно открывало вид на город и заодно отражало саму комнату, так что девушка могла видеть, как Безупречный зашел и направился прямо к ней. Она закрыла глаза и через секунду почувствовала, как его напряженная плоть прижалась к ее бедрам. Было приятно. Ее соски под шелковистой тканью затвердели.

Безупречный ласкал через прохладную ткань ее бедра. В ответ на его прикосновения она откинулась назад, так что ее косички упали на его плечи. Ее тоже охватило желание. За этот год она полюбила его ласки. Честно говоря, она полюбила и его самого. Полюбила с самогона- чала. С чего бы, почему так быстро? Она так и не разобралась. Словно ей просто суждено было любить его.

— Я же люблю тебя, ты знаешь, правда ведь? - спросил он ее.

— Да брось ты, — ответила она. Он любит ее? Она не знала, да и он сам не знал.

Ему точно было не все равно, еще как не все равно. Но что-то его смущало, будто он не вполне ей доверял. Все казалось слишком хорошим, почти нереальным; словно мечта воплотилась в жизнь во всем своем великолепии. Если верить Триш, она его полюбила сразу. Зачем такой красивой, успешной женщине, которая могла бы выбрать себе любого

мужчину, любить его, да еще так искренне и глубоко? И дело было не в его самооценке, Безупречный знал, что привлекателен; но все складывалось слишком хорошо. Она и впрямь его любит — или все из-за того, что он известный рэпер, а она просто не захотела упускать такой шанс пожить, рассчитав ситуацию еще в тот самый день в лифте? Где здесь правда? Безупречный не был уверен и оставлял ей шанс. Но сомневался. И не перестанет сомневаться.

— Дай мне год. Пусть все уляжется.

— Хорошо, — ответила она; к чему в любви спешка.

Безупречный медленно поднял подол халата до самых ее ягодиц. Она чуть раздвинула бедра, чтобы он смог проникнуть внутрь, туда, где тепло, мягко и влажно. Ее тело настойчиво звало его. Он больше не мог сдерживать себя, откинулся назад и с наслаждением стал ритмично входить в нее; ее плоть впитывала, всасывала его, и тут он потерял над собой контроль. Она, тоже вне себя, скинула халат, и они стояли — обнаженные на обозрение всему миру тела; ее грудь прижата к окну — и занимались любовью.

— Я люблю тебя, Майкл, — произнесла Триш, и прозвучало это так же естественно, как дыхание.

— Я тоже люблю тебя, — бездумно отозвался он и лишь потом сообразил, что это действительно так.

12

У перрона стояла электричка, «четверка». Послышался сигнал и стерильный механический женский голос произнес: «Осторожно, двери закрываются».

— Черт, сейчас ведь уедет, — бросил Безупречный Триш. И они бешено понеслись вниз по ступенькам. Он добежал первым, растолкал вышедших пассажиров, встал между дверей и отпустил их, только когда Триш была внутри. Они оба тяжело дышали.

— Да ты не в форме, — пошутил он.

— А сам-то, — поддразнила Триш.

— Ну, я рэпер, а не атлет.

— Ага, конечно.

— Слушай, давай присядем, — предложил он.

Они уселись — его рука на ее плече, ее голова на его груди. Вокруг было необычайно уютно. Хороший вагон. Хорошая электричка — новая, чистая, все автоматическое, ничего общего с теми заляпанными жвачкой и исцirkанными граффити вонючими поездами, что были раньше.

Вагон не был полным, но и пустым не был. Пассажиры сидели свободно, не теснясь. Некоторые немного поглазели на молодую пару, когда они только зашли, но потом отвели взгляд; другие продолжали смотреть. Несколько девочек-подростков напротив начали хихикать, узнав Безупречного. Он, миллионер, теперь только из баловства на метро ездил. Раньше ему бы и в голову не пришло, что из свидания в вагоне может что-то получиться.

— Видишь? Ты — суперзвезда, — сказала ему Триш.

— Да нет, они либо пелятся на то, какая ты красивая, либо завидуют тому, какая ты красивая.

Парочка заулыбалась, глядя друг другу в глаза.

— Вот скажи мне, Триш, ты веришь в родственные души? — поинтересовался Безупречный.

— Верю, — ответила она так быстро, словно ответ уже был у нее наготове.

— Но это такая банальная и затертая тема. Правда веришь, что есть кто-то, кто предназначен именно тебе?

— Да.

Он улыбнулся, подумал немного, снова улыбнулся и сказал ей:

— И я тоже.

Они стали целоваться, забыв об окружающих. Это Безупречный больше всего любил в Триш — она была естественна: свободно высказывала свои чувства где и когда угодно. А раскрепощенность так возбуждает — это было очень ему самому созвучно; здесь они точно были родственными душами.

Посреди их объятий Безупречный открыл глаза и боковым зрением заметил рекламное объявление, висевшее в вагоне.

— Это что? — подумал он вслух и отстранился, чтобы подойти и посмотреть.

— Милый, в чем дело? — спросила Триш, словно потревоженная от волшебного сна. Безупречный прошел весь вагон, чтобы рассмотреть плакат. Это была реклама Ганнибала, очень напоминавшая флайер.

— Что, он теперь и в метро? Даже у меня нет плакатов в метро. Контракта нормального он не подписывал, как же он все это проворачивает? — выпалил Безупречный, не заботясь о том, что его могут услышать.

Триш его реакция поразила.

— Да я не понимаю, почему тебя это вообще волнует? Ганнибал продвигает свою тему. И что? Мы в этом бизнесе не единственные.

— Ты просто Быка не знаешь.

— А зачем мне его знать? Какая разница? Твой альбом занимал первую строчку четыре недели подряд. Еще чуть-чуть — и его продажи внутри страны достигнут шести миллионов копий. Не говоря уже о том, что к концу года на международном рынке они дойдут до десяти миллионов. А у Ганнибала флайеры на улице и плакаты в метро — дорогой, что тут сравнивать? О чем тебе волноваться?

Безупречный вел себя глупо. Но и вешать свои плакаты в метро тоже глупо — такую рекламу себе только звезды вроде Майкла Джексона могут позволить. Ерунда какая-то. И что ему оставалось ответить Триш?

— Не знаю. Не знаю, детка. Но ты просто не знаешь Быка.

13

Глаза Ганнибала горели. В них был такой накал, что, казалось, вот-вот угольки заалеют. Он смотрел в темноту и чувствовал, как с криками поддержки оттуда исходит энергия. «Бык! Бык!» — заголосили зрители, поначалу вразнобой, а затем стройным хором. Ганнибал их не видел, но чувствовал их в своей крови, текущей по венам. Круто. Его сердце билось так, словно готово было выпрыгнуть из груди. Никакого волнения, только чистый, ничем не замутненный, концентрированный восторг. Лучше он себя никогда не чувствовал. И тут зажегся свет.

Ганнибал их наконец увидел, все две тысячи человек, натолкавшиеся в «Скорость». Это был самый крутой хип-хоп клуб города, и в нем выступал Ганнибал. Сейчас он стоял на сцене; за спиной устроился его ди-джей, Амра. При виде Пожирателя вопить стали громче. Тогда Амра начал скретч, прижав пальцами пластинку, миксуя звуки, четко выделяя доли. Это был оглушительный мир соседствующих хаоса и порядка. Это были звуки юности — их музыка, хип-хоп, молодое искусство по определению, но старое по сути. Текст, наложенный на ритм. Вечное искусство — с тех самых пор, как Творец произнес слово, которое привело к появлению мира и бытия. Они подражали чему-то большему, проговаривая под перкуссию слова, эти влюбленные в бит фанаты громкости.

Выглядела публика в хардкорном духе: смесь черных, латиносов, белых, азиатов, все бандитского вида — даже женщины, правда, в меньшей степени. Это касалось, скорее, внешнего вида и поведения, чем характера, но и с характером люди тоже присутствовали — именно таких Ганнибал и привлекал. Остальные просто выглядели опасными — дело стиля, а не образа жизни. Для таких мероприятий существовал особый дресс-код: широкие джинсы, тяжелые ботинки, бандана или шарф. Это были поклонники Ганнибала, каннибалы, пришедшие поддержать главного Пожирателя. В последние несколько месяцев о нем узнал весь андеграунд.

Амра играл знакомый публике бит. Увидев наконец Ганнибала и узнав его тему, толпа впала в неистовство. Бык почувствовал это и дал себе волю.

Молчание
Молчание

*Молчание
Молчание
Молчание
Молчание
Молчание
Молчание
Чаяния ягнят.
Завистливые овцы,
Блеют о насилии в своих загонах,
Хотят опрокинуть картину целиком,
Пожрать говядины с Быком.
Наивные придурки,
Думают, что неприкосновенны,
Но я их сожру как каннибал.
Ганнибал — генерал в Бруклине,
Авторитет в Круклине.
С моей бандой из шестнадцати парней
Пакуем тек-найны и мак-тенсы*.
Они знают десять способов, как убить,
Десять способов, как сожрать,
Приготовить оставшееся так,
Чтоб родная мама не узнала.
Пока я герой этих улиц,
Я король этих улиц,
Бык фасует жар,
Валит ниггеров,
Нанося удар.*

Он выдал безыскусное, но очень мощное выступление. Им понравилось — не столько текст, сколько энергичная подача. В этом и был талант Ганнибала — он заставлял людей прочувствовать свои слова, как никто иной.

В конце программы Ганнибал покинул сцену с голым торсом и мокрый насквозь от пота, словно искупался в эндокрине. Пока он спускался по металлическим ступенькам, охранники клуба давали ему дорогу, сдерживая жаждущую общения толпу. И тут откуда-то появился хорошо одетый человек в джинсе. Это был Хеннесси.

— Мистер Ганнибал... блестящее выступление. Думаю, нам нужно

*Марки оружия.

поговорить, — сказал он, даже не думая представляться.

— О чем? — спросил Ганнибал, узнав мужчину.

— Ну как о чем? О деньгах.

14

Хеннесси — в винтажном джинсовом костюме, на голове бейсболка пожарной службы Нью-Йорка, — располагался за своим столом, прижав руки к губам. Ганнибал сидел на одном из двух стульев перед столом, на другом — Мук, а Терренс стоял рядом с Ганнибалом. Хеннесси пялился на них, они — на него. Словно на мексиканской заставе — еще чуть-чуть, и заиграла бы мелодия из «Хорошего, плохого, злого»*. Хеннесси выступил первым.

— Смотрю, ты ребят своих прихватил, — сказал он Ганнибалу.

— Из дому без них не выхожу.

— Братские чувства вызывают восхищение, но, может, ограничим нашу компанию только заинтересованными сторонами?

— Они и есть заинтересованные стороны. Я основатель и генеральный директор «Каннибал рекорде». Мук, слева от меня, — президент этого лейбла. А Терренс — вице-президент.

— Вот-вот, вице-президент, чувачок, — влез зачем-то Терренс.

— Супер... Ладно, я все понял. Поговорим о деле. Ганнибал, дружище, босс, ты молодой человек потрясающий, я давно за тобой слежу.

— Да ладно.

— Да, мы уже какое-то время отслеживаем твою деятельность.

— Отслеживаете. Ну и как?

— Ну ты пойми: выиграй ты тот балл год назад, мы бы с радостью предложили тебе контракт. Хочу сказать, что разница между победителем и проигравшим была неявной, вот почему я послал своих скаутов присматривать за вторым лучшим, — эти слова Хеннесси произнес, показав пальцами в воздухе кавычки. — И таким образом я следил за тем, как ты продавал свои диски у себя на районе, затем в колледжах и, наконец, в сети. А теперь, насколько мне известно, и крупные магазины не прочь торговать твоим продуктом. Которого ты уже, по моим подсчетам, продал тысяч девяносто экземпляров.

Ганнибал чувствовал себя так, словно его догола раздели. Ему польстило, что им так интересуются, но не понравилось, что Хеннесси в курсе каждой мелочи. Но он с невозмутимым лицом поправил:

*Вестерн Серджио Леоне.

— Вообще-то, мы уже сотню тысяч продали. Но, надо сказать, я под впечатлением от вашего исследования.

— Нет, Бык, под впечатлением здесь я — от твоей энергии, твоего напора, твоего выступления, поэтому-то мы и хотим, чтобы ты стал частью семьи «Краун рекорде». Я уже подготовил для тебя контракт, у меня на тебя большие планы.

Хеннесси вытащил из своего стола контракт и протянул его Ганнибалу. Ганнибал взял документ и стал его внимательно изучать. Как времена меняются — год назад Ганнибал пошел бы на убийство, лишь бы заполучить контракт, а сейчас сомневался.

Заметив его колебания, Хеннесси подключился:

— Не напрягай зрение, я тебе его кратко перескажу. Контракт на пять лет, на три альбома, пятьсот тысяч получаешь авансом при подписании. Мы тебе немножко добавили, чтобы ты смог позволить себе лучших продюсеров. Пятьдесят тысяч сверху каждый раз, когда твой альбом становится «золотым», и сто — если «платиновым».

— Как насчет авторских и роялти? — спросил Ганнибал, стоило Хеннесси сделать паузу. Хеннесси был удивлен вопросом и той прямоотой и скоростью, с которыми он был задан.

— Хм, ты не дурак. Авторские мы делим семьдесят пять на двадцать пять, ты получаешь пятнадцать центов с каждого доллара. А если помнить о том, что ты будешь загребать миллионы, это целая куча денег.

— Говорите, мы поделим авторские семьдесят пять на двадцать пять. Семьдесят пять, я надеюсь, мои?

— Конечно, — подтвердил Хеннесси, не в восторге от всех этих вопросов.

— А планируете ли вы участвовать в продюсировании?

— Нет, нет и нет. Я просто наблюдатель. Стараюсь сам руки не пачкать.

— Значит, я полагаю, мне придется делить авторские пополам с продюсером треков?

— Я бы предпочел, чтобы это был Ноа. Пусть у тебя будет лучшее. И да, именно так обычно и происходит.

— Тогда, если я правильно понял, вы получите двадцать пять процентов из моих пятидесяти просто так. Потому что я уверен, что уж писать вы помогать мне не будете.

Хеннесси, понимая, что сам позволил себе попасть в эту ловушку, вынужден был ответить «да».

Терренс улыбнулся про себя, наблюдая за уловками Ганнибала.

— Ну, Хеннесси, тогда я даже не знаю, — протянул Ганнибал.

Он разыграл свою карту и теперь ждал, чем ответит Хеннесси.

— Хорошо-хорошо, не вопрос. Получаешь все сто процентов авторских, — жалко было терять такой куш, но выбора не было. — Такое вот предложение.

— Ладно, это уже неплохо звучит.

— Отлично, отлично. Теперь можем заняться делом.

— Все хорошо, но мне не нужен контракт на запись альбома.

Хеннеси был просто ошарашен. Раньше ему такого в этой комнате никто не говорил, поэтому он совершенно растерялся:

— Как так?

— А вот так. От вас я хочу только распространение.

— Шутишь? — сказал Хеннеси спокойно, но уже готовый разораться.

— И чего вы, белые, вечно думаете, будто мы шутим? — вмешался с раздражением Терренс. Ганнибал сделал ему знак рукой, и больше Терренс не произнес ни слова.

— Я совершенно серьезен. У меня уже есть свой лейбл.

— «Каннибал рекорде», — сказал Хеннеси с легкой издевкой.

— Именно. Так что поймите, мне лейбл не нужен. Что мне нужно — так это дистрибьютор, и вот тут-то наступает ваша очередь.

— Очень интересно, только давай реально смотреть на вещи. Ты продал сто тысяч копий, что здорово для CD, сделанного своими силами, но если сравнивать с миром большой музыки — это ничто. Потом, послушал я твой диск: материал там есть ничего, но он сырой, недоделанный, звучит дешево и сведен хреново. Да, о хрени — упаковка у тебя никакая, просто имя и название. У тебя есть кое-какие поклонники, но без профессиональной рекламной кампании больше о тебе никто и не узнает. Короче, продаваться альбом не будет.

В ответ на тираду Хеннеси Ганнибал промолчал.

— Не хочу рушить твои песочные замки, Ганнибал, но дело серьезное. А я тебя знаю, Бык. Ты совсем как я, хочешь денег. И, думаю, ты видишь картину целиком. Видишь же?

— Всегда.

— Вот именно. Так что должен понимать, что «Краун» идеально тебе подходит. У нас самая лучшая в этом бизнесе команда, мы знаем и любим хип-хоп. У нас целая компания «платиновых» исполнителей и тех, кто дебютировал сразу на первом месте в «Биллборде». Только посмотри, что мы сделали для Безупречного. — Для Ганнибала имя Безупречного прозвучало как железом по стеклу. — Безупречный сейчас — номер один в хип-хопе, и все это не только благодаря его таланту. Так же будет и с тобой. Я тебя в будущем вижу номером один, Ганнибал, совершенно четко. Хочешь собственный лейбл — пожалуйста, только ты сначала заяви о себе, а через пару лет начинай, и вот

увидишь, сам будешь кому-нибудь втолковывать то, что я тебе сейчас говорю. Посмотришь на себя, миллионера, и подумаешь: «А Хеннесси-то был прав». Подписывай контракт, Бык, и за работу.

- Интересный ты мужик* Хеннесси. Только давай я тебе все объясню. Я собственными силами продал сотню тысяч дисков, что для большого мира музыки — ничто. Но я получил сто процентов дохода от них вместо пятинадцати с каждого доллара, которые предлагаешь ты. Дальше, продавал я по десять долларов за штуку, значит, у меня уже выручка миллион долларов, а если вспомнить о моей нынешней профессии, то я давно и так миллионер. Вот что я сделал собственными силами. Представь, что я вложил эти деньги в настоящую студию и продюсера. А я, как ты сам заметил, уже веду переговоры с крупными музыкальными магазинами насчет своего продукта. И что касается промоушена — чувак, ты давно на автобусе или электричке ездил? Я повсюду. Так что рекорд-контракт мне не нужен. Мне нужна дистрибуция — и то только потому, что на данный момент я не могу протолкнуть свой товар туда, куда можешь ты.

— Слушай, Бык, ты же артист, зачем тебе вообще о бизнесе волноваться? Надо учиться играть свою собственную роль.

— Да брось, Хен, ты же сам сказал, что мы похожи, забыл? Так что ты должен понимать. Все просто — чем больше контроля, тем больше денег. Это я давно понял, собаку на этом съел. Сам пишу пьесу и сам все роли играю. Короче, мы оба знаем, что альбом будет продаваться, при участии «Краун» или без него — это на твое усмотрение. — Тут Ганнибал дал знак Муку и Терренсу. — А теперь, думаю, нам пора идти. Но у тебя есть мой номер, звони, когда надумаешь.

Ганнибал сказал все, что считал необходимым. Теперь все было в руках Хеннесси. С «Краун» Ганнибалу хотелось сотрудничать, потому что они стали брендом, но ведь были и другие.

Хеннесси так и сидел, пока Ганнибал, а за ним и Мук поднялись, и все троим с Терренсом вышли из кабинета, не попрощавшись и не оглядываясь.

Все трое шли по коридору от кабинета Хеннесси к лифту. Его секретарша была поражена тем, что они ушли так быстро и совсем не в том настроении, как другие. Обычно от Хеннесси уходили либо очень счастливыми, либо очень недовольными, иногда в сопровождении вооруженной охраны.

Они уже достаточно далеко отошли от кабинета, когда Терренс нарушил молчание.

— Круто ты все разыграл. Уверен, что выгорит, чувак? — спросил он у Ганнибала.

— Вечно все пытаются поймать ниггера, — ответил Ганнибал, скорее,

самому себе.

— Черт, и на хрена мы вообще сюда пришли. Надо заниматься тем, что у нас получается лучше всего, — прокомментировал Мук.

— Блин, ниггер, ты что, не в состоянии картину целиком увидеть? Тут можно большие деньги заработать, не беспокоясь о тюрьме или пуле! — Ганнибала бесило, что даже на этом уровне Мук не понимал ситуацию. Еле уговорили его прийти сюда. Не разрастись так дело, они бы ему вообще не стали рассказывать. Мук был абсолютно против: хотя принял в конце концов и деньги, и должность, но своими их не чувствовал. Только и мечтал о том, чтобы бросить все это и заставить Быка сделать то же самое.

— Ты, похоже, этого белого не слышал. Не будет он ничего распространять. А что он-таки предлагает — так ты сам сказал, мы и так больше заработаем.

Они дошли до дверей, Терренс вызвал лифт. Ему хотелось возразить Муку, но сейчас, Терренс понимал, это не его дело, хотя именно благодаря его, Терренса, усилиям «Каннибал рекорде» достиг успеха. Настоящим президентом лейбла был Терренс, а Мук занял должность только из-за старых своих заслуг.

— Не волнуйся, будет, — спокойно ответил Муку Ганнибал.

— Мечтатель ты гребаный!

Ганнибал промолчал только из-за их дружбы, к тому же они пришли сюда по делу, и дурак бы он был, если потерял бы контроль над собой, будто какой-нибудь уличный бандос. В «Каннибале» не будет раздора, тем более, в офисе Хеннесси. Приехал лифт, и все трое зашли.

И уже внутри Ганнибал сказал:

— Все начинается с мечты.

Ехали они молча, вышли из лифта и уже почти покинули здание, когда в кармане у Ганнибала зажужжало. Он вытащил пейджер и прочитал: «Ты многого просишь, но мне твоя манера нравится. Пусть твой адвокат звонит нашему, чтобы составить договор. Но с условиями. Я хочу заниматься упаковкой и промоушеном. Короче, за работу. Хеннесси».

Если и бывают моменты, когда можно почувствовать, как начинает воплощаться твоя мечта, для Ганнибала сейчас наступил именно такой момент, и он ухмыльнулся во весь рот:

— Ну, парни, вот и оно.

КНИГА

ТРЕТЬЯ

15

В «Джа» был настоящий сумасшедший дом. Персонал маленького музыкального магазина работал всем составом, чтобы обслужить такую толпу. Зараз там вмещалось не больше сотни человек, так что оставшиеся две тысячи ждали на холоде у входа. И снова, как и девять месяцев назад, стояла зима, и мороз спуску не давал. Но гарлемские фанаты все же толпились в очереди со всякими баннерами и постерами Ганнибала, чтобы увидеть Пожирателя воочию.

За столом Ганнибал, Терренс и Жнец подписывали диски. Жнец был новеньким хардкоровым рэпером; худой, темнокожий, с африканским хаером и орлиным носом. Единственный артист, которого Ганнибал выпускал на «Каннибал рекорде», кроме себя самого. По большому счету, Жнец просто подражал Ганнибалу, копировал его жесткий саунд до малейшей детали, но до Быка ему было далеко. И Ганнибал вовсе не возражал, что Жнец косил под него; понятно, все звучат похоже на кого-нибудь еще, так зачем же продвигать стиль другого рэпера?

За ними, прислонившись к стене, стоял Мук, которому явно не нравился весь этот бардак. Несколько парней были на подхвате у охраны «Джа», другие закидывали толпу на улице и проезжавшие мимо машины флайерами. Народу в магазин набилось столько, что не пройдешь; порой даже не слышно было, как из динамиков громко играет трек «Молчание». Чуть поменьше света — и выглядело бы совсем как клуб, даже ди-джей на месте: Ра брал у Ганнибала интервью прямо в магазине.

— Йо, с вами ваш лучший друг Ра, прямо в Гарлеме, в «Джа рекорде», чисто в аду кромешном! Эй, как всем известно, сегодня кровавый вторник, а это значит, что именно сегодня выходит дебют нашего великого Ганнибала Каннибала. Он тут подписывает диски на Сто двадцать пятой. И это просто сумасшествие! — Ра повернулся к Ганнибалу: — Господи-боже, че тут происходит вообще?

— Ничего особенного, чувак, так, веселимся, наслаждаемся вниманием.

— Да не то слово. Тут целая толпа набежала посмотреть на тебя. И каково это?

— Это просто здорово, мы к этому давно шли, и вот оно наконец случилось.

— Да брось, разве давно? Год назад о тебе никто и не слышал, а теперь ты самый крутой перец в музыке! Расскажи, как тебе это удалось.

— Только тяжелым трудом и предприимчивостью.

Не такого ответа ждал Ра, но за свою карьеру он понял, что давить в таких случаях не стоит.

— Понятно, понятно. Тут мы ничего не добьемся. Итак, Бык, ты в «Джа рекорде», небольшом независимом магазинчике. Интересно, отчего ты какой-нибудь большой сетевой центр не выбрал?

— Мы и до них доберемся в свое время, но я сам деляга, всегда был им и всегда буду, так что деловых людей уважаю и поддерживаю. Друган мой Енох как-то управлял таким маленьким магазинчиком, и тяжело это — конкретным пацанам конкурировать с большими боссами, так что я просто хочу таким образом продемонстрировать свою поддержку. Так что сегодня мы в Гарлеме, а завтра в Бруклин махнем.

— Черт, вот он Бык, реальный пацан! И раз уж заговорили о поддержке своих—эй, народ, теперь вы Быка поддержите — вперед за альбомом! Поверьте, я его слышал, совершенно безбашенная штука. Кстати, Бык, ты ведь тут не один, не хочешь представить нам своих парней?

— Ну, справа от меня — это Жнец, наш беспощадный косарь, смерть с косой. Как бы он приносит смерть. Он у нас новичок, но каннибализм у него в крови. Бруклинский, еще безумнее и жестче меня.

— Жестче самого Быка? Верится с трудом. Ну-ка, что он нам скажет? — И Ра обратился к Жнецу: — Эй, чувак, как жизнь?

— Нормально. Стрижем купоны, сливки снимаем, кайф получаем...

— Понятно, понятно. Ясно, я тебя услышал. — Догадавшись, что Жнец готов выдать ему целиком типичную рэперскую тему, Ра разочаровал его и быстро переключился обратно на Ганнибала: — Точно, Бык, слышал его на твоём альбоме. Прикольный чувак.

— Ну естественно, со мной только лучшие тусуются.

— А этот парень кто? — спросил Ра, глядя на Терренса.

— Это практически член семьи, Терренс. Ти — вице- президент «Каннибал рекорде» и много чего еще: он у нас всем занимается.

Тут и сам Терренс вмешался:

— Эй, братан, я могу все, что касается каннибализма. Все сделаю на пользу «Каннибал».

— Да, как я погляжу, у твоих ребят все схвачено. А у нас перерыв, и мы вернемся минут через пять, я и Бык в «Джа». И для тех, кто не в курсе, - сегодня кровавый вторник, так что бегом за диском «Ганнибал: Молчание ягнят»!

Был всего лишь вечер, но в январе в шесть часов уже темно, словно в полночь. Черный «джип-лексус» с тонированными стеклами рассекал по гарлемским улицам. За рулем сидел Терренс, рядом с ним Жнец, а сзади — Ганнибал с Муком. Остальные поехали на метро. Только закончилась четырехчасовая раздача автографов. Ганнибал должен был бы остаться совсем без сил, но никак не мог прекратить думать о деле, глядя в окно на огромную растяжку вдоль «Аполло-театр» с обложкой его альбома: на рекламной фотографии на нем была маска, совсем как у Лектера в кино.

— Ну, Ти, что ты говорил об отзывах? — спросил он Терренса.

— Уроды всерьез на нас наезжают. Отзывы пишут просто отстойные. Называют тебя гомофобом и женоненавистником, — ответил тот.

— Спорю, автор либо пидор, либо сучка какая. И что, только это, больше ничего не пишут? — поинтересовался Ганнибал.

— Ну, несмотря на наезды, они и хорошее отмечают. Чувствуют твою харизму. Мне сегодня звонили, говорят, в «Соре» тебе три с половиной «микрофона» поставят.

— Три с половиной, — повторил Ганнибал. — Вместо четырех с половиной у Безупречного, — добавил он вполголоса, самому себе. — А что радио, помимо Ра, кто что говорит?

— Ну, какие-то станции наши треки ставить не будут, хоть их больше всего и заказывают. Там у руля белое пидорье одно, а мы черные, вот и хотят нас поиметь. Плюс кое-что кажется им слишком жестким — но если они будут редактировать, там вообще одна тишина останется.

— Все так хреново?

— Да, так хреново.

— Ну а какие прогнозы, что за продажи нам обещают на первой неделе? — Ганнибал нуждался хоть в одной хорошей новости.

— У нас сейчас нет конкурентов, первый номер нам практически обеспечен. Правильно ты решил выпустить альбом в первом квартале.

— А какие числа-то, показатели Безупречного за первую неделю побьем? — Ганнибал все сравнивал с Безупречным. Вечно будто в догонялки с ним играл и постоянно ждал того дня, когда наконец победит его.

— Не знаю. Там были крутые продажи, а без поддержки радио, честно говоря, нам такое не светит. Но денег мы в любом случае больше заработаем — у него-то контракт, не забывай. — Терренс совсем вжился в роль — вел бизнес так же напористо и находчиво, как раньше торговал на улице дурью.

— Ну, теперь главное — придумать, как бы самим тираж распространять,

чтобы все деньги шли нам. А то стоит мне подумать, что «Краун» получает четыре доллара за каждый диск, я просто из себя выхожу.

— Правильный ход, в жопу белых уродов, все бабло себе, — согласился Терренс.

— Да, но пока-то мы у них под контролем. Если хотим сохранить сделку, надо бы найти еще одного исполнителя. Нас со Жнецом недостаточно.

— Ну, блин, я тоже рэп читаю, ты же знаешь.

— Забудь об этом: слышал я, как ты читаешь, только слюни летят.

Жнец захихикал, первый раз за всю поездку поучаствовав в разговоре. Он был новенький, но уже соблюдал протокол.

— Не, нам бы кого-нибудь прикольного, — добавил Ганнибал.

— Ну есть у меня один парень. Засранец — просто чума, — сказал Терренс Ганнибалу, глянув на него в зеркало заднего вида.

— Да, и кто это?

— Мой приятель.

— Ну бля! — не смог сдержаться Мук.

— Это еще что — хочешь что-то против моих друзей сказать? — с яростью вскинулся Терренс на реплику Мука.

— Да, придурок, хочу, — подтвердил Мук, удивленный и рассерженный тем, что Терренс ответил.

— А ну-ка все заткнулись, — вступил Ганнибал. — Слушай, Ти, я вроде всех твоих парней знаю — я его видел?

— Не, я сам с ним пару дней назад познакомился. Увидел, как он читает рэп прямо на улице. Он соперника своего просто сожрал. Тогда мы и разговорились. Он крутой чувак, с мощной энергетикой, кажется, сам из пригорода откуда-то. Но правильный такой, не из наших. Умный до чертиков, а рэп читает лучше любого уличного.

— Правильный, говоришь. Ты же меня не разводишь, а, Ти? Не трать попусту мое время.

— Эй, чувак, я знаю, что языку меня длинный и я много треплюсь, но тут — никакого пиздежа! — заявил Терренс с редкой для него горячностью.

Заметив его серьезный тон, Ганнибал ответил:

— Ладно, беру с тебя слово... познакомь нас.

— Запросто.

— Как, кстати, его зовут?

— Миха, — ответил Терренс.

— Миха... прикольно.

16

На Манхэттен, где-то между Бродвеем и Виллиджем, спускался вечер. Атмосфера в районе царила творческая, хотя и не совсем уж богемная. Очередь человек из четырехсот растянулась на квартал — люди с мороза хотели попасть в кафе «Спит». Этот клуб был прибежищем андеграундного хип-хопа со всего города. Здесь устраивали «свободный микрофон» и часто проводили баттлы. Именно сюда приходили молодые и горячие, чтобы опробовать собственные силы, прочитать свои лучшие стихи не на уличном перекрестке, а на сцене. Здешние баттлы отличались особой неистовостью.

Безупречный и Ганнибал бывали здесь, и два года назад битвы между ними происходили регулярно, но теперь все изменилось. Словно целая жизнь кончилась. Теперь их встречи у микрофона превратились в легенду. Сами они ушли уже очень далеко, а их поклонники пристрастились скупать записи их ранних фристайлов. Кому могло прийти в голову, что день, когда эти записи обретут особую ценность, наступит? Кое-кому пришлось — Декаденту, здоровому светлокожему хозяину «Спита», мужику лет тридцати пяти. У него было чутье на талант, так что он сохранил записи и теперь зашибал деньги.

Это была пятница. Пабло, коренастый бугай за тридцать, заседал на своем обычном табурете у входа в кафе и с самодовольным равнодушием собирал деньги со входящих. Снаружи «Спит» выглядел натуральной дырой в стене, над дверью — деревянная доска с убоговыведенным баллончиком названием. Да и внутри обстановочка была не лучше: самая настоящая дыра, набитая под завязку людьми. Впервые пришедшие в «Спит» недоумевали, зачем в такой гадюшник вообще ходят. Но потом начиналось шоу, и все вопросы снимались: сюда приходили за атмосферой — микрофон, сцена, стихи. А то, что обстановка не отличалась комфортом, только подчеркивало андеграундный аскетичный имидж клуба.

Народ валил туда толпами, особенно по пятницам. В пятницу проходили сами баттлы, на которых встречались только лучшие из лучших. Люди съезжались со всех районов, вплоть до Джерси и Коннектикута, чтобы, любой ценой пробравшись в клуб, посмотреть, кто же победит. По требованиям пожарной безопасности в клубе могли одновременно находиться только двести человек, но Декадент всегда превышал это число. Было так тесно, что атмосфера вынужденно становилась очень дружеской, почти интимной, а

страсти накалялись до предела.

Была половина первого ночи, шоу в самом разгаре. Диджей убрал звук, показывая, что его сет подошел к концу. Ведущий, Лю Канг, пробрался на сцену; он веер да вел пятничные бои. В мире андеграунда его титул бы весьма уважаем — этот высокий мулат с красными кудрями в стиле афро, фанат «Мортал комбат», даже слег ка зазнавался из-за своего постоянного пребывания в лучах софитов. На сцене он взялся за микрофон: — Йо, перерыв окончен, мы в «Спите», и сейчас начнется просто безбашенная поэзия. Вот он, наш гвоздь программы, главное событие. На сцену приглашаются 'Ха и Серьезный Базар.

Серьезный Базар быстро залез на сцену: высокий темнокожий парень с дредами, лет двадцати с чем-то. Он знал, что его вызовут, и стоял неподалеку.

— Отлично, один есть, теперь нужен второй. Где у нас 'Ха? — спросил Лю. 'Ха он называл Миху; его, в любом случае, было не видно, и сквозь толпу никто не пробирался.

Но Миха был на месте. Он, как обычно, сидел на задней лестнице: любил прятаться от толпы перед выступлением. Паренек двадцати одного года, в наушниках; он так сосредоточился на задании, что забыл обо всем и не услышал, как назвали его имя. Симпатичный, темнокожий, атлетичный — привлекательный, но не смазливый юноша; волосы убраны в тугие косички.

К Михе подошел знакомый и хлопнул его по колену.

— В чем дело? — очнулся Миха.

— Тебя зовут, — ответил тот.

— Хорошо.

Миха спокойно направился к сцене — та была неблизко, да и пробираться тяжело, так что поднялся он только через минуту.

— Ну вот и он. Начнем уже. Обычно у нас три раунда. Но наш 'Ха от двух раундов отказался и будет выступать только один раз. Да, чума какая-то, я знаю. Но братишка верит, будто сможет обойтись одним. Серьезный Базар мудро решил подобного не предпринимать. Обычно у нас так не делают. Только одному парню это уже удалось, и мне интересно увидеть, что 'Ха готов нам предложить. Базар проиграл жеребьевку и поэтому начинает.

Когда заиграл бит, Лю отошел назад и вручил микрофон Базару. Его телега была неплоха, но совершенно обычная, без придумок. Миха снова напялил свои наушники. Базар крутился совсем рядом, на расстоянии плевка, разбрасывался всеми вычитанными ругательствами, а Миха, казалось, находился где-то далеко. Он выглядел даже каким-то грустным, размышляя над тем, что будет читать.

Через две с половиной минуты и где-то сотню строф Базар закончил. После оваций Лю передал микрофон Михе. Тот снял наушники и вернулся в реальность. Взял микрофон, облизал губы и медленно начал.

*Йо, йо, йо, йо
Йо, я слишком мозговит
Для твоего жалкого мозжечка.
Срал я на твою систему,
Как фараон Эхнатон,
Снесу тебе башку.
Прикидываясь дурачком, как Бин Ладен,
Проникну внутрь тебя,
В твой мозг продолговатый.
Ты рыпашся,
А не рэп читаешь.
Ей-богу, против чего ты выступаешь?
Своими телегами только детей напугаешь.
Тут он ускорился.
Говоришь, ты крутой ниггер,
Раз убил кучу ниггеров.
Так покажи, какой ты крутой,
Иди, убей белого.
Базар был немного ошарашен и удивлен его ремаркой.
Ага, ты что-то поражен,
Сынок, в чем дело?
Ага, в свою песню Ты бы такое не вставил.
Ну а я вставил, и мне по хуй.
Может, я слишком тупой, слишком глупый,
Слишком толстокожий,
Чтобы бояться,
Так что оставляю тебя жить.
А сам я живу рифмой,
Мои телеги несутся потоком,
В моих словах только правда —
Аты всего лишь сатир
С пошлыми страстишками,
Одержимый славой.
Пацан, ты просто завистник.
А теперь ползи, как таракан,*

*От света своего бога.
Да, чувак, ты модный —
То ли просто трепло,
То ли полный идиот.
Поверь, сынок, я слишком могуч,
Слишком метафизичен,
Обездвижу тебя и сражу.
Ты, слепец,
Соревноваться со мной бесполезно,
Потому что воистину говорю —
Твои рифмы просто смешны,
У твоих слов нет пути,
И даже твоей этике
Не хватает эстетики.*

К концу последней строфы толпа взорвалась аплодисментами. Многочисленные «вот черт» звучали в унисон. Миха спустился со сцены, его приветствовали объятиями и рукопожатиями пораженные зрители.

Лю заговорил, пряча свой энтузиазм:

— Без сомнений, парень своего добился. Ничего не понял, что он там говорил, но, как по-вашему, этого достаточно для победы? Обратимся к нашим судьям — каково ваше решение, ваш приговор?

Заранее выбранная троица показала свои карточки.

— Так, вот и развязка, — Лю старался разглядеть карточки, закрываясь рукой от софитов. Наконец он прочитал судейский приговор: — Один за Базара, второй за 'Ха и третий... за Базара. Побеждает Базар. Короче, выпендрож до добра не доводит, по крайней мере не всех. И чего ты хочешь, когда сам всего лишь копия?

Среди публики закипало недовольство. Миха выглядел спокойным и невозмутимым. Надел свои наушники и двинулся к выходу. Он явился сюда один, и оставаться смысла не было.

Он вышел, застегнул черное пальто и обернул вокруг шеи сиреневый шарф. После душного клуба холод ночи пробирал насквозь. Миха уже пошел было прочь, когда услышал окрик:

— Эй, Миха!

Миха обернулся и увидел бегущего к нему Терренса. Друзья горячо поприветствовали друг друга.

— Эй, как дела, Ти? Что ты тут делаешь? — спросил Миха.

— Хотел с тобой встретиться, — ответил Терренс с улыбкой. — Эй, ты в

курсе, что тебя только что обокрали, чувак?

Миха промолчал с легкой улыбкой.

— Да в курсе ты, в курсе. Да и насрать. Ты его за три строчки сделал, по моему мнению. Слушай, откуда ты берешь все эти слова, чувак?

— Из жизни. Из жизни и из книг.

— Это же хренова туча книг. Мне такое не по плечу. Нет, чувак, теория не по мне. У меня от книжек голова болит.

— Смешной ты.

— Эй, я серьезно. Я с практическими занятиями лучше справляюсь. Но все равно буду каждый день словарь читать, запоминать слово-другое, чтобы подтянуть свой лексикон. Но до тебя мне далеко. Просто хочу время от времени бросать слово-другое, чтобы ниггеры нерасслаблялись, понимаешь меня?

— Понимаю, чувак.

— Ну ладно, слушай, я тут к тебе кое-кого привел.

С заднего входа, чтобы не привлекать лишнего внимания, появился Бык. Помимо Декадента практически никто не знал, что он здесь. Ганнибал развернулся и направился прямо к Михе и Терренсу.

Миха взглянул на Терренса:

— Ухты, сделал-таки. Привел ко мне Быка.

— А что я тебе говорил? Я вице-президент «Каннибал рекорде». Засранец ко мне прислушивается.

Ганнибал подошел с почти восхищенным выражением лица и потрепал Терренса по плечу:

— Ти, надо сказать, ты не разочаровал.

— Так, бля, я же говорил, говорил тебе, — затрещал Терренс, тоже гордый собой.

Миха от робости не знал, как обратиться к Ганнибалу.

— Мистер Ганнибал... я...

— Да просто Бык. Просто Бык, — успокоил Ганнибал Миху. А затем подошел и крепко его обнял.

— Бык, классный же чувак, правда? Ну признай это, признай, — продолжал болтать Терренс.

— Правда, — согласился Ганнибал.

— Типа Безупречного, — добавил Терренс.

Опять этот Безупречный. Но почему-то в этот раз его имя Ганнибала не особо расстроило.

— Да лучше, по-моему, — ответил он, а потом сказал Михе: — Сегодня должен был выиграть ты.

— Я знаю, — ответил Миха.

— Отлично читаешь, чувак, просто здорово.

— Спасибо.

Это все было как-то слишком для Миши. Только проиграл баттл — а тут его сам Ганнибал нахваливает.

— Но у тебя ведь не один стих? — спросил Ганнибал.

— У меня их сотни.

— А чего взял только один раунд?

— Да противник того не стоил, я не хотел ради него выкладываться.

Ганнибал улыбнулся и подумал: «Чертов выпендрежник. Совсем как тот».

— Мне твой стиль нравится. Что сегодня вечером делаешь? — спросил он.

— Ничего. А что?

— Есть разговор.

— Да, а какой? — зачем-то спросил Миха. Вообще-то он бы с Ганнибалом куда угодно пошел.

— Ну, чувак, как о чем... о каннибализме. Пошли.

17

— Ответьте, Кларисса, вы скажете мне: остановись; если любишь меня, остановись?

Голос Лектера заполнял комнату своим узнаваемым жутковатым британским акцентом.

— Никогда и ни за что, — ответила Кларисса Старлинг, плененная Лектером; ее волосы были зажаты в двери холодильника.

— Хм, никогда и ни за что, — повторил он. Потом агрессивно кинулся вперед, будто бы для укуса, но сразу отпрянул. — Моя девочка.

Ганнибал и Миха сидели на диване в огромной комнате, освещенной только сиянием гигантского телевизора. Ганнибал сидел открыв рот — это был один из его любимых эпизодов. Миха тоже очень увлекся. Фильм ему нравился, а смотреть его в компании Ганнибала — вообще одно удовольствие.

— Смотри, смотри, сейчас такое будет, — вырвалось у Ганнибала; он уже с трудом мог усидеть на месте.

— Выше запястья или ниже его, Кларисса?.. Будет очень больно.

И Лектер будто бы отрубает Клариссе руку мясницким ножом, но, как потом выясняется через несколько кадров, на самом деле он отрубил руку себе.

Ганнибал уже не мог сдерживаться:

— Я просто не понимаю! Гляди, раз сто этот фильм смотрел и всегда, как доходит до этого момента, я надеюсь, что все изменится и он отрубит руку этой сучке.

На весь фильм единственная лажа, — от наплыва эмоций Ганнибала прямо несло.

Эту забавную, наивную часть Быка могли знать только те немногие, с кем он был близок и делился своими чувствами. Раньше это был Мук. Но с недавних пор Бык перестал считать Мука достойной компанией, да и поделись они с глазу на глаз теперь тоже редко. Они, кажется, целую вечность были знакомы, но было похоже на то, что общаются они только из уважения к тому времени, что уже потратили друг на друга. Почему-то перед Михай, с которым они были едва знакомы, Ганнибалу захотелось раскрыться.

— Да брось, ты что, не понимаешь? — удивился Миха.

— Не понимаю, что?

— Да он же ее любит, вот в чем дело.

— Любит? Кого он любит? — Слово какое-то левое; никакого отношения к их разговору оно не имело.

— Кого еще — Старлинг.

— Не, чувак, Лектер слишком холоден, чтобы кого-либо любить.

— Но он же любит ее, правда, ну ты сам посмотри. А еще лучше книжку почитай.

— Ты читал книжку? — изумился Ганнибал. Он знал о существовании книги, но никогда не интересовался ею. Странно было встретить кого-то, кто ее прочитал.

— Да, я посмотрел фильм, мне понравилось, и я взял книжку. Знаешь, как говорят, книжка всегда лучше фильма, ну я и захотел посмотреть, насколько.

— Круто, чувак.

Ганнибал был под впечатлением. Немногие из его знакомых вообще читали, и никто не любил Лектера настолько, чтобы после фильма браться за книгу.

— Но уж поверь мне, если тебе такой поворот сюжета не нравится, конец книжки тебя просто убьет. В смысле... — Миха уже готов был пересказать книгу Ганнибалу, но тот остановил его.

— Не рассказывай. Сам прочитаю.

Ганнибал читал редко, но всегда считал это своим недостатком. Он хотел бы читать больше — и вот он, шанс сделать это: что может быть лучше, чем книга о его тезке. Он был рад, что Миха заинтересовал его.

— Даже удивительно, что ты такой фанат Лектера, а книжки не читал, — заметил Миха.

— Брось ты, в нашем мире у черных есть время только на дела и еду; чтение — роскошь. Но я найду время и прочитаю. Значит, говоришь, он ее любил? — спросил Ганнибал у Михи почтительно. Ведь Миха читал книгу, теперь в вопросах о Лектере он — большой авторитет, чем сам Бык.

— Ну да, любил. Но и в тюрьму ему не хотелось.

— Ну еще бы, приятель. В тюрьму ни ногой, что бы там ни было. Это правильно. Тюрьма хуже войны людей уродует.

Ганнибал и не знал-то никого, кто бы воевал. Но он знал слишком много тех, кто сидел, и на его взгляд этот опыт их лучше не сделал. Давным-давно он сам себе поклялся, что не угодит в тюрьму или, по крайней мере, не сядет из-за какого-нибудь пустяка.

— Ладна. Кино кончилось. Пойдем прогуляемся.

Шли титры, и Ганнибал мог спокойно выключить телевизор. Это был сто шестой раз просмотра. За последний год он сбавил частоту — новое хаотичное

расписание оставляло ему немного времени на то, чтобы сидеть дома и смотреть телик. Вот почему моменты, когда он мог приобщиться к знакомой реальности, приносили ему столько удовольствия. И Лектер был ему еще милее после их разлуки. Это как заниматься сексом впервые после долгого перерыва. Словно снова девственник.

Телевизор погас, и вся комната погрузилась во мрак.

Потом голос хозяина произнес «свет», и комната осветилась. Но это была уже не прежняя квартира Ганнибала в новостройках — недавно он переехал в дом за миллион долларов в Инглвуде, Нью-Джерси. Это было обычное дело для рэпера — переехать из гетто в пригород, но Ганнибал не просто следовал моде. У него к гетто неприязни не было — там его очень любили. Но ему мечталось о большем, и, к сожалению, его прежние друзья этой мечты не разделяли. Многие дальше своего гетто ничего и не видели, и он знал — они обречены остаться там навсегда, смирившись со своей долей. Ганнибал ни с чем мириться не хотел: он сам выберет себе место, на самой вершине. Независимо оттого, в каких условиях он появился на свет, он сам будет решать, как их превозмочь.

Он переехал, потому что понимал: несмотря на все уважение, неразумно быть сытым среди голодных — они только о своем брюхе думают. Нужно уехать, чтобы они не затащили его обратно, словно крабы в яме. Он не мог себе такого позволить. Сначала выбраться из ямы, потом уже отбросить путы. Ганнибал был готов стать главным крабом, даже если бы дорога наверх шла по головам остальных.

— Как тебе дом? — спросил он у Мухи.

— Симпатичный, — ответил тот, оглядывая огромную белую пустую комнату с колоннами до самого потолка. Помимо дивана и огромного телевизора, мебели не было.

— Пустовато, согласен. Только въехал, некогда все тут обставить. Но пока у меня есть телевизор и Лектер, мне хватает. А скажи-ка мне, Муха, что ты думаешь о каннибализме?

— Я только за.

— Отлично, потому что я ем только с лучшими. Мне нравится то, что ты делаешь, более того, мне нравится твой стиль.

— Спасибо.

— Еще вот что... ты видишь картину целиком?

Это был главный вопрос, который Ганнибал задавал новым знакомым. В зависимости от ответа он определил бы, как оценивать Муху. Тот не был уверен, что правильно понял вопрос Ганнибала, но переспрашивать не стал. И наугад ответил:

- Да, вижу.
- Так я и знал. Добро пожаловать в семью, — и Ганнибал крепко его обнял.
- Спасибо, — робко сказал Миха посреди объятия.
- А теперь к делам семейным. Сегодня награды «Сорса». И мы должны поучаствовать.
- Отлично. Я на все готов. Даже на что-нибудь необычное.
- Так значит, он любил ее? — снова спросил Ганнибал. Эта новость все не давала ему покоя. Он понять не мог, при чем там любовь.
- Да, любил.
- Бредятина.

18

Что есть смерть? На самом деле, что происходит, когда умираешь? Безупречный размышлял об этом, глядя в вечернее небо. Он стоял на одном из балконов своего огромного дома в Берген-Каунти, смотрел на бассейн внизу и прочие свои богатства. Ты многого достиг, безупречный. Многие совершил. А умри прямо сейчас, что будут помнить? Кто-нибудь меня самого запомнит? Что будут говорить обо мне, о моих поступках? Каково мое место? Вот такие вопросы задавал себе Безупречный. Наверное, впервые в жизни он занялся эсхатологией. Раньше он уже задумывался о конце, но так же, как и все остальные — подумают немного, но не вникают, потому что слишком уж депрессивно. Все ждут, что этим кто-нибудь другой займется. Большинство полагается на веру или вообще на невежество, смотрят на мир через розовые очки, и лишь немногие хотят знать многоцветную реальность, ухватить суть вопроса. А теперь вопрос взялся за самого Безупречного. Нет, серьезно, а что такое смерть? Неужели и впрямь наступит время, когда я перестану существовать? И как это будет? Как он ни старался, не мог себе представить такую картину. Не мог вообразить собственное небытие. Приходилось принимать это как данность — факт, что однажды, хочешь не хочешь, ты умрешь. Умереть — это вообще как? И тут он понял. Мысли, именно мысли делали его тем, что он есть. Ведь в действительности он был не плотью, которую видел в зеркале; он был мыслью, которая к этому зеркалу обращалась. Мысли сделали его самим собой — он был всего лишь их проявлением. Мышление — вот жизнь и смерть. Так что умрешь — и мысли тоже умрут, ведь ты перестанешь мыслить. От такого прозрения у него слезы на глазах выступили. Он думал всегда, сколько себя помнил. Сама идея прекратить думать его расстраивала. Не думать — вот что значит умереть. И если уж наступит время, когда я умру, наступит и время, когда я перестану мыслить. Неужто? Он был неуверен. Он просто знал, что есть что-то, называемое смертью. А для него смерть могла быть только отсутствием мыслей. Он был доволен своим телом, но если бы его лишили плоти, оставив сознание, он бы не умер. Так можно жить, думал он. Но все это просто спекуляции. Точное положение дел ему неизвестно — как и никому другому. Вот почему, стоя на балконе своего прекрасного дома, он осознал, что ничего не знает.

Эрика сидела перед зеркалом, готовясь к выходу. Ничего особенного — это будет, конечно, раздача наград, но всего-навсего наград «Сорса»: чисто хип-хоп тусовка, только свои. Она на мгновение опустила лицо и перестала видеть отражение Безупречного в зеркале. А когда снова подняла голову, его уже не было на балконе — только ее лицо мерцало теперь в зеркале, Безупречный исчез. Откуда-то сзади ей на плечо опустилась рука.

Безупречный пришел к ней поговорить. Все эти ужасные мысли сломили его дух. Ему хотелось послушать сестру, подкрепиться ее энергией, вникнуть в ее проблемы и снова почувствовать себя живым. Стоя позади нее, он не удержался и сказал:

— Ты прекрасно выглядишь, Эрика.

— Спасибо, — ответила она.

— Совсем взрослая.

— Ты говоришь, как настоящий отец.

— Иногда я именно так себя и чувствую. — Безупречный и впрямь иногда ощущал себя по-отцовски. Давно уже он был сестре защитником.

— Но ты мне не отец, Майкл, — сказала она, задрав голову, чтобы увидеть его. Глядя на него снизу вверх, она казалась совсем девочкой.

— Да знаю я, знаю, — ответил он ей.

— И я уже не ребенок. Мне двадцать лет.

Эх, будь ты на моем месте, подумал он.

— Знаю, но ты же моя сестренка... Я за тобой с детства присматривал.

— Понимаю, и благодарна тебе за все, что для меня сделал, но больше не нужно меня защищать.

— Я понял, — сказал он. Вообще-то ничего он не понял, но ему хотелось заставить себя понять.

Эрика, не убежденная его слишком поспешным согласием, продолжала:

— Нет, Майкл, правда, послушай меня. Ты уже давно ведешь себя подобным образом, и я устала от этого. Стоит парню ко мне подойти, как ты или Томми тут же вмешиваетесь. Пожалуйста, хватит. Это уже чересчур.

Слушая ее, Безупречный отвел глаза.

— Майкл, я серьезно. Почему это тебе можно жить своей жизнью и найти любовь, а мне — нельзя?

— Послушай, знаю я парней, знаю, как они обращаются с девочками. Ты — единственное чистое создание в этом мире. И я никому не позволю превратить тебя в шлюху.

— Нельзя превратить человека в кого-то, кем он не является. Я не дура. Может, я не самая опытная девушка на свете, но уж мужчин я знаю. Но если жить так, как ты предлагаешь, я никогда никому не смогу поверить. И никогда

не найду свою любовь. А я хочу ее найти, Майкл; я хочу любить...

— А я-то думал, что ты и так любишь... да я понимаю, правда, понимаю. Больше никакого давления! — И на мгновение он сам поверил в собственные слова. Как и Эрика.

— Спасибо. — У нее будто камень с души свалился, она обняла и поцеловала брата в щеку.

Мрачные мысли все еще владели сознанием Безупречного, но сейчас не время было ими делиться. А может, Эрика дала ему понять, что с ней делиться не нужно. Но если не с Эрикой, то с кем? Он свихнется, если останется со своими переживаниями один на один.

— Атеперь поехали на это шоу. Это будет твой вечер, всех там сделаешь. Тут в дверях показалась Триш.

— Так вот вы где. А я вас уже обыскалась. Ух, Эрика, выглядишь просто здорово.

— Нет, это ты выглядишь здорово. Правда, она красавица, Майкл?

Безупречный смотрел, как они обе сияли, и на секунду ему показалось, что он видит близняшек. Неужели они действительно так уж похожи? Да нет — у одной косички, у другой дреды, — но было в обеих девушках что-то общее в чертах и по духу.

— Она прекрасна, но ведь она ненастоящая, — жеманно ответил Безупречный. Триш покосилась на него. Тогда Безупречный подошел и обнял ее. — Да шучу я, милая. Ты отлично выглядишь, просто красавица.

Эрика смотрела на них, радуясь за брата. Триш очень ей нравилась, и ей казалось, что они с братом друг другу подходят. И еще она немного завидовала — ей хотелось таких отношений, хотелось любви. Она больше никого, кроме своего брата, не любила и так ждала, так мечтала полюбить.

— Ну, готов к сегодняшнему мероприятию? — спросила Триш Безупречного, не покидая его объятий.

— Еще как, — ответил он с вызовом.

19

Безупречный стоял с закрытыми глазами, задумавшись. Он не молился — это с ним вообще редко случалось; он обращался к своему подсознанию, такая у него была традиция перед выступлением. Открыв глаза, он увидел вокруг себя рабочих сцены, звукорежиссеров и электриков. Они носились между шнурами, стойками и всякой аппаратурой и в глазах Безупречного были тенью мира знаменитостей. Именно благодаря им вручали, получали и объявляли награды. Изначально по законам хип-хопа исполнитель должен быть сам по себе, но на самом деле у каждого было минимум человека четыре помощников, чтобы справиться с работой, которой и на одного не хватало. Безупречный улыбнулся этому факту и посмотрел на Томми, готового в любой момент поддержать его. Он единственный, без кого Безупречному никак.

— Готов? — спросил Томми, подойдя к другу.

— Да, готов.

— Отлично, потому что сейчас Эбони тебя вызовет.

Эбони была одной изнемногих женщин в рэпе. Наверное, самая лучшая среди женщин, конкурировавшая даже с сильнейшими из рэперов-мужчин. Красивая и серьезная, она читала телеги с содержанием, что в ту пору было редкостью. Вот почему ее считали не от мира сего — но и уважали темнокожую красавицу по этой же причине.

Эбони назвала его имя, и заиграл бит с четвертого релиза его ставшего уже «бриллиантовым» альбома. Два друга вышли на сцену. В зале присутствовало тысяча зрителей, преимущественно сами работники хип-хоп индустрии. Это усложняло Безупречному задачу: он терпеть не мог выступать перед своими — понимал, что, улыбаясь со своих мест, его мысленно поливают грязью. Все хотят увидеть, как оступится король.

На тот момент Безупречный взошел на Эверест и сделал это за рекордно короткий период. Другим исполнителям нужно было минимум три альбома выпустить, чтобы достичь того же уровня; редкий артист мог продать десять миллионов дисков. Это серьезное достижение даже для целой жизни; добиться этого за один альбом — редкий успех, а за альбом дебютный — просто фантастика. Только благодаря этому Безупречному посвятят целый параграф в книгах по истории музыки. Он знал это, как и многие присутствующие, — за это его и ненавидели.

Безупречному нужно было отвлечься от этих мыслей. Сейчас не время для оговорок — каждая только подхлестнет критиков. К черту их. Завладей миром, Безупречный, давай уже, думал он, пока Томми подстегивал толпу. Бит начался заново, и из самого нутра Безупречный с накалом выдал «Метод безумия».

*Это метод безумия,
Форма болезни,
Гребаное движение,
Выгодное и разграбленное.
Его не убьешь И его не ухватишь.
Я пну его ботинком,
Эй, уже устал от него:
Стоит зарифмовать,
Как оно меняет сюжет,
И его никогда не поймаешь.
Мой глубокий ментал
Пробирает не хуже ментола,
Свои эндорфины Я возведу в доктрину.
Братья, я ваш доктор,
Безупречный терапевт Вашего безумия.
Мой мозг — безумная математика,
Везде вижу цифры И это моя тематика.
Порой считаю, что я король,
А порой, что я тварь.
Так что подумайте,
Пока я тут болтаю,
Может ли думающая тварь
Существовать, не мысля.
Но мне говорят,
Что нефиг об этом думать,
Что просто нужно побрякушками сверкать
И в тюрягу приветы передавать.
Я всего лишь человек,
Так что пою один,
Играю один.
Но игра уже сыграна, чувак,
И я до чертиков зол.
В мире без чувств Бродят бесы чувств,*

*И от этого безумия я хочу сбежать.
Но каждое слово — это приговор.
Цепями вяжут строки контракта,
Который мне не изменить,
Даже изменив себя.
Я останусь заключенным системы —
В штате Нью-Йорк
Или в штате рабов и воров.
Слова и надзиратели меня держат взаперти,
Потому что этот мир зол на ниггеров.
Он хочет, чтобы мы не уважали друг друга,
Продавали наших женщин
И нажимали на курок.
А тут наготове у них безумные законы
И безумные тюрьмы,
Безумные пути,
Чтобы держать безумных парней за рабов.
В безумные дни Безумные негры сходят с ума
По безумным мечтам,
Бешеным диковинам,
Сумасшедшим вещам из сплошного безумия.
Мы бешено любим без планов на будущее,
Сумасшедшие пророки без единого цента,
Сумасшедшие нищие и поэты —
Уже не на плантациях, но по-прежнему рабы,
Рабы по собственному желанию, рожденные в безумии...*

Мило улыбайся на камеры, думал он. Нет, это же хип-хоп, лучше быть пожестче. Не буду улыбаться, выражение должно быть злое. Но ему не хотелось что-то изображать, он сдался... пошло все к черту, выгляжу как выгляжу. Лавина вспышек последовала из тысяч фотокамер. Безупречный находился в помещении для прессы. Вспышки так слепили, что его чуть не вырвало. И ничего не поделаешь: Безупречный стал триумфатором церемонии, взял четыре награды, включая «Запись года» и самую желанную — «Текстовик года». Теперь пришлось подыгрывать — нельзя расстраивать прессу. Уж если кто и умеет нагнать эмоций, это они. У них прямо научная степень в этом вопросе, подумал Безупречный. Так что надо мило улыбаться на камеры, или сурово хмуриться, или еще что. Главное, чтобы фотографировали.

Фуршет по случаю вручения наград прошел в зале «Голдстейна». Безупречный прекрасно его помнил — тут прошла самая первая вечеринка, на которую его пригласил Хеннесси. С тех пор многое изменилось. Тогда он пришел сюда восторженный и робкий, постоянно искал глазами Тома. Теперь на него самого все пялились, все хотели познакомиться с ним, обнять, дотронуться, сфотографироваться. Много и впрямь изменилось, но ведь он этого и ждал, он заранее знал, что так и будет.

Каждый будто бы пришел сюда с ним. Все люди, имеющие хоть какое-то отношение к бизнесу, — звукоинженеры, исполнители, продюсеры, девушки из видео, фотографы, репортеры — были тут как тут, и Безупречный был гвоздем программы.

Пока он общался с прессой, откуда-то сзади подошел Томми и сказал ему на ухо:

— Ты далеко зашел, чувак, добился своего. «Текстовик года», я жутко тобой горжусь, брат, — поздравила он Безупречного.

— Спасибо, друг, я ценю это, — ответил тот, развернулся к Томми и не просто пожал руку лучшему другу или похлопал по плечу, а крепко прижал к своей груди.

— Знаешь, я из-за тебя чуть не сбился во время выступления. Ты изменил текст «Метода».

— Да, знаю. Прости.

— Почему не предупредил о своих планах?

— Не знаю. Это не было запланировано. Слова сами из меня вырвались.

— Черт, ну круто, круто. Знаешь, мне так даже больше понравилось.

— Да, чувак. Мне тоже.

— Черт, Безупречный. Талантище ты. Люблю я тебя. Ты настоящий гений, — восхищался Томми.

— Я тебя тоже люблю, брат.

Он назвал друга братом не столько в распространенном африканском значении этого слова, а, скорее, по глубокой, практически кровной привязанности. Безупречный был весь вечер не в духе, а братское участие рассеяло его тревогу.

Б нескольких футах за ними с улыбкой наблюдали Эрика и Триш. Нечасто увидишь, как один мужчина показывает другому свои чувства, это всегда прекрасно. И именно так Эрика думала о своем брате — прекрасный. Он многого добился, и она им очень гордилась.

Вдруг начались какие-то перестановки, и людской поток сменил

направление. Многие оставили свои позиции рядом с Безупречным и устремились сквозь толпу посмотреть на человека, только что вошедшего в зал. Он был новым центром притяжения.

Ганнибал действительно притягивал как магнит — все смотрели на человека, чей хип-хоп альбом занял первую строчку и, несмотря на слабую поддержку радио, разошелся за первую неделю двумя с половиной сотнями тысяч копий. «Молчание» — альбом не коммерческий, но у него была своя армия поклонников. Запись сугубо андеграундная, как и сам Ганнибал. Его не слышно и невидно — никаких заигрываний с прессой, никаких интервью. Общение с Ра было исключением — даже Быку пришлось пойти на уступки богу хип-хоп радио. Вот почему появление загадочного затворника стало пиршеством для прессы.

Ганнибала сопровождала свита — слева Миха, сзади Терренс и Жнец. Остальные сегодня остались дома, Мук в том числе. Ганнибал наслаждался ситуацией — декаданс ему всегда был по вкусу. И еще больше удовольствия он получал, представляя картину глазами Михи.

— Ничего видок, да? — спросил он своего нового протеже.

— Да уж, — ответил тот, сдерживая восторг.

— Ну, я и сам в таком месте впервые. Так что у нас обоих это в первый раз.

— Готов девственности-то лишиться? — спросил Миха, сам удивившись тому, что может так свободно говорить с Ганнибалом.

— О да, и я смотрю, здесь есть кого к этому привлечь, — Ганнибал указал на трех очень привлекательных девушек вдалеке, упругих и роскошных в своих нарядах.

— Ух ты, вот это красота, — выдохнул возбужденный Миха.

Терренс услышал, о чем они говорят, и тоже посмотрел в сторону девушек.

— Чуть такое не пропустил. Та, что в середке, — моя. Это же задница моих грез!

— Погоди-ка, послушай... это же та с ВЕТ, на которую ты спускал, да? — ухмыльнулся Ганнибал, и Миха посмотрел на него, не веря своим ушам. Ганнибал взглядом дал понять, что Миха не ослышался. Терренс смотрел на них обоих, наблюдая за молчаливым диалогом.

— Да-да, черномазые. Я этим занимаюсь. Черт, опять вы меня подкалываете — можно подумать, я единственный, кто дрожит! — Признание Терренса вызвало у них взрыв хохота.

Парень саркастично скривил рот, когда Ганнибал положил ему руку на плечо.

— Ладно-ладно, смейтесь на здоровье. Только я вам вот что скажу. Сегодня она у меня будет дрожить. А теперь прошу прощения, мне тут нужно

найти подход к одной заднице.

Терренс устремился навстречу девушкам. Ганнибал и Миха все еще смеялись. Ганнибал просто помирал со смеху, схватившись за живот, — такое с ним редко случалось. Он так не смеялся уже бог знает сколько. Всегда такой серьезный, деловой, некогда веселиться. Да и не с кем ему было нормально посмеяться — ни с Муком, по крайней мере теперь, ни с Терренсом. Он знал, что люди не принимают тебя всерьез, если много смеешься. Пока осознаешь это, тебя уже перестанут уважать. Бык бы такого не позволил. Он понять не мог, отчего сейчас дал себе волю, но сделать ничего не мог, его просто разбирал хохот.

Миха тоже не мог остановиться. Смеялся, чувствуя себя рядом с Ганнибалом будто в компании старшего брата. О таких отношениях он всегда мечтал. Тут краем глаза он заметил что-то необыкновенное — и в то же мгновение понял, что перед ним самое прекрасное из виденных им созданий. Его смех перешел во влюбленное созерцание.

Тут набежала целая шайка журналистов, одолевая Ганнибала вопросами.

— Бык, каково это, выпустить лучший альбом страны? — влез первый репортер.

— Приятно, — ответил Ганнибал, не показывая, как разозлен тем, что ему не дали досмеяться.

— Что вы думаете о наградах и победителях?

— Слушайте, я на вручении не был, потому что мне награды не светили, я даже не был номинирован. Так что и сказать мне нечего. И вообще, мне сегодня совершенно нечего сказать. Вот кто у нас сегодня будет говорить, — Ганнибал похлопал по плечу Миху. — Ну, ты готов?

— Да, — ответил Миха, не зная, на кого смотреть.

— Пошли.

Они стали пробираться сквозь толпу, но Миха не сводил глаз с красавицы в дальнем конце ресторана.

В другом конце зала Триш и Эрика смеялись над компанией парней неподалеку, пялившихся на них по- снайперски напряженно. Наглецы не отводили глаз, облизывали губы, словно исследуя девушек, — Триш и Эрика чувствовали, как их раздевают взглядами. Но, как и все женщины, они научились смеяться над таким к себе отношением — слишком часто это происходит, чтобы расстраиваться. Они были счастливы просто побыть вместе. За последние полтора года, после знакомства Трише Безупречным, девушки стали близки. У них нашлось много общего, а Триш еще и обладала опытом, которым могла поделиться с Эрикой. Та любила разговаривать с Триш, воспринимая ее как старшую сестру, о которой всегда мечтала.

Что-то отвлекло Эрику от шуточек над парнями: она почувствовала, что издалека на нее смотрят, да так, что ей самой захотелось увидеть, кто же это. Пришлось развернуться и посмотреть. Это оказался темнокожий и симпатичный парень. Ухты, подумала она, не отрывая взгляда от наблюдавшего за ней мужчины.

Миха отвел глаза, как только девушка, на которую он уставился, обернулась к нему, но не сдержался и тут же снова взглянул на нее. Она продолжала на него смотреть. Он опять отвернулся, удивившись и уже пытаясь продумать свои последующие действия. Снова глянул на нее, и она выдержала его взгляд. Тут он, наконец, улыбнулся, а она улыбнулась ему в ответ — даже с такого расстояния это было чарующее зрелище. Михе даже пришлось напомнить себе, зачем он здесь, — справа от него стоял Ганнибал, и его присутствие возвращало к реальности.

Эрика поддерживала игру, поглядывая на красавца в другом конце зала и улыбаясь ему. Ей это нравилось — и он сам ей нравился, не только из-за своей привлекательности, но и потому, что в нем было что-то необычное. Самым необычным было то, как он на нее смотрел, — совсем не так, как другие мужчины. У него был какой-то особенный взгляд, ей нравилось, какой он ее видел, — хотелось* чтобы все ее такой видели. Казалось, оба готовы всю ночь, каждый из своей компании, играть в гляделки.

Игра продолжалась целый час. Было увлекательно, но Миха начал нервничать — девушка могла в любую минуту уйти, и они бы даже не поговорили. А не заговори он с ней, сам себя уважать перестанет. Это не то же самое, что не заговорить с симпатичной девчонкой на улице, — эта девушка была слишком хороша, чтобы просто флиртовать с ней. Они должны поговорить.

Миха ждал, пока Ганнибал на что-нибудь отвлечется. Он не знал, почему напрямую не скажет другу, что хочет склеить девушку в том конце зала. Может, потому, что он не склеить ее хотел — с ней такое не пройдет. Ему хотелось поговорить с ней по душам, это было важно. Вот почему он не хотел ни с кем делиться своими мыслями. И когда Ганнибал подключился к групповому флирту Терренса и Жнеца с девичьей троицей, Миха начал действовать.

Эрика заметила, что парень, с которым она кокетничала весь вечер, кажется, направился в ее сторону. Она распереживалась. Поговорить с ним? Конечно, поговорить. А что говорить? Это она толком не знала. Одно точно — ей хотелось встретиться с ним наедине, поэтому нужно отделаться от Триш. Не то чтобы ей казалось, будто Триш не поймет, — просто хотелось пообщаться с парнем с глазу на глаз. В компании Триш она не сможет свободно выражать

свои мысли.

— Мне надо в туалет, — сказала она Триш.

— Сходить с тобой? — предложила та.

— Нет, я одна.

— Точно?

— Конечно, это же совсем рядом.

— Ладно, только проверь, взяла ли ты свой мобильный, а то еще потеряешься в толпе.

Эрика достала свой телефон и покачала им в воздухе:

— Вот он, — и пошла в сторону дамской комнаты.

Безупречный заметил, как сестра уходит, немногораздраженный, что Эрика одна. Но делать ничего не стал, помня об их сегодняшнем разговоре.

Миха увидел, что красавица покинула свое место. Он не знал, как это понимать. Она точно его заметила. Ушла, чтобы избежать встречи с ним? Известно. Он проследил за тем, как она прошла мимо бара в сторону дамской комнаты. Может, ей просто нужно в туалет? Не зная, что делать, он стоял в нерешительности и ждал.

Эрика провела в туалете пять минут, толкаясь в компании покрашенных женщин, кудахтающих о том, с кем из рэперов у них что-то было, с кем бы они были не прочь и к кому сегодня они поедут домой. Ее брата упомянули не раз. Эрика старалась не обращать внимания на них самих и на их болтовню. Да и в туалет ей не надо было. Так, сходила для вида, чтобы только сбежать от Триш. Но она хотя бы успела освежить лицо под струей воды и вышла, оставив кудахчущих теток с их мечтами.

Миха немного постоял в нерешительности, чувствуя себя дураком. Наверное, она не хочет с ним разговаривать, вот что это значит. Пожалуй, нужно возвращаться к Ганнибалу, Его компания разговаривала с теми самыми девушками, все три — просто конфетки. Миха никак не мог принять решение, когда увидел, что красавица вернулась в зал. Вместо того, чтобы пойти обратно на свое место, она задержалась у бара и бросила на него едва заметный взгляд. Это точно был знак. Миха пошел к девушке, но застрял в толпе, движущейся в другом направлении. Людская волна отбрасывала его назад, будто прилив.

Эрику развеселили зловключения симпатяги. Но тут она перестала улыбаться — он пропал из виду в гуще людей. До этого момента она все время видела его, кроме того времени, что она провела в туалете. Теперь ей взгрустнулось. Она крутила головой, выглядывая, где он, пока какая-то громадина не перекрыла ей всю перспективу. Ростом футов шесть против ее пяти футов восьми дюймов вместе с каблуками, широченный, внушительный,

но не то чтобы жирный. Все, что Эрика могла видеть, — это надетая на нем куртка из толстой кожи. Байкерская куртка, тысячи за две баксов; судя по запаху, совершенно новая. Кожа пахла так резко, что девушку затошнило. Но еще отвратительнее был огромный платиновый крест на шее парня, ослепительно сверкавший всего в нескольких дюймах от ее бровей. По весу цепи и количеству бриллиантов Эрика оценила его тысяч в двадцать. Похоже, чувак носил на себе среднюю годовую зарплату в качестве аксессуара.

— Йо, детка, как дела? Вид у тебя потерянный, — обратился он к ней.

— Я в порядке, — ответила она, продолжая выглядеть симпатичного парня так, чтобы это не было очевидно. Тут она подняла голову и узнала возвышавшуюся над ней глыбу. Она его уже встречала. Известный рэпер. Сталин.

— Да я и сам вижу, что ты в полном порядке, — прокомментировал он ее реплику, оглядывая Эрику сверху донизу, как кусок мяса. — Ты, девочка, хороша. Ничего лучше сегодня не видел.

— Спасибо.

Безупречный наблюдал за всем этим с некоторого расстояния. Он бесился, но старался сдерживать себя. Тут к нему кто-то подошел — светлокожий мужчина лет двадцати пяти в хип-хоп униформе: «тимберленды», спортивные штаны, кожаная куртка, шарф, шляпа на затылке — и брюлики, куча брюликов. Это был Бин Ладен, пьяный вдрызг — Безупречный учуял перегар. Бин встал на самом возвышении, рядом с Безупречным, и уставился на людей внизу.

— Че, как дела, Безупречный, как жизнь? — спросил он.

— Йо, Бин, я в порядке. Ты как?

— Отлично, — резко закрыл тему Бин. — Че, ты у нас гвоздь программы, да? Этот бизнес ни хрена не стабильный. Только зафигачишь «платину», а через минуту... они делают вид, что уже и не помнят, как, бля, тебя зовут. — Глаз он на Безупречного не поднимал, так и смотрел на перемещавшийся внизу народ.

— Ну, девочка, что ты тут одна делаешь?

На другом конце зала Сталин продолжал донимать Эрику. Та очень старалась сохранить хладнокровие, но все более раздражалась от присутствия неприятного ей рэпера. И вдруг во время его очередного вопроса она почувствовала какое-то необыкновенное спокойствие во всем теле. Слева от себя она ощущала тепло и близость руки. Не желая смотреть напрямую, Эрика опустила взгляд. Вспомнила, что на ней сапоги, добавлявшие ей три дюйма, и заметила пару ботинок слева от своих ног. Бежевых рабочих ботинок. Немного

поношенных у носка, но не старых и не рваных. Начав с них, она поднималась вверх: от отворота его синих джинсов, вверх к линялой материи на колене, к темной коже руки — и тут она остановила себя. Достаточно, она и так догадалась, кто это. Рядом с ней сидел тот, на кого она весь вечер любовалась.

И Миха, и Эрика глядели перед собой, так и не решаясь посмотреть друг на друга. Оба нервничали и боялись пошевелиться. Ничего не замечающий Сталин гнул свое:

— Слушай, я уже от всего этого устал. У меня на улице «хаммер» ждет, отель неподалеку, как насчет того, чтобы поехать со мной? — спросил Сталин, уверенный в ответе. Он собирался переспать с этой девчонкой. Ну, не совсем переспать. Часок с ней побаловаться и выкинуть. Хотя нет, она и впрямь хороша — пусть остается на всю ночь. Для него ее согласие было лишь формальностью. А с чего бы ей не согласиться? Телки всегда соглашаются. Так что он даже не обращал внимания на то, что она его игнорировала. Правда, минут через пять бесконечных уговоров до него наконец дошло, что дело не выгорит, и он отвалил, ругая ее на чем свет стоит. Эрике было плевать.

Они с Михой стояли и смотрели в стороны в зачарованной тишине, подыгрывая один другому, не произнося ни слова. Их очень влекло друг к другу, но нарушить свое волшебное молчание они не могли.

Миха поднял руку ко лбу, потер брови и снова свободно уронил руку вниз, и тут ладонь натолкнулась на что-то. Сначала он не понял, но потом догадался — это была ее рука. Он касался ее. Он чувствовал это и знал, что и она чувствует; через какое-то время он сообразил, что она не спешит убирать руку. Обычно незнакомые люди сразу же отстраняются, стараясь избежать нежелательного телесного контакта. И сама Эрика размышляла об этом, когда поняла, что Миха не отнимает свою руку, совсем как она — свою. И тут это произошло: словно разумные существа, их пальцы нашли друг друга.

Его мизинец начал опускаться. От этого движения девушка вздрогнула всем телом. Заметив, что она не убрала свой мизинчик, его палец продолжал двигаться дальше, глубже и глубже, пока не попал в увлажненную ложбинку между ее пальчиками. Ее мизинчик в ответ придвинулся к его мизинцу — они касались друг друга, терлись, обнимались, пока в этот процесс не втянулись и другие пальцы. Не произнося ни слова, они ласкали руки друг друга. Было что-то очень эротичное в том, как тесно они соприкасались прямо в гуще народа; это движение наполнило их тела жаром. У Михи встал, Эрика стала влажной. Все и вся в зале вдруг стали всего лишь сиреневой дымкой. Наконец парень и девушка повернулись друг к другу.

Эрика смотрела на него влюбленными глазами. Глаза у нее подернулись влагой, что только добавило ее взгляду глубины и проникновенности.

- Кто ты? — спросила она-его.
— Тот, кем ты меня хочешь, — откликнулся он с легкой улыбкой.
Она ласково сжала его ладонь:
— Ну перестань. Кто ты?
— Привет, я Миха.
— Хм... мой симпатичный Миха.
— А кто ты?
— Привет, я Эрика.
— Моя красивая Эрика.
— Действительно думаешь, что я красивая?
— Милая, я думаю... ты просто великолепна.

Эрика покраснела. На лицо упала одна из ее косичек, Миха нежно отодвинул ее, и Эрика прижалась к его руке. Ее лицо было таким гладким, ей было так тепло и уютно в его ладони, словно она лежала в его объятиях, как ей и хотелось.

В реальном же мире Бин Ладен все еще разговаривал с Безупречным. Тот его слышал, но в лицо не смотрел.

— Да, чувак, вся эта хрень — машины, девки, деньги. Да, особенно гребаные деньги, ты думаешь, ты их до фига зарабатываешь... ни хрена подобного. Думаешь, получаешь миллионы, ниггер, я тоже так думал.

Речь Бина становилась все менее разборчивой. От алкоголя его развезло.

— А на самом деле, на самом-то деле, всего лишь небольшую часть. В контракте все так устроено, что это они миллионы загребают на твоём дерьме... а тебе остается только... дерьмо. Я глазам своим не поверил, когда прочитал этот чертов контракт. Я, бля, чуть Хеннеси не убил, чуть не сделал это. Может, еще сделаю. И сделал бы, если бы мог с этим соскочить. А хули, может, еще и сделаю. Чертов контракт, чувак. Вот дерьмо. Вот как они действуют. Берут тебя в оборот, дрессируют и дают пожить. И тут появляется кто-нибудь другой, они бегут к нему, а на тебя кладут. Вот почему я с ними посрался. Пошли они. Пошло все на хрен. Я свое дело начну, понаделаю таких бомб, какие им и не снились. Так что они со своим контрактом могут поцеловать меня в задницу. Контракты. Ниггер, ты контракт свой проверил?

Последний вопрос Бин Ладена уколол Безупречного как иголкой. Он впервые посмотрел на соседа.

— Да, чувак, да, — продолжал Бин, заметив, что затронул важную тему. Тут он начал к чему-то приноживаться. — Чем воняет? Черт, чем воняет? — повторял он с бешенством. Потом опустил глаза и увидел, что обмочил штаны.

— Какого хрена? — спросил он вслух. — Бля. Я обоссался. Обоссался. Как

это, мать твою, произошло? Эй, я к тебе еще вернусь.

И Бин ретировался в пьяном смятении.

Подошел Томми.

— Чего тут у вас происходит? — спросил он.

— Просто моча, немного мочи.

— Что?

— Забудь об этом.

— Уже. — Тут Томми сменил тему. — Эй, видишь, чем там Эрика занимается?

Одно имя сестры как рукой сняло все тревожные мысли Безупречного о Бин Ладене и контракте.

— Да, вижу.

— Прямо удивительно, что ты еще не вмешался.

— Ну, мы с ней поговорили, и я обещал больше этого не делать. Так что она сама себе хозяйка.

— Отлично, просто здорово, здорово.

Томми не хотел больше ничего говорить, но не мог сдержаться. Он понимал, что если скроет факты от Безупречного, а тот потом узнает, то не миновать беды.

— Я просто подумал, что тебе нужно знать: чувак, с которым она разговаривает, — из команды Быка.

— Серьезно? — Эти слова были как удар ниже пояса.

— Да. Я видел, как они вошли вместе.

— Хм...

В другом конце зала Миха и Эрика все еще были погружены в сиреневую дымку.

— Даже не знаю, что сказать, — призналась она.

— Почему?

— Просто я не ожидала найти здесь кого-то вроде тебя.

— Вроде меня?

— Ну, особенного.

Там полным полно было «Сталиных», каждый из которых не сомневался в том, что может поиметь любую, кого только пожелает. Особенным для нее выглядел интеллект, это казалось ей необыкновенно привлекательным. А парень и внешне был симпатичным — от его улыбки сияло все лицо, и у Эрики слабели коленки.

— С чего ты взяла, что я особенный? — спросил Миха.

— По глазам вижу. Они говорят мне.

— Да, и что говорят?

— Кое-что особенное.

Они смеялись, держась за руки; их пальцы все не могли разъединиться.

— Привет, сестренка.

Прямо из темноты Эрика услышала знакомый голос и вздрогнула. Будто ей снился прекрасный сон, а тут звонит будильник, возвращая ее в реальность. Первый раз она попыталась не замечать его. Но он возник снова:

— Привет, сестренка.

Всеми силами пытаясь удержать свою грезу, она отключала сигнал. Слова как будто шли от Миши. Но нет, это не могло быть правдой. Он бы сестрой ее не назвал. Да и голос не его. И тут сигнал опять повторился.

— Эрика! — окликнул ее Миша.

Теперь она знала, что происходит. До этого говорил не Миша, а кто-то другой. Сейчас она проснется, или ей кажется, что проснется. Она чуть повернулась и увидела стоящего позади себя Безупречного. Сиреневая дымка с его появлением тут же растаяла; девушка вновь оказалась посреди шума и гама вечеринки. Никогда еще ей не было так неприятно видеть брата.

— Майкл. Что ты тут делаешь? — спросила она, еще не совсем вернувшись к реальности.

— Мы сюда пришли вместе... помнишь?

Она позабыла, как и когда здесь оказалась. Запомнилось ей только лицо Миши и его теплая ладонь.

— Да, знаю, знаю, я просто хотела сказать... — стала подбирать слова Эрика.

— Ага, — ответил Безупречный, почувствовав, что он здесь лишний. Такой он сестру никогда не видел. — А кто твой приятель?

Миша понял, что Эрика немного растеряна, и сам представился.

— Привет, я Миша.

Миша очень хотел познакомиться с Безупречным, тот был его героем микрофона. Диск Безупречного Миша изучал также, как Ганнибал — фильм о Лектере. Ему было любопытно, откуда Эрика знала Безупречного. Он не услышал, как тот назвал ее вначале, и лишь надеялся, что она не его девушка.

— У меня есть ваш альбом. Я настоящий фанат — очень люблю и уважаю вашу работу.

— Спасибо, — ответил Безупречный.

— А вы с Эрикой?..

— Я ее брат... да, брат.

— Здорово.

— Да, здорово. Ты как здесь оказался, Миша? Рэп читаешь или с кем-то?

— Я из «Каннибал рекорде», я пришел с...

И прежде чем Миха смог закончить, он услышал за своей спиной знакомый рык.

— Со мной, — закончил за него фразу Ганнибал. — Ну что, Безупречный, как дела?

За последние два года они впервые разговаривали. На три месяца дольше, чем не виделись. И вот они оба здесь. Миха и Эрика находились прямо в центре напряжения между ними.

— Я в порядке, Бык. Газеты почитай. Я в полном порядке.

— Да, круто. Аты тоже почитай последние выпуски. Я и сам ничего.

Они обменялись колкостями и теперь смотрели друг на друга молча, не зная, что и сказать. Миха уже собирался вмешаться, когда к компании подошел Хеннесси.

— Ребятки, ребятки мои снова вместе. Два принца короны, — Хеннесси привел за собой журналистов с неизбежными вспышками. Он обнял и притянул Безупречного и Быка к себе, положив им руки на плечи, как обычно делают политиканы. За ними стояли Миха с Эрикой и безумно боялись отпустить друг друга. Им казалось, теперь нужно еще крепче держаться, чтобы никто не смог их разделить.

— Ребятки, у меня появилась одна идея. Только что осенило. А почему бы вам вместе сингл не выпустить? Два принца рэпа, это будет эпохальная запись. Что вы на это скажете?

— Без проблем, — быстро ответил Безупречный. Уж по поводу своего творчества он несколько не волновался. Дуэт с Ганнибалом его только порадует — ясно же, что он Быка вчистую сделает. Ни в каком другом музыкальном направлении совместные работы не были также популярны и полны азарта, как в хип-хопе.

— Йо, а я за все, что принесет прибыль, — сообщил Ганнибал.

— Уж поверь мне, это прибыль принесет. Ну, значит, договорились. Давайте, приносите свой самый забойный материал, а я обеспечу лучший саунд. И уже к концу дня у нас будет шедевр. А теперь улыбнитесь-ка в камеру.

И снова троица приняла избитую позу: Хеннесси улыбается, как на рекламе зубной пасты, зажатый между двумя гримасами.

— Ну и вечер, — сказал Безупречный, как только вспышки поутихли. — Эрика, пойдём.

Эрика смутилась. Ей не хотелось уходить от Михи, но нужно было. Она почувствовала упёртость в брате — сейчас его не уговорить, по крайней мере, без скандала. Поэтому она отпустила руку Михи, впервые с того момента, как

они встретились. Это было непросто — их словно оторвали друг от друга.

— Дай мне минуточку, я сейчас приду, — сказала Эрика Безупречному.

— Эрика, — настаивал он.

— Сейчас приду! — в ее голосе зазвенела сталь. Она разозлилась и не желала скрывать это. Безупречный, тоже злясь, но стараясь держать себя в руках, отошел.

Эрика обернулась к Михе:

— Мне нужно идти.

— Почему? — спросил он.

— Просто надо. — Она вытащила свой пейджер. — Давай, скинь мне свои данные.

Чувствуя неловкость, Михе ответил:

— Ты прости, но я всем этим не пользуюсь.

Эрика улыбнулась:

— Ничего себе, первый раз вижу нормального человека. Я же знала, что ты не как все. Дай руку.

Она взяла его за руку и написала на ладони свой номер. Было что-то необыкновенно соблазнительное в том, как ручка двигалась по линиям его ладони. Закончив, девушка сжала его руку в кулак и отпустила.

— Позвони мне.

— Эрика, надо идти, — снова вмешался Безупречный.

— Позвони мне, — повторила она.

— Обязательно, — ответил Михе.

Эрика повернулась и присоединилась к Безупречному; не сказав друг другу ни слова, они стали пробираться сквозь толпу. А Ганнибал подошел к Михе.

— Что тут происходило? — спросил он.

— Да сам не понял.

— А кто эта девушка?

— Сестра Безупречного.

— Не знал, что у старика Беза есть такая сестренка. Горячая штучка. Неплохо будет с ней поразвлекаться.

— Да уж, я думаю, — ответил Михе, не особо слушая Ганнибала и не отрывая взгляда от цифр на своей ладони. — Я думаю.

20

Черный «мерседес-бенц» проехал Сорок вторую и повернул на Бродвей. Лимузин мчался бесцельно, просто нарезая по городу круги. В три ночи кататься по центру — одно удовольствие: на улицах, которые через несколько часов заполняют машины, достаточно свободно для любых маневров.

Лимузин был внушительный, на девять человек, с эксклюзивным кожаным салоном, минибаром, телевизором, DVD-плеером и приставками x-boxi SPS-3 с уже запрограммированными в них играми. В боковом отделении — встроенный ноутбук с беспроводным Интернетом. Машина была под завязку экипирована всяческими современными удобствами — все в качестве подарка от «Краун рекорде» для удовольствия Ганнибала.

Но удовольствие Ганнибал получал не один, с ним были Терренс, Жнец, Миха и три присоединившиеся к ним девушки. Те самые, на которых с самого начала положил глаз Терренс, включая его любимицу. Теперь, судя по всему, и он ей нравился — девушка, с акробатической ловкостью управляя собственным телом, устроила ему сеанс танца на коленях. Ее подруга проделывала то же самое со Жнецом, так выгнув спину, чтобы они могли целоваться, соприкасаясь языками. Третья девушка устроилась перед Ганнибалом, управляя его руками на своем теле. Ганнибал смотрел на нее немного удивленно. Миха сидел в одиночестве, уставившись на свою ладонь.

Номер телефона врезался ему в память. Миха уже вдоль и поперек его запомнил. Смотрел теперь просто из любопытства, изучая ее почерк. Писала она так же аккуратно, как и дотрагивалась до него. Сверху над цифрами зачем-то вывела свое имя — будто он мог забыть, чей это номер. Ее номер. Ему не терпелось позвонить ей, но когда? Хотелось прямо сейчас, но так нельзя, это было бы чересчур. Она примет его за сумасшедшего и наверняка пожалеет, что вообще дала ему свой телефон; хотя, может, и нет.

— Мих, ты как? Тебе там не одиноко? — обратился к нему Терренс.

— Не, все в порядке, — ответил парень, оторвавшись от своей ладони.

— Точно? А то, ты же знаешь, мы, мужики, должны заботиться друг о друге. Ее на нас обоих хватит.

Эта реплика вызвала мгновенную реакцию девушки на его коленях:

— Эй, что ты имеешь в виду — «на обоих хватит»? Ты что думаешь, я какая-нибудь дешевая шлюха?

— Нет, девочка, конечно, нет. Я так не думаю. Такая шикарная телочка не может быть шлюхой; дурой — это да, но шлюхой — ни в коем случае.

— Эй, да пошел ты! — вспыхнула она в ответ. И встала с его колен.

— Ну, девочка, да я же просто дразню тебя, — сказал Терренс и, схватив ее за талию, притянул обратно к своему члену. — Сиди спокойно и не вздумай вставать.

Она недовольно посмотрела на него, а он передразнил ее гримаску. Потом улыбнулся, и она улыбнулась ему в ответ, чмокнув в губы, а потом снова занялась своим танцем. Когда она отвела взгляд, Терренс посмотрел на Миху и одними губами произнес «шлюха». Миха улыбнулся, хоть ему было немного жаль девушку.

— Милая, знаешь, я хочу, чтобы ты кое-что для меня сделала, — снова подал голос Терренс.

— Что, дорогой? — поинтересовалась она.

— Сделай эту штуку, ну, как ты делаешь, чтобы ягодички независимо друг от друга тряслись. Сможешь?

— В смысле? Вот так? — Девушка приподнялась и чуть наклонилась, чтобы ее зад оказался прямо перед глазами Терренса, задрала обтягивающее платье и начала напрягать и расслаблять мышцы ягодиц, так что они стали двигаться отдельно друг от друга. Картинка была — загляденье, а признательность Терренса — безгранична.

— Черт. Вот черт! Именно, вот об этом я и говорил.

Это талант. Самый большой дар божий женщине! — Девушка от восторгов Терренса явно завелась и продолжала двигаться, уже войдя во вкус. «Та самая девица с ВЕГ», как называл ее Терренс, потому что не помнил ее имени, устроила им шоу, достойное лучших стриптиз-клубов.

Она снималась в клипах разных рэперов, выделяла там разные штуки, которые можно показать по телевизору, но стриптизершей все же не была. Но стриптиз привлекал многих девчонок в то время — как стиль поведения, как мода, а не как профессия.

Вторая безымянная девушка, которая была со Жнецом, присоединилась к первой. У нее получалось даже зрелищнее. Она расположилась на полу автомобиля и задрала ноги вверх. Платье упало, обнажив отличную задницу в одних только стрингах, бешено вращавшуюся перед самым лицом Михи. Он возбудился и боролся с желанием оказаться в захвате этих ног. Между тем, в глубине души ему было неприятно, что девушки нисколько не чувствовали себя оскорбленными происходящим. И тут Жнец сделал то, от чего удержался Миха: стал лить шампанское вдоль бедра красотки и, следуя за струей, погрузил лицо прямо ей между ног. Она взвизгнула, хихикнула и рефлексивно

сжала его голову бедрами.

Посреди всего этого разгула Ганнибал оставался серьезным, лишь иногда улыбаясь. Он жестом попросил свою девушку подняться; она так и сделала, плюхнувшись на сиденье рядом с ним.

— Ну, Миха, как тебе сегодняшний вечер? — спросил Ганнибал.

Миха отвернулся от зада перед его глазами и признал:

— Было круто.

— Интересный мир, правда? — усмехнулся Ганнибал, подталкивая Миху посмотреть, что за трюк проделывает девушка Терренса. Своим выступлением она могла бы заткнуть за пояс всех профессионалок танца живота.

— Это точно, — ответил Миха. — Что ты собираешься делать по поводу сингла с Безупречным?

— Придумаю что-нибудь.

Ганнибал не просто придумывал, он, как настоящий генерал, разрабатывал целую стратегию. Только это и вертелось в его голове.

— Ты и Безупречный — это будет что-то.

— Да, нужно как следует постараться. Чтобы в этот раз ему не удалось меня сделать.

— Да уж. А он не прост.

— Может, сообразим что-нибудь вместе? Как ты думаешь?

— Здорово, с удовольствием, — ответил Миха, не вполне понимая, в качестве кого он будет участвовать. Впрочем, ему было плевать, он бы за что угодно взялся.

Отлично, прямо завтра и начнем.

Ганнибал жестом велел своей девушке подойти к Михе. Терренс в самом начале называл подруг по имени, но сам тут же забыл их. А Ганнибал и не спрашивал. Девица подошла к Михе и стала танцевать на его коленях. Миха смотрел на нее с любопытством, дотрагивался до ее тела там, куда она направляла его руки. Вдруг наткнулся глазами на свою ладонь с номером Эрики. И сразу же едва одетая девушка, которая извивалась перед ним, перестала существовать.

21

Эрика, словно принцесса, сидела на королевской кровати, утонув в мягких перьевых подушках, и обозревала свои владения. Ее новая комната была в три раза больше старой, с отдельной ванной, как и все комнаты в их новом доме. Она посмотрела на свое отражение в шкафу на другом конце помещения с лавандовым ковровым покрытием. Зеркальная дверь шкафа занимала всю стену от пола до потолка. Она отодвигалась, и за ней был гардероб, набитый одеждой и обувью — в основном итальянских марок. Справа от него располагалась ванная, тоже в лавандовых тонах и с золотой отделкой, с раздельными душевой кабинкой и непосредственно ванной. Вот такой была ее новая жизнь — она ей была по вкусу. И все это Эрике досталось исключительно благодаря брату.

Девушка сидела, погрузившись в события того вечера, и тут ей пришло в голову, что скоро начнется новый семестр. За последний месяц она ни разу не вспомнила об учебе. И абсолютно не хотела вспоминать. Не то чтобы институт ей надоел — в целом ей там нравилось. Просто она не понимала, чего хочет от жизни. К концу второго курса в Нью-Йоркском университете она так и не выбрала свою специальность. Бизнес или юриспруденция? И если юриспруденция — какая специализация? Их там как христианских конфессий. А как насчет дизайна одежды? Всегда любила шмотки. А история? Изучать и исследовать прошлое ей тоже нравилось. Эрика перебирала все подряд, так ни на чем и не остановившись: она не чувствовала, что должна принять решение. Новый образ жизни превратил ее в лентяйку, и тоже по вине брата. Все теперь стало слишком просто.

Майкл, Майкл, Майкл. Сколько Эрика себя помнила, он всегда был рядом, заботился о ней. Безупречный помогал ей с уроками и даже, когда ее дразнили одноклассницы, вступался за нее, сколько бы ни было обидчиц и сколько бы своих братьев и приятелей они ни приводили. Майкл никого не боялся. Драчуном не был, но мог вести себя жестко, когда это касалось ее, Эрики. Никому и пальцем ее тронуть не позволял. И не хотел, чтобы кто-нибудь к ней вообще приближался. Вот только теперь она сама хотела, чтобы к ней приблизились.

Она подумала о Мике и засияла. Парень и впрямь ей понравился. Не заставь ее Майкл, она бы не ушла. Надо прекращать это, а то брат совсем ее

заел. Слишком долго его избыточная опека была неограниченной. Но может ли Эрика спорить, сидя в этой королевской роскоши, наслаждаясь плодами его трудов? Непонятно. И незачем об этом думать. Сейчас ей хотелось отдаться воспоминаниям о необычных событиях вечера. Она ласкала незнакомца; она бы и поцеловала его, если бы он попросил или позволил ей.

Сумасшествие.

Тут в ее мечты вторгся посторонний голос.

— Ты сияешь, — произнес этот голос.

Эрика обернулась и увидела в дверях Триш.

— Да нет.

— Нет, сияешь.

— Хорошо, сияю, — улыбнулась Эрика.

— Это все из-за того парня, с которым ты познакомилась?

— Не знаю. Не знаю, из-за него ли или просто из-за самой возможности чего-то.

— Чего-то?

— Ну не знаю. Просто чего-то.

Девушки стали смеяться. Смех Эрики угас, когда к Триш присоединился Безупречный.

— Вот как, — прокомментировал он.

— Да, вот так, — взвилась Эрика, готовая поругаться. — А что это вообще сегодня было, Майкл? Ты же, кажется, обещал, что больше этой своей опекой меня не будешь донимать.

Ярость прорывалась в ее контральто.

— А я и не донимаю, но и позволить тебе слететь с тормозов тоже не хочу.

— Это ты о чем?

— Ты разговаривала с парнем из команды Ганнибала.

— И что? Твои терки с Быком никакого отношения ни ко мне, ни к нему не имеют.

— Может, и нет. Просто я знаю Быка и типов, с которыми он общается.

— Это с какими же типами? «Таковыми же, как и все остальные»? — процитировала Эрика с досадой. Она уже миллион раз слышала этот аргумент.

— Ты такая наивная, а я всего лишь не хочу, чтобы тебя превратили в шлюху. Так всегда начинается, понимаешь? Тебе нравится парень. Потом он зовет тебя в заднюю комнату, ты думаешь, он там один. А тут появляются еще шесть ниггеров, и тебе остается только кричать и плакать.

— Какие прямо страсти! Со мной такое дерьмо никогда не случится. Мог бы хоть немного мне доверять, мать твою! — Никогда раньше Эрика не разговаривала с братом так грубо.

Такая ярость его даже отпугнула. Но он все же продолжил, сохраняя спокойствие:

— Почему это случается с другими девушками, а с тобой не случится? Или, может быть, этот парень не такой, как другие?

— Вот именно. Он не такой, как другие.

— И ты поняла это, поговорив с ним целых пять минут!

— Ага, точно, — подтвердила она, надув губки.

— О да! Бля, ну повзрослей уже, Эрика, сколько можно быть такой наивной! — взвился от ярости Безупречный. Он, кажется, впервые выругался на свою сестру. Они и раньше обменивались ругательствами, но в шутиливой манере, сейчас же он был взбешен. Его обижало, что сестра так разговаривает с ним. А еще он подсознательно боялся, что ей этот тип и впрямь понравился больше всех предыдущих, которых он разгонял. Он знал, что однажды этот день придет и что никто не покажется ему достаточно хорошим для его сестрички, но почему именно один из друганов Быка? Хуже не придумаешь.

— Я уже взрослая, Майкл, можешь ты это принять или нет. И я буду встречаться с тем, с кем пожелаю, и ты мне не помешаешь. Это ты, бля, повзрослей и уж как-нибудь смирись с этим.

Он покачал головой и вышел. Триш еще немного постояла в проеме, не зная, что и делать. Она понятия не имела, что сейчас сказать Эрике и что потом говорить Безупречному. Постояла немного, прямо в центре их конфликта, и молча ушла.

В комнате было темно, Эрика уже с полчаса спала. Поначалу ей никак было не заснуть, пока она размышляла, простит ли ей Майкл все то, что она ему наговорила. Она действительно хотела все это ему высказать, но не в такой форме. Грубить друг другу было им в новинку, и ей не понравилось. Она мечтала, чтобы все оставалось как прежде, как было всегда. Эрика любила брата по-прежнему. Но теперь она выросла, и значит, кое-что должно измениться. Такие мысли вертелись у девушки в голове, пока ее наконец не сморил сон. Вскоре после того, как она заснула, зазвонил телефон.

Эрика спросонья дотянулась до телефона на тумбочке у кровати и взяла трубку.

— Алло, алло, — пробормотала она.

Как ни странно, звонки не прекратились, а в трубке был слышен длинный гудок. Тогда до нее дошло, что звонит ее мобильный. И тут же Эрика поняла, что это может оказаться тот самый человек, о котором она думала весь вечер. Эта мысль вытолкнула девушку из кровати. Она побежала к своему пальто и яростно стала нащупывать в кармане телефон. Его там не было. Да где же он?

В сумочке, вспомнила она. Эрика метнулась к сумочке и выхватила оттуда телефон.

— Алло, алло! — Она ужасно торопилась ответить.

Последовала небольшая пауза, а потом раздался голос Миши:

— Привет, Эрика.

— Миша... привет.

Ей сразу необыкновенно полегчало.

— Я, наверное, очень поздно? — спросил он, и голос его как мед струился по телефонным проводам.

— Нет-нет.

— Сейчас половина пятого.

— Да, точно, — отвечала Эрика, сверяясь с горящими циферками на ее будильнике.

— И не очень поздно?

— Для тебя — нет.

Такой ответ лишил его возможности говорить. Он боялся звонить, четыре раза сбрасывал уже набранный номер, не знал, время ли сейчас и какотреагирует на его поздний звонок Эрика. В итоге Миша уступил зову сердца, позвонил, дождался ее ответа и теперь был жутко рад, что сделал это.

— Знаешь, я вообще думал дня через два позвонить.

— Почему?

— Чтобы не показывать своего чрезмерного интереса.

— Понятно.

— Но знаешь, ерунда все это. На самом деле, я хочу, чтобы ты знала, насколько ты мне понравилась.

— Понравилась тебе?.. — Она прямо растаяла, услышав, что ее симпатия взаимна.

— Еще как. Ты меня всерьез зацепила. Всю ночь о тебе думал, и это очень приятно — даже просто думать о тебе.

— Я сама не могу прекратить думать о тебе. Не знаю, что со мной произошло, не могу объяснить, но это так здорово! — А говорить ему о своих чувствах было даже приятнее.

— Да, здорово, — подтвердил он, и тут слова, словно сами по себе, полились из него.

*Девочка, ты лишаешь меня дара речи
И покоя, я влюблен,
Я погибаю, потому что моя кровь
Слабеет с каждой мыслью о тебе.*

*Я помню твой запах,
Ты заполняешь пустоты
Моего сердца, ведешь за собой
Лодку моей жизни, ты искра
И цена, за которую я продал бы душу
И бесконечную жизнь — ради одного мгновенья,
Того момента,
Одного лишь момента, когда мы будем вместе.*

Когда он закончил, Эрика продолжала молчать, надеясь, что будет продолжение. Он сделал это, завел ее, возбудил.

— Ух ты, ты что, только что написал это?

— Вообще-то оно само из меня понеслось.

— Ах, как же это было красиво!

— Нет, это ты у нас красивая.

— Скажи мне, что же это происходит? — спросила Эрика, чувствуя скользящий холодок в животе — волшебное ощущение зарождения нового чувства.

— Не знаю, сам не знаю. Но мне в любом случае очень нравится.

22

Он двигался в ее тугой влаге, туда-обратно, ритмично. Такой ритм и синхронность, что в пору рэп читать. Так он и рифмовал себя с линиями ее тела, сокращаясь вперед-назад, словно сердечная мышца. Движения, похожие на приливы и отливы. Смесь насилия и нежности, в их идеальном равновесии. Тут ритм ускорился, и ее тело стало двигаться активнее, с такой яростью, что он совсем потерял голову. Ее глубина звала его, втягивала, принимала его форму, выворачивала его тело, заставляла его открыть глаза свету. Наконец ее свет достиг его и разбудил от этого кошмара.

Безупречный проснулся от учащенного биения собственного сердца. Оно так колотилось, что ткань футболки на его груди почти двигалась в такт. Он положил туда руку, в попытке успокоить бешеный стук сердца. Но почувствовал лишь волны, расходящиеся по телу, а в области паха у него стало липко. «Что все это значит?» — спрашивал он себя, потерянно оглядывая простыни. И тут он увидел. На уголке кровати сидела она, маленькая девочка, лапочка, самая красивая из всех. Это была Эрика, лет восьми. Столько ей было, когда ушел их отец. Она грустно смотрела на него, не двигаясь и не произнося ни слова. От этой картинки у него мурашки по всему телу побежали, а он все смотрел и смотрел, как тает ее прозрачная фигурка, превращаясь в ничто. Безупречный взглянул вверх — по комнате плыли образы и фигуры, которых он не узнавал. Он был жутко напуган. Посмотрел на спящую рядом Триш. Захотел разбудить ее, но страх лишил его голоса. Ему казалось, что он кричит во весь голос, но сдавленное горло не пропускало ни звука. Он поборол свой ужас и продолжал звать: «Триш! Триш!»

— Триш! — наконец выдохнул он, проснувшись в холодном поту.

Триш проснулась вместе с ним.

— Что, что такое? — закричала она, едва отойдя ото сна.

Безупречный в ответ лишь тяжело дышал.

— Милый, что такое, что случилось? — спросила она, дотрагиваясь до его плеча.

Он снова не ответил, не зная, что и сказать. Как бы он объяснил все то, что сейчас почувствовал и увидел? Невозможно. Да он и не хотел — по крайней мере, сейчас. Сейчас он просто взял и обнял ее крепче.

— Милый, милый! Что случилось? — спрашивала она, до слез тронутая его

жестом. А он лишь обнимал ее и дрожал. Триш поняла и тоже обняла его, прижав к себе.

Через несколько минут его сердцебиение пришло в норму. Он отпустил Триш и отодвинулся. Она смотрела на него со слезами на глазах. В ответ Безупречный тоже заплакал. Она впервые увидела его слезы; он был по-настоящему напуган, и это ужасало Триш.

Не говоря ни слова, парень поднялся с кровати и направился к дверям на балкон спальни. Он встал за прозрачной, струящейся белой занавеской и поднял голову к ночному небу; полная луна изливала свои мертвенные лучи на всю глубину комнаты, до самых темных углов. Триш, не зная, что делать, потянулась к выключателю.

— Не надо света, — попросил Безупречный, прежде чем она дотянулась.

— Хорошо, — ответила девушка. Хотя бы заговорил. — Тебе лучше?

— Да, все в порядке. Не беспокойся. Прости, что разбудил тебя.

— Милый, вовсе ты не в порядке.

— В порядке. Так, просто... видения, сны. Ничего.

Триш не могла смириться. Она поднялась и подошла к любимому, обняла его сзади, а он прижал ее руку к своей груди. С минуту они простояли молча. Без слов обнимались в лунном свете, и вдруг...

— Я умираю, Триш, — спокойно сказал Безупречный.

— Что? — переспросила она. — Что ты говоришь? Умираешь?! Отчего ты умираешь?

В ее голове пронеслась сразу туча страшных мыслей: от СПИДа до разнообразных опасных заболеваний.

— От смерти я умираю.

— Умираешь от смерти. Что это значит? Милый, я не понимаю.

— Ты и не должна.

Девушка была смущена, но еще больше — обижена тем, что он не рассчитывал на ее понимание. Она хотела знать, что с ним происходит, а Безупречный играл в загадки.

— Да ничего, Триш. Просто только что схватился с собственной смертностью. Теперь мы со смертью идем плечом к плечу.

— Милый, говори понятно, пожалуйста. Ты меня только путаешь.

— Успокойся, Триш. Все в порядке. Все нормально, — говорил он ей обычным тоном, но в его голосе сквозило что-то пугающее.

— Что ты хочешь сказать этим «успокойся, все в порядке»? Нет, не в порядке, Майкл. Совсем нет. Ты будишь меня среди ночи, дрожишь и зовешь меня. А потом не говоришь, что случилось. А теперь вообще заявляешь, что ты умираешь, но при этом требуешь, чтобы я успокоилась. Нет. Майкл, я не могу.

Не могу, — говорила она, качая головой.

Безупречный, осознав, что напугал ее, обнял Триш и успокоил. Заглянул ей в глаза и уже почти решился рассказать о том, что ему приснилось. И тут в другой части комнаты снова увидел страшные образы, плывущие в пространстве. Он сжал плечи Триш, изо всех сил стараясь не закричать и не дать ей увидеть то, что видел сам. Безупречный уже не понимал, спит он или бодрствует, но одно он знал точно: времени у него осталось немного.

КНИГА

ЧЕТВЕРТАЯ

23

В Бруклине стояло лето и было жарко как в аду. Солнце яростно напустилось на паренька, который, сойдя с автобуса, направился по Ютика-авеню в сторону Эмпайр-бульвар. Он быстренько напялил свои темные очки, ради красоты в той же степени, что и для защиты от солнца; в свои девятнадцать он считал, что в темных очках выглядит круче. К ним прилагались: белая в полоску безрукавка, плотно обтягивающая его мускулатуру; широкие джинсы, спущенные до самого причинного места так, чтобы виден был бренд на резинке боксерских трусов; сумка через плечо, на которой болтался крест из белого золота (платина ему не по карману, но что же теперь — даже пыль в глаза не пустить?); и, разумеется, «тимберленды» — ноги в них совсем сварились, но ради того, чтобы выглядеть стильно, не жалко и вспотеть.

Паренек ждал, пока на перекрестке загорится «зеленый». Вытащил свой плеер, и через минуту на полную громкость заиграл бит, сделав парня глухим ко всему на свете. Свет сменился, и парень перешел дорогу, чуть притопывая ногами. Тема была что надо, самый горячий трек клубов всей страны.

*Бойцы Короны,
Безупречный и Ганнибал,
Местный бруклинский каннибал
И король поэтов Квинса,
Закрывают тему, йо,
Стригут с «Краун» капусту И плюют на всех,
Плюют на все запреты.*

Когда он был на другой стороне улицы, зазвучал легендарный рык Ганнибала.

*Короче, первый удар за Быком,
Сейчас прищучу эту тему.
Бит у меня крут,
Проглочу этот трек,
И после меня ничего не останется,
Никаких объедков для отбросов.
Сожру говядину И все закуски,*

*Меня не учили манерам,
Меня воспитали пантеры,
Родился и вырос я в трущобах,
Вместо реку нас сточные канавы,
Так что мы свое урвем, шалавы.
Ниггерам достанутся лживые посулы,
Быстрое богатство
И смерть под нашим дулом.*

Парень шагал в такт музыке и тексту, вдоль улицы, мимо толпившихся людей, мимо магазинов и автобусных остановок из плексигласа. И тут... он увидел ее: она шла по кварталу медленно, явно для того, чтобы он мог разглядеть ее всю, с ног до головы. Кроме босоножек на платформе, вся она была словно безупречно отполированный кусок черного дерева, так ее темная кожа сверкала на солнце. Он скользил взглядом по ее идеальным икрам, выше, к аккуратным коленям, где ее тело сужалось, чтобы затем опять расшириться к ляжкам; еще выше — взгляд достиг ее пышных бедер, которые отстрочка джинсовых микрошортиков перечеркивала поперек ягодич; полосатый лиф обтягивал грудь, подчеркивая ее богатство. С лицом девушке тоже повезло — ямочки на щеках, пухлые губы, небрежно взбитые распущенные волосы. Она была сногшибательна; если бы зрение позволяло, он бы и ее ДНК разглядел. Красотка прошла мимо, бросив пареньку мимолетный игривый взгляд. Он посмотрел, как колышутся ее формы сзади, и пошел своей дорогой. Ее тело было даже круче песни.

Тут на авеню вырулила бежевая «тойота-камри». Из колонок машины на всю улицу неся громкий и жесткий бит. словно гром, голос Ганнибала сотрясал всю землю вокруг.

*Но у нас есть амбиции
И бешеная интуиция.
К черту тюрягу,
Я нацелился на дворец.
Бык в королевских палатах,
Принцесса умоляет ее трахнуть,
Гребаная Баффи.
Теперь Ганнибал — истребитель белых!
Эй, ударь хлыстом,
Вкати кол,
Выбей семьдесят из шести,*

*Бегом через черный ход,
С драгоценностями Короны.
Королева млеет,
Синее небо алеет,
Пока я мочу федералов,
Они устали и ждут,
Когда я направлю на них дуло.
Захвачу Букингемский дворец
И всех нагну низко.
Я в доме хозяин —
«Все для тебя, босс!» —
Натяну королевскую киску.*

Водитель «камри» тоже посматривал на красотку, шагающую по улице. Всего-то кинул на нее взгляд-другой, но его подружке на пассажирском сиденье и этого хватило. Он стал оправдываться, она и слушать не хотела. И тут вступил Безупречный и сумел с нею сладить—девица забыла про спор, качая головой в такт.

*Я боец Короны.
Мои стихи из подсознания,
Глубокие и лиричные,
Несут чистое знание.
Меня никому не сдержать.
Я святой — и я порочный,
Я спокойный — и я нервный,
В рэпе я первый.
Мне воздают должное,
Меня копируют в битвах,
Ниггеры твердят мои рифмы,
Будто молитву.
Но я на это плюю:
У вас кишка тонка рифмовать как я,
Вы лечите, а я летаю,
Вы парите, а я парю.*

«Камри» проехала по Ютика-авеню и затормозила у салона красоты. Девушка вышла из машины; на ее широкой фигуре обтягивающие джинсы едва не лопались; футболка с надписью «Я люблю Безупречного» растянулась на ее

огромной груди; голову венчала искусная и сложная прическа — спать с такой было, наверное, тяжело. Она вышла на тротуар, и тут же на нее нахлынула жара. Девушка поспешила в салон и нырнула в спасительную прохладу, едва открыв входную дверь.

Позади фенов и кресел с посетителями стояла стереосистема, в каждом углу были колонки. В салоне играл тот же трек, что и в машине. Все качали головой под музыку, даже женщины постарше.

*Пряником из гетто,
Охочусь за большой Короной.
Шах и мат, дружнице,
Я уже на троне.
Я пришел, чтобы порвать тебя!
В жопу тебя и твою риторику,
Время богатеть,
Это наша компенсация, сука.
Так что это я пристрелил шерифа,
И его чертова заместителя,
И мэра,
И ниггера в Олбани.
Я не представлен в парламенте
И не баллотируюсь в президенты,
Мне чихать на сантименты,
Йо, я пришел забрать то, что мое.*

Девушка подошла к подруге, занимавшейся клиенткой. Все трое заговорили о погоде, а когда голос Безупречного зазвучал вновь, принялись увлеченно, если не страстно обсуждать рэпера.

Пока они охали, мимо прошел стажер-парикмахер: дреды под шарфом, спереди на футболке Хайле Селассие, сзади — лев; линялые джинсы, сандалии на плоской подошве. Покидая салон, худосочный парень перекинулся парой слов с женщинами на входе, красуясь своим ямайским выговором.

Растаман вышел на самый солнцепек, все еще прислушиваясь к биту и покачивая головой, поприветствовал приятеля за рулем «камри». Раскинул руки, глубоко вдохнул и улыбнулся солнцу. И только тогда направился в свой квартал.

С каждым его шагом музыка, удаляясь, стихала, но потом снова послышалась откуда-то, становясь все громче и громче, пока он не дошел до ее источника: стоявшей на обочине мини-стереосистемы. Растаман

остановился у прилавка и взглянул на диски, разложенные на циновке. Все просмотрел, но нужного не увидел. Тогда он спросил у продавца, и тот быстро нагнулся и протянул ему сборник под названием «Диджей Ра: безумные миксы, часть 3». Парень с дредами кивнул, соглашаясь.

Жутко довольный своей покупкой, растаман, опустив голову, разглядывал диск и не заметил черный «джип- лексус», проезжавший мимо под ту же мелодию. Но тут парень встрепенулся, заметив бежавшую ему навстречу толпу. Человек пятнадцать, мальчишки и девчонки, от десяти до двадцати лет. Когда они промчались мимо как сумасшедшие, он невольно развернулся посмотреть, куда же они бегут. И тут вокруг закричали:

— Бык! Бык! Там в джипе Бык!

«Ганнибал?» — подумал растаман. С чего бы это Пожирателю кататься по Ютике?

На повороте на Эмпайр загорелся «красный», Ганнибал притормозил. Только этого ребятам было и нужно. Они ринулись к его машине, словно к лотку мороженщика. Одним просто хотелось посмотреть на кумира, другим интересно было оглядеть его тачку. Черный лак плавился на солнце, колпаки на колесах сверкали так, что выжигали сетчатку. Увидев собравшуюся снаружи толпу, Ганнибал приоткрыл окно и впустил в салон горячий воздух.

Самый смелый пацан выступил вперед:

— Бык, эй, Бык! А можно автограф?

Ганнибал увидел, что свет сейчас сменится, и с улыбкой ответил:

— Правда, малыш, я бы с удовольствием. Но мы же прямо посреди дороги. Я бы остановился, но очень спешу. Только не переживай — в другой раз получится, я же всегда поблизости.

Включился «зеленый», и машина Ганнибала была готова тронуться с места. В этот момент в общем гомоне прощаний девочка-подросток выкрикнула:

— Бык, я люблю тебя! Хочу от тебя маленького!

Реакцией на это заявление были шок, а за ним — хохот. Девчонка и сама поразилась своей наглости. Она кинулась к подружкам, смеясь и пряча лицо. Ганнибал тоже рассмеялся и дал по газам.

Вот дуреха. «Хочу от тебя маленького». Слова так и застряли в мозгу у Ганнибала. Да ей не больше четырнадцати, хотя выглядит достаточно развитой. Он не удивится, если она уже и сексом занималась. Даже наверняка: она ведь не просит, чтобы он стал ее парнем или мужем, она хочет от него маленького — чтобы он лег с ней, оставил в ней свое семя и бросил с ребенком. Ее заявление позабавило Ганнибала, хотя и удивило не меньше. Но он быстро выбросил эти мысли из головы. Уж он-то отлично знал, что мужчине

такая случайная встреча в песочнице может стоить намного больше, чем просто порция потраченного семени.

— Знаешь, по-моему, я никогда не устану от этого, — сказал он Муку, сидевшему на пассажирском месте.

— Не устанешь от чего? От денег? Я тебя понимаю, — сухо ответил Мук.

— Нет. Я не только про деньги. Я вот об этом: твою музыку играют на улицах, бегут за тобой полквартала. Все такое.

— Ну, ты такое внимание любишь.

— Всяко круче, чем дурью-то торговать, а?

— Зависит от того, что ты называешь дурью.

— А ты сам что называешь дурью?

— По мне, так все едино.

— Знаешь, что, хватит грузить.

Чтобы перебить настрой Мука, Ганнибал включил радио. Была половина пятого. Диджей Ра перешел ко второй части своей программы на «HRU». Ганнибал сделал погромче, чтобы послушать, что же говорит бог хип-хопа.

— Отлично, отлично, ну вот вы и прослушали трек с моего последнего сборника «Безумные миксы, часть 3». Это были Ганнибал и Безупречный, «Бойцы Короны». Давайте, высказывайтесь, чтобы я знал, как вам оно. А прямо сейчас об этом треке и о многом другом мы будем иметь честь пообщаться с самим Безупречным — встречайте!

— Интересные дела, — озадаченно буркнул Ганнибал.

После наград «Сорса» он ни самого Безупречного, ни новостей о нем не слышал. Они даже не встречались, чтобы сделать сингл: Безупречный записал текст на своей студии, а Ганнибал — на своей. Впрочем, о Безупречном в последнее время не слышала и публика. Ганнибалу было любопытно, что же скажет этот новоявленный затворник.

— Йо, Без, что у тебя в жизни происходит?

— Ничего и одновременно все, чувак. Вот пришел к вам, — спокойно ответил Безупречный.

— Только что ставил ваш дуэт с Ганнибалом. И как я уже говорил тебе, по-моему, это просто сумасшедший трек, звук убийственный, и вообще все очень, очень круто.

— Ну, Ноа в этом деле профессионал, что он и доказал в очередной раз, — произнес Безупречный с каким-то безжизненным спокойствием.

— Это точно. Но дело не только в саунде. Стихи, чувак, стихи. Просто край. Ты и Бык, смесь стилей — как соль и перец. Лучше не придумаешь. Ну, Без, как вообще работалось с главным каннибалом?

— Прикольно. Прикольно работалось.

Ра, прекрасно понимая, как скандалы сказываются на рейтингах, нанес удар по больному месту:

— Понятно, все понятно. Короче, ты же знаешь, все тут обсуждают, кто кого сделал на этом треке. Ты сам вообще что-нибудь на этот счет скажешь?

— Я не хочу говорить об этом. По-моему, тут и обсуждать-то нечего.

— Ага, даже так, — поддакнул Ра.

— Даже так.

— Слышал, что этот урод сказал? — спросил Ганнибала Мук.

— Да, слышал, — спокойно ответил Ганнибал, продолжая слушать.

— Так значит, если я правильно тебя понял, если бы между тобой и Быком состоялся баттл, то... — продолжал Ра, подливая масла в огонь.

— Ну, ты же прекрасно понимаешь, что я хочу сказать. А что касается баттла, так мы уже встречались, и все в курсе, кто там победил. Я хочу сказать, Бык достоин уважения. На самом деле, только его я и уважаю, но до меня ему все же далеко. Вообще не вижу сейчас никого, кто мог бы со мной конкурировать. Наверное, нужно самому с собой соревноваться или умереть и устроить баттл на том свете с Господом Богом.

— Вот это да, это сильно, приятель. Но вынужден с тобой согласиться, даже несмотря на то, что сейчас много неплохих рэперов.

— Я знаю.

— Кстати, о рэперах. Что тут за разговоры ходят о ссоре между тобой и Бин Ладеном? И я еще слышал, у тебя и со Сталиным какие-то косяки.

— Ай, да брось ты, о чем тут говорить? Бин-на-Ладан, говоришь? — этот каламбур заставил Ра прыснуть со смеху. — Пусть лучше Бин о своей карьере волнуется, а не обо мне. А что касается Сталина — он мне по барабану. Так что не знаю, зачем он постоянно упоминает меня в своих фристайлах. А если уж говорить о личных знакомствах — Бин не хочет, чтобы я распространялся о нашей первой встрече.

— Расскажи, расскажи, — упрасивал Ра, предчувствуя что-то пикантное.

— Нет, ни к чему это. Пусть останется между нами.

— Ну знаешь, иногда воображение такие картинки рисует, еще и хуже.

— Знаю-знаю. Потому и не хочу рассказывать.

— Тогда понятно, все ясно. Наш Безупречный выдает перлы. Скажи, а стоит ли надеяться, что ты выдашь их и на диске?

— Это в мои планы не входит. Я сейчас не о том думаю. Сейчас я нахожусь на каком-то метафизическом... другом уровне. Сомневаюсь, что в ближайшие пять лет я обнародую то, чем на данный момент занимаюсь. К таким мыслям публика пока не готова. И знаешь, всякое, конечно, бывает, но люди ведь просто хотят, чтобы я вернулся. Когда стоишь на вершине, каждый стремится

на тебе отыгаться. Сбросить тебя сверху и занять твоё место. Но каждый их удар только подстегивает, ты меня понимаешь.

— Йо, я тут просто удовольствие получаю. Я тебя понял и соглашусь, ты сейчас на самой вершине, ты король Нью-Йорка. Но я не хочу ждать целых пять лет новых песен.

— И не надо. Мой следующий альбом выходит через три месяца.

— Жду не дождусь. Похож будет на первый? — спросил Ра.

— Намного лучше. Все дело в эволюции. Я последние месяцы много чего написал. Буквально жил в студии. У меня материала хватит на девять альбомов.

— Ничего себе, нуты даешь. И что ты в итоге сделал? Выбрал пятнадцать самых горячих треков?

— Ну, нет. Во-первых, их будет тринадцать, потому что для меня это счастливое число. А во-вторых, они все до единого горячие. Просто мне кажется, что эти тринадцать народ готов сейчас от меня принять.

— Хватит меня дразнить, до смерти хочу их послушать! И пока я тебя не отпустил, скажи: что ты, как авторитет в хип-хопе, думаешь о его нынешнем состоянии? Что с какого берега к нам плывет? Каково твоё мнение о белых рэперах? Это просто мода, или они пришли всерьёз и надолго? Ну, что-нибудь в этом духе. Просто интересно послушать мысли умного человека. Любопытно узнать твоё мнение.

Безупречный мог бы сказать Ра, что на самом деле тот просто хочет втянуть его в гнилые базары, но ему было плевать. В те дни ему на многое было плевать. Он говорил все, что на ум приходит, без купюр.

— Ну, думаю, никто не станет спорить, что хип-хоп ~ это изобретение Восточного побережья, и обычно именно на Востоке зарождаются все самые передовые волны этого течения. И я говорю это не только потому, что сам из Нью-Йорка. Просто это факт.

Назревал скандал, и Ра не собирался упускать горячую тему.

— А есть в каких-нибудь других районах страны работы, к которым ты относишься с уважением?

— Когда мы говорим о других районах, обычно имеются в виду Юг и Западное побережье. Достойные примеры есть и там, и там. Но по большей части это, конечно, просто мусор. На Юге, чтобы выжить, приходится импортировать рэперов с Востока, так что теперь вообще не понятно, что у них за саунд. А на Западе, по-моему, делают то же самое, что и на Востоке, только с выпендрежем... если не хуже.

— Говоря о Юге, ты чуваков вроде мини-Гитлера и его Гестапо имеешь в виду? — В тот момент мини-Гитлер был королем хип-хопа Южного

побережья.

— Я бы предпочел не называть имен, но музыка-то одна, и, по-моему, это все очень грустно, потому что на самом деле на Юге есть очень талантливые ребята, правда, среди андеграунда. Так уж происходит. Печально, но мейнстрим по большей части — полная хрень.

— Ну, знаешь, ты продал более десяти миллионов копий, и тебя тоже считают мейнстримом.

— Я знаю, поэтому и говорю — по большей части.

— А что ты думаешь о том, что теперь у каждого продюсера есть свой белый рэпер?

— Ну» по мне» если ты хорошо пишешь и рэп читать умеешь, я буду тебя слушать несмотря ни на что. Но ведь среди белых есть только один с настоящим талантом, который нельзя отрицать. Остальные просто... на уровне. Давайте спокойно к этому относиться — понятно же, что их раскручивают именно потому, что они белые. То есть белому достаточно быть просто на уровне обычного черного рэпера, чтобы заслужить уважение. Думаю, их так поддерживают только потому, что удивлены, как это вообще белые умудряются достойно читать рэп. Мода ли это? Я надеюсь, что просто мода. Потому что без всякого расизма говорю, не хотелось бы, чтобы с хип-хопом произошло то же, что и с рок-н-роллом. Если вовремя не остановиться, дойдет до того, что следующее поколение черных ребят уже не будет признавать хип-хоп своей музыкой.

— Ну, Безупречный, ты меня поражаешь. Ты, я погляжу, изменился. Раньше ты таким красноречивым не был. А тут просто откровение за откровением.

— Я же уже сказал, мы все меняемся. Все должны расти. Видеть картину целиком.

Услышав это* Ганнибал почувствовал себя так, словно Безупречный украл его слова.

— На этом свете много чего важного помимо машин, девочек и бриллиантов. Скажем, мой друг Мумия все еще приговорен к смерти за то, чего не совершал, как всем известно*. Или на Рэпа Брауна** посмотрите, или на Пелтиера***. И вообще, если говорить о тюрьме- слишком много наших

* Мумия Абу-Джамал, чернокожий политический активист и журналист, приговоренный к смертной казни по обвинению в убийстве полицейского и много лет проведенный в тюрьме в ожидании казни.** Джамиль Абдулла Аль-Амин, бывший лидер «Черных пантер», приговоренный в 2002 году к пожизненному заключению за убийство полицейского.

*** Леонард Пелтиер, активист движения американских индейцев, приговоренный к двум пожизненным заключениям за участие в перестрелке в Огдале.

находится там, и они все прибывают и прибывают. Африка умирает от СПИДа, копы нас отстреливают, и им это сходит с рук, людей сводит сума религия, весь этот терроризм. Вечно одно и то же: невинные умирают за чужие грехи. А Америка уже готова отправиться в крестовый поход, будто бы против терроризма во всем мире, против какого-то мирового зла, хотя она сама давно уже в это мировое зло превратилась. Что ж мы против собственного терроризма не боремся? Против Клана, будь то в белых балахонах или без них, веками измывающегося над черным народом. Но об этом ни слова. Нет, ни в коем случае. Стоит заикнуться об этом — и будто на стену натыкаешься. Так же, как и о репарациях. Интересно, почему все остальные их получили — от евреев и японцев до индейцев — в той или иной степени, а мы нет? Когда наступит наш черед? Мы слишком долго мучились ни за что. Это нужно изменить и об этом нужно разговаривать. И мы будем говорить, чувак.

Речь Безупречного всерьез обеспокоила Ра. Он хотел разговорить своего гостя, но и не думал, что все пойдет так далеко. Большинство рэперов теперь о таком и не заикались. А те, кто все же пытался что-то сказать, не входили в число популярных. Ра был под впечатлением и даже слегка напуган, его энтузиазм потихоньку угасал; в глубине души он мечтал, как можно быстрее убрать Безупречного из эфира.

— Я понимаю тебя, брат. Ты тут о серьезных вещах говоришь.

— Все дело в том, что когда-то о хип-хопе и его важнейших представителях будут книги писать, да и сейчас уже пишут. И вопрос в том, что о тебе запомнят: хватит ли только на абзац или на целую главу? Вот о чем должен думать каждый, подходя к микрофону. Обо мне точно целая глава будет. Я не сомневаюсь. Обо мне и книжки напишут. Пусть даже я сам буду их автором.

— Так ты думаешь, что с годами хип-хоп начнут в школе изучать?

— Именно, совсем как Шекспира. Стихи на все времена.

— Ну и кем ты в результате себя видишь?

— Ну, не знаю. Кем-то вроде Майкла Джексона.

Такой ответ удивил Ра, показался ему чересчур странным.

— Вроде Майкла Джексона? Не понял. Попсой что ли? — спросил он.

— Да нет. Королем. А Бык здесь и рядом не валялся.

— Понимаю тебя, Без, теперь понимаю. Мой режиссер говорит, что мы уже выходим из графика и нужно закругляться. Но Безупречный, дружище, хочу поблагодарить тебя. Отличное интервью. Надо бы повторить.

— Да, Ра, здорово прошло. Спасибо, что позвал.

— Всегда рад, всегда рад, Безупречный. А теперь у нас небольшая пауза. С вами Ра, это «HRU», и скоро услышимся.

Ганнибал выключил радио.

— Не, ну ничего себе, — сказал Мук. — «А Бык здесь и рядом не валялся».

Последнее заявление Безупречного было очевидным Щ выпадом против Ганнибала, Мук мог и не повторять.

Ганнибал слышал, и теперь все внутри у него закипело от этих и других слов Безупречного. Он продолжал рулить молча.

— Пацан нарывается, — через минуту все-таки произнес Ганнибал. — Ну так нарвется, а мы посмотрим.

Безупречный вышел из студии «HRU» прямо в жуткую жару. Он только и мечтал поскорее забраться в свой лимузин, но возле машины толкались человек тридцать фанатов — они уже потом изошли, ожидая его. Без решил дать несколько автографов. Среди толпы он заметил парня в малиновой рубашке и синих джинсах, чем-то напоминавшего его самого.

— Йо, Без, я твой давний фанат, автографа мне не надо, можно просто обнять тебя? — спросил парень.

Безупречный не возражал, и они сошлись. Вдруг парень прижался к нему крепче, чем Безупречному хотелось бы, и прямо в ухо ему прошептал:

— Скажи, Безупречный, ты террорист или был им когда-нибудь?

Услышав это, Безупречный быстро отстранился, но парень улыбнулся ему:

— Да я просто пошутил, чувак.

Все это было очень странно, и Безупречному стало не по себе. Он залез в машину и почти уже отъехал, когда пацан прокричал ему вслед:

— Слова — мощная штука. Надо бы с ними поосторожнее. Сам не знаешь, к чему они могут привести.

24

Безупречный стоял в кабинете Хеннесси, скрестив руки на груди, и смотрел на отливавшее малиновым вечернее небо Нью-Йорка. Целое море зданий, куда ни посмотри, а в самом центре, словно за окошком стиральной машины, — вакуум: белое пятно возвышающихся надо всем стальных крепостей капитализма.

Словно властелин, Безупречный оглядывал город с высоты семьдесят второго этажа, бормоча:

— Захватить мир...

— Ну так в чем дело, Безупречный? Ты хотел поговорить, — обратился к нему Хеннесси из-за стола.

Безупречный не ответил, засмотревшись на картину за окном.

— Безупречный, может, начнем уже?

— Захватить мир — вот что мне надо сделать, правильно?

— Можно сказать, ты уже сделал это, — ответил Хеннесси. — Кстати, тебе идет, — коротко прокомментировал Хеннесси перемены во внешности Безупречного. За последние несколько месяцев рэпер дал волосам немного отрасти и носил что-то вроде дредов. К тому же он отказался от своего чисто выбритого, лощеного образа — теперь он выглядел немного сумрачным. Поддерживал себя в форме, но уже не слишком заботился о своей внешности.

— Пока еще мир мне не принадлежит, хотя я думал, что уже близок к этому. А тут первый раз за год проверил свои банковские счета и увидел, что, несмотря на проданные мною почти одиннадцать миллионов дисков, если так пойдет и дальше, через девять месяцев я стану банкротом. Я был, мягко говоря, возмущен. А потом я взглянул на свой контракт и понял, в чем причина. Ты поимел меня, Хеннесси. Я получал всего пятнадцать центов с каждого альбома, ты забрал половину моих авторских, и у меня даже нет никаких прав. Я заработал для тебя миллионы и ни хрена не получил в знак признательности... и по контракту я должен еще семь альбомов. Я чувствую себя рабом.

Подписав контракт, Безупречный сразу постарался забыть о нем. Более двух лет он зарабатывал, и зарабатывал больше, чем мог себе представить. Все было оплачено, так что его не волновало, как идут дела и сколько он должен получать на самом деле. Даже после разговора с Бин Ладеном он не

захотел ничего проверять. И наконец бухгалтер объяснил ему, какова ситуация. Памятуя обо всех проданных им дисках, Безупречный не мог поверить, что его счет исчерпан. Вот тогда он наконец прочитал десятистраничный документ — и чуть не расплакался от того, что же он подписал.

— Как всегда драматичен, да, Безупречный? — заметил Хеннесси.

— Жаль, что это не какая-нибудь драма.

— Это не драма. Это действительность... а в действительности ты не «ни хрена», ты миллионы получил.

— А ты — сотни миллионов. На моем труде.

— Но это же бизнес. Ты миллионы заработал, миллионы и потратил.

Промоушен недешево обходится. Каждый твой сингл в первой десятке стоил нам десять миллионов долларов. Ди-джеи не так работают — думаешь, поначалу тебя без конца крутили за красивые глаза? А три твоих дорогостоящих клипа, всякие рекламные мероприятия? Это все стоит денег и должно быть возмещено. И еще, между нами, не продал ты одиннадцать миллионов копий. На самом деле где-то десять с половиной. «Краун» купила тебе первое «золото». Это не особо практикуется, а для нового исполнителя такого вообще не делают. Но я в тебя поверил, и я знаю людей. Я понимал, что, если обеспечить твоему альбому хорошую раскрутку, продажи будут в десять раз больше. И так и произошло, я не ошибся.

Слова Хеннесси задели Безупречного. Он-то считал «платину» всего за одну неделю своим, может быть, главным достижением. Рэпер отлично помнил, как был счастлив увидеть платиновый диск с собственным именем. То, что все это не по-настоящему, стало для него ударом. Что же тогда по-настоящему?

— А еще не забывай про купленный тобою дом, все твои машины, прогулки на лимузине, номера отелей по пять тысяч долларов за ночь, всякие вечеринки. Все одно к одному, Безупречный.

Безупречный промолчал — как он ни бесился, в словах Хеннесси была доля правды. Дом в Берген-Каунти обошелся ему чуть меньше двух миллионов. Еще тысяч сто стоило обставить его и обустроить. Кухню красным деревом отделали, все по заказу его матери. А она теперь даже не готовит. Потом, у него целых семь машин, а он их даже не водит — других просит. А когда некому сесть за руль, он берет лимузин. В юности у него не было ни денег, ни возможности учиться водить, а теперь, когда эта возможность появилась, Безупречный чувствовал себя слишком старым для учебы, неловко было и пробовать. Получалось, он покупал машины только для того, чтобы заполнить свой гараж на девять автомобилей. Он был не слишком экономен.

— Как бы тебе ни хотелось сделать из меня монстра, я предложил тебе стандартный контракт. Чуть более выгодный для лейбла, но ведь с новым исполнителем нет никаких гарантий. Ввести в бизнес новую фигуру стоит дорого, и, ты уж прости, нам нужно защищать свои вложения.

— Защита своих вложений — это пятьдесят процентов от моих авторских ты так называешь? Они вообще не должны быть твоими, я их не продавал.

— Ну, это да, это верно. Но таков бизнес. И я понимаю твоё положение. На данный момент ты — один из самых продаваемых исполнителей. Мы точно знаем, что тебя будут покупать. Конечно, мы можем предложить тебе более выгодные условия.

— Да что ты? — коротко бросил Безупречный.

Хеннесси подошел к нему и положил руку ему на плечо:

— Правда, Безупречный, ты же не просто исполнитель, ты для меня как сын.

Безупречный не выдержал и расхохотался. Это уже было слишком. Хеннесси ужом пролез туда, куда ему надо, а теперь изображает настоящего друга.

— Разве я не выполнил всего, что я тебе обещал? Да я вкладывался в тебя больше, чем кто-либо, заботился о тебе. Сделал тебя первым.

— Ну, для Бин Ладена или Быка ты то же самое организовал.

— Бин Ладен! — Это имя Хеннесси произнес с презрением. — Не говори мне про этого ниг... — Он проглотил концовку слова, быстро исправился и продолжил: — И не говори мне про этого парня. Знаешь, что он выкинул? Ты недоволен контрактом — ты пришел ко мне цивилизованно поговорить. Мы как мужчины обсудим этот вопрос и решим его по-мужски. А он ворвался в мой кабинет с пятнадцатью другими... парнями, и они взяли меня на мушку. Копа́м пришлось забирать их. Вот тебе и Бин Ладен. Вот почему у него сейчас так обстоят дела. И вот почему теперь, звезда не звезда, всех обыскивают на входе.

Забавная история. Безупречный буквально видел, как Бин Ладен проворачивает все это. На самом деле, будь он гангстером, он сам поступил бы также.

— А что касается Быка, то ерунда это, — продолжал продюсер. — Я вообще не занимаюсь его делами. Он в мои приоритеты никогда не входил. В отличие от тебя.

— Да не важно, Хеннесси.

— Не веришь мне. Ну ладно, тогда вот что я для тебя организую. Хочешь денег — делай как все остальные. Поезжай на гастроли, выступай почаще. И требуй не меньше сотни за концерт.

— Да знаю я это, Хеннесси. А ты для меня ничего не сделаешь?

— Ну почему же. Предлагаю сделку. Я продаю тебе твой альбом по пять долларов за копию. Аты на концертах продаешь за ту цену, какая тебе нравится. За пятнадцать, за двадцать. А если купишь весь тираж, и за тридцать, наверное, продашь. Это будет неплохой заработок.

— Хочешь, чтобы я покупал у тебя мою же собственную работу, — подвел итог Безупречный. Сама идея звучала дико. Неужели это единственный выход? Какой все-таки нечестный бизнес. И к тому же Безупречный не знал, насколько нечестен сам Хеннесси: он же планировал продавать Безупречному диски без ведома «Краун» и переводить деньги непосредственно себе на счет.

— Эй, Без, это хорошая сделка. А у тебя альбом скоро выходит... — Тут продюсер запнулся, повисла неловкая пауза. — А кстати, я же хотел еще кое о чем с тобой поговорить, — небрежно сказал Хеннесси, прервав молчание.

— О чем? — поинтересовался Безупречный.

— Да так, мелочи. Есть тут вопрос относительно твоего лексикона на новом альбоме.

— Лексикона? В каком смысле?

— Ну, маркетологи говорят, что некоторые воспринимают твои слова как оскорбительные... относительно определенных групп людей.

— Оскорбительные? Да о чем вообще речь? Это же хип-хоп, для нас этот гребаный стикер с предупреждением про нецензурную лексику и придумали! — Безупречный был удивлен, когда понял, куда клонит Хеннесси; ему хотелось ясности. — Давай поподробнее, Хеннесси.

— Ну, если конкретно: ты использовал слово «жид», неуважительное по отношению к евреям, раз семь за альбом. Нужно это исправить.

— Да ты что, издеваешься? — изумленно переспросил Безупречный.

— Нет, — спокойно ответил Хеннесси.

— Из-за слова «жид»?

— Да.

— Хеннесси, да я слово «ниггер» раз сто употребил.

— Мы не считали, но вполне возможно.

— Я даже несколько раз произносил слово «беложопый».

— Двенадцать раз, вообще-то. Мы не в восторге, но это еще ничего.

— Бред это, Хеннесси, просто бред. Пошли они. Я ничего менять не собираюсь.

— Безупречный, послушай меня. — Хеннесси положил руку парню на плечо и по-отечески заглянул прямо в глаза. — Учись видеть картину целиком. Ты же не на перекрестке рэп читаешь. Настали великие времена, ты продаешь диски миллионами. На этом уровне дела ведутся иначе. Неужели ты думаешь,

что, будь ты каким-нибудь второсортным рэпером, мечтающим о «золоте», меня бы волновало, какие ты слова говоришь: беложопый, жид, испашка, китаеза, пидор, сука, шлюха и так далее. Поверь, мне было бы насрать. Но ты же не таков. Ты тот, кто ты есть, кем мы тебя сделали. Поверь мне, Безупречный. Ты же творческая личность — заменишь эту мелочь и избавишь себя от головной боли. Сделай это.

— Да мне насрать, Хеннесси. Ни черта я не поменяю. И если их еще что-нибудь не устраивает, пошли они на хрен, — отрезал Безупречный.

— Ладно-ладно, пусть идут. Давить не буду. Дам тебе возможность обдумать это. Но запомни вот что — никто тебя за язык не тянул, ты сам; это ведь не случайно, что слово «жид» чаще других в этом альбоме повторяется.

— Снова повисла пауза, и Хеннесси решил воспользоваться ею, чтобы сменить тему. — Ты последний «XXL» видел?

— Нет.

— Аты посмотри. Там статья про Быка.

— И что?

— Ну, он там очень интересные вещи про тебя говорит.

Хеннесси подошел к своему столу, взял номер «XXL», раскрыл его на статье и протянул Безупречному. Тот немного почитал, а потом спросил:

— Ниггер всерьез, что ли?

— Кажется, да. Слушай, а твой альбом уже совсем готов, до единого трека? — спросил Хеннесси.

— Практически да. Осталось только фотосессию провести.

— Пока ты не закончил, можно предложить тебе одну штуку?

— Какую?

— Да все как обычно, что-то вроде ответа Быку. Резкость на твое усмотрение, как ты считаешь нужным. Зная тебя, уверен, просто великолепно получится.

Безупречный промолчал. Он повернулся к окну и вновь уставился в вечернее небо. Он понимал, чего Хеннесси хочет и чего хочет Ганнибал, и еще лучше понимал, что скоро разразится война. Вот и отлично.

25

Отлично — настоящая зима в июле. По крайней мере, так казалось Михе, который стоял, облокотившись на ограду, на катке в Челси-пирс. Не самое распространенное занятие летом, но людям хотелось отдохнуть от жары любым возможным способом. Последний месяц температура стояла в районе сорока градусов, тридцать с чем-то. Было настолько жарко, что вода в заливе практически закипела. Миха видел, как люди на той стороне Гудзона, словно зомби, изнемогали от жары, плаваясь на пляже.

На катке былолюдно, как перед Рождеством. В тот момент каталось человек двести, и Эрика среди них. В обрезанных джинсовых шортиках и футболке, с растрепанными косичками, она с олимпийской грацией скользила в толпе — Миха, по крайней мере, именно такой ее видел. Хотя он вообще только ее и видел. Его оглушала музыка, льющаяся из динамиков, а он слышал только скрежет коньков Эрики по льду. Она, без сомнения, во всех смыслах была «великолепна, просто великолепна».

*Прекрасная Эрика, загадка и эротика,
Доводит мозг до истерики
Мыслями о формах и теле,
Теплом на ощупь,
Сладком на вкус.
Я бы отрекся от вегетарианства,
Чтобы впиться в плоть твоих уст.
Бредить твоими бедрами,
Потеряться в твоём нутре.
Я голодный зверь,
Замерзший в своей норе.
Аты мой ангел на земле,
Пряная весна,
Одна душа родная на все времена.
Я жизнь отдам за твой свет,
Что озарит мое одиночество,
И сила моих чувств
Станет ясна, как пророчество.*

*А без тебя моя душа —
Пещера мрака, где не согреться.
Нацель же стрелу луча
Мне прямо в сердце.
И где бы я ни находился,
На экваторе или во льдах,
Твоей красотой восхищаться
Я буду в любых краях.
Стань же моей, прекрасная моя Эрика!
И вот она предо мной.*

Эрика выкатилась из толпы и остановилась у бортика, за которым с ручкой и блокнотом стоял Миха, только закончивший писать. Прежде чем он успел произнести хоть слово, она поцеловала его — их языки танцевали, он мог ощутить ее вкусовые луковички; это было настоящее пиршество вкуса, приправленное ее собственным запахом. Ему хотелось проникнуть в нее как можно глубже и остаться там навсегда. Но, как и всем живым существам, им необходимо было дышать.

— Что ты тут один делаешь? — спросила Эрика.

— Так, пишу про тебя, — ответил он.

Она опять поцеловала его, уже не так долго, но столь же чувственно.

— Как мило, а можно прочесть?

— Конечно. Это же для тебя.

— Хорошо, только давай попозже, ладно?

— Почему?

— Сейчас я хочу, чтобы ты со мной покатался.

— Ты с ума сошла, никуда я не поеду.

— Ну, пожа-а-алуйста, — пропела она,

Миха ей заранее сказал, что не собирается кататься. Девушка согласилась, но все же уговорила его взять напрокат коньки — будто бы без них его не пустят на каток. Он спорить не стал. И пусть кататься он действительно не хотел, но догадывался, что рано или поздно окажется на льду. Знал, что, попроси она, он не откажет; тем не менее, решил немного поупираться.

— Не, милая, я черный мужчина. Как я буду выглядеть, разъезжая по огромному куску черного льда?

— Я тоже черная. И как же я выгляжу на коньках?

— Ты выглядишь хорошо, но это, наверное, аномалия такая. К тому же ты, милая, всегда выглядишь хорошо, что бы ты ни делала.

— Лапочка. Но ты не прав, я не единственная: мне знакома целая куча

черных, которые катаются на коньках.

— Да, и кто же? — спросил Миха, жестом призывая ее осмотреть публику на катке. Черные там были, но совсем немного и поодиночке.

— Хорошо, это место не показатель. На самом деле я многих знаю. Ну, к примеру, Майкл катается.

Имя Майкл показалось Михе смутно знакомым. Он явно уже слышал его раньше, но не помнил, кто это.

— А кто это — Майкл? — спросил он.

— Ну Майкл, Безупречный, — объяснила Эрика.

— Вот это да. Безупречный катается на коньках?

— Лет до пятнадцати катался.

— У тебя и фотки такие есть?

Она кивнула — конечно, мол, как иначе.

— Знаешь, ты их лучше не показывай никому.

— Почему? — спросила она с наивным интересом.

— Просто не надо.

Эрика, осознав, что они ушли от темы разговора, стала тянуть Миху на лед. Он нехотя последовал за ней.

— Эрика, ты хочешь, чтобы я шлепнулся на задницу прямо перед всеми. Я же крутой пацан, милая. На что это похоже?

— Ты не крутой, — сказала она, смеясь.

— Еще какой крутой.

— Нет уж, будь ты крутым, я бы с тобой не встречалась.

К своим двадцати одному Эрика привыкла получать знаки внимания от мужчин всех типов, от клоунов до преступников. Это стало для нее ежедневным раздражителем — выслушивать штук десять предложений — и происходило в любую погоду и независимо от того, свободный на ней был наряд или обтягивающий. Крутые обычно вели себя грубее всех, и за эти годы у нее появилось предубеждение против псевдокриминальной бравადы.

— Миха, знаешь, что? — вдруг сказала она.

— Что?

— Ты катишься.

Миха посмотрел вниз и понял, что они в самом центре катка.

— Ну и что ты на это скажешь, черный мужчина?

— Твою мать, — брякнул он. И тут же потерял управление над собственными ногами и шлепнулся на лед, утянув с собой Эрику. Совсем как в детстве, когда дядя учил его кататься на велосипеде и неожиданно отпустил: Миха целый квартал проехал, думая, что дядя его сзади держит, а потом наконец оглянулся и увидел, что тот уже превратился в крохотную фигурку

вдали. Сознание того, что он остался без поддержки, привело к немедленному падению. Сейчас случилось то же самое, только намного лучше: Эрика свалилась на него грудью.

Миха собирался извиниться, но и слова не мог вставить в ее хохот. Она смеялась, и свет, льющийся сверху, создавал вокруг ее лица что-то вроде нимба. На холодном льду этим жарким летом девушка была похожа на ангела, и говорила как ангел.

— Ох, я люблю тебя, Миха! — воскликнула она без всякой задней мысли.

И оба они мгновенно замолчали, поняв, что же она сказала. Они разговаривали почти ежедневно с тех пор, как познакомились, но виделись редко — Эрика училась, а Миха был в туре вместе с Ганнибалом. Тур закончился, ее семестр тоже, и они целых три дня провели вместе. Они понимали, что их взаимное притяжение вызвано не только желанием. И пусть до настоящего момента они себе в этом не признавались, оба думали об их отношениях серьезно.

Михе необходимо было знать, подразумевала ли она именно то, что сказала, или эти слова вырвались у нее в приступе веселья.

— Ну-ка повтори, — попросил он.

Эрика облизала губы и осознала важность своего признания. Неужели она это серьезно?

— Я люблю тебя, Миха. — Слова прозвучали быстрее, чем она ответила на собственный вопрос. И как только они слетели с ее губ, она поняла, что так оно и есть. Прежде чем Миха ответил, она поцеловала его, нежно и от самого сердца.

Она целовала его, потому что не хотела слышать ответ. Скажи он, что тоже ее любит, это будет самой прекрасной фразой на свете. Но услышать нечто другое — или, что еще хуже, мертвое молчание, пока он раздумывает, как бы ее отвергнуть, — это стало бы настоящей пыткой. Счастье в неведении, так что она целовала Мihu и оставалась счастливой. Но стоила ей прислушаться повнимательнее, Эрика ощутила бы любовь в его прикосновениях. Но сейчас двое влюбленных обнимались в сиреновой дымке, одни на целом свете — на холодном льду жарким летом посреди двух сотен человек, катающихся вокруг них.

26

Комната была симпатичная. Далеко не президентский номер, но вполне ничего, подходящая, а присутствие Эрики украшало ее еще больше. Девушка стояла перед Михой, возбужденная и встревоженная, стараясь не показывать свое волнение. Это был жаркий вечер того самого жаркого дня. Кондиционер здорово охлаждал комнату, но не их самих — их жар градусами было не измерить. Они оба понимали, зачем пришли сюда.

Миха смотрел на ее губы. Его правая рука нечаянно коснулась ее небольшой груди, которая казалась божественно мягкой на ощупь. Испугавшись своего желания, он отдернул руку, но Эрика снова прижала его ладонь к своей груди. Девушка выгнулась, чтобы его рука легла удобнее. Тут они оба не выдержали и бросились друг к другу.

Между поцелуями они разделись и снова обнялись, обнаженные. Не отрываясь друг от друга, влюбленные подвинулись к кровати, пока она не оказалась прямо под коленями Эрики. Легли; он сверху. Ноги Эрики тут же распахнулись, словно приглашая его. Тут Миха остановился и отодвинулся от нее. Она потянулась к нему, не желая отпускать. Но он, к ее недоумению, все-таки поднялся.

— Ты чего? — спросила она.

— Ничего, — ответил Миха. — Просто хочу посмотреть на тебя.

Он всегда восхищался ее фигурой и фантазировал о том, как Эрика будет выглядеть без одежды, и теперь не смог отказать себе в удовольствии. Ему необходимо было ее видеть. На мгновение девушка почувствовала себя экземпляром под микроскопом, ей даже захотелось прикрыться. Не то чтобы у нее были проблемы с самооценкой — она себе скорее нравилась, — но все же кое-что считала своими недостатками. Именно о них она сейчас и думала, пока Миха оглядывал ее, и жутко нервничала — слишком уж много значило его мнение.

— Милая, ты, без сомнения, — самое прекрасное, что я видел в своей жизни.

В его глазах были любовь и искренность, так что Эрика забыла о своих несовершенствах. Теперь его взгляд доставлял ей удовольствие — и ей хотелось, чтобы это длилось вечно.

Миха почувствовал влагу между ее бедер и понял, что она готова. Он

прильнул к Эрике, и тут она остановила его.

— Миха, мне надо тебе кое-что сказать, — спокойно сообщила она.

— Что?

— Э-э... это у меня впервые.

— Правда?

Ее признание заставило его немного отступить. Он был удивлен, но не то чтобы ошарашен. Ей был двадцать один год, и она еще никому не доверяла свое тело. Она встречалась с парнями, но всегда останавливала их, когда желания опережали чувства. Но Миху она останавливать не собиралась. Она хотела его, хотела, чтобы он стал ее первым парнем, — и хотела, чтобы он знал об этом.

— Правда. Испугался? — спросила она, немного нервничая.

— С какой это стати?

— Ну, ты же знаешь нас, девственниц: «первого на всю жизнь запоминаешь», «теперь я вечно буду тебя любить».

Эрика по-настоящему боялась его ответа. Сам Миха не был девственником, и уже давно. С девственницами он не встречался по тем самым причинам, о которых Эрика только что сказала. Но Эрика — это другое дело. Он считал за честь стать ее первым мужчиной.

— Я люблю тебя, Эрика, — произнес он то, чего она так боялась вообще не услышать.

— Я тоже люблю тебя, Миха, — ответила она, не в силах сдержать слез.

— Ну тогда... мы, наверное, оба девственники.

И тут он вошел в нее, словно погрузился в глубочайшую океанскую впадину. Утопал в ней, терялся в ее сладком естестве, идеально подходящем ему; ее тело звало его, прижималось все крепче, таяло вместе с ним, дышало им, не желая отпустить.

27

Она сидела на краешке кровати, он расположился на полу, примостив голову между ее коленей. Такая поза обоим была в удовольствие. Она заплетала в косички его выросшие за год волосы — половину закончила, вторая стояла торчком.

Они сидели и смотрели телевизор. Когда начиналась реклама, Миха переключал каналы. Эрика расчесывала его спутанные волосы. Она старалась делать это как можно аккуратнее, но иногда, чтобы посмеяться над его гримасами, дергала чуть сильнее. Он был такой милый. Если это и есть любовь, теперь понятно, зачем вообще пишут любовные песни.

Он ласково потерся головой об ее колено, вдыхая всю прелесть ее запаха. Она пользовалась лосьоном с яблочным ароматом — так и хотелось ее укусит*». Он полюбил ее запах так же, как и саму Эрику.

— Забавно, — сказала она.

— Что? — поинтересовался Миха.

— Ни для кого, кроме своего брата, я этого не делала.

— Да, прикольно. И сейчас его причесываешь?

— Нет, теперь никак — он стал дреды носить.

— Безупречный? Дреды? — удивился Миха. Безупречный всегда выглядел таким вечнозеленым пай-мальчиком, с дредами его представить было сложно. Михе стало интересно, как же он сам будет выглядеть с такой прической.

— Да, я сама удивилась, но он в последнее время сильно изменился. Знаешь, ты мне его чем-то напоминаешь.

— Чем? — спросил Миха.

— Манерой поведения; тем, как вы себя держите, как пишете. Слушай, да мне толком не объяснить.

— Ну, главное, чтобы ты не воспринимала меня как брата, а так — пожалуйста. Значит, вы с ним очень дружны? — Ответ на этот вопрос он уже знал, хотя бы потому, что Эрика часто с нежностью говорила о брате. Миха не мог вспомнить ни одного разговора, в котором Безупречный не был бы упомянут. Порой он казался Михе третьим в их с Эрикой отношениях.

— Да, очень, — ответила она. — Только в последнее время много ругаемся.

— Из-за чего?

— По большей части, из-за тебя.

— Из-за меня? Почему?

— Майкл не хочет, чтобы мы встречались. Потому что ты с Быком.

Теперь их треугольник превратился в квадрат. Миха окончательно запутался. Он знал, что между Безупречным и Ганнибалом что-то не так, но понятия не имел, какие у них отношения. Спрашивать новенькому в компании было не положено. Но раз уж это затрагивало его и Эрику, ему было необходимо знать.

— А чем плох Бык? — задал он вопрос.

— Как бы тебе объяснить... Вся эта история между Ганнибалом и Безупречным уже давно началась. — Всего пять лет прошло, а словно целая жизнь пролетела. — Они с Майклом годами встречались на баттлах. Народ следил за их поединками, каждый баттл потом неделями в школах обсуждали. Обычно Майкл выигрывал, но каждый раз происходила настоящая борьба. И Бык раз за разом возвращался. Оба они старались сделать друг друга. Майкл решил, что ему это удалось, когда он победил в чемпионате. Но теперь и у Быка контракт, и, кажется, все это началось заново.

— А я-то здесь при чем?

— Ну, Майклу просто не нравится Бык и все, кто с ним. Но дело не только в этом. Он не хочет, чтобы я вообще с кем-либо встречалась. От всего меня ограждает. И всегда ограждал. Это мне на нервы действует.

Миха слышал о чрезмерно заботливых братьях, которые порой еще хуже отцов. Ему повезло, что большинство его женщин были старше на год-другой и уже прошли через конфликты с родными и близкими. Феномен старшего брата ему был интересен — сам Миха был третьим ребенком из четырех: у него были младший брат и две старшие сестры. С сестрами у них была такая разница в возрасте, что Миха и не понимал еще ничего, когда потенциальные ухажеры сестер таскались на поводу у своего члена к ним домой. Миха с братом и сестрами были семьей, но близкими так и не стали: между ними всегда существовала дистанция, словно они толком и не знакомы, просто живут рядом. Так что Михе захотелось узнать, как бывает в других семьях:

— Почему, по-твоему, он такой?

— Мы ведь с самого детства были вместе. Ему приходилось защищать меня. Теперь он просто не может понять, что я уже не маленькая. Совсем как папаша, да?

— Не то слово.

Их отношения казались Михе трогательными, он знал немногих братьев и сестер, которые были бы так же близки. Сам он со своими без конца ссорился,

хоть, наверное, и зря.

— Да, но знаешь, несмотря на всю его дурь, я люблю его до смерти.

— А он—тебя, — отметил Миха. — Эрику любят все.

— А ты меня любишь? — спросила она. Он уже говорил ей о своей любви тысячу раз, но эти слова приносили такое счастье, что ей хотелось слушать их без конца.

— Милая, я тебя просто обожаю, — ответил он, обрадовавшись возвращению к их главной теме. Миха уже начал уставать от разговоров о Безупречном. Он немного завидовал их отношениям — понимал, что это извращение какое-то, но все равно бесился оттого, что кто-либо другой мог быть близок Эрике, пусть даже родной брат.

— Знаешь, долгие годы я встречал влюбленные парочки, видел, как они счастливы, и мечтал, что когда-нибудь и у меня такое случится. Понимаешь, девушки-то у меня раньше были, но ничего серьезного, существенного. Даже вдвоем с кем-то я всегда чувствовал себя одиноким. Тогда я начал говорить с Господом, упрашивать его: «Пусть это случится и со мной, пусть это и у меня будет». Хочу пережить то же, что чувствуют другие. Но потом я перестал просить, потому что иногда это звучало как «пусть это у меня убудет». А знаешь, говорят, надо быть аккуратнее со своими пожеланиями: можно ненароком воплотить в жизнь что-то, о чем и не задумываешься, и потом возненавидеть это. Так что я перестал просить любви у Бога. А затем однажды увидел в толпе прекрасную девушку, которая заставила весь мир исчезнуть.

— Это же я, да? — шутливо вклинулась в его признания Эрика. Она улыбалась, счастливая оттого, что он высказывал именно те чувства, которые и сама она так давно переживала. Когда мечта воплощается в жизнь — это замечательно.

— Да, это ты, — кивнул Миха. — И знаешь, я тогда сразу понял, что мое желание сбылось. Только пока не знаю, какое.

Миха знал, что любит ее. Знал, потому что, порвись презерватив и забеременей она, он был бы только рад. Никогда он еще так не относился к женщине, всегда жутко осторожничал с собственной спермой — боялся, что обрюхатит не ту телочку. Миха уже знал, что брак начинается не со свадьбы, а именно с рождения ребенка, и раньше такая перспектива его ужасала. А с Эрикой — нет.

— От меня у тебя не убудет, Миха. — Слова Эрики прервали его мысли. — Никогда, потому что я сама о том же мечтала, но никогда не знала, насколько это реально. Аты заставил меня поверить.

Тут она наклонилась и поцеловала его, осознав, зачем она ждала все эти годы. Долгое время ей казалось, что все зря — ее подруги уже давно сдались,

да и она сама не раздумала отдаться кому-нибудь просто так, от безысходности. Но теперь она понимала, что все случилось так, как должно быть. Она действительно любила мужчину, которого целовала, и он ласкал ее с самыми искренними чувствами. Миха старался быть нежным, и хотя иногда ей было больно, она прижимала его к себе, ближе и ближе. Это был симбиоз, в котором они существовали в унисон: грудь к груди, живот к животу, пальцы к спине, ладони к ягодицам, лицо к лицу и слезы из ее глаз. И теперь Эрика осознавала, что всю свою жизнь была неполным созданием и лишь теперь обрела цельность.

— Держи меня, Миха. Не отпускай. Просто держи и никогда не отпускай.

28

Безупречный остановился у тяжелой дубовой двери и постучал. Он ждал ответа, разглядывая текстуру дерева, качественного и дорогого, как и все в этом доме. То, о чем он два года назад мечтал при переезде, теперь раздражало его. Ему ничего этого было не нужно. Хватит. Хотя, конечно, он знал, что, попроси она, он ни в чем ей не откажет. Он снова постучал и снова не дождался ответа. Наверное, она спала. Он постучал громче, и дверь открылась от его прикосновения. Кровать пустовала. Эрики не было.

Он зашел внутрь, оглядывая великолепие ее комнаты. Безупречный помнил, как покупал этот дом с девятью спальнями. Как сестра была счастлива, выбрав себе именно эту. Как обняла его с гордостью. Никогда он не забудет, как Эрика на него смотрела. А теперь они вообще почти не смотрят друг на друга. За последние несколько месяцев, с тех пор, как появились видения, они даже едва разговаривали. Еще пару лет назад такого не бывало, раньше они разве что считанные часы обходились без общения. А теперь выросли — и все изменилось. Сегодня Безупречный пришел к сестре поговорить, только не знал, о чем.

Он уже почти собрался уходить, как что-то заставило его присесть у ее зеркала. Это была их потемневшая детская фотография: ему двенадцать, ей восемь; Эрика прижалась головой к его животу и обняла за талию. Он посмотрел на фото и заулыбался. Странно, что сестра держала снимок тут, чтобы каждый день наткаться на него взглядом. Тут он заметил в зеркале девичий силуэт. Эрика, подумал Безупречный.

— Эрика, — произнес он вслух.

Потом повернулся и понял, что ошибся.

— Это я, Майкл, — ответила Триш, немного расстроенная тем, что ее приняли за другую.

— Эй, ну как дела? — спросил Безупречный, почувствовав легкое разочарование, что это была она, а не другая.

— Ничего, как обычно. Вот искала тебя.

— Я смотрел на нашу детскую фотографию.

Триш, одетая в малиновый топ и синие джинсы, подошла к нему и стала рассматривать снимок.

— Здорово, — прокомментировала она. — Ты в детстве был такой

симпатичный.

— Мы оба. Все ведь было сложнее, а казалось таким простым.

— Так всегда бывает.

— Ага. Знаешь, я помню, как в детстве Эрика училась говорить, и ей было тяжело выговорить мое имя. Так было смешно: не могла выговорить «л». И мне нравилось, как у нее получалось. Прекрасно это помню. Хм, мне тут кое-что в голову пришло. «El» значит Бог, а начало моего имени «míc» совпадает со словом «микрофон» — наверное, я рожден для рэпа.

— Ты ведь и впрямь любишь сестру, да, Майкл?

— Конечно, а это плохо?

— Конечно нет... конечно нет.

— Знаешь, когда отец нас бросил, мы были еще совсем маленькими, и маме иногда приходилось работать на двух работах сразу. Так что мы были предоставлены сами себе и должны были заботиться друг о друге.

— А почему ушел твой отец?

— Думаю, по той же причине, что и все мужики. — Безупречный замолчал на некоторое время, а потом продолжил: — Ну, наворотил дел, и мама его прогнала.

Ответ был невразумительным, и Триш захотелось уточнить, но потом она поняла, что он темнит намеренно.

— Что бы ты сделал, если бы встретился с ним? — спросила она.

— Не знаю... прибил бы, — спокойно сказал Безупречный без малейших эмоций на лице и сразу замолчал.

После таких слов любая реакция Триш выглядела бы неуместно, поэтому она не стала реагировать на это его заявление. Подождала немного и заговорила о другом:

— Знаешь, Эрика выросла, Майкл. Не нужно о ней больше заботиться.

— Да, так все говорят. А как же я?

— А о тебе позабочусь я.

— А ты этого хочешь? — спросил Безупречный.

— Я только об этом и мечтаю, — ответила девушка.

После той ночи, когда ему явились видения, междувлюбленными будто стена выросла. Безупречный так ничего ей и не объяснил, а Триш устала спрашивать. Теперь же она устала от его отстраненности. Он менялся, переживал что-то важное, а ей рассказывать не хотел. Да они вообще больше не разговаривали. Если и говорили, то о каких-нибудь пустяках, ничего серьезного. А ведь именно это Триш больше всего в нем любила — их разговоры обо всем, от философии до хип-хопа. Ни с кем она не могла быть такой откровенной. И теперь Триш чувствовала себя так, словно потеряла

лучшего друга.

Она подошла и встала прямо перед Безупречным. Он притянул ее к себе, прижавшись головой к ее животу; его дыхание приятно щекотало кожу возле пупка.

— Чего мы ждем, Майкл? Уже больше двух лет мы вместе. Давай поженимся.

Опасаясь его недовольства, Триш целый год не поднимала эту тему. Но сейчас они встречались уже два года, а ей было двадцать семь против его двадцати пяти. Она была на два года старше и всего в трех годах от тридцатилетия — а если и есть число, которое обозначает зрелость, это тридцать. Такая перспектива пугала Триш. Ей необходимо было что-то решать со своей жизнью. Просто жить вместе ей было мало, она мечтала завести детишек. Хотя они не предохранялись, Безупречный практиковал прерванный акт. Триш этого терпеть не могла — ей так хотелось, чтобы он в ней остался, и каждый раз она надеялась, что любимый расслабится и потеряет контроль. Не раз, даже зная, что это не сработает, она глотала его сперму, чтобы хоть так частичка Безупречного подольше оставалась в ней. Вдруг какой-нибудь из его сперматозоидов чудесным образом нашел бы дорогу в Землю Обетованную.

Безупречный поднял на нее взгляд, упершись подбородком в ее живот, и холодно спросил:

— А зачем спешить?

Триш не верилось, что он вновь использует прошлогодний аргумент, и она еле сдержала разочарование:

— Нет никакой спешки, но если есть любовь, то чего ждать? Ведь есть любовь, Майкл?

— Любовь есть, но еще есть непонимание, ссоры и демоны.

— А разве бывает любовь без непонимания и ссор? — спросила она.

Про демонов она не поняла, так что просто пропустила эту реплику мимо ушей. Но, возможно, именно об этом ей стоило подумать — тогда она поняла бы, через что он проходит.

Теперь Безупречный видел их почти ежедневно. Они следовали за ним, несколько раз он с трудом удерживался от крика в компании. Он вообще пока ни разу не выказал своих мучений, хоть его уже стала по-настоящему беспокоить причина видений. Он ходил к докторам, к целой куче докторов. Проверил глаза, сделал полный анализ крови, пункцию спинного мозга, прошел ядерно-магнитный резонанс и томографию. Доктора все это находили излишним — раз за разом все анализы оказывались хорошими. Зрение — «единица», и сам здоров как слон. Он-то надеялся, что доктора найдут какое-нибудь заболевание: повреждение оптического нерва или что-

нибудь в этом роде. Хотя что-нибудь, что угодно — и ничего. Его мучило это «ничего» — но ведь видения-то были настоящими. Безупречный так и не получил ответа и начал читать, читать больше, чем когда-либо, обо всем, что раньше его не интересовало, от политики до метафизики. Но ответ так и не находился, лишь порождая все новые и новые вопросы. Эти вопросы воплощались в слова, затем в рифмы, и ему приходилось записывать их. Сколько ручек он исписал, сколько страниц! Писал, писал, писал. Порой даже стирал пальцы, и его кровь просачивалась в поэзию. Как всегда, его ДНК добавляла тексту уникальности. Теперь он знал, что ему стоит записывать. Безупречный поставил кровать и холодильник прямо в студии, работал с сумасшедшей скоростью. Он чувствовал, что времени у него мало и что он совсем один. Он даже не мог рассказать об этом Томми, потому что пришлось бы размякнуть и откровенничать перед старым другом. Безупречному хотелось поговорить с Эрикой, но ее никогда не было рядом. С Триш он почему-то не хотел обсуждать свои видения — ему казалось, что она не поймет. И в итоге демоны были, наверное, единственными, кто понимал его, потому что только они разделяли с ним этот опыт.

Он видел, что вокруг Триш плавают линии. Словно длина волны, которая колеблется вниз и вверх, словно отростки нервных клеток. Безупречный считал их вибрациями вселенной — это было единственное объяснение, которое казалось ему разумным. Они словно приближали его к ответу на вопрос. Безупречный был готов благодарить их за то, что они пробудили его, независимо от того, как далеко пришлось спрятаться его предыдущему «я».

— Видела последний «XXL»? — спросил он, меняя тему.

Триш поняла это и почувствовала, что у нее нет сил бороться.

— Да, видела... и что ты собираешься делать? — спросила она без интереса.

— Как что? Запишу пластинку.

— Я надеялась, что ты просто оставишь все, как есть.

— Но ты же сама понимаешь ситуацию.

Триш, которая была пресс-секретарем Бин Ладена и Безупречного, прекрасно знала этикет хип-хопа. Он был рожден и вскормлен соперничеством.

— Понимаю, — вздохнула она. — Но я все равно надеялась, что ты просто отпустишь все это.

— Не могу. Когда тебе бросают вызов, нужно отвечать, — улыбнулся он, совсем как прежний Безупречный. — Иначе ниггеры перестанут тебя уважать. А не уважают, так и слушать не будут. И тогда все. Он говорит, что я расслабился. Пора напомнить всем, что я там, где я есть, именно благодаря баттлам. Может, хоть на этот раз мне удастся окончательно одолеть Быка.

Мне просто нужно взяться как следует и покончить с этим, раз и навсегда.

Главная причина заключалась в Ганнибале. Будь это кто другой, Безупречный запросто забил бы на ответ. Он позволял высказываться Сталину и Бин Ладену, пропускал мимо ушей, когда мини-Гитлер со своим Гестапо трепали его имя. Все к нему лезли, его новое мировоззрение не давало им покоя. Но Бык — это другое дело.

— Все это про ненависть, а как же любовь?

— В каком смысле? — спросил Безупречный.

— Что там у тебя с Ганнибалом, Майкл?

Триш обходила стороной этот вопрос целых два года, но теперь ей нужно было знать. И он рассказал ей.

Прошло вот уже шесть лет, как имя Безупречного впервые появилось в анналах истории хип-хопа. С начала 90-х он был поклонником и ценителем хип-хопа, хотя до того его не слишком любил. Старую школу он не ценил — считал ее то слишком быстрой, то слишком медленной, а в целом слишком примитивной. Так что в отличие от своих друзей фанатом движения он не был, и ему бы и в голову не пришло, что однажды он окажется на самом пике хип-хопа.

Тогда наступило возрождение, настоящая революция в поэзии и бите. Безупречный полюбил таких исполнителей, как Хаким, RSK-9 и Немезис. Им не было равных в обращении со словом, и это очень вдохновляло. Он помнил, как впервые взял в руки ручку и срифмовал под бит, — что-то тут же откликнулось в его душе.

Он помнил и свой первый баттл. Для пацанов обычным делом было остаться после школы, чтобы пообщаться. Обычно они читали фристайл на школьном радио, болтали обо всем на свете, от новинок моды до новостей. Потом периодически стали устраивать баттлы. Самые умелые и изобретательные в опускании оппонентов выигрывали. В старших классах хип-хоперы превратились в целую тусовку и держались все вместе.

Вообще старшие классы, наверное, самый разобщенный из образовательных институтов. Каждый старшеклассник принадлежит к обособленной категории. Есть популярные ученики, спортсмены или авторитетные болельщики. Есть так называемые ботаники, которые посещают нудные дебаты и шахматные клубы — таким на роду написано быть отличниками. Есть одиночки, которых обижают или побаиваются из-за их отщепенства. А большинство старшеклассников — ни то ни се, болтаются из одной категории в другую. С расцветом хип-хопа появилась новая группировка: ди-джеев и эм-си. Поначалу туда входили еще и брейк-дансеры,

хотя брейк к появлению хип-хопа в девяностых уже терял популярность. Но все циклично, так что уже к наступлению нового тысячелетия можно было наблюдать возрождение культуры. Хип-хоп внес коррективы в жизнь старшеклассников, привлек к себе ребят из всех остальных категорий. Ботаник мог стать известным и уважаемым ди-джем, независимо от того, разбирался ли он в баскетболе. Если парень чувствовал бит и мог заставить толпу двигаться, он был крут. То же и с эм-си — единоличники и спортсмены были равны на этом поле, равны до тех пор, пока не заиграет бит и один из них не будет сражен словом другого.

В старших классах Безупречный был из обычных ребят, ближе к единоличникам. Неделями он мог просто сидеть и наблюдать за другими, сочиняя в голове рифмы, но не делаясь ими с остальными. Постепенно он становился все ближе к их кругу, сначала как зритель, а затем уже как участник — слова потекли сами собой, будто без его разрешения. Молчание и качающиеся в такт головы свидетельствовали о том, что он хорош. Настолько хорош, что один из членов группы даже завязал с Безупречным баттл на пробу. Соперник оказался не промах, и вскоре те, кто приветствовал Безупречного, уже подбадривали его противника. Безупречный решил было сдаться, но понял, что тогда ему уже рта будет перед ними не раскрыть. И пока он над этим раздумывал, его натура взяла свое: слова свободно полились из него. Именно в тот раз своим королевским победным выступлением он и заработал себе имя. «Йо, чувак, а пацан-то ничего, такую чуму гонит. Просто безупречен», — говорили о нем.

Томми первым прозвал его Безупречным — так они в общем и познакомились, а потом и подружились. С тех самых пор Томми представлял его повсюду, от перекрестка до перекрестка, во Всемирном торговом центре, на 42-й и Бродвее, в клубе «Спит». Безупречный был недостижим, выигрывая баттл за баттлом, ежедневно оттачивая свое мастерство словно бритву. Резал горло соперникам и оставлял их валяться у собственных ног бесформенным месивом. Он побил больше народу, чем погибло на поле Мадженты. Он стал королем Квинса, но его господство выходило за границы района. Все в округе выказывали ему знаки почета. Были даже слухи, что слава он нем дошла до самого Запада. Безупречный стал настоящим андеграундным королем Нью-Йорка.

А потом он встретил Быка. В «Спите». Безупречный увидел, как тот зашел с целой фалангой из шестнадцати человек. Криминалом от них несло за версту. Безупречный знал многих бандосов, которые думали устанавливать свои правила, направив на соперника пушку, — с такими соперничать боялись, опасаясь последствий. На Безупречного же это не действовало. Все страхи

Майкла улетучивались, стоило ему выйти на сцену, — там он был воистину Безупречным.

Рифмованные страшилки Ганнибала его не трогали. Он наблюдал, как тот проходит раунд за раундом со своими, казалось бы, простенькими стишками, пока они не остались вдвоем, и Ганнибал сделал невозможное: продержался против Безупречного целых три раунда. И пусть Безупречный в итоге победил, это была пиррова победа — оказалось, что и он уязвим. И в следующую их с Ганнибалом встречу Безупречный проиграл. Новость о свержении короля разнеслась до самых окраин хип-хоп андеграунда. После единственного поражения Безупречный мгновенно превратился из короля в шута. Те, кого он с легкостью побеждал, теперь насмехались над ним. Все, кроме Томми — вот почему и сегодня тот оставался его единственным настоящим другом.

Безупречный снова встретился с Ганнибалом, уже как претендент. Как и прежде, они вдвоем дошли до финального раунда и встретились в баттле. В этот раз победителем стал Безупречный. И он выигрывал еще восемь раз, практически вернув свои прежние позиции. Но на десятый раз Ганнибал опять одолел его, и все пришлось восстанавливать заново. Так и продолжалось их противостояние. Львиную долю боев выигрывал Безупречный, но Ганнибал всегда был рядом, чтобы перехватить его корону.

Все эти годы в «Спите» Безупречный надеялся встретить агента, продюсера, какого-нибудь представителя, который заметил бы его, разглядел его талант и предложил контракт, к которому он так стремился. И его час был близок.

Безупречный не останавливался на своем пути и с самого начала был лидером на «106», выиграв девять баттлов. Он оставался единственным героем своего зала славы, когда три месяца спустя Ганнибал повторил его достижение. Потом состоялся финальный бой, в котором Безупречный наконец завоевал контракт, за который так боролся. Ему казалось, он все-таки одолел Быка. Но Ганнибал возвращался снова и снова. И теперь они опять оказались лицом к лицу, и баттл начался вновь.

Триш внимательно слушала этот рассказ об одержимости. Для нее их борьба была не больше чем мальчишеством.

— Я не буду вечно ждать тебя на ветру, Майкл, — предупредила она.

— Знаю, что не будешь. Я на это и не рассчитываю, — ответил Безупречный.

— Отлично. По крайней мере, тут мы понимаем друг друга.

29

В этот четверг Терренс, Ганнибал, Мук и Жнец вошли в главный зал ночного клуба «Пичес». Это был склад, превращенный в шикарное ультраэсклюзивное гнездышко для знаменитостей. Раньше резиденты играли здесь разную музыку, от попсы до техно, теперь миром правил хип-хоп, и в «Пичес» зажигали исполнители хип-хопа. Они считались новыми рок-звездами.

Ребята из «Каннибал» оглядели толпу и направились в зону для ВИПов. Много было знакомых — Ганнибал заметил Трухильо, здоровяка вроде Сталина, сидевшего в углу с остальными из Латинской Мафии — у каждого раріна коленах по таті. Пиночет в другом конце комнаты потягивал «Кристал» на пару с Батистой. Там были все «террористы», в окружении стайки фанатов, жаждущих обнять, хлопнуть по плечу, сфотографироваться или заключить контракт. Зачастую, стоило звездам только войти, как молодняк обрушивался на них со своими опусами — им только дай почитать свои телеги. В редких случаях к молодым талантам относились благосклонно, обычно демонстративно отвергали.

Ганнибал с ребятами расселись в самом центре компании. Репутация рэпера опережала его самого: многие слышали о Быке еще до того, как он выпустил альбом. Однако его редко упоминали в телегах. Многие рэперы любят поболтать о преступлениях и насилии, но по жизни таким мало кто занимается, и настоящих бойцов видно с первого взгляда. Вот почему к Быку относились почтительно и сохраняли дистанцию.

— Зачем мы пришли-то? — спросил Ганнибала Мук.

— А чего, тебе плохо сидится среди всех этих отличных задниц? — поинтересовался Терренс.

— Ниггер, я с тобой, что ли, разговаривал? — разозлился Мук. Терренс что-то зачастил протокол нарушать, но Ганнибал почему-то редко его одергивал. Мука возмущало, что Терренс потихоньку занимает его нишу: он смотрел на болтуна с презрением и только и ждал, чтобы прищучить этого гада.

— Это тоже часть бизнеса, — пояснил Ганнибал. — Нужно мелькать на людях, чтобы о тебе пресса не забывала.

Ганнибал не был фанатом СМИ, но законы раскрутки понимал.

— Плюс, помимо всякого пидорья, здесь тетки нефиговые, — добавил

Жнец.

— А что нам еще, кроме теток, нужно? — ухмыльнулся Терренс, подыгрывая Жнецу.

— Точняк. Ничто не сравнится с отличной задницей. — Услышав это, Мук криво улыбнулся Жнецу.

Терренс тут же заметил в шаге от себя красивую девчонку.

— Эй, Жнец, вон эту видишь? Ничего, блин, телочка.

— Без базара, брателло, без базара. — В речи Жнеца проскакивали южные словечки, хотя сам он был бруклинским. Он всего лишь отдавал дань моде: сказывалось влияние мини-Гитлера. Этот наполеончик со своими парнями из Гестапо уже установил на юге военную диктатуру и теперь, захватив тамошний рынок, находился в поисках Lebensraum* на севере. И популярность южного сленга была первым звоночком, сигнализирующим о скором пришествии фюрера.

Ганнибал вспомнил о Михе — они не встречались с самого окончания тура, вообще видеться перестали.

— Эй, Терренс, а где твой пацан? — поинтересовался Ганнибал.

— Не знаю, наверное, все развлекается с кое-чьей сестричкой, — ответил Терренс, думавший исключительно о попе перед его глазами. Он, как и другие, всюду пользовался преимуществами звездной жизни, тем более что Ганнибал деньгами интересовался намного больше, чем женщинами, а сговорчивых телок вокруг было просто пруд пруди.

— Ну, чем бы дитя ни тешилось... — прокомментировал Ганнибал.

— Не нравится он мне, — вдруг зачем-то заявил Мук.

— С чего бы? — пролаял Терренс, отвлекшись от созерцания девицы.

— С того же, с чего и ты мне не нравишься, — ответил Мук с пугающим спокойствием.

Терренс на мгновение совершенно опешил. Он видел по глазам Мука, что тот что-то задумал, но и подумать не мог, что под столом Мук сжимает свою пушку, уже готовый нажать на курок. Охрана подобных заведений известных рэперов и их компании не проверяла. И сейчас Мук наслаждался, дотрагиваясь до холодной стали, поглаживая пальцем курок. Дразнил себя, ждал нужного момента, улыбался. Не будь здесь Ганнибала, он не вытерпел бы и пристрелил Терренса.

— Ты бы объяснился, Мук, — вмешался Ганнибал, чувствуя недоброе, но все же не догадываясь, насколько злоба овладела его партнером.

Его голос немного успокоил Мука.

* Жизненное пространство (нем.).

— Ну не знаю, не доверяю я ему. Он не такой, как мы; в делах наших совсем не разбирается.

— Ну, может, такой нам и нужен. Он поможет нам выбраться из этого дерьма.

— Кто его знает, но я не доверяю ему. 14 ничего хорошего, по-моему, из этого не выйдет.

— Ниггер, по-твоему, никогда ничего хорошего не выйдет, пессимисты гребаный! — рявкнул Терренс, уже не сдерживаясь. Нытье Мука его раздражало с первого дня. Зачем только Ганнибал его терпит! Ведь это Терренс помогал создавать и двигать «Каннибал», а должность и зарплата выше у Мука, абсолютно ни за что.

От слов Терренса Муку кровь ударила в голову. Он поглаживал свою пушку под музыку, уже зная, что сейчас произойдет.

— Щас уже, щас я, ниггер, — пробормотал он, облизывая губы в предвкушении.

Терренс понял по его взгляду, что происходит. Слишком много времени он провел на улице, чтобы не понимать таких взглядов. Он почувствовал себя совершенно беспомощным: ему к своим словам добавить было нечего, пушку он не взял с собой. Расслабился за последние месяцы — вот как бывает, когда живешь, не боясь получить пулю в голову. Больше такого не повторится — теперь он тоже будет ходить во всеоружии.

— Так давай уже, давай, — продолжал он по инерции подначивать Мука.

— Заткнулись, мать вашу, оба. Достали уже!

Ганнибал повысил голос, и из уважения они поутихли. Замолчали. Да и весь клуб замолчал. Но это было затишье перед бурей.

— Ну, привет всем. У меня для вас сегодня есть кое- что стоящее, — зазвучал из динамиков кристально чистый голос местного ди-джея. — Только вышедший, совсемгорячий трек с нового альбома Безупречного. Вот он, жарче не бывает: «Бычий отстой»*.

Услышав название, Ганнибал сразу понял, о чем будет песня. Но то, что понеслось из динамиков «Пичес» той ночью, было даже хуже его ожиданий. Безупречный давал отпор — или нападал; зависит от того, как смотреть на вещи. Он утверждал свое превосходство, в первой строфе опустив мини-Гитлера.

*На весь отстой мира
Направляю свое дуло —*

В оригинале «bullshit» — букв, «бычье дерьмо».

Отмыться не успеешь,
Кактебя уже сдуло.
На твою гребаную критику —
Мол, Безупречный сдал, —
Отвечу своей политикой
Твоим отстойным друзьям.
Я — чемпион Шангри-Ла,
Вокруг порхают ангелы.
Наголову разобью любого пришедшего
Фюрера отстоя.
Без — король Своего дела,
Огорчит всех синантропов
И питекантропов,
Но вам придется терпеть и улыбаться,
Потому что я вас размажу.
Мой стиль вам не по зубам, забудьте:
Просто рэп без прикрас, на все времена,
Слабоумный не поймет,
Близорукий не увидит.
А я вижу будущее: в жопу мини-Гитлера,
Я — твой новый фюрер.
Сливаю отстой Безжалостно и ловко,
Потому что я рифмую без подготовки.
Я не шучу, сынок, ничего личного,
Но не надо свистеть
Про то, как отправляешь людей в печи
Или строишь лагеря смерти
Для всех, кто против тебя.
Кто разозлит Безупречного,
Сам окажется в Освенциме.
Ой, как больно, правда же,
Когда твою плоть срывают с костей?
Лучше держись подальше от лучших,
Если хочешь себе добра.
Не стоит нанизывать столько слогов,
Сиди на жопе ровно.
Прости, но дуракам меня не понять,
Потому что я выше тебя,
И я сливаю тебя в отстой

Мощной волной метафор.

Бин Ладен и Сталин получили свое во второй строфе.

*Бывший Ладен,
Где ж ты был, Бин Ладен?
Был Бин в укрытии,
Был Бин в запаре,
Был Бин по пещерам,
Был Бин забыт.
Было решил, что ты мертв,
Что, ниггер? Был испуган?
Теперь Бин вернулся,
Бин в «бентли», Бин чувак крутой,
Бин резво начал.
Может, Бин и вправду рэпер? Ни хрена, он отстой!
Без мозгов и без толку — а я без упрека.
Что, забыл,
Как обоссался,
Увидев меня на вручении «Соре»?
Извини, начальник, но ты просто второй Сталин,
Жирный понторез на пустом месте.
Только ради прокорма
Ты тут ошиваешься.
Тебе нужно внимание,
Ты хочешь поплакаться,
Очко играет —
Но не лезь с этим ко мне.
Безупречный не дарит утешений, он сливает.
Спроси Быка,
Как это бывает.*

Понятно, что главной мишенью и адресатом был Ганнибал, для которого Безупречный приберег последний стих. На своего главного противника он наехал неожиданно, без подготовки.

*Негр-неандерталец,
Что ты так зол на весь мир?
Может, потому что никак*

Не можешь кончить?
Но я твою бабу не трахал,
Так чем я тебя огорчил?
Не делай вид, что мы незнакомы,
Всех собак на тебя спущу.
Что ты привязался к Безупречному?
Чувак, да ты втрескался в меня!
Бык, ты просто пустышка,
Таскаешься за мною по пятам.
Пока я воюю с воображаемыми противниками,
Ты воображаешь, что борешься со мною.
Гниешь в моей тени,
Пока я блистаю.
Ниггер, ты просто отголосок,
Послевкусие моего голоса.
Как тебе привкус?
Хуй готов сосать,
Так хочешь узнать меня получше.
Честно, я от отстоя твоего устал.
Я тебя сливал на «Спите»
И на чемпионате.
Каннибал только и может,
Что сосать.
Ягнят молчать заставляешь,
Но к богу тебе не подобраться.
Я читал лекции твоему Лектеру,
Истреблял быков, как Митра.
Я выжгу тебя, как эфир,
Тебе не рифмовать в моей манере,
И не надо посылать клонов делать мужскую работу.
Я смертоноснее твоего Жнеца,
Сынок, я высшее благо —
Сын человеческий.
Аты просто потерявшийся черный мальчик,
Который хочет быть старым белым мужчиной.
Зовешь себя каннибалом
Просто потому, что не знаешь историю своего имени.
Для кого-то ты священный Бык,
Но, чувак, для меня ты — лишь отстой.

Из четырех упомянутых в телеге рэперов присутствовал в залетолько Ганнибал. Ему в одиночку пришлось терпеть взгляды и перешептывания толпы. Батиста, Пиночет, Трухильо — все смотрели на него. Ярость закипела в Быке, но ему удалось неплохо пережить этот позор. В конце песни снова зазвучал голос ди-джея:

— Вы услышали это, услышали это первыми, в самый первый раз. Убийственно, правда?

Мук улыбнулся про себя, пока все сидели словно в воду опущенные. Бык молчал и наблюдал за окружающими, которые делали вид, будто не смотрят на него. Тут заиграл новый трек, и все опять увлеклись музыкой. Однако Терренс не мог так просто это оставить:

— Вот мудак! Сука войны хочет, что ли? «Каннибал только и может, что сосать». Это ты, сука, сосешь!

— Успокойся, — вмешался в тираду Терренса Ганнибал. — Все правильно, око за око. Понимаю. Значит, началось.

Диджей клуба, Себек, сидел наверху в своей кабине, оглядывая толпу и отдыхая между миксами. Перед ним стояли вертушки, заваленные винилом — от старой школы до фанка. В кабину пробрался Бес, второй ди-джей «Пичес», с перекошенным от ужаса лицом.

— Йо, ты в курсе, что здесь Бык? — спросил он.

— Вот как. И давно? — Себек старался говорить небрежно, хотя от страха у него заурчало в животе.

— Достаточно для того, чтобы услышать «Отстой».

Случилось то, чего Себек боялся, — его не предупредили о приходе Ганнибала, иначе он не поставил бы этот трек. Пластинку ему привезли только сегодня, и он жутко хотел быть первым, кто ее проиграет. Но так подставляться он точно не хотел. Но теперь, раз уж это произошло, нужно идти до конца.

— Какая на хрен разница. Еще где-нибудь или от меня — он бы все равно услышал.

Бес заметил браваду друга и понял, что она показная.

— Ну да, конечно. Только ты же знаешь, Бык — это новый Дейкон хип-хопа.

Дейкон, бывший боевик бандитской шайки, в свое время освоил бизнес и основал хип-хоп лейбл. Используя те же методы, что и на улице, он создал целую рэп-династию, просуществовавшую пять лет, пока его не посадили. Хотя уже много лет прошло с тех пор, как Дейко- на повязали, его имя до сих пор служило нарицательным для гангстеров в бизнесе.

— Да и черт с ним, плевать, — ответил Себек. Вдруг у него снова скрутило живот — дали о себе знать свинные отбивные, которыми он отобедал.

— Побудешь тут за меня минутку? — попросил он друга, а сам ринулся в уборную.

Через три часа, в четыре ночи, вечеринка закончилась. Себек забрал свой чеку администратора и стал спускаться к черному выходу. Он избавился от тяжести в животе, и даже на душе у него стало полегче. И о Быке он перестал беспокоиться. Да, тот услышал трек. Ну и что? Послушал и ушел, вот и все, думал Себек, прощаясь с верзилой-охранником, открывшим для него тяжелую железную дверь. С главного входа клуб смотрел на один из лучших районов города, а с черного открывался в криминальные кварталы, настоящую зону боевых действий. Себек вышел в темноту и услышал, как дверь захлопнулась за ним: его всегда ужасал этот скрежещущий звук.

Диджей ощутил сентябрьскую прохладу — чувствовалось, что осень на подходе. В своей тонкой футболке он начал дрожать, ругая себя, что не захватил куртку. Тогда бы не мерз. Метро было всего в трех кварталах. Да и обычно в центре жарко, он на это и понадеялся.

Тут Себек услышал слева какую-то возню и бормотание.

— Йо, говорю же вам, это не я. Я сегодня не играл! — лихорадочно умолял Бес Терренс и Мука, прижавших его к ободранной кирпичной стене. Нос у него уже был разбит, но он все еще пытался образумить нападавших.

— Эй, что тут происходит? — инстинктивно прокричал Себек. Это была его вторая ошибка за ночь — Терренс узнал голос ди-джея и сразу понял, что взялся не за того парня.

— Ба, знакомый голосок. Вот он, наш крутой перец, - сказал он Муку. Бросив Беса, они направились к Себеку. Увидев, что они приближаются, Себек решил бежать, но ноги у него стали ватные, да и живот опять прихватило.

— Какого хрена? — только это он и успел сказать, прежде чем Терренс и Мук набросились на него, словно дикие псы. Он не смог больше терпеть: его ослабшей прямой кишке было не сдержать понос, и он испражнился целым потоком прямо себе в штаны, оттуда вонючая масса потекла вниз по бедру, периодически застревая в джинсах, и наконец вывалилась ему на ботинки.

Но застыдиться у него даже не хватило времени. Терренс начал очень быстро — худой, а бил сильно. Кулак Мука выдавал в нем жестокого зека. От их совместных усилий ди-джея упал на спину и корчился на асфальте, пока они яростно пинали его. Он лишь успел увидеть рисунок на подошве ботинка перед ударами. Первый удар откинул назад его голову, второй раскроил череп. Еще в сознании, Себек старался прикрыться руками, но Терренс не прекращал избиение, сломав ему оба локтя и кисти рук. В ушах Себека зазвенело. Потом он уже ничего не чувствовал и не слышал, хоть и видел залитыми кровью глазами, как Мук пинал его, сломав четыре ребра и прак-

тически пробив легкие. Кровь лилась вовсю, Себек захлебывался ею. Экзекуция длилась не больше минуты, но показалась ему целой вечностью, бесконечным потоком ударов.

— Спорю, больше ты треки Безупречного не поставишь, мудака! — прозвенели в тишине улицы слова Терренса.

Они с Муком уже уходили, когда Терренс что-то унюхал. В пылу драки он не заметил, что воздух изрядно испортили. Теперь же воняло просто отвратительно.

— Вот дерьмо, — рывкнул он. — Ха, чувак-то, кажется, обосрался. Эй, мудень, ты обосрался, что ли? — спросил он Себека, который в ответ только трясся. Терренс уже повернулся уходить, чтобы рассказать потом о случившемся ребятам, но глянул на свои ботинки и заметил, что они испачканы дерьмом. — О, черт, только не это. О нет, чувак обосрал мои новые «тимы»!

В бешенстве Терренс напоследок засветил ногой ди-джею в лицо. Удар выбил Себеку зубы, и последнее, что он запомнил, прежде чем потерял сознание, — как он проглотил их.

Пока Терренс продолжал честить отключившегося ди-джея, Мук представлял, как мозги Терренса выглядели бы на этой кирпичной стене. Муку так хотелось убить его, что у него даже член встал, испачкав от перевозбуждения трусы-боксеры. Мук уже почти достал свой «глок», когда из-за угла их позвал Ганнибал — они со Жнецом ждали в машине. Мук отчаянно желал пристрелить Терренса, но нужно было подождать.

Парни наконец ушли, даже не взглянув на Беса. И не нужно было — он видел, на что они способны, и не стал бы открывать рта. На пути к машине Терренс обогнал Мука шага на четыре. Тот шел сзади и наблюдал, облизывая губы, как голова Терренса покачивается в такт шагам. Его округлый череп возбуждал Мука, и он невольно снова начал играть со спусковым крючком. Нет, не сейчас, сказал он себе, ускорил шаг и обогнал Терренса — затылок был слишком привлекательной мишенью.

А позади них, в аллее, Бес в ужасе склонился к своему другу. Тот лежал в луже крови, лицо его превратилось в кашу. Бес разрыдался. Он бросился постучать в заднюю дверь, но она открылась раньше, чем он успел подойти, словно за нею ждали.

— Вызовите «скорую»! — крикнул Бес.

— Уже едет, — ответили ему.

Бес знал, что они все видели, но попросту не стали вмешиваться. Это было отвратительно. На следующий же день он уволится, а сейчас он лишь печально сказал своему другу:

— Вот бя, серьезные дела.

30

Миха сделал три шага вверх по мраморным ступенькам: стиснутые с двух сторон упиравшимися в потолок колоннами, они вели к огромной мраморной площадке, служившей гостиной. За прошедшие месяцы комната явно изменилась. Теперь в ней появилась кое-какая мебель: диван и всякие мелочи. И все же она поражала холодной пустотой из-за обилия свободного пространства и белых тонов. В помещении не чувствовалось домашнего уюта, зато ощущался крепкий запах тестостерона и холостяцкой жизни. И как всегда, в этой пустоте выделялся необъятных размеров телевизор, звук которого долетал до городских окраин и, конечно, доносил до всех узнаваемый британский выговор Лектера.

Миха застал Ганнибала за его любимым занятием. Число просмотров достигло, кажется, ста десяти. Выражая уважение, Михаил остановился в сторонке.

— Что случилось, Бык? Терренс передал, что ты хотел меня видеть, — сказал он.

Терренс служил барометром настроений и желаний Быка. И когда Михаил услышал в его голосе тревожные нотки, то забеспокоился, что совершил какую-то оплошность. Хотя умом Михаил понимал, что ничего серьезного произойти не могло, он входил в этот дом, ощущая себя провинившимся подчиненным.

Ганнибал ответил не сразу. Он слышал вопрос паренька, но его внимание поглощал Лектер — впервые Бык смотрел на своего героя с некоторым презрением.

— Знаешь, а ты был прав, — наконец откликнулся он.

— По поводу? — удивился Михаил.

— У книги отвратительный конец. — Сдержанное спокойствие Ганнибала вызвало у Михаила чувство приближающейся грозы.

— Да, мне тоже не нравится, — согласился Михаил.

— Он, мать твою, и вправду ее любил. По мне, в этом дерьме нет никакого смысла, — заявил Ганнибал. Михаил чувствовал комичность ситуации, но сдержался, оставив свои мысли при себе.

— Так где ты пропадал в последнее время? — спросил Ганнибал.

— Нигде, брат. Просто наслаждался жизнью.

— С сестрой Безупречного, — заметил Ганнибал. Это не был вопрос, но все же Миха кивнул в подтверждение, ощущая беспокойство оттого, что Эрику упоминают в этой комнате. Ганнибал никогда не высказывал свое мнение открыто, но чувствовалось, что он не одобряет их отношений. — Как интересно. Ладно, давай-ка потолкуем.

Ганнибал выключил фильм на середине. Раньше бы он ни за что такого не сделал. Теперь, впервые с начала их разговора, все его внимание было обращено на Миху.

— Мне нужно выпустить новый альбом, понадобится твоя помощь.

— Какого рода? — поинтересовался Миха.

— самого важного. Мне приходится заниматься всякой хренью.

Управление бизнесом, расширение, создание собственной дистрибьюторской сети — я хочу послать подальше «Краун» и всем рулить самостоятельно. Ты въезжаешь, парень?

— Вроде как.

— Проблема в том, что со всем этим дерьмом времени, чтобы писать, совершенно не остается. То есть, конечно, на меня еще накатывает, но все это в старом, привычном для всех стиле. А нужно выходить на новый уровень. Пора выдать то, что ни один ниггер не ожидает от меня услышать. Вот тут-то и нужна твоя помощь, парень.

Остальное было ясно без слов. Бык просил его стать «призраком». Конечно, у рэперов это считается табу и респекта не вызывает, но по правде авторы-«призраки» явление более распространенное, чем многие готовы признать. Миха был в курсе: в отличие от других музыкальных течений, в хип-хопе с презрением смотрят на тех, кто пишет слова для других исполнителей. В остальных жанрах музыки это абсолютно нормально: вокалист редко создает тексты исполняемых им песен. Но рэп явление особое: музыка, зародившаяся в сточных канавах, ценна, пока в ней есть правда жизни: грубая, грязная, но неподдельная.

— Будем писать тексты вместе, — пояснил Ганнибал.

— Ладно, — согласился Миха.

— Ну и славно. Но не хочу, чтобы у тебя снесло крышу. Помни, ты пишешь для Быка. И это должно звучать в моем стиле. Я тебя знаю. Когда из тебя прет, ты такое способен завернуть, что чертям тошно. Но ниггеры не готовы это слушать. Так что будь проще.

— Без проблем.

— О'кей, главное мы уладили. Теперь потолкуем о деловых вопросах. Ты мне нравишься, Миха, ты классный парнишка. — Слова Ганнибала прозвучали так, будто Миха годился ему в сыновья. На самом деле Ганнибал был лишь на

два года старше и не намеревался подчеркивать свое старшинство. Но, по правде, казалось, что Ганнибал прожил долгую жизнь — накопленным им знаниям и опыту позавидовал бы не один старик. — Я предлагаю тебе долю, которую обычно имеет исполнитель. Скажем, ты получишь пятнадцать пунктов. Для прессы единственным автором буду я, но авторские поделим пополам.

— Звучит круто, — заметил Миха. — Но что значат все эти слова? — вынужден был признаться он в своем невежестве.

Ганнибал усмехнулся такой наивности.

— Ладно, давай по порядку. В большинстве случаев пункт означает процент. По нашему соглашению с ублюдками из «Краун» они откусывают около тридцати процентов нашего пирога за сбыт дисков. Практически все остальное делаем мы. И у нас, грубо говоря, остается семьдесят процентов. «Каннибал» независимый лейбл, и я являюсь его единственным владельцем.

Пока Ганнибал детально излагал всю эту логику, Миха думал о том, как старательно Ганнибал придерживается характерного жаргона делового мира. Услышав сейчас его речь, никто бы не отличил его от промышленного магната, ворочающего сотнями миллионов. Для Ганнибала деловой язык был особого рода сленгом.

— И это означает, — продолжал Ганнибал, — что семьдесят процентов возвращаются ко мне, но из них я должен оплачивать услуги битмейкеров и других работников, рекламу, производство и упаковку товара, не говоря уж об ублюдках из налоговой. — Здесь он не выдержал нужного тона и перешел на более привычный для него язык. — Каждый раз, как подумаю, сколько этот говнюк дядя Сэм отхапал у меня в прошлом году, сразу хочется кого-нибудь пристрелить.

Гневная вспышка Ганнибала вызвала у Михи усмешку. Но потом он задумался: интересно, случалось ли Ганнибалу застрелить человека. Миха ведь мало о нем знал. А то, что знал, наводило на серьезные размышления.

— Скажу тебе, — доверительно понизил голос Ганнибал, — с наркотой в этом отношении было гораздо проще: ни тебе налогов, ни бухгалтерии. Зато хватало проблем с адвокатами. Эти ниггеры не боятся испачкаться. Знаешь, сколько исков подано на меня в суд? Помнишь тех сучек, что были с нами в лимузине после вручения премий «Сорс»... чертовы твари. Они решили подзаработать. Собираются заявить, что мы их изнасиловали.

— Иди ты! Вот мать твою! — не поверил Миха.

— Не бери в голову. Сучки не пойдут с этим в суд.

— Как ты можешь знать наверняка?

— Во-первых, у них нет доказательств. Во-вторых, я пошлю пару ребятишек

их навестить.

— Навестить? Ты что имеешь в виду?

— Скажу просто: даже если ты крут и высоко залез, не забывай друзей, которые остались внизу. Они еще пригодятся. — Последние слова Ганнибала неприятно поразили Мihu: он наконец сообразил, что тот имел в виду.

— Система такова: компания дает ниггеру немного денег, чтоб ему было на что пожрать, а потом белые забирают их назад, чтобы прокормиться самим. — Тут Ганнибал прервал свою тираду, сообразив, что отклонился от главной темы. — Но вернемся к делу. Представь эти семьдесят процентов как сто — из этих ста ты получишь пятнадцать. Как тебе это?

— Звучит круто, — ответил Миха^ хотя давно уже потерял нить разговора. Не страшно, решил он, остальное станет ясно, когда он приступит к работе.

— Знаю, может показаться, что это немного, но из этого складываются огромные суммы. Особенно учитывая авторские права: мы получим кучу бабок от прогонов на радио. Сейчас у нас неплохие отношения с радиостанциями, так что они с радостью будут крутить наши треки. Ну что, все на мази?

— На мази.

— Тогда приступим к работе. Я тут прикинул: нам надо сделать треков двадцать — двадцать пять. Потом отберем тринадцать лучших. — Ганнибал испытывал пристрастие к числу тринадцать. Оно привлекало и интриговало его потому, что вызывало у многих страх.

— Клево. Но я тут подумал...

— Ну, говори же.

— Насчет твоего имиджа.

— Ты что имеешь в виду?

— Понимаешь, Лектер и каннибализм — это, безусловно, круто. Но почему бы не пойти дальше и не взглянуть более глубоко на имя Ганнибал? — Миха выражался со всей осторожностью, понимая, что надо уважать фанатизм Быка.

— Я тебя слушаю, — ответил Ганнибал.

— Понимаешь, имя Ганнибал происходит от одного парня из Северной Африки, который жил черт-те когда. Он был генералом Карфагена и сражался с римлянами во Вторую Пуническую войну. Ему удалось пересечь с войском Альпы на боевых слонах и почти захватить Рим. Слышал что-нибудь об этом? — спросил Миха, заметив полнейшее равнодушие на лице Ганнибала.

— В общих чертах, — ответил тот. Он слышал, что имя существовало и до Лектера, но никогда не интересовался вопросом более глубоко.

Миха осознал, что теперь он выступает в роли учителя. Такая перемена

была ему приятна. Ганнибал оказался внимательным слушателем.

— Так вот, за все его достижения Ганнибала признали одним из величайших генералов и военных гениев в истории человечества. И он был нашим братом! — этот аргумент Миха приберегал напоследок, чтобы окончательно сразить Ганнибала.

— Он был черный! Мне это нравится.

— Да, черный. Есть идиоты, пытающиеся доказать обратное, как и в случае с египтянами и Иисусом. По мнению некоторых, если в этом мире и происходит что-то великое, то лишь благодаря белым.

— Я отлично понимаю тебя. Отлично понимаю, что ты имеешь в виду. Нас, ниггеров, всегда и во всем пытаются ограничивать. Генерал Бык — мне нравится, как это звучит. Ты, Миха, сообразительный сукин сын.

Миха всего лишь изложил общеизвестные факты, но, услышав столь эмоциональный комплимент, он улыбнулся от удовольствия.

— Тебе идет это имя. А еще лучше прозвучит название нового альбома... — Озарение посетило Миху внезапно.

— Какое?

— Боевые слоны. — Произнося это, Миха чувствовал, что попал в точку. В этих словах было столько силы и грации, но при этом — устрашающей опасности.

— Черт. Это то, что надо. Самое то. Ты молодец, чувак. — По реакции Ганнибала было ясно, что и он ощутил силу этих слов. Кроме того, они вызвали в памяти старые мысли. — Кстати, о боевых действиях. Нас в скором времени ожидает война.

— О чем это ты?

— Ну, Безупречный начал всю эту бодягу, а нам придется положить ей конец. Надо позаботиться о достойном ответе.

— Понимаю.

Ответ Безупречному. Миха знал, что это означает. Он слышал «Бычий отстой» по радио. Сражало наповал. Ганнибалу потребуются не менее звучные аргументы. Но почему Безупречный? Пусть бы это был кто угодно: Сталин, Буш, Батиста. Лишь бы не Безупречный. Но Миха не осмелился возражать: ясно, что Ганнибал принял твердое решение. Ведь это Безупречный первым полез на рожон. На кого же еще должен пасть великий гнев Ганнибала.

— Что такое? Конфликт интересов? Чувствуешь неловкость из-за того, что трахаешь его сестру? — прервал Ганнибал размышления Михи.

— Что-то вроде того.

— Проблему легко устранить. Брось эту сучку, и приступим к настоящей работе. Генерал Бык: «Боевые слоны». Здорово звучит.

На этом разговор был окончен.

КНИГА

ПЯТАЯ

31

День, когда весь город замер в ожидании, наступил в середине декабря. Идеально спланированный шаг был мастерски воплощен в жизнь. Вечером накануне большого события Терренс прибыл на студию радиостанции «WHRU» с небольшой посылкой в руках. Как только он сообщил на ресепшен цель визита, охранники, поспешно проверив Терренса, пропустили его внутрь: провожаемый завистливыми взглядами окружающих, он прошел по серым ковровым дорожкам студии прямо к личному звукорежиссеру Ра. Там он открыл посылку. Содержимое засияло золотистым блеском перед глазами звукорежиссера. Едва не истекая слюной, тот спросил Терренса:

— Это то, о чем я подумал? — Терренс утвердительно кивнул.

Тот чуть не задохнулся от счастья. С бьющимся сердцем звукоинженер подошел к стеклу кабины, чтобы бог радиоэфира мог увидеть, что за чудо у него в руках. Краем глаза заметив отблески, Ра взял незапланированную рекламную паузу. Подойдя к Терренсу, он задал тот же вопрос:

— Это то, о чем я подумал? — Звукорежиссер, ухмыляясь до ушей, кивнул. Ра молитвенно сложил ладони, возблагодарив Создателя за щедрость. Насладившись этой сценой, Терренс молча проделал весь путь назад по серым ковровым дорожкам студии, прошел мимо охраны и ресепшен, сел в лифт и покинул студию. Как только его ноги коснулись серого асфальта Манхэттена, распахнулась дверца шикарной спортивной тачки черного цвета: его ждали. В ту же секунду, как Терренс хлопнулся на сиденье, Ра сделал важное объявление по радио. Терренс взглянул на Жнеца и улыбнулся. Миссия выполнена. Можно сваливать.

— Нью-Йорк, Нью-Йорк, мы его получили! Я держу его в руках в эту самую секунду, — объявил Ра. — То, чего все ожидали с таким нетерпением. Мы знали, что это свершится, но не знали когда. Этот день настал. Он у меня в руках. Долгожданный ответ.

Ответ, о котором шла речь, был контраргументом Ганнибала на «Бычий отстой» Безупречного, справедливым возмездием. Наверное, в истории хип-хопа не было еще такого раскрученного и горячо ожидаемого сингла.

Второй альбом Безупречного вышел в последние дни лета. «Философия бедняка» завоевала шумное одобрение критиков, но продажи оказались

весьма скромными. Они едва приближались к двум миллионам, и большая часть пришлась на первую неделю. Конечно, многие рэперы продали бы душу за такие результаты. Однако цифры не шли ни в какое сравнение с первым альбомом. За тот же период «Безупречная победа» достигла уровня продаж, почти в три раза превосходящего «Философию». Второй альбом оказался глубоко интроспективным: больше политики, больше мрачных тонов. Местами тревожный и смущающий душу, все время заставляющий задуматься, он явно не удался с коммерческой точки зрения. В него не вошли песни для танцпола. К тому же Безупречный расстался с Ноа. Вооружившись сэмплером ASR-10, он сам создал часть битов для нового альбома. Затем в поиске талантов забрался в Европу и в Карибский регион, где и раздобыл остальной материал. Путешествуя по загранице, Безупречный нашел кое-что интересное для себя в Великобритании и Германии. А еще он связался с битмейкерами на Ямайке, чтобы те сделали для него неторопливые, плавные минусовки в стиле регги. «Философия бедняка» была по-настоящему глубоким произведением, но слишком опередила свое время.

*В послесловии к жизни после жизни
Я лишь полчеловека, которым должен быть,
Половина бога, которым смел себя мнить.
Раньше я болтал лишь о шлюхах и тачках,
Теперь же готов покорять реальность,
Развенчивать фальшь,
Изменять мировоззренья,
Стать еретиком, крушащим иерархии.
Да, никто никого не неволит,
Но правда в том — и ее я признал, —
Что я рожден со свободой воли,
Но на узкой тропинке меж отвесных скал.
Живу без малейшей склонности к насилию,
Без любви к войне,
Без жажды крови.
Я голосую за мир В условиях миллениума.
В руинах монументов,
В развалинах гордыни,
Я один на миллионы:
Равнодушный водитель «скорой»,
Жертва и вампир,
Побежденный и победитель,*

*Рыба без воды,
Оборотень в дубленой коже
И фирменной джинсе,
Вываренной руками поденщиков.
Белоручка-капиталист
Побеждает во мне филантропа:
Я лицемер от хип-хопа.
И пока все так нелепо,
И люди вокруг так слепы,
Смерть догоняет смерть По воле человека, не бога.
И посреди всего этого Где же моя дорога?
Я покинул свой город,
Пророчество заставило пророка Склонить голову, опустить руки,
Когда в 2001-м прогремели удары рока.*

Рядовому слушателю не были понятны новые песни, за исключением одной-единственной композиции — бонусного трека «Бычий отстой». Его поместили в конце альбома: тринадцать минут звучания после тринадцатой песни. Бит, правда, делал не Ноа, но Элайджа тоже был мастером своего дела и умел впечатлять. В «Бычем отстое» слышен был прежний Безупречный: таким его знали и обожали поклонники. Бонусный трек и обеспечил продажи альбому. Все ди-джеи в каждом клубе города ставили эту песню не менее двух раз за вечер. Даже после того, как стало известно о судьбе ди-джея из клуба «Пичес». Случившееся просто замяли, и надлежащей реакции не последовало. Свидетелей не обнаружилось, так что предъявлять обвинения было некому. Диджей выжил, но начисто забыл события той ночи. Получив столько ударов по голове, он частично потерял память и стал заикаться. Несмотря на это, песню крутили повсюду: на радио, в салонах красоты, в машинах. Она прочно засела в умах. Слыша ее по несколько раз надню, народ начинал невольно повторять ее вслух. Безупречный смешал с грязью четверых рэперов; над ними смеялся не только город — вся страна. Хуже того, «Бычий отстой» приобрел определенную известность и в международном масштабе. Сокрушительный удар по карьере каждого из четверых. Каждый из них должен был выступить с ответом.

Мини-Гитлер пока ничего не сделал, но, появляясь в журналах и на радио, угрожал расправой. Ситуация накалилась до такой степени, что Безупречному посоветовали не ездить на юг страны. Мини-Гитлера почитали там за фюрера, и банды Гестапо были весьма сильны. Сталин и Бин Ладен засели в студиях, подготавливая ответный удар. Сталину было проще всех. Выпады

Безупречного в его сторону оказались не столь уж резкими — и пусть ответ Сталина был не высокого класса, его засчитали.

Карьера Бин Ладена стремительно катилась вниз. После того, как он под дулом пушки заставил Хеннесси расторгнуть его контракт с «Краун», одной из главных целей Хеннесси стало полное уничтожение Бин Ладена. Мало кто знал, что компания «Краун» являлась одним из главных спонсоров радиостанции «WHRU». Хеннесси позаботился об этом сотрудничестве, как только возглавил «Краун». Он понимал, что полезно прикармливать самую популярную хип-хоп радиостанцию города — она всегда пригодится. Было время, когда один из штатных ди-джеев развязал личную войну против «Краун». И вскоре другие тоже стали сомневаться в правильности действий и политики компании. Хеннесси нажал на свои рычаги и раздавил бунтаря как таракана. Ди-джею Анпу пришлось искать работу за пределами Нью-Йорка: здесь он оказался под запретом. Много лет спустя он вернулся в город и вновь стал произносить тирады — на этот раз на «WASR», конкурирующей радиостанции. Так начались войны в радиоэфире.

Сейчас похожее произошло с Бин Ладеном. Он подписал контракт с другой студией звукозаписи, но на «WHRU» отказывались ставить его песни. Конечно, эта радиостанция была не единственной в городе, но ей фактически принадлежала монополия на хип-хоп. Она являлась законодателем мод, а остальные радиостанции во всем следовали ее примеру. Бин Ладен и все парни из его Аль-Каиды оказались в черном списке. Хеннесси сформировал против бунтаря целую коалицию, и теперь никто не хотел слушать его творчество. Потеряв возможность вести привычный ему образ жизни, Бин Ладен вернулся к своим корням. Он примкнул к Талибану. И теперь, наблюдая, как созданный им мир разваливается на куски, Бин Ладен чувствовал себя волком, которого обложили со всех сторон. Но он нашел решение. Он убьет Хеннесси — бывший рэпер спал и видел, как уничтожит все, что хоть как-то связано с этим гадом.

Оставался Ганнибал — и именно на него падал теперь весь груз обвинений. «Бычий отстой», в первую очередь, был направлен против него. Остальные послужили лишь прологом к главной части представления. Это понимали все. И на плечи Ганнибала легла вся ответственность за контрудар. Он осознавал значимость этого мероприятия. И не торопился. Он терпел разъедающие самолюбие оскорбления Безупречного с конца лета до поздней осени. Второй альбом Ганнибала должен был выйти не раньше следующего января. «Боевые слоны» — первый сингл альбома — прозвучал на радио только в начале декабря. Это был настоящий коммерческий хит, несмотря на откровенную воинственность. Сингл призывал отвечать насилием на насилие

и брать в руки оружие в духе партизанских войн. Критики радостно одобрили песню. «Ганнибал развивается в своем творчестве», — заявили они. «Глубокие слова, мощный посыл и потрясающий бит Ноа — невероятное сочетание». Со «Слонами» Ганнибал поднялся на новую ступень. Все восхищались «Слонами», однако публика жаждала иного. Город томился в ожидании ответного удара. Все знали, что момент настанет. Но вот когда? Теперь он настал... и бог радиоволн держал возмездие в своих руках.

Но Ра не собирался запускать его в эфир в тот же вечер. Он предпочел подразнить публику. Он решил оттянуть удовольствие, тем самым усилив остроту кульминации. Прокрутив фрагмент песни, он объявил, что целиком она прозвучит завтра, точно в пять сорок вечера. Новость, словно пожар, распространялась по домам и районам с бешеной скоростью. Она поражала все вокруг как язва или чума, и весь город не мог уснуть в ту декабрьскую ночь от беспокойного ожидания.

Разговоры повсюду велись только об одном: в школах и кафешках, на баскетбольных площадках и стройках, в офисных коридорах и парикмахерских, в такси и кинотеатрах только и было слышно, что о возмездии. Казалось, не было такого уголка в Нью-Йорке, где хотя бы раз в минуту не поднимали эту тему. В тот день мир хип-хопа сузился до трех человек: Безупречного, Ганнибала и Ра. С самого утра многие не переставая слушали «WHRU». Весь день радио крутило фрагмент песни. Весь день публику продолжали раздраживать. И наконец, наступил кульминационный момент. В четыре часа, когда Ра вышел в эфир, весь город прильнул к приемникам. Ра не мог сдержать улыбку, чувствуя себя всемогущим. Так вот какие ощущения дарит абсолютная власть! Глаза Ра сияли, когда он оглядывал студию. Ее битком забили рэперы и потомки эфиопов: все, кто хотел стать частью истории, хотя бы в виде скромного примечания, стремились попасть сюда сегодня. Пришел Трухильо; Батиста и Пиночет тоже сидели в студии. Даже революционер Гевара остался после своего интервью и занял местечко поудобнее, чтобы насладиться торжеством момента. Накануне Ра провел предварительный опрос мнений. Хотя новый альбом Безупречного продавался хуже первого, благодаря «Отстою» Безупречный еще оставался королем Нью-Йорка. Ожидалось, что он победит семь к трем. Все сгорали от желания услышать ответ Быка, но мало кто верил, что Ганнибал может выиграть схватку.

Часы показали пять тридцать девять, и звукорежиссер дал сигнал к началу.

— Итак, Нью-Йорк. Время пришло. Готовы ли вы? Возмездие грядет. Я слышал ответ и должен признать, что в Нью-Йорке может появиться новый король. Хотя лично я еще не определился, а вам придется принять собствен-

ное решение. Итак, даже если вы не готовы, время пришло. Ганнибал,
«Свержение короля».

И наконец, зазвучал долгожданный бит.

32

Поезд «А» с привычным скрипом затормозил у очередной станции метро: Сорок вторая улица. Миха с Эрикой, закутанные в пальто, вошли в вагон, держась за руки: они направлялись в Гарлем. Миха хотел взглянуть на дом, который подыскал по объявлениям в газете. Эрика отправилась с ним, чтобы составить свое мнение о жилище, где собиралась проводить немало времени.

Они вошли в середину поезда в разгар столпотворения, но на удивление смогли найти два свободных места рядом. Дело было вечером, час пик еще не прошел, и на этой остановке поезд уже должен был трещать по швам. Нельзя сказать, что в тот день он был пуст, но пассажиры чувствовали себя куда лучше сеledок в бочке. Сегодня было холоднее, чем в предыдущие недели. И оба оделись потеплее, чтобы защититься от непогоды. Выглядели они стильно, но чувствовали себя грузными и неуклюжими в толстых шерстяных пальто. Оказавшись в теплом вагоне, Миха с Эрикой наконец смогли расстегнуть свою защитную броню. Как только он распахнул пальто, Эрика положила голову ему на грудь и обвила рукой плечи. И юные любовники замерли, наслаждаясь прикосновением друг друга даже сквозь бесчисленные слои теплой одежды.

Приложив ухо к груди Михи, Эрика внимательно вслушивалась в биение его сердца. Сквозь толстую ткань ей не удавалось уловить его стук.

— Я не слышу биения твоего сердца, — сказала она, подняв на Миху взгляд.

— Не волнуйся. Мое сердце на месте, — ответил он.

— Не уверена, я его не слышу. Думаю, ты умер, — шутливо заметила девушка.

— Если б я умер, то вряд ли бы разговаривал сейчас с тобой.

— А может быть, ты умер, но пока об этом не знаешь.

— Хочешь сказать, что мы умираем, только если при* знаем смерть?

— Возможно. А возможно, мы живем, только пока признаем жизнь. Но я в этом не уверена.

— Что ж, тогда я не стану признавать смерть и смогу жить вечно.

— А что бы ты делал, если б мог жить вечно? — спросила она.

— Остался бы здесь и продолжал любить тебя, как в эту самую минуту.

— Но я-то не смогу жить вечно. И что ты будешь делать, когда я умру?

— Детка, ты никогда не умрешь. На свете мало вещей, в которых я уверен,

но это одна из них.

— Что ж, будем оба жить и любить вечно. — Слова Эрики прозвучали одновременно как утверждение и как вопрос.

— Почему бы нет.

В едином порыве влюбленные отыскиали губы друг друга, не обращая внимания на толпу вокруг. Они целовались, закрыв глаза, их сердца слились воедино, а мысли улетели на много миль отсюда, в окутанные сиреневой дымкой дали.

Когда они прервались, чтобы отдышаться, поезд как раз остановился на Пятьдесят девятой улице. Часть пассажиров вышла, их тут же Сменили новые. Какой-то паренек сел прямо напротив. В руках у него был журнал: он раскрыв его на всю ширину и держал перед собой. Тот закрывал парня целиком от живота до макушки — и в глаза бросалась фотография, занимавшая всю первую страницу. На ней были запечатлены Безупречный и Ганнибал, лицом к лицу, а над ними заголовок: «Война Короны». Глянцевый снимок так и маячил перед влюбленными страшным предвестником — будто они нуждались в напоминании о войне.

— Ты видела? — спросил Миха, кивнув в сторону фотографии.

— Стараюсь не замечать. Но это не просто, ведь они на обложке всех журналов. И даже в газетах. Похоже, это единственное, о чем пресса хочет писать сегодня.

— Если бы только пресса. Похоже, все только об этом и говорят.

— Не все. Ты ведь не говоришь.

— Нет.

— Значит, не все. Есть те, кому на это наплевать.

Эрика была явно расстроена. Эта война причиняла ей сильную боль. Столкновение продолжалось уже много месяцев, и Эрика мечтала, чтобы все наконец прекратилось. Зачем Безупречному понадобилось так поступать? Она не могла понять. В печати одно за другим появлялись интервью самых разных рэперов, и все они сыпали угрозами. Это здорово ее беспокоило. Миха, почувствовав озабоченность Эрики, крепче прижал ее к себе. Он поцеловал девушку в висок, и на какой-то момент она ощутила себя в безопасности в его объятиях.

С другого конца через дверь между вагонами вошли три пацана лет семнадцати-восемнадцати. Теплые пуховики, потертые джинсы, банданы поверх туго заплетенных косичек, а сверху шапки. Вошли шумно, хлопнулись на сиденья и с вызовом вытянули ноги поперек вагона. Один из них, в наушниках, был особенно буйным: он врубил музыку так громко, что слышно

было всему вагону. Парню удалось привлечь внимание и вызвать негодование большинства пассажиров. Но этого ему показалось мало: он решил усилить производимый эффект и стал повторять слово в слово текст песни.

Сначала Миха с Эрикой смотрели на него с любопытством, но это чувство быстро сменилось раздражением. Они не понимали людей, пытавшихся каждый свой поступок превратить в целое представление. Когда парень в наушниках начал цитировать песню, Миха тотчас узнал слова: «Свержение короля». Пацан наверняка записал песню накануне вечером, когда она впервые прозвучала на радио, а потом быстренько вставил диск в свой «Уокман» и постоянно крутил, хотя в этом не было необходимости. Если бы он остался на волне «WHRU» в тот вечер, он наслаждался бы той же песней еще раз десять. И столько же раз ее повторяли сегодня. Песня стала самым горячим хитом на радио, а написал ее Миха. Он получал странное удовлетворение оттого, что другие цитировали его слова, пусть даже их авторство приписывалось другому. Довольный жизнью, он с гордостью взглянул на чудесную девушку, которую держал в объятиях.

— Это ведь ответ Быка? Просто жешь.

— Да. Под стать Безупречному.

Эрика повернулась и заглянула в глаза Михе.

— Никак не могу понять, зачем им понадобилась вся эта заварушка. — Она смотрела на Миху так, словно уже знала то, о чем он не смел ей сказать.

— Это всего лишь хип-хоп. Обязательная часть игры, — возразил он.

— Не очень-то похоже на игру... Нет, это личное.

Пацан в наушниках продолжал выкрикивать слова Ганнибала, пока его друг не устал от жуткого шума.

— Йо, может, ты наконец заткнешься? Ты достал уже этой хренью. Думаешь, все хотят ее слушать? — заорал он.

Парень снял наушники и уставился на друга:

— В чем дело, братан?

— Я говорю, прекрати крутить эту хрень. Уши вянут.

— Что так? Потому что Бык здорово пнул под зад твоего любимчика?

— Пошел ты. Ты слушал радио только до окончания песни, а потом сдрейфил и не дождался результатов. Безыч обошел Быка на четыре процента, чувак.

— Черта с два. Результаты долбаного голосования подтасовали.

Многие спорили о честности голосования. Но, как было объявлено после шести часов телефонных звонков и электронных сообщений, голоса распределились следующим образом: пятьдесят два процента против сорока восьми.

Безупречный сохранил свой титул, хоть и был на грани поражения.

— Все было подстроено, — не унимался сторонник Ганнибала. — Во-первых, предел погрешности составляет два процента. Твой чувак обошел Быка всего на четыре процента. А ведь известно, что на «WHRU» необъективны, если речь идет о «крауновских» ниггерах.

— Что ты мелешь? Оба, и Бык и Безупречный, работают на «Краун».

— Ничего подобного. Бык сам по себе. «Каннибал» независимый лейбл. Они пользуются услугами «Краун» как дистрибьютора. А с Безупречным у тех контракт. Так что в его победе они сильнее заинтересованы.

Слушая спор на другом конце вагона, Миха не переставал удивляться, как много этим ребятам известно об их бизнесе.

— Все это хрень собачья, — заявил сторонник Безупречного.

— Примирись с очевидным. Твой чувак просто лузер, и все это знают.

— Сам ты лузер, уши вянут от такой чуши. Бык стоящий текст сочинить не способен. Он рифмует как малыш в детском садике.

— В садике, говоришь? Ты что, оглох или просто тупой? Ты «Слонов» слышал?

— Слышал, и что?

— Ничего, этим уже все сказано. — Парень не считал нужным продолжать спор. Текст песни был сильнее любых аргументов.

Помолчав пару секунд, сторонник Безупречного с сомнением покачал головой:

— Думаю, это не он написал.

Его заявление поразило не только защитника Ганнибала, но и Миху.

— Что ты гонишь?

— Я серьезно. Я думаю, не он это написал. И «Свержение короля», думаю, тоже. Если сравнить их с текстами, что он писал раньше, тут явно что-то не вяжется.

— Ты слишком далеко заходишь, брат. Просто не хочешь признать, что твоему чуваку хорошенько наподдали, — парень с нажимом произнес последнее слово, — и теперь ты как последняя сука гонишь, что Бык не писал этих песен. Да ты просто паскуда, ниггер, как и твой Безупречный. — Эти слова здорово оскорбили его друга, и хуже всего то, что их слышал весь вагон. Ярость стала закипать в сердце обиженного пацана. А защитник Ганнибала, чувствуя, что задел за живое, еще подлил масла в огонь: — Твой Безупречный хуже бабы. Я вообще не понимаю, о чем он теперь заливает. «Говорить по существу существенно только лишь под маскою ума». Что это за хрень, я тебя спрашиваю?

— Просто ты слишком тупой, чувак, и не въезжаешь в тему.

— Может, и так, но эта дрянь не по мне — не катит. Ниггер больше мне нравился, когда базарил о шлюхах и тачках. А если в его песнях нет реальных тем, нет жизни улиц, пусть его пидоры слушают.

Парень снова нацепил наушники и стал напевать еще громче. Он ярко выделял самые оскорбительные строчки. Похоже, победа осталась за ним. Его сконфуженный друг решил не сдаваться и сдернул с того наушники:

— Я говорил тебе, чтоб ты заткнулся и вырубил это дерьмо.

— Ты чего, чувак, совсем охренел? — завопил защитник Ганнибала, а затем с такой яростью пихнул друга, что тот отлетел и грохнулся прямо на пол. Оба на секунду застыли от удивления: не ожидали столь сильного эффекта, но замешательство длилось недолго. Вскочив с пола, пострадавший кинулся с кулаками на своего обидчика, и оба начали осыпать друг друга ударами. Сидевшие рядом пассажиры вскочили с мест и устремились в другой конец вагона. Миха с Эрикой, потрясенные, молча наблюдали за происходящим. А третий парень пытался тем временем остановить ссору:

— Эй, вы какого черта творите? Совсем идиоты, что ли? Нашли из-за чего драться. У этих чуваков до фига бабла. И вам из этого бабла ни гроша никогда не достанется. — Но дерущиеся не стали слушать, в порыве ярости отшвырнув третьего прочь.

— Сумасшедший дом. Глазам своим не верю, — не выдержала Эрика.

— Давай-ка выбираться отсюда, пока они нас не задели, — предложил Миха.

Наконец поезд остановился на Сто двадцать пятой улице. Все пассажиры высыпали из вагона: кому-то и вправду пора было выходить, остальные поспешили пересест в соседние вагоны.

— Давай же, Эрика. Идем, — поторопил Миха.

Они едва успели выйти, как двери захлопнулись. Покапоезд отъезжал, они продолжали с удивлением смотреть на дерущихся и успели заметить, как с другого конца вагона ворвались полицейские с дубинками и яростно набросились на нарушителей порядка.

Прошла целая минута, после того как поезд исчез из вида, прежде чем Миха с Эрикой вновь обрели дар речи.

— Это уже слишком. Это слишком, — повторяла Эрика, не сводя взгляда с рельсов, по которым только что умчался вдаль поезд. Над рельсами сгущалась сиреневая дымка.

33

Студия звукозаписи «Каннибал рекорде» располагалась на девятом этаже шестнадцатизэтажного бизнес-центра в Гарлеме. Ганнибал выбрал Гарлем по следующим причинам: неформальный Бруклин мало подходил для работы, Нью-Джерси находился слишком далеко от мест тусовки, а Нижний Манхэттен был чересчур чопорным и однообразным. Гарлем же подходил идеально. Уже само название вызывало ощущение причастности к великой истории. Ганнибал не слишком увлекался историей, но, насколько он помнил, Гарлем всегда был землей черных. Такое представление о нем сохраняли многие. Пожалуй, на всей планете не было уголка, где не считали бы Гарлем Меккой негров Нового Света.

Но в тот день, когда Миха шагал по улицам Гарлема мимо магазинов и кафе известных марок: «HNV», «CVS», «Дисней», «Попай», «Макдоналдс», — он не чувствовал, что вокруг него Мекка. Гарлем превратился в жалкие руины своего прошлого. Многие знаменитые здания района уже не принадлежали прежним владельцам, перестали быть их семейными гнездами. Печально известный театр «Аполло» выделялся как болезненный нарыв на покрытом язвами теле: он выступал самым ярким свидетельством неизбежного. Новые веяния витали в воздухе. Направляясь изданию студии, Миха вспомнил, что на другой стороне улицы есть дом, где расположился офис одного из американских экс-президентов. Это совсем рядом, всего в квартале. Надо же, как меняется мир, подумал он.

Он прошел мимо болтливой, жующей жвачку администраторши и направился к дверям, ведущим в офис. Над ними он заметил название студии «Каннибал рекорде»: кроваво-красные буквы на черном фоне. Да, Ганнибал многого достиг, сказал себе Миха. И тут же подумал, что ему не известно, с чего тот начинал свой путь. Миха не знал о Ганнибале ничего конкретного.

Миха потянул на себя тяжелую деревянную дверь и вошел в офис. И тут же ему показалось, что он по ошибке попал в студию «Каннабис рекордс». Вряд ли такая студия и вправду существовала, но если бы она была, то выглядела бы именно так. Горький запах травы ударял в нос, а плотная дымовая завеса в помещении могла поспорить с самым густым лондонским туманом. Сквозь эту пелену Миха разглядел девятерых парней: они играли в кости в холле. Жнец и Мук сидели рядом, наблюдая за игрой. Миха обошел всех по очереди и

традиционно поприветствовал тычком кулака, стараясь не выкашлять легкие и вместе с тем не слишком глубоко вдыхать дым. Он выказал уважение почти всем, оставался только Мук. Миха встречался с Муком и раньше, но ни разу не разговаривал с ним. Внешность этого парня не сильно располагала к общению, к тому же Терренс отзывался о нем не слишком одобрительно. Кстати о Терренсе, куда это он подевался? Миха вспомнил о нем, подходя, чтобы подставить кулак Муку. Без Терренса он чувствовал себя потерянным и чужим в этой компании.

Мук не ограничился формальным приветствием: схватил Миху за руку и потянул к себе. Сжал как в тисках, словно пытаясь нагнать на него страх. Во время дружеского объятия Миха почувствовал, как что-то твердое уперлось в бок.

— Извини. — Мук понял, что Миха заметил присутствие этого предмета. Мук отстегнул и снял с пояса короткоствольную пушку и положил на стол перед собой. Это был черный «глок» 30-й модели, сорок пятый калибр. Но Миха этого не знал. Он только видел, что пушка огромная. Михе повезло: в его юные годы ему еще не довелось видеть оружие так близко. Эта пушка была частью реальной жизни, созданной с целью убивать и калечить людей. Ситуация становилась неприятной. Мук ощущал страх Михи и откровенно наслаждался им.

— А где же Ти? — спросил Миха Жнеца, стараясь отвлечься от мыслей о пушке, лежавшей на столе.

Мук стоял сбоку и сверлил глазами череп Михи.

— Вышел на минуту, — ответил Жнец.

Миха огляделся и понял, что никто кроме него не обращает на пушку ни малейшего внимания. Словно это самое обычное дело — пистолет на столе среди глянцевых журналов. Будто в доказательство этих мыслей другой парень тоже снял пушку и положил на стол.

— Черт, так-то лучше, — облегченно вздохнул он. — Теперь можно бодаться, не боясь отстрелить себе яйца.

У них что, у всех есть пушки? Вряд ли, успокаивал себя Миха. Наверное, только у этих двоих. Но все равно неприятное ощущение не покидало его.

— Главный у себя? — спросил он про Ганнибала.

— Да, он в офисе.

— Супер.

Миха направился к офису Ганнибала, но тут Мук окликнул его.

— Эй, Миха. Ты же не уйдешь просто так. На-ка, затянись разок-другой, — Мук протянул ему косяк, словно оливковую ветвь мира — вот только у этой ветви были шипы.

— Спасибо, не хочу. Мне и так ништяк, — вежливо отказался Миха. Он ничего не имел против травки, но сегодня не хотел затуманивать мозги.

Затем он спокойно повернулся и продолжил свой путь к офису, но Мук снова его окликнул:

— Я стараюсь быть вежливым. Когда кто-то вежлив с тобой, следует проявлять учтивость в ответ. Иначе тебя сочтут грубияном. — Мук говорил спокойно, в сухой и сдержанной манере, придавая выразительности словам долгими паузами. Его голос заглушил несерьезную болтовню вокруг, и комната погрузилась в тишину. Глаза всех присутствующих устремились на Мihu. Неприятная ситуация становилась все хуже.

— Я никого не хочу обидеть, — ответил Миха, тщательно взвешивая каждое слово. — Спасибо за предложение, но сегодня мне надо быть чистым. Подумав немного, Мук сдержанно ответил:

— Лады.

Миха кивнул в знак уважения и повернул в сторону офиса Ганнибала. Сердце все еще билось быстрее обычного, когда он постучал в дверь.

— Кто там? — отозвался Ганнибал.

— Это Миха.

— Входи, брат.

Учитывая то, как выглядел холл, Миха ожидал увидеть нечто подобное и здесь. Но офис Ганнибала был во многом таким, каким и должен быть офис студии звукозаписи. Никакого запаха наркоты, ковровое покрытие на полу. Мебель скромная по сравнению с офисом Хеннесси, но все функционально, и главное — профессионально. В первый раз с момента прихода Миха порадовался тому, что видит.

Ганнибал разговаривал по телефону и жестом дал знать, что освободится через минуту. Миха, не теряя времени, стал пристально изучать кабинет Ганнибала. Хозяин сидел за огромным письменным столом возле еще более огромного окна, откуда открывался один из лучших видов на Гарлем. На стене постеры в рамках, с логотипами и символикой «Ганнибал рекорде». По углам картонные коробки, доверху набитые дисками и прочим имуществом студии. Миха собрался было присесть, но тут заметил, что в офисе нет ни одного стула. Странно. С чего бы это? По непонятной причине всем, кто приходил в кабинет Ганнибала, приходилось стоять в его присутствии либо сидеть на полу. В любом случае, тот не позволял никому сидеть рядом — глаза в глаза. Миха предпочел остаться на ногах и обратил внимание еще на одну странность. Рабочий стол Ганнибала был полностью обезличен. Возле компьютера не стояло ни одной фотографии: ни родных, ни любимой девушки. Была ли у Ганнибала девушка? Миха не знал. За все месяцы их знакомства Ганнибал ни

разу не заговаривал о своей личной жизни. Он вообще не затрагивал личные темы, во всяком случае, если они касались его самого.

— Отлично, отлично... Спасибо, что сообщили... Значит, в ближайшее время я получу сертификат... Здорово, черт подери... — завершив разговор, Ганнибал повернулся к Михе. — Представляешь, парень? Сингл «Боевые слоны» уже стал платиновым.

— Это классно, брат. Это и вправду здорово.

— Михе, приятель. Ты станешь миллионером. И скорее, чем мог себе представить.

— Что ты имеешь в виду?

— Мы передвинем сроки выпуска нового альбома на пару недель.

— А в чем причина? Зачем это нужно?

— Чертовы пираты уже распространяют его на черном рынке.

— Ты, наверное, шутишь? Как им удалось? Где они его раздобыли?

— Я сам им его дал, — не моргнув глазом ответил Ганнибал.

Заявление застало Миху врасплох.

— Подожди... подожди. Ты сам им его дал? Ты хочешь сказать, что сам слил пиратам собственный диск? На черта ты это сделал?

— Понимаешь, я прикинул, что при сегодняшнем уровне развития Интернета эти уболюдки все равно найдут способ украсть альбом. Поэтому я предпочел распространить его по своим каналам и урвать свой кусок прибыли от этого побочного бизнеса. И главное, что «Краун» здесь ни черта не получит. Вся прибыль достанется нам. Догоняешь, о чем я?

— Кажется, да... Хотя если честно, не совсем.

— Ладно, забей. Поймешь, когда вырастешь.

— Как скажешь. — И пока Михе пытался прикинуть, какие суммы стояли за этим предприятием Ганнибала, его внезапно осенило. — Ах да, я же хотел переговорить с тобой об одном деле, — воскликнул он, вспомнив наконец цель своего прихода.

— Переговорим по дороге, — Ганнибал потянулся за своим пальто.

— По дороге?.. Мы куда-то едем?

— Да. Навестим моих... предков.

— У тебя есть родители? — поразился Михе.

— Да, черт дери. Аты как думал? Что я результат непорочного зачатия?

— Нет, извини. Случайно вырвалось. Просто ты никогда о них прежде не упоминал.

— Ну, на то были причины. Но я рад, что ты здесь и можешь составить мне компанию.

— Без проблем, — кивнул Михе и вместе с Ганнибалом вышел из офиса.

Конечно, он не считал появление Ганнибала на свет следствием непорочного зачатия, но было любопытно, что представляют собой его родители. Без сомнения, Ганнибал — самая независимая личность из тех, кого Миха встречал по жизни. Казалось, он родился взрослым и не имел прошлого, так и вышел из чрева матери самостоятельным и самодостаточным. Мысль о том, что у него есть родители, казалась странной: Ганнибал никогда не говорил о них и, похоже, вовсе в них не нуждался, как не нуждался вообще ни в ком в этом мире.

Ганнибал шел впереди, Миха следовал за ним: они повернули за угол и вошли в задымленный холл. Увидев Быка, все парни вытянулись в струнку, кроме Мука, сидевшего неподвижно. Ганнибал молча прошел мимо, стараясь сдерживаться. Он знал, что слова не понадобятся: и без того польется дерьмо, от которого давно бы пора очистить это место.

Миха следовал на шаг позади, а Ганнибал вел его, как заботливый пастух, оберегающий ягненка от стаи волков. Мук смотрел им вслед с неприязнью.

— Ты куда направляешься, Бык? — спросил он наконец.

— Надо уладить кое-какие дела, — не поворачиваясь, бросил в ответ Ганнибал.

— Славно. Я прокачусь с вами.

— Нет, брат, не стоит. Все ништяк, мы сами справимся, — резко возразил Ганнибал, на этот раз глядя Муку в лицо.

Наступило тягостное молчание, потом Мук проронил в ответ: «Лады». Ганнибал кивнул ему, чтобы смягчить свой отказ, а затем вместе с Михой вышел за дверь, оставив Мука терзаться от пережитого позора в облаке конопляного дыма.

34

Черный «лексус» завернул в один из жилых кварталов Бруклина и припарковался перед весьма скромным на вид домишком, который с обеих сторон стискивали такие же скромные строения, вытянувшиеся в один непрерывный ряд. Было только пять часов дня, но уже надвигались сумерки. Серая тень упала на асфальт. Ганнибал, натянув капюшон, вылез из машины. Миха последовал за ним. Ганнибал еще глубже надвинул капюшон, чтобы его никто не узнал, и направился к дому. Его фото красовалось на обложках всех журналов для рэперов, в изобилии встречалось на афишах и флайерах, так что трудно было ходить по городу, оставаясь незамеченным. Сегодня он не хотел, чтобы его узнали, по крайней мере, не здесь.

Он решительно двинулся вверх по ступенькам. Миха чуть задержался. Он осматривал дом: фасад отделан белым алюминиевым сайдингом, местами пожелтевшим от времени, ставни болтались на покрытом трещинами и выбоинами окне. Ганнибал позвонил в дверь. Пока они ждали, Миха не переставал удивляться, что родители Ганнибала живут в такой дыре.

— Кто там? — прозвучал наконец в глубине дома немолодой женский голос.

— Мама, это я. — В голосе Ганнибала слышалось смирение. Они подождали еще, но ответа не последовало. — Мама, это Гевин. Гевин... «Кто такой Гевин?» — с удивлением подумал Миха. Неужели так зовут Ганнибала? А иначе, зачем ему говорить это имя своей матери? Настоящее имя Ганнибала прозвучало неестественно, оно никак не вязалось с обликом своего обладателя. Казалось, сам Ганнибал удивился не меньше Мухи, произнося его. Более десяти лет откликаясь на Ганнибала, он давно не чувствовал себя Гевинот. И вообще всегда считал, что это имя ему не подходит. Но сейчас на пороге дома родителей он назвал его, потому что иначе его бы не признали.

— Что тебе нужно? — отрывисто спросила мать.

— Я пришел, чтобы увидеть тебя, мама. Тебя и отца.

Снова наступила долгая пауза. Миха чувствовал разлитое в воздухе напряжение. Перед тем как дверь распахнулась, он услышал резкий скрежет многочисленных замков: они усеивали дверь сверху донизу. Стройная женщина, давно отметившая сорокалетие, строгая, с прямой осанкой и угрюмым

лицом стояла в проходе и глядела на них сквозь толстые бифокальные стекла очков. Был четверг, но она оделась как для церковной службы: башмаки на деревянной подошве, длинная белая юбка и белые чулки, такого же цвета кофта поверх наглухо застегнутой белой рубашки, и для полноты картины белая шляпа с белым пером. Устрашающее зрелище, подумал Миха, увидев ее суровый силуэт.

— Входи, — холодно произнесла она.

Проявляя уважение, Ганнибал снял капюшон и только потом оба парня тихо переступили порог дома, попав в плен крошечной гостиной, узкой и тесной до клаустрофобии. За ней виднелись крошечная кухня и столовая. Скромное жилище, украшенное лишь атрибутами христианской веры. Стены были сплошь увешаны изображениями белого Иисуса и текстами псалмов, помещенными в рамки. И еще вокруг стояли бесчисленные фарфоровые фигурки религиозных персонажей: они виднелись повсюду — на журнальном столике, старом телевизоре, обеденном столе, полке над плитой и подоконнике. Возле двери стояло скульптурное изображение Иисуса высотой где-то полметра. Миха ударился об него ногой, когда входил в дом. Ганнибал не бывал здесь уже много лет, но все в доме осталось по-прежнему — даже музыка была все та же. Церковный гимн приветствовал гостей с траурной торжественностью.

— Здравствуй, мама, — сказал Ганнибал. Он хотел было обнять ее, но увидел суровое лицо матери и решил, что не стоит.

— Добрый день, очень рад с вами познакомиться, миссис... — Тут Миха запнулся, сообразив, что не знает фамилию женщины.

— Миссис Скотт, — подсказал Ганнибал.

— Миссис Скотт, — повторил Миха, заканчивая приветствие. Так вот как на самом деле зовут Ганнибала. Гевин Скотт.

— Кто это с тобой, Гевин? Один из твоих дружков- наркоторговцев?

В голосе женщины Миха уловил легкий, старательно скрываемый акцент. Он не мог понять, откуда она родом. Но акцент имелся несомненно.

— Нет, мама. Я говорил тебе, что больше не имею дела с наркотиками, — робко произнес Ганнибал. Странно было видеть его покорным и сносящим унижения. Раньше Миха не видел, чтобы тот проявлял к кому-нибудь столько почтения.

— Нет, конечно... Теперь ты занят этим рэпом... или как его там. Можно подумать, это чем-то лучше, — бросила мать в ответ на покорные слова сына.

— Ну проходи, садись.

Она жестом указала на диван. На полу поверх вытершегося коричневого ковра была брошена полиэтиленовая дорожка. Прислоненный к стене диван тоже

был закутан в полиэтилен. Ганнибал прошел к дивану и сел. Миха последовал за ним, изо всех сил стараясь не ступить мимо полиэтиленовой дорожки. Он аккуратно присел, но все равно услышал, как полиэтилен заскрипел под его весом. Миссис Скотт села на второй диван, стоящий напротив и тоже накрытый полиэтиленом.

— Итак, молодой человек, — обратилась она к Михе, — прихожанином какой церкви вы являетесь?

Суровый тон ее вопроса смахивал на тон следователя, и Миха на секунду представил, что сейчас пятидесятые годы и он на судебном процессе, организованном комитетом сената для расследования антиамериканской деятельности, а президент Маккарти спрашивает, не сочувствует ли он коммунистам.

— Никакой, мэм. Я не хожу в церковь.

— Вот как, — резко произнесла она, словно ножом ударила.

— У вас просто замечательный дом, миссис Скотт, — поспешно добавил Миха, чувствуя, что надо как-то разрядить ситуацию.

— Благодарю.

— Это неправда, — перебил ее Ганнибал. В его голосе прозвучало волнение, но он старался сдерживаться.

— Что ты сказал?

— Это неправда, мама. Ты живешь в этой дыре столько лет, сколько я себя помню. Этот дом разваливается на глазах.

— Но ведь пока не развалился. Господь хранит его, — возразила миссис Скотт.

— О боже, всегда ты об одном и том же.

— Вот именно, Боже. Бог, о котором ты совершенно забыл.

Ганнибал собирался что-то ответить, но в этот момент услышал, как ключ поворачивается в замке. Еще один обитатель дома вернулся с работы.

Наступило неловкое молчание: все терпеливо ждали, пока откроются многочисленные замки и распахнется входная дверь. Отец Ганнибала был старше матери: ему перевалило за пятьдесят. Темнокожий, среднего роста и плотного телосложения, он был одет в форму водителя автобуса и держал под мышкой пластмассовую коробку для бутербродов. Он вошел в дом с кислым лицом, но как только увидел гостей, взгляд его стал каменным.

— Что ты здесь делаешь? Я велел тебе не переступать больше порог этого дома, — заявил он вместо приветствия.

— Здравствуй, отец. Как твои дела?

— Ты не ответил на вопрос. Зачем ты осквернил своим присутствием благодать этого жилища? — В оскорбительных словах звучала неподдельная

ярость.

Миха гадал, что могло до такой степени накалить их отношения. Ганнибал тряхнул головой, будто призывая себя к спокойствию:

— Я пришел увидаться с тобой, отец. В конце концов, я ведь твой сын.

— Ты мне не сын. Своего сына я похоронил много лет назад.

Теперь Миха узнал выговор, который заметил раньше в речи женщины. У отца Ганнибала он был слышен сильнее. Оба говорили с ямайским акцентом: они постарались истребить его, но он не исчез до конца.

— Понимаю, — спокойно произнес в ответ Ганнибал, слабо отреагировав на резкое заявление отца. Они его и вправду похоронили: прямо перед собой, в стеклянной витрине, Миха увидел фото юного Ганнибала в рамке, а вокруг горели свечи: так их обычно зажигают в память об умерших.

— Я говорил тебе, что больше не торгую наркотиками, отец.

Так вот в чем дело. Значит, Ганнибал и вправду был наркоторговцем.

— Это хорошо. Мы рады за тебя. Но чем ты занимаешься теперь? — спросила миссис Скотт.

— Я пишу музыку.

— Ты называешь это музыкой, — презрительно усмехнулась она. Затем подняла палец вверх, вслушиваясь в звуки церковного гимна, не смолкавшего все это время: — Вот это музыка.

— Госпел. Что ж, с этим не поспоришь. — Ганнибал не удержался от сарказма. Он все еще старался проявлять уважение, но силы его были на исходе.

— Ты не ответил на мой вопрос. Зачем ты пришел? — настаивал отец.

— Ну что ж, я отвечу. Я пришёл, потому что хочу увезти вас из этой дыры.

— И как же ты собираешься это сделать?

— Я много работал, отец, и добился успеха. Теперь я хочу купить вам новый дом. Где только пожелаете. Помню, вы всегда мечтали переехать во Флориду. Теперь у вас есть такая возможность.

— Мальчишка, ты, должно быть, сдурел, если думаешь, что я возьму твои грязные деньги.

— Я говорил вам, что больше не торгую наркотиками. Теперь я занимаюсь законным бизнесом.

Миха чувствовал напряжение в голосе Ганнибала: тот устал оправдываться, все время повторяя одно и то же.

— Законный еще не означает праведный. У Бога свои законы, заявила мать.

— Бог видит все твои поступки, Гевин. Нет никакой разницы: что продавать наркотики, что сочинять песни о продаже наркотиков.

— Что бы я ни делал, я не смогу стать хорошим в ваших глазах?

— Ты должен стать хорошим в глазах Иисуса, Гевин.

— Я-то думал, что христианство учит прощать.

— Без покаяния не может быть прощения, — отрезал мистер Скотт.

— Понимаю, отец. Но я прошу вас об одном. Мне невыносимо видеть, как вы живете. — Рэпер залез в карман и вытащил туго свернутые купюры. Хотя Ганнибал больше не торговал наркотиками, он все еще носил деньги так, как это делают наркодилеры. — Возьми их, отец.

— Парень, ты пропустил все мои слова мимо ушей, если теперь пытаешься нанести мне такое оскорбление?

— Какое же это оскорбление? Я пытаюсь позаботиться о вас. Разве в Библии не сказано: «почитайте отца и мать»?

— Так-то ты нас считаешь? — спросила мать.

— Вот что я скажу, Гевин. Я слышал твои песни. — В первый раз в голосе отца не прозвучало оскорбительного презрения. — Я слышал твой голос и должен признать: в нем что-то есть. Ты имеешь талант, сын, у тебя дар убеждать и вдохновлять людей. С таким даром ты мог бы стать министром. — Ганнибал недоверчиво покачал головой. — Я должен кое-что тебе рассказать. Мы не решались заговорить об этом раньше, просто не осмеливались произносить такое вслух. Но я чувствую, что для тебя настало время узнать правду. Когда ты родился, твое лицо было покрыто пленкой. Такое нечасто случается, и доктора в один голос твердили, что это весьма странно. Слава Господу, ты был здоров, и тебя выписали из больницы в положенный срок. Но мы с матерью люди набожные и нуждались в духовном наставлении. Мы показали тебя медиуму, и тот, взглянув тебе в лицо, не смог скрыть своего испуга. Он сказал нам, что ты родился особенным и предназначение у тебя великое. Что умом ты превзойдешь всех политиков острова вместе взятых. Он сказал, что ты рожден стать великим, но ему неизвестно, принесешь ты в мир великое добро или великое зло. Он только знал, что ты родился в рубашке и тебя ждет великая судьба. И его пугала мысль, что ты можешь принести зло. Мы с матерью еще не раз ходили к медиумам, и все они в той или иной степени подтвердили слова своего предшественника. Перед нами стояла трудная задача: воспитать тебя так, чтобы ты принес людям великое добро. И Господь свидетель — мы старались изо всех сил. Но дьявол силен, и он поймал тебя в свои страшные сети. Когда мы поняли, что он завладел тобой окончательно, у нас не осталось выбора. Мы отпустили тебя. Ты талантлив, Гевин. В твоих словах заключается огромная сила и власть. Но ты используешь свой голос и дар, чтобы служить сатане. А в моем доме нет места слугам дьявола, даже если в них течет моя кровь. Поэтому для меня ты мертв, сын. И на этот раз прими всерьез мои слова: покинь этот дом и больше не

возвращайся. Никогда.

— Мама, — Ганнибал ждал помилования от той, что выносила его в своей утробе.

— Делай то, что велит отец.

— Ну что ж.

Ганнибал взглянул на Миху, и оба медленно поднялись, с трудом отлепившись от полиэтилена на диване. Миха все это время хранил молчание. И перед тем как уйти, он не нашел других слов, кроме:

— Доброй ночи. Был рад познакомиться с вами.

— Дитя, я вижу по твоим глазам, что ты славный мальчик, у тебя добрая душа. Пожалей себя и не имей дел с этим отродьем, он принесет тебе одни несчастья. Я знаю, о чем говорю. Я ведь выносила его и после этого не решилась больше иметь детей, — сказала в ответ миссис Скотт.

Услышав слова жены, мистер Скотт слегка покачал головой. Его глаза выражали разочарование, которое он не высказал словами. Ганнибал, который столько времени сдерживался изо всех сил, не вытерпел: последняя капля переполнила чашу.

— Вот что я вам скажу. Да, я торговал наркотиками. Но вы оба куда хуже. Вы страшнее наркоманов. Религия затуманила ваш разум сильнее любой наркоты. Вы погрязли в своих суевериях. И хуже всего то, что вы этого не видите. Вы похоронили меня? Что ж, теперь и я похороню вас. Не бойтесь, вы видите меня в последний раз. Меня тошнит от вас обоих. Вы правы только в одном. Я рожден быть великим. Я — зло? Мне смешно, когда я вижу страх в ваших глазах, глупые и жалкие старики.

— Я буду молиться за тебя, Гевин.

— Не смей этого делать, мать, — злобно зарычал он. — Я многого достиг без ваших молитв. Черт его знает, как ваши молитвы могут мне напакостить. Прощайте. Пойдем, брат. Здесь нет ни бога, ни благодати.

Ганнибал с Михой шагнули за порог, и дверь стремительно захлопнулась за их спинами. Забыв надеть капюшон, Ганнибал быстро сбежал вниз по ступенькам и направился к джипу. По дороге его узнали две девчонки-подростка: они засеменили рядом, млея от счастья. Перед тем как сесть в машину, Миха кинул взгляд вверх и увидел вдалеке огромную афишу. Реклама их нового альбома. На ней был изображен Ганнибал в доспехах древнего воина, сидящий верхом на огромном африканском слоне, а за ним следовала бесчисленная армия. И по всей афише крупными буквами было написано: «Боевые слоны». Миха подумал о родителях Ганнибала. Может, они и похоронили сына, но каждый день, выходя за порог своего дома, они снова и снова видят его в полном блеске славы.

35

*В начале было Слово, и Слово было у Бога,
И слово было Бог.*

Оно было в начале у Бога.

*Все чрез Него начало быть, и без Него ничто
Не начало быть, что начало быть.*

*В Нем была жизнь, и жизнь была свет человеков;
И свет во тьме светит, и тьма не объяла его.*

Облаченный в темный праздничный костюм и погруженный в полумрак приходской церкви, юный Гевин понимал только одно; что он уже несколько часов сидит на жесткой деревянной скамье. Он давно перестал чувствовать собственный зад и боялся, что еще через пару минут и остальные частного тела перестанут слушаться.

Дело происходило в конце зимы, но в церкви было жарко как в аду. На улице же толстый слой льда покрывал дороги и голые ветви деревьев. Они с родителями жили в Браунсвилле, квартале Бруклина. Как и в других бедных районах города, никто здесь не заботился о чистоте улиц. Снегоуборочные машины сюда не заезжали, и людям приходилось ждать, пока весеннее тепло не растопит все эти глыбы льда. А тем временем лед въедался в асфальта углублял рытвины на дорогах. В тот день мистер Скотт осторожно направлял свой старенький «линкольн» по ледяной дороге, ведущей к ближайшей церкви: машина кашляла и скользила на поворотах. Церковь была маленькая и располагалась посреди квартала между винным магазином и сожженной дотлапубличной библиотекой Бруклина. Юный Гевин вошел в церковь в теплом пальто с капюшоном, замотанный шерстяным шарфом.

А в церкви был настоящий ад. Старые батареи отопления вели себя странно. Временами они совсем не грели, и прихожане часами терзались от холода. А в другие дни, как сегодня, они извергали горячий пар с громким лязгом. Припекало словно в разгар лета, и женщины обмахивались всем, что мало-мальски походило на веер. Мужчины теребили стоячие воротнички рубашек, а дети постоянно ерзали, не в силах усидеть на одном месте. Всем хотелось расстегнуть рубашки и снять туфли. Но они не смели: правила приличия не позволяют раздеваться в церкви.

Одиннадцати летний Гевин тихо сидел с несчастным видом и слушал завывания пастора, беспрестанно цитировавшего Библию. В паузах пастор издавал странный булькающий звук, а в уголках его рта скапливалась белая пена. Микрофон — единственное, что бесперебойно работало в церкви, — многократно усиливал звук, и дыхание пастора превращалось в тяжелое пыхтение. Наблюдая, как брызги слюны вылетают изо рта пастора, Гевин пожалел прихожан, сидевших в первом ряду. И еще больше пожалел микрофон: тот уже наверное провонял дешевым одеколоном и несвежим дыханием. Добавьте к этому сидевшую впереди миссис Браун: она постоянно жестикулировала и подпрыгивала, живо реагируя на каждую фразу пастора. Тогда у вас появится слабое представление о страданиях, пережитых Гевинем в тот день. «И ради этого я пропустил „Трансформеров"? — в отчаянии подумал мальчик. — Если Бог добр, зачем он так мучает меня?»

Раздумывая над этими вопросами, он почти впал в транс: мечтания увлекли его далеко-далеко. Он представил, что он Гальватрон, лидер десептиконов, облаченный в фиолетовые доспехи. Он может трансформироваться в пушку и стереть в порошок всех, кто встанет у него на пути. Пока он грезил наяву, его голова мерно покачивалась вперед-назад, и впервые за долгие часы, проведенные в душной церкви, на лице Гевина засияла улыбка. Но внезапно улыбка сменилась гримасой боли: он почувствовал острое жжение в районе пупка и вернулся к реальности. Он хотел вскрикнуть, но рукав белой перчатке зажала ему рот, заглушив крик. Рука его матери — это она была виновницей жгучей боли. Она ущипнула его, чтобы пробудить от грез.

Может, и был на свете более изощренный способ причинять боль, чем щипки матери, но юный Гевин такого способа не знал. Он предпочел бы, чтоб его отшлепали, поколотили или даже выпороли — любая боль не шла ни в какое сравнение с одним-единственным щипком. Только мать так умела: глубоко впиться в кожу, захватить пальцами кусок плоти и потом выкручивать. После ее щипков темная кожа мальчика становилась кроваво-красной, а жжение в боку не прекращалось весь день, а то и дольше.

— Это тебе урок: не забывай, как следует вести себя в доме Господа, — сказала мать.

Так она объяснила причиненную ему боль: Бог. Гевину казалось, что Бог и есть главный источник боли. Это Он заставлял Гевина страдать. Мальчик был одинок в этом холодном мире без братьев и сестер, а фанатично религиозные родители думали только о Боге. Гевин мечтал о младшем брате, с которым делился бы горестями, играл и просто болтал. «Говори, лишь когда к тебе обращаются», — учила его мать. Так что мальчик редко открывал рот, и горе ему, если в его речи слышался акцент. Мать этого не прощала. Гевин любил,

когда вокруг звучал смех, но дома редко смеялись: только и делали, что строго соблюдали заповеди. Единственное облегчение приносил сон, потому что во сне мальчик мог помечтать. Он обожал мечтать и ненавидел утро, прерывавшее сны: приходилось вставать на рассвете и собираться в школу. И так пять дней в неделю. Но еще больше он ненавидел воскресенье, когда его лишали не только утреннего сна, но и любимых мультиков. В субботу вечером настроение его резко портилось: он вспоминал, какая пытка ждет его на следующий день.

Сначала мальчуган скрестил руки на груди и недовольно надул губы. Но мать посмотрела на него ледяным взглядом, и он понял, что придется сменить позу. Он положил одну ладонь на скамейку, сунув ее под полу пальто. Шершавая, занозистая поверхность скамьи временами впивалась в попу, но он не смел пошевелиться от страха, что мать ущипнет его снова. Он двигал только рукой: водил взад-вперед без всякой цели, пока рука не уткнулась случайно во что-то мягкое и теплое. Он еще дальше подвинул руку, а затем поднял взгляд вверх и увидел Марианну Рейес. Она дружелюбно ему улыбалась.

Марианна была красивой девочкой-кубинкой с гладкой смуглой кожей и роскошной копной черных волос.

В свои тринадцать она уже выглядела вполне зрелой. Смотреть на нее было одно удовольствие. И подумать только — она ему улыбалась.

«С чего это такая красавица мне улыбается?» — подумал Гевин. Ответа он не знал, но ему стало приятно. Неосознанно Гевин еще дальше передвинул руку, ощущая тугое тепло ее тела, и положил ладонь на колено девочки. Когда до него дошло, что он сделал, он попытался было убрать руку. Но мягкая ладонь легла на его руку сверху, не давая ей сдвинуться. Гевин не совсем понимал, что это значит, но его охватило радостное волнение. Он нежно мямл ее коленную чашечку, ощущая вес девичьей горячей ладони, лежавшей сверху. Марианна слегка наклонилась в его сторону. Он осторожно попытался сделать то же самое. Под неусыпным контролем матери он незаметно придвинулся поближе к девочке, а его рука продолжала медленно скользить вверх под складками ее красивого праздничного платья. Происходящее осталось тайной для ее старшего брата и родителей, сидевших рядом.

В тот день дети молча наслаждались обществом друг друга: через несколько минут рука Гевина добралась до ее трусиков, проникла между ног и коснулась влажной и теплой плоти. Он забыл обо всем на свете и даже не заметил, как кончилась служба. Пришлось уходить. Не сказав ни слова, оба последовали за своими семьями, но юный Гевин еще долго вбирал в себя запах, оставшийся на кончиках пальцев.

Та служба стала лучшим событием в жизни Гевина, и с тех пор неделя за неделей не менее увлекательно проходили и все остальные службы. Когда подросткам удавалось сесть рядом, они продолжали ласкать друг друга. Временами ее рука оказывалась у него в штанах. Шумная атмосфера церкви служила неплохим прикрытием для их забав. Когда не выпадало шанса сесть рядом, они страдали от несбыточных желаний. Но так или иначе воскресные службы стали несравненно интереснее, и у Гевина появилась причина пораньше ложиться спать в субботний вечер. Столь благочестивые развлечения продолжались около двух лет.

Но в одно из воскресений все кончилось: в тот день Марианна во время службы вышла в туалет. И юный Гевин решил последовать ее примеру. Они случайно столкнулись в холле: она хотела пройти мимо, но Гевин схватил ее за руку и потянул за собой. Она с готовностью последовала за ним, и подростки спрятались в незапертой кладовке дворника. Через несколько мгновений его штаны уже свалились на пол, а ее платье было задрано вверх. Они открывали неизведанные для них ощущения с пылкой ненасытностью, свойственной неопытным птенцам. И настолько увлеклись процессом, что не замечали ничего вокруг: ни шума, ни людей, проходивших поблизости. Они очнулись только в тот момент, когда дворник отдернул занавеску, закрывавшую вход в кладовку, и не менее пятидесяти зрителей увидели, каким интересным делом они заняты...

Позор был невыносимым: меньше чем через месяц родители Марианны окончательно перебрались из Браунсвилля в Бронкс. Миссис Скотт пришлось оставить церковь, которую она посещала уже восемь лет, и искать божьего благословения гораздо дальше от дома: новая церковь находилась в нескольких милях. Зато там их никто не знал. Мать как следует вознаградила Гевина за его поступок: выпорола как Сидорову козу. Даже рабов на плантации вряд ли били сильнее. Но тринадцатилетний Гевин не проронил ни слезинки во время пыток и не испытывал стыда за содеянное. Воскресенья без Марианны потеряли всякий смысл. Она подарила ему незабываемое ощущение настоящей близости; впоследствии ему не довелось пережить подобного ни с одной женщиной. Больше никогда он не испытывал таких сильных чувств.

В старших классах школы Гевин был тихим, задумчивым юношей. Он носил немодную одежду никому не известных марок — то, что покупали родители. И в мире, где встречают по одежке, он по всем законам должен был стать идеальным предметом насмешек. Но как ни странно, его никогда не задирали. В его глазах горел такой огонь, что другие парни боялись его, и в то

же время скрытая в нем энергия привлекала девчонок; ему никогда не приходилось добиваться их внимания, они первые подходили и заговаривали с ним. Особенно привлекательным его находили взрослые женщины: как-то раз, когда он пришел домой к одной из них, та объяснила ему, что он выделяет совершенно особый феромон, что-то вроде мускуса у животных. Его природный запах неизменно воздействовал на женские гормоны. Она сказала ему об этом как раз перед тем, как он овладел ею с бесстрастной яростью, — и ее слова накрепко засели у него в памяти.

Как-то раз, когда Гевин шел в школу, рядом притормозила огромная тачка. В ней сидели два взрослых парня странного вида. Тот, что на пассажирском сиденье, подозвал Гевина к себе. И сказал, что заплатит Гевину сто баксов, если тот доставит одну посылочку. Гевин согласился, не спрашивая, что в посылке. Он и так знал. Люди не платят такие деньги за доставку, если речь не идет о наркотиках. Он не видел в этом проблемы: наркотики были такой же неотъемлемой частью жизни квартала, как нищета. Хруст новеньких купюр показался Гевину самой чудесной музыкой. И он забил на школу и запрыгнул в поезд на Гарлем, чтобы доставить товар.

Неделю спустя та же машина подкатила к Гевину, когда он возвращался из школы. Ему дали еще одну посылку и еще сто баксов. На этот раз пришлось ехать в Квинс. Так он включился в недетские игры с наркотой. Он стал регулярно доставлять товар для Родигана, стройного мулата, никогда не расстававшегося с дробовиком. Гевин узнал, что этот парень был одним из крупнейших дилеров Бруклина. Он торговал всем: от травки до крэка. И на него работала целая армия мальчишек, таких же, как Гевин. Они наводняли улицы города, перемещаясь от квартала к кварталу, от Краун-Хайтс до Бедстай — и везде толкали товар.

Родиган испытывал симпатию к Гевину по той простой причине, что тот всегда молчал и не задавал лишних вопросов. И наконец решил повысить его, сделав дилером. На базе в квартале Сайпресс-Хилл должна была состояться сходка. И малыша Гевина пригласили туда, чтобы познакомить с другими членами команды.

На этой встрече присутствовали Родиган и его напарник-латинос по имени Боливар, а кроме них еще человек пятнадцать молодых ребят. Когда подошла его очередь представиться, Гевин четко произнес: Ганнибал. В тот раз он впервые назвался этим именем, и оно привлекло всеобщее внимание. Звучность имени и уверенность, с которой он его произнес, не могли не вызвать уважения окружающих. В тот раз Родиган выделил его среди остальных.

Всех парней разделили на пары: каждой паре поручили определенный

квартал в определенном районе. Тогда-то Ганнибал познакомился и закорешился с Муком. Мук был весьма нервным юношей, из всех сил старавшимся произвести впечатление на других. Как и остальные парни, он родился в бедной семье и считал наркотики единственным спасением от нищеты. В школе он хулиганил, воровал и так часто лез в драку, что в конце концов попал в исправительную колонию для подростков. Он делал все это, чтобы добиться уважения, которого, по собственному мнению, заслуживал как никто. Он восхищался Ганнибалом и одновременно завидовал своему другу, которому уважение окружающих досталось без особых усилий. Мук старался превзойти Ганнибала во всем и при этом во многом брал с него пример. Они сдружились и стали почти как братья. Наконец-то Ганнибалу было с кем посмеяться и поболтать. К тому же они отлично дополняли друг друга в бизнесе. Их команда стала лучшей из восьми на службе у Родигана и приносила дилеру наибольшую прибыль.

В те годы, оглядываясь вокруг, Ганнибал испытывал отвращение от того, в каких условиях вынуждены жить его братья. Он понимал, что истинная разница между белыми и черными заключается в количестве зелени. В мире капитализма зеленый был единственным цветом, имевшим значение. «У белых есть зелень, и главная их задача — не допустить, чтобы ее заполучили черные». Для Ганнибала путь вверх пролегал по грудам долларовых купюр. В отличие от своих напарников, он не тратил заработанные деньги. Другие гонялись за последними моделями «джорданов», а он донашивал свои старые джинсы и прятал накопления в коробку из-под ботинок. Такая скромность объяснялась рядом причин: во-первых, суть для него всегда была важнее дешевой показухи, а во-вторых — пришлось бы объяснять родителям, откуда взялись новые джинсы и кроссовки. Он скрывал материальные выгоды, получаемые им от побочной деятельности, а частые отлучки по вечерам оправдывал тем, что подрабатывает после школы.

Как-то раз Родигана зашли навестить двое шикарно одетых итальянцев, ведущих себя по-хозяйски. Их манера держаться и то, как пристально они оглядели квартиру, подсказали Ганнибалу, что это истинные боссы наркобизнеса. Тогда он впервые познакомился с Джерси и Якобинцем. Ганнибалу пришлось по душе спокойствие и самообладание Джерси: таким он видел — вернее, хотел бы видеть себя самого. В свою очередь, Ганнибал тоже заинтересовал гангстера: Джерси безошибочным чутьем выделил парня среди других. Этому был целый ряд причин, и первая та, что Ганнибал единственный из своего окружения не был в тот день под кайфом. Джерси попросил Родигана взять юношу с собой: они собирались проехать в офис Джерси. Ганнибал уже готов был отправляться, когда разочарованный Мук выразил

ему свое недовольство. По настоянию Мука Ганнибал попросил, чтобы другу тоже разрешили к ним присоединиться: Джерси дал добро. И с тех пор так повелось в их компании: если двери были открыты для Ганнибала, они были открыты и для Мука.

По дороге к офису Джерси в Бей-Ридж Ганнибал помалкивал и вслушивался в разговор. Он начинал постигать тонкости бизнеса: сделки с колумбийцами и перуанцами, связи в Бостоне и Лос-Анджелесе, оптовые поставки, рыночная стоимость контрабандного товара... И он вдохновенно мечтал о том, как начнет проворачивать собственные сделки, независимо от Родигана.

Ганнибалу тогда исполнилось шестнадцать; он пахал на Родигана уже два года. Ему удалось сберечь почти все, что он заработал; накопилось немногим более пятидесяти штук. Внушительная, почти невероятная для подростка сумма, но Ганнибал уже в столь юном возрасте научился видеть картину целиком. Он знал, что вокруг вращаются совсем другие деньги. А ему доставались лишь жалкие крохи. Теперь появился шанс все изменить. Они с Муком попали в офис большого босса. Их поручили бдительному надзору Якобинца и допустили в тайный оплот наркобизнеса. Там Ганнибал попросил Джерси сделать его ответственным за торговлю в Бруклине. Джерси посмеялся над амбициями паренька, но был впечатлен его храбростью и дальновидностью. Уже испытывая к нему некоторую симпатию, Джерси разрешил Ганнибалу заняться организацией небольших сделок и представил его партнерам, с которыми ему предстояло вести дела в Бостоне.

Ганнибал открыл свои торговые точки и меньше чем через год отхватил немалый кусок от пирога Родигана. Он нравился другим дилерам: во-первых, он был молод, а во-вторых — предлагал им большую долю прибыли, чем позволял заработать Родиган. Вот тогда Ганнибал и встретил Терренса. Тощий паренек в свои тринадцать успел уже столько раз помахать кулаками в драке, что иному хватило бы на тринадцать жизней. Он был резок и ершист, но Ганнибал, пожалуй, не встречал более талантливого продавца. Парень мог уболтать любого, и по окончании его пылкой речи клиент покупал раз в десять больше того, что планировал взять первоначально. Поначалу Ганнибал ценил Терренса за то, что тот приносил прибыль. Но позже он полюбил его за энергичность и преданность. Терренс же полюбил Ганнибала сразу и навсегда, потому что тот всегда был хозяином положения. Терренс мало знал о Ганнибале, но чувствовал в нем особое величие и верил, что достаточно следовать за этим парнем, и отблески величия озарят его собственную жизнь.

Вскоре Родиган начал представлять угрозу. Юный Ганнибал слишком уж явно вторгся в его владения. И в мозгу Родигана стала зарождаться мысль

устранить конкурента. Ганнибал узнал об этом от Джерси: Родиган открыл боссу свои кровавые планы. Ничто не должно было угрожать великому будущему. И вот уже Ганнибал с Муком, в черных масках и с дробовиками в руках, проникли в квартиру, где сидели напрочь обдолбанные Родиган с Боливаром, и без лишних слов заляпали стены и ковер пятнами крови. Ганнибал покинул комнату сразу после выстрелов. Мук остался удостовериться, что жертвы испустили дух. Для обоих это убийство стало первым в жизни. Мук испытал наслаждение, и в дальнейшем испытывал его снова и снова, и это чувство только росло. Ганнибал остался равнодушен. Он подошел к убийству с логической точки зрения. Он убил Родигана потому, что тот собирался убить его самого и тем самым уничтожить его великое будущее. Ганнибал теперь видел картину целиком: ни один человек в этом мире не будет распоряжаться его жизнью. Да что там человек — сам Господь Бог ему не указ.

В семнадцать лет Ганнибала выгнали из родительского дома. К тому времени он уже проворачивал собственные сделки. Новые обязанности трудно было замаскировать под вечерние прогулки, они отнимали гораздо больше времени. Два года Ганнибалу удавалось скрывать очевидное от родительских глаз. Но теперь его частые отлучки и прогулы уроков стали вызывать нежелательные вопросы. У матери появились подозрения, но не было конкретных фактов. Доказательства нашлись в одно из воскресений. В тот день мать вошла в комнату сына рано утром и напомнила, что Господь зовет их исполнить свой долг перед Ним. И тогда Ганнибал впервые бросил вызов матери, отказавшись идти на службу. Она не могла так просто примириться с подобной дерзостью. Она бросилась колотить сына и била, пока не выдохлась. А Ганнибал просто стоял и терпеливо сносил удары. И по сей день у него на спине оставался шрам — напоминание о материнской любви. В конце концов родители отвязались от него, но сначала мать по христианскому обычаю долго осыпала его проклятиями, а отец молча кивал, соглашаясь со словами жены. Когда они вернулись из церкви, сына не было дома, и миссис Скотт решила воспользоваться этим отсутствием и обыскать его комнату. Она нашла коробку из-под обуви, засунутую в самую глубину платяного шкафа, а в ней — туго свернутые рулоны сто долларовых купюр, пропахшие марихуаной. Она позвала отца засвидетельствовать находку. Затем они посоветовались, и мать приняла твердое решение. Они дождались прихода сына. На этот раз не было ни побоев, ни уговоров. Решение было окончательным. «Покинь наш дом», — сказали ему. Ганнибал лишился родительского крова, как раньше лишился материнского лона. Он поселился в Сайпресс-Хилл и с тех пор жил сам по себе.

В конце девяностых Ганнибал увлекся хип-хопом. Он и раньше осознавал важность этой культуры, зародившейся в Южном Бронксе двадцать лет назад. Парень вырос на этой музыке, наблюдал, как она поднималась из самых низов: от андеграундных тусовок в массы и мейнстрим, завоевывая широкое признание. Он ценил хип-хоп за все, чего тот достиг. Однажды Ганнибалу попала газета, в которой в деталях описывалась жизнь титанов рэпа. Он узнал, что на создании битов можно сделать сотни миллионов. Он пересмотрел кучу видеоклипов и передач, где рэперы выставляли напоказ свой успех. Многие из них сделали состояние, притворяясь крутыми парнями и поэтизируя мир банд и наркоты — мир, который Ганнибал знал не понаслышке.

Бык понимал, что торговля наркотой не будет кормить его всю жизнь. Рано или поздно он окажется за решеткой, или хуже того — словит пулю. В тот самый момент Мук отбывал двухлетний срок в Синг-Синге* всего лишь за то, что попался с крошечной порцией наркоты. Прежние провинности плюс ужесточение законов против наркотиков надолго обеспечили ему славный оранжевый костюмчик. Арест Мука стал поворотным событием для Ганнибала. Его мечты не выжили бы в заключении. И необходимость заставила его действовать.

Он стал слушать рэп намного чаще. Он изучал его и понял, что все, кто добивался успеха, отличались не только уровнем текстов, но и особым стилем звучания. Он стал практиковаться втайне от всех и совершенствовал свой рэп, пока не создал свою особую манеру, поражающую почти животной яростью. Терренс первым отметил его талант. Парень занимался граффити, но и хип-хопом увлекался не меньше других. Именно Терренс вдохновил Ганнибала на дальнейшие творческие успехи.

Но хип-хоп не ограничивается манерой исполнения; не менее важен дар импровизации, умение состязаться в фристайле. Надо проявить себя на улицах. И Ганнибал стал наблюдать за пацанами во время уличных баттлов, анализируя их стиль и методы. Позже он понял, что на самом деле представляет собой искусство фристайла. Далеко не всегда это был спонтанный поток остроумных рифмованных строк. Большая часть текстов создавалась заранее. Фристайл, как понял Бык, заключается в импровизированном включении новых строк в заготовленные заранее строфы. Большинство рэперов имели пару сотен отрепетированных остроумных реплик, что-то вроде общего сценария. Искусство заключалось в том, чтобы привязать готовый текст к ситуации, к личности и репликам того, с

* Тюрьма строгого режима недалеко от Нью-Йорка.

кем рэпер сражался на этот раз. Здесь приходилось импровизировать, добавляя строки. И новые слова должны были плавно вливаться в отрепетированный текст и выдаваться без задержки. Овладеть этим мастерством оказалось нелегким делом, но через три месяца постоянных репетиций Ганнибал решил, что готов показать себя.

Он помнил тот вечер, когда познакомился с Безупречным. Ганнибалу было двадцать, а знакомство состоялось в баре «Спит», где постоянно проходили баттлы эм-си, состоявшие обычно из четырех раундов. В мире хип-хопа Ганнибал был неопытной целкой, а ему предстояло сразиться с тем, кто в сравнении с ним был искушенной шлюхой, управлявшейся с десятком мужиков за ночь. Ганнибал стал одним из шестнадцати участников в тот вечер. Он видел главного соперника — весьма нахальный красавчик, как обычно, сидел в углу возле черной лестницы. Безупречный выигрывал схватки ужестолько раз, что победы вошли в привычку. Иногда он усложнял себе задачу, ограничиваясь всего одним выступлением, тогда как у соперников их было по три. Все присутствующие не сомневались в его победе. Остальные соревновались между собой за выход в финальный раунд.

У Ганнибала имелся весьма продуманный план. В его мозгу вертелось сотни три отрепетированных строк. Он осматривал соперников: как выглядят, как ходят. Он выискивал недостатки, чтобы унижить их в поединке. И внимательно слушал каждого, стараясь предугадать, какого рода выпадов можно от них ожидать. Ганнибал не сомневался: все присутствующие знают, кто он такой. И понимал, что их страх перед ним сыграет ему на руку. Большинство рэперов лишь болтают о насилии, однако все знают, кто среди них настоящий убийца. Ганнибал убил человека только раз в жизни, и то считал это актом самозащиты. Но слухи о нем значительно превосходили реальность.

План Ганнибала полностью оправдался. Он раунд за раундом двигался вперед, смешивая отработанные заготовки и импровизированные реплики. Целка показала себя настоящей профессионалкой, но впереди ее ждала схватка с величайшей шлюхой. Ганнибал не был готов к богатому арсеналу приемов, которыми владел Безупречный. Ганнибал проиграл, но незначительным количеством голосов. Он был так близок к победе, что его чувствовали даже после поражения. Выдержать все раунды против Безупречного считалось невероятным достижением. И имя Ганнибала стало притчей в мире андеграундного хип-хопа. А две недели спустя он сумел побить Безупречного, следуя своей прежней стратегии, но на этот раз специально подготовив строки, рассчитанные на главного врага. И имя Ганнибала превратилось в легенду. Он чувствовал себя королем мира и ясно видел свою дорогу — это хип-хоп. С помощью бита и слова он превратит грезы о великом будущем в реальность.

Но выполнить задуманное оказалось не так-то просто. Жаждавший мщения Безупречный не собирался сдаваться, и раз за разом Ганнибал уступал сокрушительной силе его слов. Поражения давили тяжким грузом. Безупречный стал досадной помехой, которую необходимо устранить. Временами Ганнибал задумывался, как все могло сложиться, если бы он и Безупречный объединили усилия: каких бы высот он достиг, стоя плечом к плечу с этим талантливым парнем. Но он выбросил из головы бесплодные мечты. Безупречный никогда не присоединится к нему по собственной воле. К тому же гордость не позволяла Ганнибалу самому выступить с таким предложением. Они остались врагами, и врагами прошли весь путь от бара «Спит» до шоу «106» и чемпионата по фристайлу. Теперь Ганнибалу еще раз предстояло сразиться с Безупречным уже в другой, новой жизни, где не было родительского очага и церковных наставлений и где — как он надеялся — не осталось места наркотикам и насилию.

36

Машина подкатила к шлагбауму, преграждавшему въезд на главную магистраль Нью-Джерси. Ганнибал направлялся домой, а Миха по-прежнему его сопровождал. Ганнибал был заметно расстроен. Прошло больше часа, как они выехали из Браунсвилля, но ни один из них не проронил ни слова. Миха решил прервать тягостное молчание.

— Ты в порядке? — спросил он Ганнибала.

— Все ништяк, брат. Все ништяк, — заверил Ганнибал, уставившись на белую полосу на дороге прямо перед собой. Снова повисло неприятное молчание, но наконец Ганнибал разрядил напряжение: — Извини за эту дерьмовую ситуацию. Не знаю, зачем я туда поперся. Я ведь знал, что произойдет. Но спасибо, что составил мне компанию. Теперь ты знаешь, как я рос и почему стал такой сволочью.

— Не за что извиняться, брат. Я рад, что поехал с тобой. Хотя, по правде, это был полный абзац.

— Да уж.

— Слушай, Бык. Я тут весь вечер собираюсь спросить: ты что, родом с Ямайки?

— Ага.

— Ясно, я заметил акцент в речи твоих родителей. Хотя не был уверен. Но как тебе удалось избавиться от акцента? По крайней мере, я ни разу не замечал ни малейших признаков.

— Ну, я ведь только родился на острове. Я был совсем младенцем, когда мы переехали в Америку, и с тех пор не бывал на родине. К тому же мать не позволяла разговаривать на ямайском наречии. Она родилась в трущобах, но зачастую вела себя так, словно всю жизньжилаво дворце. И смотрела на ямайский язык свысока. Дома мы никогда не говорили на родном наречии. Эта часть-моей жизни мне совершенно неизвестна. Я даже не уверен, вправе ли говорить, что я родом с Ямайки.

— Я так понимаю, ты считаешь своей настоящей родиной Бруклин?

— Конечно. Но общая наша родина — Африка. Ты сам напомнил мне об этом, ведь так?

— Да, наверное. — И тут Миха вспомнил, зачем в тот день приходил к Ганнибалу в офис. — Слушай, я ведь хотел кое о чем переговорить.

— Что такое?

— Знаешь, брат. Мне кажется, нам надо притормозить в смысле бесконечных стычек между тобой и Безупречным.

— Да ну? С какой стати? — Ганнибал уже догадывался о причине подобной просьбы.

— Ну, мы с Эрикой на днях ехали в поезде: там двое мальцов завели спор и набили друг другу морду — все из-за вашей с ним войны.

— И кто выиграл? — быстро спросил Ганнибал.

Миха не ожидал такого вопроса и растерянно промолчал. Ганнибалу пришлось переспросить:

— Так кто выиграл? Парень, дравшийся за меня, или сторонник Безупречного?

— Не знаю. Мы вышли, а драка еще продолжалась. Потом прибежали копы... А почему ты спросил?

— Да просто так.

— Ладно, не это важно. Важно то, что они чуть мозги друг другу не вышибли из-за такой ерунды.

— Значит, Эрика... Сестренка Безупречного, если не ошибаюсь? — спросил Ганнибал. Миха утвердительно кивнул, испытыв неприятное ощущение оттого, что речь зашла о ней — но ведь он сам первый упомянул ее имя. — Такты и сестренка Безупречного ехали в поезде, увидели двух дерущихся придурков и так перепугались, что ты теперь предлагаешь спустить в унитаз все наши планы?

— Это не совсем так, — попытался возразить Миха, чувствуя, что Ганнибал искажил суть его слов.

— Именно так. И позволь, я тебе кое-что объясню. Гребаные ниггеры дрались не из-за музыки. Они дрались, потому что они тупые ублюдки. А то, что они дрались из-за нас, означает, что они нас слушают, а значит, будут покупать наши диски. А не они, так белые детишки, которые преклоняются перед нашим стилем жизни. В любом случае это хорошо для бизнеса. И это на руку и мне, и Безупречному. Мы оба с ним бизнесмены.

— Так оправданно все, что приносит тебе деньги?

— Перестань, не будь так наивен. Эта Америка, мировая столица капиталистов. А хип-хоп сегодня самый капиталистический товар. И все всегда сводится к деньгам. Ты сам это прекрасно знаешь. Не хочешь писать эти тексты — хрен с тобой. Но я знаю, в чем дело, и мы с Безупречным здесь ни при чем — все из-за той сучки, которую ты трахаешь. Что, я не прав?

Ганнибал бросил это обидное заявление не подумав, он не имел намерения оскорбить Миху — такова была его обычная манера выражать

мысли. Однако его слова глубоко задели Мihu.

— Эй, мне не нравится твой неуважительный тон. Не называй ее сучкой.

Для Ганнибала подобные заявления из уст мужика звучали смешно и в то же время вызывали у него жалость.

— Бог ты мой. Да ты пропал, чувак. Тебе конец. Ты не считаешь ее сучкой. Это верный признак пропадающего ниггера. Эй, усвой одну вещь: они все шлюхи, все до единой.

— И твоя мать? — парировал Мihu, зная, что, как бы черный брат ни относился к остальным бабам, перед матерью он испытывал почтительное благоговение.

— Конечно, черт подери. Тот факт, что она произвела меня на свет, ничего не меняет, — твердо заявил Ганнибал, и Мihu осталось только промолчать. — Многие ниггеры дают здесь слабину. Пусть мне она мать, но она шлюха для другого мужика. — Выдержав паузу, Ганнибал продолжил: — Да, она шлюха. Она шлюха Иисуса. И она, и все эти религиозные сучки, мечтающие после смерти попасть в гарем Иисуса и развлекаться в раю. Знаешь, она много лет не давала старику. Поэтому он такой несчастный и вечно недоволен жизнью.

Снова наступила пауза, но Мihu только молчал, потирая лоб ладонью, и ждал, пока Ганнибал выдохнется. Но тот не унимался:

— Ты слышал их слова. Они похоронили меня. Я их единственный сын, а они хоронят меня заживо. Хоронят меня и прославляют своего белого Иисуса. К черту их. Я тоже вас похороню! Да, бля. Она тоже шлюха.

Ганнибал высказывал все это без какой-либо цели. Он обращался не к Мihu, а скорее к самому себе. Но затем он направил свой гнев на Мihu:

— Знаешь, на кого ты похож со своими речами? На тех козлов, что все время ругают нас, вопрошая, почему в наших песнях мы «так неуважительно отзываемся о женщинах» — и несут всякую чушь в том же роде.

— А и правда, почему? — просто спросил Мihu. Он и сам много раз задавался тем же вопросом.

— Да ладно, чувак. Неужели ты настолько пропащий? Не уважают лишь того, кто позволяет себя не уважать. Мы их не уважаем, да? Чего ж тогда толпы этих гребаных сучек дерутся друг с другом за шанс попасть в клип к ниггеру? Знаешь, мне встречались телки, готовые обслужить три члена одновременно, лишь бы потом отсосать у меня. И это еще прежде, чем я стал что-то значить в хип-хопе. Скажи, разве назвать таракана тараканом значит проявить к нему неуважение? Я просто констатирую факт и называю вещи своими именами.

— Прости, брат. Но я вижу вещи иначе, чем ты.

— Все ты видишь, как надо. Просто не имеешь смелости признаться в этом.

Тебя волнует, что мы плохо относимся к женщинам? Я устал слушать этот бред. В мои задачи не входит возвышать женщин! Так же, как в задачи белых парней не входит возвышать негров! Какое беложопым дело до того, что ты себя уважаешь? Им удобнее, если это не так. Тогда проще пинать тебя под зад. А для тебя лучше, когда все бабы шлюхи. Потому что, как себя ни обманывай, тебе от телки нужно только одно — поскорее ей вставить. И чем охотнее она дает, тем быстрее ты можешь бросить ее и отправляться на поиски новой дырки. Беда в том, что иногда дырка оказывается слишком хороша, и ниггер теряет остатки мозгов. Именно это и происходит с тобой сейчас.

— Ты ненормальный, чувак.

— Нет, брат. Я реально смотрю на вещи, и ты это знаешь. Можешь улыбаться и посмеиваться, но позже ты скажешь себе: «Бык был прав».

Его слова вызвали у Михи улыбку, но он нисколько не проникся доводами Ганнибала.

— Ты говоришь забавные вещи, отдаю тебе в этом должное. Но позволю теперь задать тебе серьезный вопрос. Ты никогда не испытывал ничего похожего на любовь к женщине?

— Боже, ты меня доконаешь. Откуда ты такой взялся со своими бреднями? — спросил Ганнибал, давась от смеха.

— Просто ответь на мой вопрос! — настаивал Миха, стараясь пробиться сквозь стену иронии.

На мгновение Ганнибалу вспомнилась девочка в церкви.

— Нет, твою мать. У меня нет времени на эти сопли.

— Жаль, брат. Ты не знаешь, чего ты лишен. Это печально.

— Вовсе нет. Это нормально. Я деловой человек и постоянно кручусь. Все время уходит на то, чтобы делать бизнес. Оглянись вокруг, парень. Наши братья, просыпаясь, находят тараканов в коробке с хлопьями для завтрака, живут в домах без отопления, с обоссанными лифтами, на загаженных улицах; они ходят в дрянные школы, где нет ни учебников, ни нормальных учителей. По дороге домой их хватают копы, их грабят или подстреливают парни из уличных банд. И повсюду они видят одно дерьмо. Все, о чем они мечтают, — выбраться из него. И они начинают крутиться. Кто может забросить мяч в сетку, бросает мяч. Кто может рифмовать, рифмует. Тот, кто не может, толкает наркоту — а кто-то занимается всем этим одновременно. Бля, чувак — на все пойдешь, даже дьяволу душу продашь, лишь бы выбраться из этого... ада.

— И ты считаешь, что в этом аду нет места любви.

— Нет, брат. Главное — деньги. Знал я влюбленных ниггеров, нищих и всю жизнь прозябающих в трущобах. Взгляни на моего отца. Такое счастье не

по мне. Я вижу картину целиком.

Картина целиком — великая идея Ганнибала, квинтэссенция его существования. Раньше Миха не осмеливался об этом спросить. Но теперь, пытаясь раз и навсегда понять, что за человек перед ним, он решил все выяснить:

— И как выглядит эта картина?

— Богатство Билла Гейтса, а то и больше. И полное, тотальное господство над миром, — без раздумий ответил тот, словно ответ уже давно томился на кончике языка и рвался на свободу.

— Господство над миром. Да ладно, брат. Это незрелая идея, созданная европейцами.

— Но мы ведь африканцы, правда? И мы можем многому научить этих белых засранцев. Еще увидишь, как я овладею этой жирной шлюхой фортуной. Весь мир будет у моих ног.

Миха не сумел с ходу найти нужные доводы, и он лишь спросил:

— Так ничего кроме денег не имеет для тебя значения?

— В точку, брат.

После такого ответа Миха не знал, смеяться ли ему над Ганнибалом или жалеть его. Миха понял, что его товарищ не способен испытать к женщине тех чувств, какие он сам испытывал к Эрике. Ганнибал никогда не откроет для себя рая на земле: божественного дара любить и быть любимым. Это счастье нельзя измерить зелеными купюрами. Нет богатства на земле, сравнимого с этим даром. Он не продается, его не выменяешь на рынке — как назначить цену целой вселенной? Этот дар свободен и неосязаем, он причудлив, как иная реальность. Ганнибал мог и впрямь добиться господства над миром. Но ему не дано познать счастье. И никакие доводы, ухищрения и софизмы не могут этого изменить. Миха не знал, что сказать Ганнибалу, и потому промолчал — и дальше за всю дорогу оба не проронили ни слова.

37

Безупречный сидел за столом в огромной, элегантно обставленной кухне. Рядом суетилась кухарка — готовила ему перекусить, — а он тем временем разглядывал изготовленные на заказ шкафчики и вспоминал, в какую сумму они обошлись. Сделанные из массива дуба, они кричали о достатке владельца, как и все в его доме. Он так устал от показной роскоши, что даже продал три из семи своих тачек и подумывал продать четвертую. Безупречный не был на грани банкротства — спасли своевременные вливания. А сейчас он планировал международные гастроли, чтобы до конца уладить дела, но, однажды оказавшись на краю, принял решение бороться с разорительными привычками и стал истреблять их постепенно, одну за другой. Однако кухарку он собирался оставить: за два года он успел влюбиться в ее мастерство. Мария умела сотворить чудо из самых простых вещей: в ее руках ломтик черного хлеба с тунцом и листиком салата становился изысканным лакомством. При одной мысли об этом у него потекли слюнки, и он никак не мог дождаться восхитительного угощения. Как только она поставила перед ним тарелку, Безупречный впился зубами в бутерброд. Не переставая жевать, он улыбнулся и поблагодарил кухарку за заботу.

— Вам еще что-нибудь нужно? — спросила она.

Проглотив еще кусок, он ответил:

— Нет, спасибо, этого достаточно.

— Тогда спокойной ночи, мистер Безупречный, — попрощалась она, вышла из кухни и направилась к себе. Она звала его мистер Безупречный. Это продолжалось уже два года, но всякий раз не переставало его удивлять. Он положил бутерброд на блюдце и вернулся мыслями к тому, что занимало его до появления приступа голода. На столе перед ним лежали заявления о поступлении в различные колледжи Восточного побережья. Недавно ему втемяшилось в голову, что надо продолжать учиться. Он не был уверен, что потянет учебу, учитывая плотный график и запись нового альбома. Но через несколько месяцев у него появится свободное время, и если он все еще будет жив — подумал он, — будет так приятно вновь посидеть в классе и поговорить о философии, литературе, истории и точных науках. Ему предстояло научиться стольким вещам.

Как только Мария удалилась, в кухню вошла миссис Уильямс: ее

забытому им бутерброду с тунцом. Но его вкус на этот раз показался не таким уж восхитительным. Как бы он ни пытался замарать и запятнать сестру, она оставалась самым прекрасным созданием на свете.

38

Было поздно, когда они добрались в Нью-Джерси. Решили, что Миха переночует в доме Ганнибала, в одной из комнат для гостей. Миха не возражал: ему уже порядком надоели гостиницы. В тот вечер он не планировал встречаться с Эрикой, а Ганнибалу не хотелось отклоняться от прямого пути, теряя время, чтобы закинуть Миху к нему домой. К тому же к концу пути настроение у обоих улучшилось, и они начали смеяться и шутить, почти как братья — Ганнибал ни с кем другим не общался подобным образом.

Ганнибал продолжал сыпать шутками, когда они вошли в дом и поднялись по широкой лестнице наверх.

— Так что не бойсь: ты мне нравишься. Ты совсем желторотый, но я ценю твой оптимизм.

— Благодарю, — ответил Миха со сдержанным сарказмом.

Поднявшись на второй этаж, они вошли в огромный белый холл, из которого несколько дверей вели в спальни. Миха остановился у второй из них. Здесь он сегодня переночует: он всегда спал в этой комнате, когда оставался у Ганнибала. Но Ганнибал остановил его. Было еще только девять вечера: слишком рано, чтобы ложиться в постель. И Ганнибал предложил поиграть в компьютерные игры или посмотреть какой-нибудь фильм, пока их не сморит. Оба направились в конец холла, в комнату Ганнибала.

— Йо, говорю тебе, эта фигня не несет никакого смысла. Это как долбаный... оксюморон, или как его там...- взревел Ганнибал.

— Да что с тобой, брат? Ты сегодня настроен против всех и вся?

— Да нет же, послушай, что я говорю. Это абсолютная бессмыслица. Христианский хип-хоп — это как... как одно большое гребаное противоречие. Хип-хоп должен нести в себе протест. Он должен бороться с системой. А не славить белого Иисуса и проповедовать смирение. Что это за херня?

В ответ Миха только раздраженно замотал головой.

— Что, тебе нечего возразить? — отреагировал Ганнибал на его молчание.

— Бык, я стараюсь не спорить с тобой и не воспринимать твои слова слишком серьезно.

— Ты прав, спорить со мной тебе не стоит. Но поверь, лучше бы ты воспринимал меня всерьез.

— Нет, чувак. Я даже не стану тебя слушать.

— Спасибо, — сухо ответил он. — Может, поднимемся наверх? — Его слова прозвучали почти как приказ.

— Конечно. Но разве ты... не собирался куда-нибудь сходить?

Терренс уговорил ее приехать, соврав, что Ганнибал хочет пригласить ее на свидание.

— Разумеется, но это мы можем сделать позже, — ответил Ганнибал.

У него не было желания никуда идти. Ганнибал вообще никогда не ходил на свидания с телками. Он не ухаживал за ними. И за всю жизнь не потратил ни цента своих денег на женщин, за исключением своей матери. Ему даже не приходило в голову, что может быть иначе. Быку и не приходилось ничего делать. Девицы сами вешались на него. Неотразимая привлекательность таилась в его сдержанной силе. Феромоны делали свое дело. От язычков пламени, игравших в его глазах, у женщин замирали сердца, а промежность становилась влажной. Так было всегда, так случилось и с Розой — так звали девушку. Но Ганнибал этого не знал, он даже не потрудился спросить. Знал ее имя только Терренс, чьи сладкие речи уговорили эту красавицу уйти из дома, бросив дружескую компанию, сесть в незнакомую машину и ехать два часа в неизвестную ей часть города: Инглвуд, Нью-Джерси.

— Ладно, — согласилась девушка с некоторой неуверенностью. Но сила его привлекательности действовала на нее успокаивающе. Просто невероятно, что он сейчас смотрит на нее не с экрана и не с обложек глянцевого журнала. Ганнибал молча показал ей дорогу наверх и жестом пропустил вперед. Пристроившись сзади, он наблюдал, как она поднимается по лестнице. Он любовался упругими ляжками и тем, как при каждом шаге напрягались и расслаблялись ее мышцы. Он раздумывал, не положить ли руку ей на бедро. И всю дорогу наверх не отрывал взгляда от аппетитных ягодиц.

Поднявшись на второй этаж, девушка остановилась, ожидая дальнейших указаний. Он опять пропустил ее вперед, указав на дверь в дальнем конце холла. Он шел немного позади, чтобы насладиться ее походкой. Временами она оглядывалась^ улыбкой, проверяя, как далеко он отстал. Роза вошла в спальню, повинаясь настойчивости Ганнибала, а он вошел следом, пожирая ее глазами. Она остановилась посреди комнаты прямо перед огромным телевизором, теребя пояс пальто. Он с видом хозяина приземлился в кресло, не отрывая от нее взгляд.

Роза чувствовала, что необходимо прервать молчание.

— Знаешь, — сказала она, — когда мой агент позвонил и сказал, что сам Ганнибал хочет со мной увидеться, я была просто в шоке. Понимаешь, я как раз смотрела твой клип на ВЕТ и думала, какой ты горячий и красивый парень, — а тут этот звонок. Так странно.

— Это и для меня было странно, — проронил он бесстрастно, почти уткнувшись губами в сложенные ладони.

— Правда?

— Правда.

— Так куда мы пойдем сегодня?

— Куда захочешь.

— Слушай, я знаю один просто суперский ресторан. Он, конечно, из дорогих... но очень классный. — В ту же секунду девушка мысленно обругала себя за глупость. Она же в особняке самого Ганнибала, для него такие расходы пустяк. Хотя, по правде, с ним она охотно пошла бы и в «Макдоналдс», и в дешевую пиццерию. Просто посидеть где-то в его обществе уже будет восхитительно.

— Не проблема, можем пойти туда. Но сначала окажи мне услугу, — медленно произнес он.

— Какую?

— Сними одежду. Я хочу на тебя посмотреть.

Просьба прозвучала так беспрекословно, что задела ее: Роза почувствовала себя неуютно. Конечно, ей было нетрудно раздеться. Это же ее работа. И не то чтобы ей не хотелось раздеваться перед ним. Вообще-то, она не раз фантазировала на эту тему и раньше, и в этот вечер по дороге сюда. Но она думала, что все произойдет позже, после вкусного ужина и милой беседы, после тех приятных моментов, во время которых люди пытаются узнать ДРУГ друга поближе. После этого она охотно отдалась бы ему и в первый вечер знакомства. Но просто прийти в эту спальню без каких-либо предисловий было чересчур: она испытывала неловкость.

Однако она повиновалась. У нее не хватило сил противостоять отблескам пламени в его глазах. Роза медленно разоблачилась, снимая предмет за предметом: сначала пальто и сапоги, затем блузку и юбку, бюстгальтер — и наконец осталась в чем мать родила, обнажив безупречную красоту смуглой кожи. Вместе с одеждой она лишилась остатков уверенности в себе. В первый раз за долгое время она чувствовала себя голой.

— Повернись, хочу посмотреть на тебя сзади, — сказал он холодным приказным тоном. Она медленно повернулась, а затем снова встала лицом к нему. Ей хотелось прикрыться, но она не решалась — только слегка шевелила пальцами, прижав руки к бокам.

— Знаешь, я как-то неуютно себя чувствую, — наконец отважилась она.

— А вот это уже забавно, — заметил Ганнибал как бы про себя. Но, почувствовав перемену в ее настроении, заговорил успокаивающим тоном: — Все нормально, доверься мне. Все хорошо. Подойди сюда.

Элайджи и даже не подумал предложить мне что-то сочинить для тебя. Ты не дал мне ни малейшего шанса. Было бы так круто просто попробовать, пусть бы потом это даже не вошло в альбом. Просто шанс. Ты выпустил шестнадцать треков в своем альбоме, брат... шестнадцать — и даже не подумал предложить мне поучаствовать хотя бы в одном. Конечно, я не самый крутой перец в мире. Я не Безупречный. У меня нет твоих великих талантов. Но я не так уж плох, старик. И кое-что я делать умею. Ты сам это знаешь, всегда знал. И ведь я твой друг. Я, черт подери, твой друг, а ты не замечаешь меня. Тебе даже в голову не пришло дать мне поучаствовать в твоём альбоме. Твою мать, Без. Никто не просил тебя дать мне целую строфу: хватило бы и восьми строчек.

После этих слов Безупречный уже ясно видел слезы, застилавшие глаза друга. Он не мог этого вынести, не мог даже смотреть. И он отвернулся и уткнулся лицом в ладони, поставив локти на панель пульта.

Вздохнув, Томми продолжил:

— Теперь насчет нового альбома. С тобой происходит что-то серьезное, а ты не говоришь мне ни слова. Знаешь, как я узнаю теперь хоть что-то о твоей жизни? Через твои песни, старик. Мне нравятся твои новые работы, я чувствую твои мысли, когда слышу их. Но грустно, что я только с их помощью узнаю, чем и как живет теперь мой друг. Мне так хотелось, чтобы ты поговорил со мной, но ты молчишь.

— И я хотел бы поговорить, — словно самому себе пробормотал Безупречный.

Рассказать бы другу о мучительных кошмарах, терзавших его уже много месяцев. Но он чувствовал, что не в силах выразить словами, как молча ходит из угла в угол по ночам. Он боялся, что стоит ему открыть рот, и вместо слов оттуда вырвется жуткий вопль. Безупречный не мог заставить себя рассказать обо всем — не сейчас. Томми хранил молчание, почти умоляюще глядя на друга и ожидая, что тот скажет хоть слово — но не дождался. И тогда Томми продолжил:

— Ладно, я простил тебе, что так вышло с первым альбомом. Я сказал себе: он просто нервничал. Он только включился в этот бизнес и боялся все испортить. И я заверил себя, что мне и так клево: быть в компании Хеннесси и всех этих крутых рэперов, приносить им кофе и заказывать пиццу. Но пришло время для второго альбома — и ты даже не позвонил мне. Меня ни разу не пригласили в студию. Черт, да я не знал, кто работал над альбомом, пока не прочел имена на вкладыше к диску. На этот раз ты облазил полмира: ты привлек к работе ниггеров из Германии и Тимбукту, и это в то время как твой друг был рядом, но готов поспорить — ты даже не вспомнил обо мне. Это больно, старик. Это чертовски больно. Ты мой друг и я люблю тебя, но ты ни

на йоту меня не уважаешь.

Его слова придавили Безупречного тяжким грузом. Как острый нож, они достали прямо до сердца. Все было правдой. Безупречный не мог вынести ее, не мог вытерпеть. Он даже смотреть на друга не мог. Если бы он повернулся и увидел слезы, набежавшие на глаза Томми, он бы сорвался.

— Ты не уважаешь меня, старик. Для тебя Томми всегда на заднем плане. Я нужен только для того, чтобы тебя развлекать. Я примечание в твоих мемуарах. Если бы я не отважился сегодня высказать тебе все, я не попал бы и в эту главу. Ты просто прошел бы сквозь меня, не замечая, но в полной уверенности, что я здесь. Ты платишь мне сорок штук в год просто за то, чтобы я болтался с тобой повсюду. Я благодарен тебе и за это, но мне пора двигаться дальше и как-то менять свою жизнь: я не могу вечно быть твоим мальчиком на побегушках и следить, чтобы никто не клеился к Эрике. Знаешь, это просто идиотизм. Сначала это было забавно, но потом превратилось в настоящий дурдом. Я слышал о парнях, которые излишне опекают своих сестер: но у меня самого две старшие сестры, и пусть мы не всегда ладим друг с другом — однако ни я, ни мой младший братишка не ведем себя так, как ты. Это чересчур.

Сначала Безупречного трогали слова Томми. Но стоило произнести имя Эрики, и что-то в нем вновь ожесточилось. С минуту он не слышал ни слова из сказанного другом, а слеза, уже готовая скатиться по лицу, стала высыхать, уползая обратно в слезные протоки.

— Так что я заключил свой контракт, — закончил Томми. — Я пошел на это ради себя самого, потому что хочу жить своей жизнью, делать собственный выбор и писать собственные мемуары.

— Ну и отлично, — наконец произнес безупречный, все еще не отрывая лица от ладоней и не глядя на друга. — Я все понимаю. Это здорово. И я счастлив за тебя. Надеюсь, у тебя в «Регал» все получится.

— Посмотри на меня, брат!

Безупречный повернулся и взглянул в глаза другу. Томми хотел что-то добавить, но, увидев ставшее уже холодным и безразличным выражение лица Безупречного, решил, что не стоит.

— И это все? — спросил Томми.

— Все.

— Отлично.

Томми повернулся и пошел прочь. Он не хотел, чтобы все так получилось. Он ушел обиженный и разочарованный. И чувствовал себя так, словно только что отказался от друга детства — больше чем друга: кровного брата. Но он уходил из «Краун» с высоко поднятой головой: у него был контракт на запись

альбома и надежды на лучшее будущее.

Когда дверь за Томми закрылась, Безупречный болезненно ощутил свое одиночество. Таким одиноким он не чувствовал себя никогда прежде. Некому теперь прикрывать его со спины и сопровождать во всех поездках. Как быть дальше? К кому обращаться за поддержкой? Он опустил голову. И тут его озарила мысль. Зачем терять друга из-за такой малости? Он решил остановить Томми.

Безупречный поднял голову и собирался встать... как вдруг его окружили эти твари. Демоны — так он их называл, — аморфные силуэты, просачивавшиеся сквозь стены и мебель. Он уже хотел закричать, но осознал, что за последнее время так часто видел их, что бояться просто глупо. Пора уже относиться к ним как к старым знакомым. Он закрыл глаза и стал серьезно обдумывать, не сошел ли с ума. Потом он открыл глаза снова — демоны исчезли. Он шумно вздохнул от облегчения, а затем взглянул на противоположную стену комнаты: он заметил небольшую трещину в штукатурке — раньше он ее ни разу не видел. Это показалось странным. Студия была совсем новой, здесь не должно быть никаких трещин. Трещина заинтриговала Безупречного. Он встал и подошел к стене, потянулся к трещине, но по необъяснимой причине не смог коснуться ее. Он ощупал стену: она была гладкой и ровной. Однако трещина была там. Он продолжал видеть ее, но теперь она поднялась выше, оставаясь все время над его рукой. Она была такой реальной и при этом неосязаемой. От непонимания и ужаса по телу поползли мурашки. Он внезапно почувствовал, что надо немедленно выбираться из комнаты. Отвернувшись от трещины, Безупречный сгреб в охапку пальто и шарф и шагнул за порог. Ни на чем не задерживая взгляд, он поторопился к лифту, спустился вниз, запрыгнул в лимузин и велел шоферу отвезти его домой. Когда машина тронулась, он вздохнул облегченно, и на какой-то момент его мысли отвлеклись от случившегося. Но затем... он повернул голову, чтобы посмотреть в окно, и замер... на стекле виднелась трещина.

Ганнибал поднялся с кровати. При этом он одним движением стянул с кровати легкое покрывало. Оно соскользнуло, обнажив тело Розы: она свернулась на постели калачиком. Роза лежала к нему спиной, пока, сидя на краешке кровати, он натягивал трусы и джинсы, не обращая никакого внимания на ее дрожащее тело. Она дрожала не от холода: комната хорошо обогревалась. Она дрожала, потому что не знала, что делать: у нее было такое чувство, словно ее изнасиловали. За двадцать минут их плотского свидания,

она отдалась ему вся, а он вторгся в ее личное пространство, растерзал в клочки чувства, так что от Розы осталась одна пустая оболочка. Девушка ощущала жжение между ног, но еще сильнее жгло в груди. Она чувствовала опустошенность и безутешность, словно ее душу вычерпали до дна и иссушили. Единственное, что оставалось, — лежать и дрожать.

Темнота окутывала комнату. Только брызги лунного сияния попадали в комнату через щелку. Ганнибал взглянул на огромную черную дыру телевизора и скомандовал: «Ганнибал». Телевизор включился, и начался фильм. Светящийся экран залил комнату невыносимо яркими отблесками. Этим он отнял у нее последний защитный покров. Теперь она осталась абсолютно голой: странное для стриптизерши чувство стыда от сознания собственной наготы беспокоило ее.

— Похоже, мы никуда не пойдем, — сказала она, прикрывая глаза от яркого света.

— Думаю, нет. Но ты можешь пойти одна, если хочешь.

— Знаешь, я до сих пор не могу поверить, что сделала это. Не могу поверить: я выскочила из дома и примчалась сюда, чтобы сотворить с собой такое. Ненавижу тебя.

Она поднялась и стала отыскивать свою одежду. Вскоре она вспомнила, что сбросила ее на пол возле телевизора. Она взяла себя в руки и приблизилась к ослепительному свету экрана, на котором виднелось обезображенное лицо Мейсона Верджера. Роза встала на колени и принялась подбирать одежду. Ганнибал сидел не шевелясь и смотрел кино, пока она одевалась в отблесках экрана. Она уже собралась уходить, когда он окликнул ее.

— Постой, не уходи.

— Какого черта тебе надо теперь? — огрызнулась она. Он поднялся, сбросив с себя покрывало, и подошел к ней. Его близость вызывала беспокойство и пугающе влекла ее. Роза отвела глаза, боясь встретиться с отблесками пламени в его глазах.

— Какого черта тебе надо?

— Не хочу, чтобы ты уходила, — ответил он.

— С чего это вдруг?

— Ты не можешь уйти. Ты не можешь, потому что... я собираюсь тебя съесть.

— Что? — ошолбенела она. На какой-то момент она подумала, что это какая-то извращенная сексуальная прелюдия, так как Ганнибал начал оттеснять ее в угол комнаты, в темноту. Он подошел ближе и сделал агрессивный выпад в ее сторону, словно собирался откусить ей нос. Он остановился

пугающе близко, в каком-то дюйме от ее лица, а затем отпрянул и усмехнулся.

— Я просто хотел тебя подразнить, — сказал он.

— Что?

— Не уходи. Не нужно. Я не хочу, чтобы ты уходила. Ты мне нравишься. Мы можем сходить в ресторан в любой другой день. Я просто не хочу никуда идти сегодня. Моя кухарка может приготовить все, что захочешь. Оставайся, посмотрим вместе фильм. Я не хотел тебя напугать.

Роза была сбита с толку больше, чем когда-либо в жизни. Она еще ни разу не видела такой резкой перемены в поведении. Сейчас Ганнибал вел себя по-человечески, впервые за этот вечер. *Прочь. Беги. Спасайся.* Эти слова пульсировали у нее в мозгу. Но она не слушала их. Ганнибал повел ее к кровати, и они сели рядом и стали смотреть фильм вместе. Она собиралась уйти, но Ганнибал совершенно загипнотизировал ее. Он уже изорвал в клочья ее самоуважение, а теперь она чувствовала, что ее разум не в силах противиться его власти.

И она сидела и смотрела фильм вместе с ним, а Ганнибал свободно выказывал свои эмоции, свой восторг от происходящего на экране. Она улыбалась, а временами увлекалась фильмом. Через час она расслабилась и перестала думать о том, что произошло раньше. Ночь становилась такой, какой она представлялась ей с самого начала. И она постаралась не придавать значения случившемуся, наслаждаясь настоящим моментом. А Ганнибалу в это время не давало покоя желание овладеть ею снова, как только закончится фильм. Число просмотров достигло 112.

39

Эрика одиноко сидела в яркой кабине цвета фуксии, смотрела в окно и вертела в пальцах пустую чашку. Она уже полчаса ждала Миху в этой манхэттенской закусочной. Эрика устала и потому даже не обратила внимания на официантку, поставившую перед ней красивый черничный кекс.

Официантка удалилась, а Эрика продолжала разглядывать проезжавшие за окном машины, когда кто-то тихо подошел сзади и поцеловал ее в щеку. Она молча улыбнулась в ответ на приветствие, наблюдая, как ее любимый сел напротив, принеся в кабинку легкий лавандовый аромат.

— Так что стряслось, почему ты хотела встретиться здесь? — спросил он.

— Мне нравятся их черничные кексы.

— Ясно, — протянул Миха. — Ну ладно, какова бы ни была причина, я всегда рад тебя видеть.

Она не ответила и какое-то время сидела молча.

— Миха, ты писал тексты для песен Быка? — спросила она затем напрямик. Эрика выпалила это одним махом, опасаясь, что иначе начнет мямлить и ходить вокруг да около. И, возможно, убедит себя, что не стоит задавать этот вопрос вообще. А так не годится. Ей необходимо знать правду.

— Да, — после некоторых раздумий ответил Миха. Интересно, кто надоумил ее задать этот вопрос. Но Миха понимал, что, раз Эрика задала его, она уже знает ответ.

— И песню, что направлена против Безупречного?

— Мы работали над ней вместе... но по большей части я.

— Давай попробуем устранить одно противоречие. Ты был свидетелем той сцены в поезде, сидел рядом со мной. Казалось, ты потрясен случившимся не меньше, чем я. Как ты мог сделать такое, Майкл?

— А что я сделал? Я хочу сказать: в этом не было ничего личного, по крайней мере не с моей стороны. Это все чистая риторика, просто часть игры.

— Перестань, Майкл. Будь честным со мной. Я хочу услышать совсем другое.

— Услышать, что? Пойми, еще вчера я соперничал с другими пацанами на сцене, чтобы только взять в руки микрофон. А в следующее мгновение Бык заявляет, что ему нравится мое творчество, и предлагает больше денег, чем я видел за всю жизнь, чтобы я писал для него тексты. Я поэт, и я буду писать

тексты так или иначе. Что в этом плохого?

— Так ты не видишь в этом ничего плохого?

— Детка, поверь, в последние дни я понял, что это во многом неправильно. Но таков уж хип-хоп: это состязание.

— Послушай, мы оба ехали в том поезде и видели, куда приводит хип-хоп.

— Знаю. Я тоже не остался равнодушен к случившемуся. И пытался убедить Ганнибала, что нужно притормозить с этой войной. Но он не стал меня слушать. Так что прикажешь делать?

— Перестань писать для него тексты.

— А ты перестанешь быть сестрой Безупречного?

— Что? — растерялась она.

— Да ладно, Эрика. Не будь такой наивной.

Только один человек в мире говорил ей такие слова.

И она ненавидела, когда он их говорил, но еще больнее было услышать их от Миши.

— Знаешь, я терпеть не могу, когда меня называют наивной.

— Ладно, извини. Но это не так-то просто. Понимаешь, год за годом ты отчаянно мечтаешь подписать контракт и готов уже согласиться на все, что предложат. И наконец это происходит: тебя берут в команду и говорят, что именно ты должен писать. И даже если это не совсем то, о чем ты мечтал, ты делаешь то, чего от тебя ждут, потому что это твой шанс и ты не хочешь его профукать. И будешь делать до тех пор, пока не создашь себе прочное положение — и тогда уже сможешь творить так, как тебе нравится. Да, я написал «Свержение короля», но ведь я написал и «Боевых слонов».

— Значит, предлагаешь закрыть глаза на происходящее, и пусть все идет как идет?

— Закрывать глаза на что? Я просто делаю то, что умею, чтобы заработать себе на хлеб.

— Хлеб насущный, бабки, зелень. Деньги — это все, что волнует людей.

— Мне плевать на деньги, — спокойно возразил Миха, хотя его глубоко задело, что Эрика причислила его к заурядным материалистам. — Любовь моя, ты слишком сурова ко мне, а при этом ты сама лицемеришь.

— Что ты такое говоришь?

— Благодаря этой самой зелени твоя жизнь круто изменилась. А я тебя знаю, Эрика. Как бы тебя ни волновали всякие там проблемы, тебе нравится новая жизнь. Нравится жить в большом доме и не думать том, как добыть денег на еду и оплатить аренду. Поразмысли над этим.

Ей не пришлось размышлять долго. Она вспомнила свою спальню с огромной гардеробной и новенький БМВ, который теперь водила. Она

продолжала учиться, но без всякой цели. Ее жизнь стала сплошным непостоянством: она порхала и радовалась каждому дню, а все благодаря любви и щедрости брата.

— Ты прав. Абсолютно прав. Может быть, я во многом неправильно смотрела на мир и на себя саму. Но хочешь правду? В тот день в поезде у меня на многое раскрылись глаза, и я понимаю, что нужно прекратить то, что сейчас происходит. Мы не можем допустить, чтобы все продолжалось в том же духе. Это серьезней, чем мы думаем. Ты видишь здесь только бизнес, но там, на улицах, тысячи людей, и многие еще глупее тех мальчишек в поезде. И все они воспринимают происходящее как нечто личное. Но поверь, я понимаю и твою позицию.

— И ты поверь: мне нет дела до той дряни, которую я пишу. Я предпочел бы сидеть здесь целыми днями и писать стихи о тебе.

— Правда? И что бы ты написал?

— Описал бы, что чувствую, когда ты рядом.

— И что же?

— Я чувствую цельность, единение и покой. Но, говорят, покой трудно продать, — добавил он.

— Неправда. Нужно только правильно его преподнести.

Эрика протянула руку через столик, ища его ладонь.

Он потянулся ей навстречу, и их руки соприкоснулись. Любовь сочилась через кончики пальцев, когда они сплетали их, лаская друг друга. И вот уже сердца их забились чаще, а разум стала застилать сиреневая дымка.

КНИГА

ШЕСТАЯ

40

Воздух застыл неподвижности, порождавшей смятение. Было холодно, но ни один порыв ветра не нарушал удивительный покой. В этот январский вечер, вечер большого торжества, все вокруг предрекало непредвиденные события, а тем временем знаменитости выходили из лимузинов и ступали на красную ковровую дорожку под привычное ликование толпы. Это была настоящая лекция на тему «Кто есть кто в мире шоу-бизнеса». Кто только не появился здесь сегодня: от кинодив до звезд поп-музыки. И это значило, что большой рэп стал частью массовой культуры. Пресса присутствовала в таком изобилии, что вспышки фотоаппаратов могли бы затмить солнце. Море искусственных огней пыталось оживить серое небо, нависшее над ковровой дорожкой, но по бокам от нее тысячи фанатов терпеливо сносили непогоду, сгрудившись словно на баррикадах и вглядываясь в конец улицы — в здание концертного зала «Радио-сити». Среди них стоял парень с большим плакатом, гласившим: «Хип-хоп должен выступать против войны с терроризмом, бороться со СПИДом в странах Африки, отстаивать репарации. Правда восторжествует, боритесь за свое будущее». Он ходил взад-вперед, выкрикивая протесты, но мало кто обращал на него внимание. Церемония вручения премий «Соре» должна была состояться сегодня здесь, в своей колыбели, впервые за всю историю существования. И только это занимало сегодня присутствующих.

Однако Безупречный заметил парня с плакатом, проходя по дорожке рука об руку с Триш — они так красиво смотрелись вместе — и отвечая на стандартные вопросы прессы перед началом шоу.

— Итак, Безупречный, ты номинирован сегодня на четыре награды, как и в прошлом году. Тогда ты забрал домой четыре из четырех. Думаешь, сможешь повторить прошлогодний результат, ведь твой второй альбом, хоть и получил широкое одобрение критиков, продавался хуже первого?

— У вас на лбу трещина, — заявил Безупречный журналисту, странно улыбаясь.

— Что? — поразился репортер необычности его слов.

— Ничего, — одернул себя Безупречный. — Не важно. Мы говорим о настоящем. Мой новый альбом рассчитан не на сегодняшний день. Он создавался для будущих поколений. Поэтому пусть сегодня случится то, что случится. Это не важно, важно то, что произойдет годы спустя. А пока сотрите

трещину со лба.

Репортер не мог взять в толк, о чем говорит Безупречный. В голосе рэпера звучали зловещие нотки. Он совсем не походил на того Безупречного, у которого этот самый репортер брал интервью всего год назад. Вчерашняя жизнерадостность сменилась болезненной философичностью. Репортер не понял ни слова из сказанного, но, тем не менее, осторожно потер лоб, пытаясь отыскать на нем трещину или другой изъян.

— Что ж, спасибо Безупречному за то, что поделился своими мыслями. И это... на этом все.

Репортер уже собирался уйти, как вдруг заметил высокую темную фигуру, выросшую на фоне серого неба.

— Эй, посмотрите, кто только что появился перед камерами, наш неповторимый Ганнибал-каннибал, — восторженно затараторил журналист.

— Как делишки, Безупречный? — поприветствовал своего извечного врага Ганнибал; рядом с ним стояла Роза — волосы в красивом беспорядке, на губах улыбка, в глазах рабское подобоострастие.

— Нормально, Бык. Все как всегда, — ответил Безупречный.

— Эй, Бык, означает ли эта встреча примирение враждующих лагерей? И что ты, Бык, чувствуешь в связи с сегодняшним выступлением? — Репортер выпалил все вопросы на одном дыхании.

— Сейчас мне нечего сказать, — ответил Ганнибал, бросив на репортера стальной взгляд, отбивший у того охоту настаивать.

— Ну что ж, на этом, наверное, можем здесь закончить. Я сейчас поднимусь к тебе наверх, Карсон.

Разочарованный репортер ушел, оставив их вдвоем.

— Давай потолкуем. Дамы, не оставите нас на минутку?

Услышав просьбу Ганнибала, Роза беспрекословно повиновалась. Она знала Быка совсем недолго, но уже поняла, что ему лучше не возражать. Триш колебалась, не желая уходить. Но Безупречный взглядом успокоил ее, и Триш отошла, но не выпускала мужчин из виду.

— О чем ты хочешь толковать, Бык?

За столько лет знакомства и беспрестанных поединков это был лишь второй их разговор. Оба отлично это знали.

— Ни о чем в особенности. Так, о жизни, о бизнесе — о семейных делах, — ответил Ганнибал.

— Это забавно, ниггер. Не о чем нам говорить. Ты достаточно высказался на винуле.

— Ты тоже.

— Просто я пытаюсь со всем этим покончить. Мы уже много лет

соперничаем друг с другом, и каждый раз, когда мне кажется, что я наконец разобрался с тобой, ты возвращаешься. Иногда мне хочется сочинить такую песню, которая уничтожила бы даже память о твоём существовании.

— Но ты не можешь, старик. Это же я, неодолимый Бык.

— Пусть так. Неужели ты не устал от всего этого? Не хочешь двигаться дальше?

— Я и так двигаюсь и делаю большие дела. Прекрати ныть, чувак. Разве ты не видишь картину целиком?

— И что это значит для тебя: войти в историю? — спросил в ответ Безупречный.

— Да. Я всегда знал, что ты умный сукин сын. Я вижу картину целиком. И правда в том, что ни один из нас не достиг бы таких высот без другого, без великой эпопеи наших баттлов. Подумай об этом.

— Не о чем здесь думать. Не знаю, войду я в историю или нет. Но я знаю, что ты мне для этого не нужен, Бык.

— Ну что ж, продолжай себя обманывать. Именно поэтому мир вокруг тебя рушится на глазах, оставляя одни обломки. — Последнее заявление Ганнибала поразило Безупречного в самое уязвимое место. О чем он говорил? Неужели тоже видел неосязаемую трещину?

— Что ты имеешь в виду? — отважился спросить он.

Но Ганнибал пропустил вопрос мимо ушей:

— Ты говоришь, что устал. Я тоже. Хочешь положить конец этой войне?

— Да, давай прекратим ее.

— Отлично. Рэп стал мне порядком надоедать.

— Почему? Из-за того, что ты исписался?

— Мне даже не приходится больше писать: вся эта хрень сочиняется сама по себе. Да и денег с этого не так уж много. Я хочу большего. Кино — вот сила. Понимаешь, о чем я? К черту «Биллборд» и другие журналы, я хочу иметь кассовые сборы. А потом я проникну в империю Доу-Джонса и сделаю состояние Билла Гейтса. И тогда Карфаген завоюет весь мир. Слоны будут повсюду.

— Что ж, вперед, — благословил Безупречный: его забавляло, что Ганнибал перестал говорить о каннибализме.

— Я это сделаю. И не притворяйся, будто ты сам не хочешь завоевать мир.

— Ну что ты, я непременно это сделаю. И твои слова я запомню.

— Что ж. Думаю, война между нами не закончится, пока мы будем стремиться осуществить одну и ту же мечту.

41

Помощница ассистента художественного руководителя стояла за сценой и нервно постукивала указательным пальцем по циферблату часов, бросая красноречивые взгляды на Миху, а тот, оказавшись посреди всей этой толчеи и суматохи, только и мог гадать, куда подевался Карфагенянин. Рим ждал: оставалось всего десять минут до выхода на сцену. И сейчас Миха стоял посреди суеты осветителей и инженеров; толпы всякого рода рэперов сновали туда-сюда, не замечая его присутствия, а Ганнибала нигде не было видно. Миха не слышал слов помощницы, но ощущал ее беспокойство: она выкрикивала что-то в рупор и время от времени кидала на него злобные взгляды.

— Чего эта сучка так сердито на тебя смотрит? - раздался сзади знакомый голос.

Миха обернулся: Пожиратель собственной персоной стоял за его спиной.

— Йо, нам же на сцену через минуту. Где ты был? — спросил Миха.

— Болтал с приятелем. И потом, Бык ни для кого не будет мчаться со всех ног. Чертовы беложопые могут и подождать. Ты готов? — спросил Ганнибал, и Миха кивнул. Тут Ганнибал заметил: — Это ты так думаешь. К такому ты не готов.

Ганнибал направился прочь, не обращая внимания на помощницу ассистента художественного руководителя — он шел поговорить со своим ди-джем Амра. Он сказалему что-то на ухо: очевидно, давал последние инструкции перед выходом. Миха не расслышал слов, да и не придал этому значения. Теперь он успокоился: Ганнибал здесь. И его нервам предстояло впереди только одно испытание: выдержать гул и рев огромной аудитории.

Гевара, революционер хип-хопа, брат из Колумбии лет двадцати пяти-шести, вышел на сцену в футболке, на которой крупными буквами значилось: «Свободу Палестине». Перед этой многотысячной толпой он появился сегодня не как победитель или проигравший, не как приглашенный исполнитель. Он выступал в роли глашатая, словно Серебряный Серфер, возвещающий приход Галантуса*. Сейчас глашатай возвестил о начале войны и приближении армии

* Персонажи популярных американских комиксов.

слонов. До того как он закончил свое объявление, послышался рев приближающихся животных: он эхом пронесся по залу, вырываясь из многочисленных колонок.

Включился свет — и перед зрителями предстал Карфагенянин у стен Рима, обозревающий открывшееся перед ним будущее.

Пламя в его глазах разгоралось все ярче, он повел носом, словно ищейка, и учуял Безупречного в седьмом ряду. Славно, подумал он. Его план сработал бы лишь наполовину, не будь Безупречного в зале.

Бит загремел, словно надвигающееся стихийное бедствие. Ганнибал прорычал свой текст под аккомпанемент труб, вытанцовывая на сцене, как дикарь перед выходом на тропу войны. Он исполнил первую строфу на пару с Михой, выделяя голосом кульминационные строчки.

*От Албанских Альп
До скал Нормандии
Мы несем час икс во имя дьявола.
Сжигаем Вавилон и Библию,
Карфаген приходит в Бруклин.
Ганнибал — генерал всех стран,
Он сам коронует, как Фаррахан*,
Оставляет Халида** королем в наших сердцах.
Я изрыгаю новое пламя,
Чтобы люди выше подняли знамя,
Я дарю страсть пассивным
И безумный выход массам.
За годы страданий,
За столетия рабства
Мы бомбим улицы и окрестности
За то, что вы продавали нас,
Покупали нас и заковывали,
Бичевали нас и насиловали,
Линчевали нас, обворовывали.
Вы дали нам свободу,
Чтобы в тюрьмах сгноить,
Ненавидеть нас, кастрировать,
На иглу подсадить.
Вы объявили нам войну,
И война для нас повсюду.
Хватит языком трепать —*

Теперь пушки говорить будут.

И когда Миха, завершая строфу, сделал модуляцию голосом вниз, он понятия не имел, каковы истинные намерения Ганнибала и не был готов к последующим событиям.

— Йо, ди-джей. Выключи это, — прокричал Ганнибал, и его голос перекрыл шум толпы, заставив всех замереть от неожиданности. — Врубай наш новый крутой трек, как договаривались, покажем зрителю, что такое настоящее шоу.

Амра резко остановил ритм песни и продемонстрировал серию неистового скретчинга. Публика в зале решила, что это запланированная часть представления. Но находившийся в диспетчерской директор программы знал правду и стал как сумасшедший бегать по комнате, проклиная всех на свете. Операторы растерянно переглядывались. Миха тоже удивился, но постарался скрыть свою растерянность: шоу транслировалось в прямом эфире, и он стоял на сцене перед миллионами телезрителей. Он стал импровизировать. Повторял слова за Ганнибалом, время от времени добавляя «йо» и «да-да» и выкрикивая разные приветствия Бруклину. Потом Ганнибал вновь переключил внимание публики на ди-джея, и Миха воспользовался передышкой, чтобы наброситься на него с упреками:

— Ты что творишь? Мы так не договаривались. Тебя же предупреждали, чтобы ты не выкидывал никаких номеров.

— К черту всех. У меня новый план. Просто повторяй дальше за мной, эту песню ты хорошо знаешь.

У Михи засосало под ложечкой от дурных предчувствий. И они оправдались, как только раздались первые звуки следующего трека. «Свержение короля» зазвучало со сцены, и Миха мысленно произнес самые грязные ругательства, какие только знал.

Услышав такие знакомые звуки песни, едва не похоронившей Безупречного, половина публики вскочила с мест, а другая, напротив, замерла. И среди тех, кто сидел с траурным видом, были Безупречный, его сестра и Триш. Гнев начал закипать в сердце Безупречного еще до того, как было произнесено первое слово. Ганнибал не видел врага, но с наслаждением ощущал его ярость.

Он начал:

* Лидер «Нации ислама», религиозно-политического объединения чернокожих мусульман США.

** Предпоследний король Саудовской Аравии (1912-1982).

Бык совершает переворот,
Наступает на твою территорию,
Обстреливает твою территорию,
Выстрелы чертят траекторию.
Ганнибал мощный и злой,
Рожден ершистым и готовым к бою,
Проходит сквозь все преграды —
Просто дайте мне ключи от города.
Мне жаль дураков,
Что жалеют Быка.
Я на вершине мира,
А вы, ниггеры, на дне сортира.
Но оставим глупую драму
И вернемся к сути вещей:
Сейчас я прикончу тебя, ниггер,
Без надежды на перезагрузку.
Без, ты просто ошибка
И твоя эра — вчерашний день.
Я выше твоих прокламаций,
И не надо оваций.
Шут, считаешь себя королем,
Но ты просто пацан,
Что дрожит перо вместо члена.
Твое правление подошло к концу.
Король Нью-Йорка, как же!
Ниггер, ты король лишь у шлюх.
Ты просто нелеп —
На философию променял рэп.
Ты завяз в застое,
Огрызаешься «Бычьим отстоем».
Ладно, ты свое слово сказал,
И надеюсь, у тебя есть большая пушка,
Ты же знаешь: я никогда не блефую,
Я отвечаю, раскраивая черепушку.
Дерьмо одно лезет из твоей башки —
Что это за хрен с молоком?
Ты заявил, что я хочу быть белым стариком,
Но, мать твою, Без, ты-то хочешь
Быть черным парнем, что мечтает стать белой бабой.

*Распустил нюни, чувак,
Ведешь себя как полный мудака.
Я вижу, что ты утратил веру, слабак.
Но ты ошибся: я не собираюсь в белого играть,
Я буду белыми повелевать,
Ганнибал пришел побеждать,
Меня называют слоном боевым,
Я выступаю с мафией,
Я командую мафией,
Так что заberi свое дерьмо назад,
Потому что это захват.*

Реакция на выступление была столь же неоднозначной и разнородной, как и сама публика. Фанаты Ганнибала неистовствовали, словно варвары. Сторонники Безупречного считали неуместной подобную выходку: слишком неподходящим был повод. Директор передачи, собравшись с мыслями, велел снимать неистовую реакцию в зале и крупные планы выступающих.

Миха как последний дурак оказался втянутым в этот конфликт, но деваться было некуда: пришлось продолжать читку. Слыша, как написанные им слова слетают со сцены, он чувствовал тошноту. Еще никогда он так не презирал собственное творчество. Знай он, к чему всеприведет, ни за что бы не ввязался в этот обман с самого начала. Он видел, как Ганнибал наслаждается этим сумасшествием, и уважение, которое Миха всегда испытывал к нему как к личности и таланту, испарялось вместе с каплями пота, проступившими у Михи на лбу. Он хотел бросить Ганнибала на сцене одного, но какая-то сила приковала его к месту. Терзаясь от отвращения, он доигрывал свою жалкую роль.

Все шло точно по сценарию Ганнибала. И обожатели, и ненавистники — все слушали его сейчас, затаив дыхание. Он держал их за самые чувствительные струны сердец крепче, чем за мошонку. А потом...

*Я тот, кого ты ненавидеть обожаешь,
Но я не люблю болтать, ты знаешь.
Меня не победить, меня не убить,
Быка никому не остановить.
Помню твоей сестрички стон,
Когда я топтал ее, как слон:
«Не останавливайся, Бык!» —
Она в исступленье кричала*

*Почти без чувств, оттого что без конца кончала.
Эта телка сама не своя до членов,
Черт возьми, Без, я и сам удивлен:
Маленькая сестренка стала настоящей шлюхой.*

Слова произвели желаемый эффект. Словно получив удар под дых, Безупречный стал ловить ртом воздух. Ярость достигла невыносимых пределов, но в тот момент ему пришлось сдержать свой гнев. Операторы поспешили атаковать его, взяв крупный план. И его замешательство демонстрировали на большом экране со всех возможных ракурсов. Надо сохранить спокойствие и сконцентрироваться на выступлении, которое предстоит ему позже. Эрике тоже ничего не оставалось, как проявлять стоицизм.

Миха застыл, не веря своим ушам. Единственная мысль молнией промелькнула в его мозгу: я этого не писал, я этого не писал. Последняя строфа была новой версией Ганнибала, его личным творчеством, исказившим текст и замысел Михи ради грязной цели. Михе повезло, что выступление на этом закончилось: он был не в состоянии продолжать. Слыша бормотанье толпы, он кожей чувствовал боль унижения, которую сейчас испытывает Эрика. Эта боль сковала его позвоночник и лишила сил управлять своим телом. Миха лишь надеялся, что она поймет: не его рука писала эти чудовищные строки.

Местами в зале раздавались аплодисменты: публика не была единодушна. Затем трансляция прервалась на рекламную паузу.

Миха сошел со сцены словно в тумане. Ганнибал выглядел так, будто ничего не произошло. Как только оба ушли за кулисы, к ним подлетела помощница ассистента художественного руководителя:

— Вы... для вас это конец, это уже слишком. Вас специально предупредили, что нельзя исполнять эту песню. Больше вас никогда не пригласят выступить на вручении «Соре». Черт возьми, вам не разрешат присутствовать здесь даже в качестве зрителя.

Ганнибал просто повернулся и взглянул ей в глаза. Напуганная его взглядом, она отошла, продолжая злиться молча.

— Йо, хорошее шоу, чувак, — сказал Ганнибал Михе.

— Хорошее шоу? Что ты несешь? На хрена тебе это понадобилось?! — заорал на него Миха.

— Ты же сам хотел, чтобы я прекратил затянувшуюся драму с Безупречным. Ну, я и нашел способ: эффективно, как удар кувалдой.

— Ты ненормальный. Ты ненормальный, чувак. С меня хватит этого

дерьма. Я ухожу. Ты прекрасно импровизируешь, и с остальными текстами тоже сам справишься.

— Не понимаю, что такого я видел в тебе. Ты слабохарактерный, как баба. Так глубоко засунул голову себе в задницу, что не видишь самых простых и ясных вещей.

— Что бы ты ни говорил, ты просто больной ублюдок. И мне тебя искренне жаль, чувак.

— Пожалей самого себя, ниггер. Ты даже не существуешь. Ты всего лишь жалкий фон. Вся шумиха поднялась сегодня из-за Быка. Не смей жалеть меня, ниггер. Бык непотопляем, он всегда будет на вершине мира.

На этом разговор был окончен. Миха бросил микрофон и ушел, а Ганнибал молча смотрел вслед своему младшему брату.

42

Шоу подошло к концу, но вечер был в самом разгаре. Победители и побежденные, работники индустрии, участники радиобитв и зрители — все были сегодня здесь: выпивали, делились сплетнями, флиртовали. Это была вечеринка для своих, организованная студией «Краун», одно из обычных мероприятий, устраиваемых после каждого шоу, — но на этот раз народу собралось больше обычного. Похоже, здесь были все: Сталин со своими ребятами сидел за столиком в углу, Гевара болтал с Эбони, обсуждая возможное сотрудничество, мини- Гитлер и парни из Гестапо в большом количестве приехали с Юга. Был здесь и Трухильо с Латинской Мафией. Они переговаривались о собственных делах, но в течение вечера нет-нет да и всплывала тема Безупречного и Ганнибала.

Безупречный сидел в сторонке с телохранителем и Хеннесси. Он улавливал шушуканье за спиной. Ганнибал выставил его на посмеище, но он не единственный виноват в случившемся. Не он писал эти мерзкие слова. Был и другой, чье имя вызывало отвращение у Безупречного и оставляло во рту горечь похуже, чем от абсента. Этот мерзавец осквернил чистоту его дорогой девочки, а Безупречный только и мог сидеть и молча смотреть, как ее насиловали у всех на виду, словно рабыню в доисторические времена. Хорош защитник. Теперь он жалел, что не нанес Ганнибалу ответный удар во время собственного выхода.

Эти мысли прожигали ему мозг, а неосязаемая трещина продолжала парить в воздухе прямо перед ним. Вообще-то теперь она превратилась в дыру, небольшую дыру, стоявшую перед глазами, куда бы он ни поворачивал голову. Демоны перестали посещать его с тех пор, как появилась трещина, превратившаяся затем в дыру. Он ненавидел этих существ, когда они только начали его навещать: прозрачные аморфные фигуры, менявшие облик и походившие то на людей, то на животных, то на амебы. Они принимали любые формы, постоянно превращаясь во что-то другое. Но сейчас он обрадовался бы им как старым друзьям, лишь бы не видеть дыру: недостижимую и неосязаемую, словно конец существования.

— Поздравляю, ты добавил еще три награды к своей коллекции, — произнес Хеннесси, пробудив его от тяжелого сна наяву.

Единственное, что Безупречный смог сказать в ответ:

— Чертов ублюдок!

— Понимаю, ты расстроен. А зря... Теперь миллионы жаждут услышать твой ответ. Они сгорают от желания узнать, каков же будет твой следующий шаг. И новый трек разлетится в миг, словно горячие пирожки. Поверь мне, тебе сейчас не повредит все, что подстегнет продажи.

— Два миллиона проданных дисков тебя не устраивают?

— Это неплохой результат, но куда хуже десяти миллионов.

— Деньги — единственное, что тебя волнует в жизни?

— Конечно.

— Похоже, нравится мне это или нет, но пока я связан контрактом, я буду всего лишь твоим рабом. Но кто знает, быть может, я скоро умру и обрету свободу вместе со смертью.

— Не понимаю таких слов, Безупречный. Рабство в нашей стране отменили много лет назад. А впрочем, позволь объяснить тебе одну маленькую истину. Мы все рабы в этом мире, брат. Белые, черные, желтые или какие там еще — все мы лишь рабы нашей судьбы, и не важно, верим мы в нее или нет. Свободу мы обретаем, лишь примирившись с оковами и приняв свое предназначение и свою сущность. Я принял свою участь: я бизнесмен. И это сделало меня свободнее. А ты должен смириться с тем, что ты артист.

— Это все лажа, Хеннесси! — парировал Безупречный. — Это хрень, которую внушают рабам, чтобы легче было командовать ими и водить на веревочке. И потом, ты же вроде был деистом. Ты говорил, что не веришь в судьбу. Или я что-то путаю? «Напиши свою жизнь, как тебе нравится», — так ты мне тогда сказал?

— Ладно, Безупречный. Поступай как знаешь. Верь во что угодно. Только скажи, как ты обрешь свободу, все время называя себя рабом? Подумай об этом. И знаешь еще что? Я давно пришел к этой мысли. В твоём романе я главный злодей, ведь так? А почему? Потому что я белый, я начальник и люблю деньги. Я не собираюсь извиняться за то, какой я есть. Никогда этого не делал и сейчас не буду. Но запомни одно: твоя жизнь началась с той самой нашей встречи. Я сотворил тебя, Безупречный. Сделал своим главным приоритетом. Номером один. Я помог тебе завоевать мир. Благодаря мне о тебе напишут десятки книг. А без меня ты так и остался бы мальчишкой, состоящимся в остроумии в уличных перебранках. Какую книгу жизни ты написал бы без меня?

— Не знаю. Я не знаю.

В словах Хеннесси была доля истины. Впервые со дня их знакомства Безупречный слышал в голосе продюсера неподдельные эмоции. Но при всей искренности Хеннесси Безупречного не покидало чувство, что тот пытается

ему что-то продать. На этот раз — самого себя. Как Безупречный ни старался, он не представлял Хеннесси отдельно от паутины лжи, которой тот опутывал все вокруг. Но откровения Хеннесси сделали одно доброе дело: отвлекли Безупречного от мыслей о Ганнибале и от неосязаемой черной дыры. Правда, всего на минуту, пока Безупречный не увидел мини-Гитлера: тот сидел в одной из кабинок для ВИПов. Гитлер поднял бокал «Кристалла» и поприветствовал Безупречного кивком и улыбкой. В ответ Безупречный тоже кивнул демагогу-лилипуту и осушил свой бокал. И в ту же секунду заметил в углу человека в красном, улыбавшегося ему: кажется, один из его бывших соперников. Вроде бы они встречались раньше, но Безупречный не был в этом уверен. Он плохо разглядел парня, а в этом зале собралось огромное количество его бывших приятелей и соперников. Его затуманенное «Кристаллом» сознание было уверено только в одном.

— Мне надо отлить, — сообщил он Хеннесси.

Безупречный смотрел вниз на гладкую, твердую, безупречно белую фарфоровую поверхность, пока его моча сильной струей ударяла в стену, стекала вниз, пропадая в неосязаемой дыре, затем вновь появлялась в поле зрения ниже, собираясь на дне писсуара. Он не знал, забавляться ли этим зрелищем или ужасаться ему, и просто продолжал мочиться в полном одиночестве и в тишине.

Потом он услышал, как отворилась дверь туалета и раздались чьи-то шаги, а вместе с ними снаружи проникли звуки бита и посторонний шум. Шаги гулко отдавались на кафельном полу: человек подходил все ближе и встал у соседнего писсуара, бок о бок с Безупречным. Безупречный не поднимал глаз, не желая признавать его присутствие, но ощущал это присутствие кожей, к тому же ярко-красная рубашка парня назойливо привлекала внимание. Когда незнакомец расстегнул штаны и стал облегчаться, сердце Безупречного по непонятной причине бешено заколотилось. Ему захотелось бежать прочь как можно быстрее, он сам не знал почему. Безупречный слышал, как струя мочи ударила в стену рядом с его собственной. Она вырвалась яростно и заглушила своим мощным звуком струю Безупречного. Закончив, Безупречный застегнулся и подошел к раковине вымыть руки. Над ней висело зеркало, и он видел в нем спину незнакомца в красном, продолжавшего извергать из себя мочу, шумно выражая удовольствие от полученного облегчения.

— А-а-а... О-о-о... Вот так-то лучше. — Затем парень обратился к Безупречному: — До чего же приятно. Это почти так же классно, как трахаться. Эге-ге-гей... мать твою! Жизнь — это еще та шлюха, правда, чувак? Это

любимая шутка Бога... он дает тебе то, что ты хочешь, но совсем не так, как тебе хотелось бы. Понимаешь, о чем я, старик?.. Черт, это одновременно и хорошо, и плохо... Йо, старик... ты уверен, что все это дерьмо тебе нужно?

Безупречный не ответил парню, подкрепившему свои слова красноречивыми жестами. Он просто держал пальцы под струей воды, смывавшей с них грязь, и смотрел на отражение спины в зеркале. Он не совсем понимал, о чем тот говорит. А может, и понимал.

— Так как? — Парень сделал выразительный жест, настаивая на ответе.

И тогда Безупречный сказал:

— Уже слишком поздно поворачивать назад.

Он выключил воду, отвернулся и вышел из туалета.

Чуть поодаль, возле бара, стояли Эрика и Триш. Чувство стыда из-за случившегося еще не утихло, но они старались не вспоминать об этом. Они пришли на вечеринку всего двадцать минут назад и уже мечтали сбежать. По правде, они и вовсе не хотели сюда идти, но, обсудив ситуацию, решили, что их отсутствие придаст весомости мерзкой лжи, произнесенной Ганнибалом, — лжи, которую сочинил Миха. Только Эрика подумала о Мике, как он появился в толпе и, приблизившись, встал за ее спиной. Триш указала Эрике на его присутствие, та обернулась и взглянула в печальные глаза своего любимого.

— Детка, мне так жаль. Ты должна мне верить: я не имел никакого отношения к тому, что сегодня случилось. Я был растерян не меньше твоего. Он использовал меня, так же как раньше использовал других. Я бы ни за что не согласился исполнять эту песню сегодня.

Миха выпалил все это на одном дыхании. Потом замолк и взглянул на нее, ожидая, какая последует реакция. Эрика горделиво стояла, не говоря ни слова. Он почувствовал жжение в груди: показалось, что мир сейчас полетит в тартарары. Если она не поверит ему, если разлюбит — как же он будет жить дальше? Что-то твердило ему, что без ее любви он просто перестанет существовать.

— Да ладно, детка. Скажи хоть слово. Ты убиваешь меня своим молчанием.

— Я тебе верю. Я знала, что ты на такое не способен. Знала с самого начала.

Он облегченно выдохнул и улыбнулся. Жжение в груди стало стихать.

— Если знала, зачем же заставила меня пережить все это сейчас?

— Хотела посмотреть, как ты мучаешься. Мне это показалось забавным.

— Ты просто прелесть. Скажи, ты не хочешь сбежать отсюда? Меня начинает тошнить от всей этой тусовки.

— Меня тоже, — согласилась с ним Эрика. А затем повернулась к Триш: —

Скажи Майклу, что я уехала, ладно?

— Ладно, только он не обрадуется.

— Мне все равно.

Девушки обнялись.

— Правильно. Делай то, что считаешь нужным, — сказала ей Триш, пока они стояли, прижавшись друг к другу. Когда Эрика разжала руки, Триш добавила: — Я завидую тебе.

Эрика посмотрела на подругу с недоумением.

— Да-да, завидую, — повторила Триш.

Она видела, что Миха испытывает к Эрике именно такую любовь, какую Триш всегда мечтала найти в глазах Безупречного. Раньше ей казалось, что она видела в его взгляде что-то похожее. Но уже больше года прошло с тех пор, как он последний раз смотрел на нее вот так. Мечты разлетелись вдребезги.

— А теперь проваливайте, — добавила она с улыбкой.

Эрика не сразу поняла ее, а когда поняла, обняла еще крепче, как самую близкую подругу и даже больше — как сестру, которой у нее никогда не было.

Эрика и Миха пробирались сквозь толпу так, словно за ними гнались. Почему? Они не смогли бы ответить, но оба чувствовали, что необходимо выбраться из клуба как можно скорее. Миха держал Эрику за руку, а она поспешно следовала за ним. Пробиваясь к выходу, она вдруг почувствовала, как чья-то сильная рука больно вцепилась в ее плечо. Хватка была такая мощная, что Эрика чуть не споткнулась и от неожиданности выпустила ладонь Михи. Рука потащила ее назад, и сомкнувшаяся толпа тут же разлучила ее с любимым.

— Какого черта ты делаешь? Ты куда собралась? - заорал Безупречный. Он стоял перед сестрой, задыхаясь от ярости, а сзади прилепился безмолвный телохранитель.

— Майкл, ты слишком сильно сжал мне руку.

— Ничего, потерпишь. Ты куда намылилась?

— Я ухожу, — сказала она, пытаясь освободиться.

— Уходишь... с ним. После того, что этот ублюдок сделал с нами сегодня?

Миха подошел ближе: он видел ярость в глазах Безупречного и попытался, как мог, утихомирить его:

— Послушай, для меня случившееся было такой же неожиданностью, как и для вас. Я не имею к этому ни малейшего отношения. Клянусь тебе.

— Никакого отношения, разумеется. Ты всего лишь написал эту мерзость, а потом стоял рядом с этим гадом на сцене и подпевал.

— Ты не понимаешь.

— Заткнись, чертов ниггер, — прорычал Безупречный так, что у окружающих перехватило дыхание. Если бы не шумная атмосфера клуба и не полутьма, сцена была бы просто невероятная. Последние слова братаразозлили Эрику, и она выдернула руку из тисков его ладони:

— Отпусти меня. Миха говорит правду, Майкл. Он ни при чем.

— Ты веришь всему, что он скажет.

— Да, верю!

— Все та же наивная дура!

— Пусть так. Позволь же мне остаться такой. Я уйду. — Она вновь ухватила за руку Миши и повернулась, чтобы уйти.

— Ты никуда не пойдешь, — взревел Безупречный.

— Послушай. Ну зачем так все усложнять? Перестань, приятель, это вовсе не обязательно, — попытался воззвать к его разуму Миха.

— Это обязательно, ниггер, потому что я не позволю всякой сволочи превратить мою сестру в дешевую шлюху.

— Я никогда такого не сделаю. Я бы просто не смог. Я ведь ее люблю, люблю по-настоящему.

Безупречному эти слова показались самым жестоким оскорблением за весь вечер.

— Нет, чертов ублюдок, это я люблю ее! И если ты думаешь, что я позволю тебе пачкать самое для меня дорогое, ты сильно ошибся.

— Я понимаю твои чувства, Майкл. Я все понимаю. Я тоже тебя люблю. Но и его я люблю. Я уже взрослая, и я уйду, — сказала Эрика.

И снова Миха и Эрика стали продвигаться сквозь толпу к выходу. И снова Безупречный схватил ее за руку:

— Ты никуда не пойдешь.

— Отпусти меня, Майкл! — в бешенстве закричала Эрика, вырываясь. И этот крик проник Безупречному в самое сердце. Он взглянул на нее еще раз и увидел, что его маленькая девочка исчезла. Он чувствовал себя так, словно все, что он любил в этом мире, погибло: все засосала неосызаемая черная дыра.

— Ну что ж. Убирайся. Не желаю тебя больше знать. Ты всего лишь еще одна шлюха, дешевая подстилка, как и все остальные. — Безупречный произнес эти жестокие слова на удивление спокойно и просто, без всяких эмоций и дрожи в голосе.

И слова эти глубоко ранили Эрику, задев куда сильнее, чем витиеватая риторика Ганнибала. Она не знала, что делать и говорить, и выдавила из себя только: «Отлично», — стараясь смирить свою гордость и спрятать обиду.

И снова Миха и Эрика поторопились к выходу из клуба. Безупречный позволил сестре отойти на несколько метров, но потом бросился за ней. И тут

его удержал кто-то подошедший сзади. Обернувшись, Безупречный увидел Томми.

— Отпусти ее, Безупречный. Это бесполезно. Чем сильнее ты давишь на нее, тем вернее отталкиваешь от себя, — сказал Томми.

При виде друга, снова стоявшего с ним плечо к плечу, Безупречный почувствовал, что его гнев поутих, и он позволил сестре уйти.

— Томми, что ты здесь делаешь? — слабо удивился он.

— Да ладно, старик. Ты же брат мне. Я всегда буду прикрывать тебя со спины. — Эти слова были сказаны как нельзя вовремя, поддерживав Безупречного в тот момент, когда весь мир рушился у него на глазах.

— Черт дери, чувак. Она такая красотка, что и я бы не отказался ее трахнуть, — раздался сзади над ухом пронзительный голос.

Резко обернувшись, Безупречный увидел Ганнибала, Терренса и Жнеца.

— Извините, что помешали, но это было так мило. Это самая трогательная сцена, какую я когда-либо видел. Надо бы вставить ее в какую-нибудь мелодраму.

Безупречный в гневе сжал кулаки и направился к Ганнибалу, явно намереваясь вмазать ему хорошенько.

— Что такое, чувак? Ты, кажется, собираешься драться с Быком, — рассмеялся Ганнибал. — Это же не в твоём стиле, Безупречный. Давай лучше поступим как в старые времена. Устроим баттл. Победит тот, кто выступит круче.

Безупречный взял себя в руки:

— Я завязал с этим соперничеством.

И тут Безупречный увидел неосязаемую дыру, нависшую над головой Ганнибала. В первый раз за все время ему доставило удовольствие ее присутствие.

— Йо, Бык. Давай я шлепну этого ниггера, — вспыхнул Жнец: он задрал рубашку выше пояса и продемонстрировал висевший сбоку пистолет. Ганнибал посмотрел на него, криво усмехаясь, а про себя покатываясь со смеху.

Отреагировав на угрожающее поведение Жнеца, телохранитель Безупречного тоже задрал рубашку, показав висевший у него на поясе «глок».

— Спрячь-ка лучше свою игрушку, — предупредил он.

— Ого, — протянул Ганнибал, с улыбкой наблюдая их противостояние.

Томми, увидев, что сейчас может произойти большая глупость, вышел вперед, почти закрыв собой Безупречного:

— Эй, парни, остыньте, притормозите!

— Пушки, пушки, пушки, — пропел Терренс и выставил напоказ свое

оружие: взвел курок у всех на глазах, а затем прижал руку с пистолетом к торсу: — Я знаю, парни, никто не хочет, чтобы я разрядил эту штуку. — В последние месяцы у Терренса вновь вошло в привычку носить с собой пушку, куда бы он ни направлялся, но впервые за многие годы он вынул ее из кобуры. И сейчас она тяжелым грузом давила на руку — куда тяжелее обычного.

Они стояли, молча уставившись друг на друга: никто на деле не хотел столкновения. Первым отступил телохранитель Безупречного. Жнец решил подначить его:

— Да, лучше убирайся, пока цел, чертов педик.

— Как ты меня назвал? — разъярился телохранитель, хватаясь за рукоятку пистолета. Напряжение выросло до предела: каждый внимательно ловил любой звук и движение со стороны соперников. И вдруг из колонок раздался четкий и громкий звук выстрелов: ди-джей прокрутил эффектную заставку к одной из песен Ганнибала. Но среди общего смятения звуки показались настоящими выстрелами. Жнец и телохранитель Безупречного выстрелили в ответ.

Безупречный увидел яркую вспышку и закрыл глаза. О боже, неужели это все? Неужели конец? Вот так мне предстоит умереть? Теперь я получу ответы на все вопросы? Дай мне эти ответы: я готов. Нет, признался он тут же самому себе, — не готов. Не так. Я хочу жить. Любить. Не хочу умирать. Затем он услышал целую серию выстрелов, и какая-то сила увлекла его в темноту, сбив с ног и повалив на пол с глухим стуком.

Все еще не открывая глаз, он стал шарить руками вокруг себя и наткнулся на чье-то тело. Почувствовал теплую жидкость на своих пальцах: она просачивалась сквозь них, как вода. «О, черт. Меня подстрелили», — подумал он. Любопытство пересилило страх. Он открыл глаза и с сильно бьющимся сердцем поглядел вверх — на потолок. Он видел вращающийся цветной шар, отбрасывающий яркие психоделические отблески в темноту зала. Он слышал визги и вопли, заглушавшие грохочущий бит. Затем музыка резко оборвалась. Он попытался пошевелиться, но почувствовал тяжесть, придавившую его к полу.

Он не собирался так легко уступать смерти. Он стал делать лихорадочные движения и вскоре обнаружил, что на нем лежит чье-то тело. Безупречный столкнул его с себя. Ему понадобилось несколько секунд, чтобы осознать — перед ним тело Томми. Он еще дышал, цепляясь за жизнь, — а темная теплая жидкость стекала на пол из продырявленного живота и сочилась изо рта, издававшего предсмертные хрипы. Безупречный понял, что теплая жидкость на его пальцах была кровью друга. Сам он остался невредим.

— Томми, Томми, — пробормотал он, стискивая руку друга. Томми напряг последние силы и сжал в ответ ладонь Безупречного. Он мучительно пытался выдавить из себя натужный шепот. Увидев, что губы друга шевелятся, Безупречный наклонился к его окровавленному лицу. Он не мог разобрать слов и изо всех сил напрягал слух, чтобы уловить смысл. А потом он услышал их так четко и ясно, как никогда в жизни: «Я люблю тебя, брат». С этими словами Томми отошел в мир иной.

— Нет, старик. Только не это! Не вздумай уходить. Не поступай так со мной, Томми. Не оставляй меня жить с этим на совести. Только не уходи, — молил Безупречный, но было поздно. Томми умер. Оставшись в одиночестве среди этого безумия, Безупречный зарыдал: слезы градом стекали по лицу, он причитал и завывал от боли, глядя на мертвого друга, лежащего на полу.

Хеннесси стоял наверху со своим телохранителем и с высоты наблюдал за творившимся внизу сумасшествием. Зрелище было ошеломляющее: потеряв голову, люди, словно муравьи, кидались в разные стороны в поисках выхода.

— Выведи меня отсюда, — велел он телохранителю, и тот стал продвигаться вместе с Хеннесси к черному выходу.

Люди толкались, суеились, бросались куда глаза глядят, пытались выбраться из этого ада. Среди всеобщего сумасшествия один человек двигался шатаясь, как пьяный. Выделывая странные па и спотыкаясь, он продолжал держать в руке пистолет с взведенным затвором, который ему так и не пригодился — а кровь ручьем струилась по его телу. В пьяном танце он с неясной целью неистово размахивал рукой. Так он добрался до Ганнибала. Увидев его, Терренс — а это был он — шагнул вперед, держа пистолет перед собой. Смертельно раненный, он подползал ближе и ближе, пока не рухнул на руки Ганнибала. Пистолет выскользнул из рук и упал в лужу крови. Терренс посмотрел на своего генерала: «Прости меня, Бык. Я сплеховал. Сплеховал». Тяжесть собственного тела, еще недавно такого легкого и сильного, одолела его. Ганнибал опустил его на пол. Плача, Терренс повторял: «О черт, чувак! Мне жаль, что я больше не смогу тебе помогать. Но ты прав: я ее вижу. Я теперь ясно ее вижу. Картину целиком. Я вижу ее, старик». После этого изо рта Терренса вылетали только бессвязные слова и звуки. Ганнибал наклонился и в последний раз обнял своего солдата и друга.

В этот момент он посмотрел в другой конец зала и увидел Безупречного, державшего за руку Томми. Глаза их встретились посреди сумятицы и хаоса в этот напряженный и печальный момент. Затем Ганнибал отвел взгляд и отпустил руку Терренса. Он поднялся и пошел прочь, оставив за спиной умирающего Терренса и Безупречного, к которому в тот моменте плачем

бежала Триш.

Ганнибал медленно прошел сквозь весь этот хаос. Он был уже у самого выхода, когда заметил в углу сжавшуюся в комочек Розу. Он был так поглощен событиями вечера, что совершенно забыл о ее присутствии. Он даже не мог вспомнить, зачем привел ее с собой. Может, потому, что она ему нравилась, а может, по какой-то другой причине. Как бы то ни было, он протянул девушке руку, она уцепилась за нее — и через мгновение странная парочка стала вместе пробиваться к выходу.

43

С балкона спальни Безупречный окидывал взглядом свои обширные владения. Он стоял в одиночестве на холодном январском воздухе в футболке и джинсах и смотрел вдаль: его загородные земли напоминали сейчас заброшенный и одичавший парк — повсюду упадок и запустение. Беспреданно хмурое небо не добавляло праздничности унылому пейзажу. Богатая почва казалась мертвой и бесплодной. Какое право у человека владеть землей, как он может проявлять такую жадность, когда в мире столько страданий? Эти мысли одолевали Безупречного, потонувшего в пучине дурных вестей. Тяжелая рука смерти тянула его в мир абсолютно непознанного. Раньше смерть была для него чем-то безличным. Ему не доводилось пережить гибель близкого человека. Смерть была всего лишь идеей, неосознанной и далекой. Невзирая на философские размышления последних месяцев, он не ощущал ее как реальность. Но чувствовать, как душа друга медленно покидает этот бренный мир... Смерть стала реальной, подошла так близко, что можно было коснуться рукой. И придется вынести это, жить с этим, как и с последними словами Томми. Он слышал их всего двенадцать часов назад, после чего почти все время провел в полицейском участке Манхэттена. Его допрашивали, запугивали и увещевали, а затем наконец отпустили домой. Все эти долгие часы он сидел словно в тумане, и в его мозгу стучали последние слова Томми, а еще те, другие, что он говорил в ночь перестрелки. Недостоин он был любви брата, и всю жизнь был ему плохим другом.

— Завоевать весь мир, да? Прости, брат. Ты умер из-за моих глупых амбиций, — вслух произнес Безупречный.

— Майкл, — услышал он сзади голос Триш. Безупречный обернулся и увидел, что она стояла в другом конце комнаты, почти в дверях. Она собралась уходить: накинула красный плащ, а рядом стояли тяжелые чемоданы.

— Куда ты едешь? — спросил Безупречный.

— Ну... я решила вернуться к себе на какое-то время, — осторожно сказала Триш. — Я думаю... м-м-м... так будет лучше всего.

Безупречный, не веря своим ушам, вернулся к созерцанию умиротворяющего пейзажа, недоуменно покачивая головой.

— Ты такая же, как все бабы. Оставляешь меня сейчас, в такой момент.

— Я всегда буду рядом, если понадобится. Но я чувствую, что нам необходима передышка. — Ей было трудно произносить слова, которым противилось сердце.

Он повернулся и посмотрел ей в лицо:

— Ты мне нужна. Здесь и сейчас. Зачем ты так поступаешь со мной? Все из-за того, что хочешь замуж? Но сейчас не самое подходящее время.

— Для тебя время всегда неподходящее. Но дело не только в этом. Правда в том, что ты не любишь меня, Майкл. Не думаю, что когда-либо любил, а после вчерашней ночи не верю, что когда-нибудь полюбишь.

— Я говорил тебе, что люблю, — сотни раз.

— Это только слова.

— Так чего ты от меня хочешь, клятва на крови?

— Нет, я хочу только твое сердце.

— Мой лучший друг умер вчера, а ты приходишь ко мне с этим? Знаешь, что? Иди к черту. Уезжай.

— Хорошо, Майкл, — ответила Триш и заставила себя сдвинуться с места.

Она взглянула на чемоданы: как два тяжелых якоря, они приковывали ее к месту. Уйти — последнее, чего ей хотелось. Больше всего ей хотелось, чтобы он обнял ее, как когда-то давно, и отдал ей себя целиком, без остатка, как всегда отдавалась ему она. Но Безупречный никогда ей не принадлежал. Раньше Триш верила, что когда-нибудь все изменится. В начале их романа он любил заигрывания и флирт, любил раздражить ее ласками, прежде чем овладеть. А теперь он допоздна сидел у себя в студии с закрытой дверью и иногда даже не ложился по ночам в постель. Он проявлял к ней интерес, только когда испытывал острую физиологическую потребность. Тогда он тихо подкрадывался сзади и сразу лез ей между ног. А она, истосковавшись по любым проявлениям внимания с его стороны, неизменно приветствовала его влажным и горячим лоном. Потом они немного танцевали, выпивали бокал другой вина, он изливал в нее свое напряжение, а затем поворачивался спиной и засыпал. Ей же хотелось совсем другого — ответной любви и страсти с его стороны. Они были нужны ей как кислород. Она задыхалась в этом громадном доме, хотя кругом был свежий деревенский воздух.

В последние несколько месяцев, замечая, как он отдалился, Триш начала терять надежду. После вчерашней ночи ее мечта была окончательно растоптана.

— Знаешь, я с первого дня полюбила тебя, — сказала она. — Никогда не понимала почему. Просто было в тебе что-то. Твои глаза говорили со мной по-особенному. И я знала: то, что я чувствую к тебе, — хорошо и правильно. Я

любила тебя, Майкл. Любила так безоглядно, словно Создатель придумал меня с единственной целью — быть рядом с тобой. Я поняла это в ту самую минуту, как ты вошел в ту вращающуюся дверь. Каждая клеточка моего тела тянулась к тебе. А ты никогда не доверял мне своих чувств. Ты не впускал меня к себе в душу. Разве что отчасти, но никогда целиком и полностью, — ни разу за столько времени. Поначалу этого было достаточно. Я жила надеждой на будущее, но в последний год ты окончательно исключил меня из своей жизни. С тобой что-то происходит, но я не знаю что. Я знаю лишь, что ты недостаточно любишь меня и не доверяешь настолько, чтобы поделиться сокровенным, потому что я не та, кто тебе нужен. И можно сколько угодно притворяться, но я никогда не стану той единственной, а ты не станешь тем единственным для меня.

— Доверие и любовь. Сказать, кто ты на самом деле, Триш? Я и вначале догадывался об этом, но теперь догадки полностью подтвердились. Ты просто жадная сучка, каких полным-полно. Ты с самого начала почувствовала, что здесь можно урвать большой куш, и уцепилась за этот шанс обеими руками. А сейчас, увидев грозовые тучи на горизонте, ты как крыса бежишь с корабля. Входя в этот дом, ты думала не о любви. Ты думала о выгоде, которую получишь от наших отношений. Ты добилась своего, Триш. Покрутила задницей — и я запал как мальчишка. И с тех пор ты все время пыталась дожать меня и завершить сделку. «Женись на мне, Безупречный, женись на мне», — только и слышал я с самых первых дней. Одно время я и впрямь подумывал об этом. Мы с Томми ходили выбирать кольца.

При воспоминании о Томми перед глазами снова возник образ истекающего кровью друга, и Безупречный прервался на мгновение.

— А сейчас... сейчас я рад, что не сделал такую глупость. Сегодня ты уходишь, взяв с собой только свои чемоданы, а будь ты женой — отобрала бы у меня этот дом. Бросить меня в такую минуту! Ты только что видела, как я держал за руку умирающего друга, а теперь бросаешь меня. Вот и вся любовь.

Возможно, она неудачно выбрала время. Но какая разница, уйди она недель или месяцем позже? Возможно, разница и была, но только не для нее: Триш не собиралась навсегда исчезнуть из его жизни, она лишь не хотела оставаться в его постели. Она готова по-прежнему быть с ним рядом, но только как друг. Ей это казалось таким логичным: она уже давно прислушивалась к своему сердцу и чувствовала, что не в силах и дальше оставаться для него безмолвной подстилкой.

— И знаешь еще что? Хочешь знать, что такое настоящая любовь? С тех пор как мы вместе, единственное, что я позволял другим женщинам, — это отсосать у меня. Вот доказательство моей любви к тебе, — сказал он ей холод-

но, намеренно причиняя ей боль.

Реалистичность ее мировосприятия, по идее, должна была смягчить удар. Триш знала, что он рэпер, звезда. И знала, каковы женщины. Было бы полнейшим идиотизмом надеяться на абсолютную верность. И наверное, ей следовало утешаться той мыслью, что его измены ограничивались банальным минетом. Но бросить ей в лицо унижительную правду сразу после того, как она открыла ему душу, — это лишний раз напомнило ей, почему она решилась уйти. И те слова были последними, что она от него слышала.

— Спасибо, Майкл. И до свидания, — последнее, что сказала она.

Триш подняла чемоданы — они уже не казались невыносимо тяжелыми, — и через черную дыру вышла навсегда из его жизни.

44

Ганнибал сидел один в полутьме своей спальни и бог знает в какой раз смотрел свой любимый фильм. Он не получал ни малейшего удовольствия и даже не обращал внимания на происходящее на экране. Он смотрел его просто по привычке. Вообще-то, он включил его случайно. Придя домой после ночи в полицейском участке, разбитый и такой измотанный, что ему не удавалось заснуть, Ганнибал машинально произнес свое имя. Настроенная на его голос программа включила фильм, а сил сказать «стоп» у него просто не осталось.

Он провел в полиции немало часов. Как ни удивительно, несмотря на его бурное прошлое, он впервые оказался в полицейском участке. Копы знали, кто он такой, не только благодаря его творческим успехам. За ним не числилось никаких правонарушений — даже штрафов за неправильную парковку ему никогда не выписывали. Однако в полиции были кипы материалов, посвященные ему и его деятельности. Но Ганнибал был умен, а у Джерси имелись неплохие связи. И несмотря на всю проделанную работу, копам удалось заполучить только косвенные улики — ничего существенного, с чем стоило бы обращаться в суд. Так что он сидел в полицейском участке, чувствуя себя персонажем низкопробной мелодрамы, и отвечал на многочисленные вопросы. Он знал, что против него нет улик. Пистолета у него не нашли, а десятки свидетелей заявили, что он не участвовал в перестрелке.

Что же до стрелявших — Жнеца (Джейсона Армстронга) и Рахима Мухаммеда (телохранителя Безупречного), — то их арестовали, но полиции нужны были не они. Полицейские мечтали добраться до Быка, но на этот раз им не удалось повесить на него это дело. Его отпустили домой, предупредив однако, чтобы он отложил на время любые поездки.

Ганнибал сидел на кровати и слушал слова Лектера с тем же безразличным выражением, с каким общался с полицейскими. Потом он услышал приближающиеся шаги. Он повернулся и увидел стоявшего в дверях Мihu. Парень что-то говорил, но Ганнибал не мог разобрать слов: у него заложило уши. Он прижал пальцы к ушам — и все прошло. Тогда он ясно услышал следующее:

— Ты убил Терренса, мерзавец, — заявил Миха.

— Ниггер, проваливай на хрен с этой пургой. Я любил его больше, чем ты.

Ты его едва знал, — огрызнулся Ганнибал, не отрывая взгляда от экрана.

— И поэтому оставил его умирать в одиночестве.

— Эй, ниггер. Давай кое-что проясним. Я был там и смотрел, как он умирает. А где был ты? Со своей сучкой? И это твоя любовь к нему?

— Я ведь предупреждал тебя, помнишь? Но ты не слушал. Ты виноват в том, что все так закончилось.

— Закончилось? Ни черта подобного. Ничего еще не закончилось.

— И что ты собираешься делать? Убьешь Безупречного?

Ганнибал не ответил.

— Вперед. Только я на этот счет спокоен. Ты не так глуп. Ты знаешь, что в тюрьме трудно будет сколотить состояние. И потом, ты же ненавидишь тюрьму: боишься закончить, как Мук.

Ганнибал обернулся и посмотрел Михе прямо в глаза:

— Знаешь что, чувак? Я наконец кое-что понял. Помнишь, что мои родители болтали про мое рождение и пленку на лице — всю эту фигню? Сначала я не обратил на нее внимания, но постепенно их слова приобретали вес. И теперь я согласен с ними. Я рожден быть великим и достигну еще большего величия, чем сейчас. И мне наплевать на добро и зло. Я это я, ниггер. Я Бык, великий Ганнибал. Знаешь, я прочитал про этого перца. Барка* владел провинциями Италии и надирал задницу римлянам целых семь лет. И завоевал бы Рим, если бы его ближайшие соратники не перепугались и не отказались прислать ему подкрепление. Все как сегодня: ниггеры остаются ниггерами, они не видят картину целиком. В конце концов они продали его Риму, и он вынужден был бежать из Карфагена, а потом принял яд, чтобы не попасть в плен. А что случилось после того, как карфагеняне продали его Риму? Римляне стерли Карфаген с лица земли, а потом забросали все вокруг солью, чтобы почва стала мертвой и на ней больше ничего не росло. Так ниггеры заплатили за свою недалекость. И когда я прочел все это, меня наконец осенило. Я понял твое предназначение. Этот фильм был снят, чтобы я выбрал себе имя. Аты появился, чтобы рассказать мне, кто я такой. И когда родители открыли мне правду о моем рождении, все наконец встало на свои места. Я Ганнибал, передо мной новый Рим, а хип-хоп мой боевой слон — и я завоюю мир. «Свержение короля» — твое название, помнишь? Ты дал его мне. Но потом отвернулся от меня, как те узколобые ниггеры от своего полководца. Я думал, ты мыслишь шире, но, видимо, ошибался. Однако я учусь на собственных ошибках. Теперь я буду вовремя избавляться от тех, кто может испортить все дело. Так что убирайся прочь из моего дома.

* Родовое имя полководца Ганнибала.

Этими словами он вычеркнул Миху из своей жизни. Еще мгновение Миха стоял неподвижно, прислушиваясь к жжению в груди. Потом повернулся, чтобы уйти, но напоследок задал Ганнибалу еще один вопрос:

— Скажи, Бык, а что ты будешь делать, после того как завоюешь мир? Твоя картина станет, наконец, цельной?

— Нет. Потом я завоюю небеса, — заявил Ганнибал с холодной убежденностью. — Нам нужны перемены: этот засранец слишком долго нами командовал.

И снова Миха промолчал. Он не знал, что ответить. Да и нечего тут было сказать. И он просто оставил Ганнибала наедине с его великой картиной и вышел, продолжая чувствовать жжение в груди.

45

Безупречный продолжал стоять на балконе, наблюдая, как Триш закидывает чемоданы в багажник машины. Ему казалось, что все события прокручиваются перед ним, словно в замедленном воспроизведении, так что можно тщательно рассмотреть и запомнить каждую деталь. И все это время ему хотелось крикнуть ей: «Остановись, Триш! Не уезжай». И он мысленно выкрикивал эти слова снова и снова, но кончик языка словно прирастал к зубам, когда он пытался произнести их вслух. И он продолжал стоять на холоде, молча наблюдая, как она исчезает из его жизни вместе с ревом мотора.

Как-то раз, задолго до того дня, как в его жизни появились большие деньги, Безупречный оказался вместе с Томми на Таймс-сквер. И пока они пересекали площадь, около двух тысяч людей прошли мимо всего за несколько минут, и число их продолжало расти. Каждую секунду сотни новых прохожих появлялись рядом с ними — люди, которых они прежде не встречали. Они двигались целой толпой, спешили по своим делам, и Безупречный не знал, кто они и откуда. Они просто проходили мимо, и все о чем-то говорили: обрывки их разговоров смешивались с шумом транспорта, превращаясь в бессмысленный, нечленораздельный гам. Все эти люди двигались и разговаривали, но умели ли они мыслить?

Он знал, что мыслит: в этом он был уверен. Но он не знал ничего о мыслях других людей. В мире их миллиарды, неужели каждый из них умеет думать — может быть, не в точности о том же, о чем думает он, но похожим образом? Неужели каждый из них — вселенная для самого себя? Или они лишь спутники его сознания, ставшие частью реальности, чтобы разнообразить его картину мира? Единственное, в чем Безупречный действительно был уверен, — это собственные мысли и собственное существование. Это единственное, на что он мог положиться. А как насчет прошлого и истории? Имелись многочисленные свидетельства мыслей и событий, которые не имели никакого отношения к его рождению. Но произошли ли они в действительности, или его собственный разум создал прошлое мира, чтобы придать смысл настоящему? Он не знал. Мыслил ли Томми? Или он находился рядом только потому, что так хотел Безупречный? Нет, этого не может быть. Он разговаривал с Томми на самые разные темы, от хип-хопа до телок, и знал: у Томми есть свои мысли. Но, возможно, Томми становился реальностью,

только когда соприкасался с миром Безупречного. И если бы они не встретились, Томми остался бы одним из многочисленной толпы прохожих, спешащих и издающих нечленораздельные звуки. И если бы он умер, его смерть не стала реальной для Безупречного. Для него это была бы лишь заметка в газете или цифра в статистических подсчетах. Вот чем были все эти люди — фоном для его портрета. Он двигался вперед в мире несуществующего, где жизнь создавалась или уничтожалась с каждым его шагом. Эта мысль была невероятно эгоистичной, но в тот момент Безупречный не переставал тешить себя ею. Вся вселенная существовала только ради него одного. И когда он умрет, она исчезнет. Он воспринимал мир лишь через собственные ощущения: когда его чувства отключались — мир исчезал. Он не знал, продолжает ли мир существовать, а раз не знал — какое это могло иметь значение? Откуда ему знать, что весь мир вокруг не родился в момент рождения его мыслей, что, когда он навеки закроет глаза, этот мир не погрузится опять во тьму. Найдется ли тот, кто заставит его усомниться в правоте этих эгоистичных мыслей? Он не знал. В тот давний день они с Томми заметили поразительно красивую девушку: она шла им навстречу по площади. И оба одновременно оглянулись ей вслед и издали восхищенные возгласы. Когда от ее чудного облика осталось лишь воспоминание, Безупречный посмотрел на друга и улыбнулся. Он получил подтверждение, которого на тот момент было достаточно. «Да, мой брат мыслит», — подумал он. Друзья пересекли забитую транспортом улицу, где их чуть не сбило желтое такси, а затем вошли в кинотеатр.

С того дня такие мысли больше не приходили ему в голову — до того момента, как Триш ушла из его жизни. Стала ли она теперь только статистикой, заметкой в газете, безымянной прохожей, спешащей куда-то и болтающей ни о чем, существующей, только чтобы заполнить его реальность? Безупречный не знал. Он лишь чувствовал, что, какие бы великие знания ни постиг человек, не имея ответа на этот вопрос, он, в сущности, не будет знать ничего. «Прощай, Триш», — мысленно произнес он.

Два часа спустя Безупречный оделся и поехал огород. Он не спал всю ночь. И дремота одолевала его, но разум не хотел сдаваться. Он чувствовал себя одиноко в огромном доме. Мать отправилась в круиз по Карибскому морю и вернется не раньше чем через неделю.

Триш только что его бросила, Томми умер, а Эрика была где-то далеко, сама по себе, и он остался наедине с неосознанной дырой. Демоны и то были более веселой компанией. И он решил уехать. Он не мог вынести одиночества. Безупречный позвонил родителям Томми и сейчас собирался назад в Квинс,

чтобы лично принести соболезнования и поплакать вместе с ними. Он вызвал лимузин и наблюдал, как тот паркуется внизу, у входа. Он осознал, что почти возненавидел лимузины. Пора научиться водить машину: глупо, что он до сих пор этого не сделал.

Спускаясь вниз по лестнице, он почувствовал гудение пейджера. Он надеялся, что это сообщение от Триш, но надежда не оправдалась. На экране был текст: «Привет, мой мальчик. У меня отличные новости. Я только что разговаривал с агентами величайшего гения: он хочет записать сингл вместе с тобой. Нипочем не угадаешь — сам Майкл Джексон! Вот это новость, не правда ли? Я сказал, что ты будешь счастлив. Так что сделай подборку своих лучших треков и давай работать. Перезвони мне. Я уверен, что ты в полном восторге.

Р. С. Сожалею о смерти твоего друга. Хеннеси».

Прочтя сообщение, Безупречный криво усмехнулся и чуть не швырнул пейджер об стену: так хотелось увидеть, как он разлетится на куски. Но он сдержался. Просто очень крепко сжал пейджер в ладони и затем сунул обратно в карман.

Он вышел из дома и направился к лимузину. По дороге взглянул на небо: тучи рассеивались. Солнце еще не засияло, но изо всех сил боролось с облаками. Он распахнул дверцу и собирался сесть, как вдруг услышал за спиной голос:

— Майкл!

Безупречный тотчас узнал Эрику. И в тот момент ее голос показался ему самой нежной музыкой. Он знал, что за этим должны последовать извинения и все остальное, как положена. Со счастливым лицом он повернулся к ней, но увидел, что рядом с сестрой стоит Миха. При виде мерзавца желудок Безупречного сжался.

— Майкл, нам надо поговорить.

— Мне нечего тебе сказать.

— Перестань, Майкл. Не веди себя так.

— Я веду себя так, как ты заслужила.

Он запрыгнул в лимузин и велел шоферу трогаться. Они проехали метров двадцать по дорожке, а затем машина остановилась, и распахнулась дверца. Эрика с Михой подбежали и забрались внутрь.

Безупречный сидел, уставившись в окно. Они пристроились на сиденье напротив него. Но он упорно не смотрел в их сторону. «Поехали», — приказал он, и машина тронулась.

Пока они не пересекли огромный парк и не оставили позади железные ворота на границе обширных владений Безупречного, никто не проронил ни

слова.

— Говори, только быстро, — первым прервал молчание Безупречный, обратившись к сестре.

— Ты сделал мне вчера очень больно, Майкл. Я не могла поверить, что ты сказал мне такие слова.

Надо было извиниться. Он это знал и потому остановил машину и впустил сестру. Но сейчас он смог сказать только одно:

— Томми умер.

— Я знаю, Майкл, и мне очень жаль. Томми и мне был другом. Я проплакала всю ночь. Но я говорила тебе, я предупреждала, что все зашло слишком далеко.

— Теперь слишком поздно говорить: я предупреждала.

— Еще не поздно. Можно остановиться, пока не стало еще хуже.

— Триш меня бросила.

— О боже, Майкл.

— А теперь я теряю тебя. Что сказать на это? Женщины... Они знают, как побольнее ударить.

— Ты не потерял меня. Я всего лишь влюбилась. Что плохого в том, что я влюблена?

— Ничего. Только... — он собирался, как всегда, сказать, что пытается защитить ее от страданий. Но осознал, что аргумент давно устарел, а сам он слишком устал, чтобы что-то доказывать.

— Позволь мне любить, Майкл. И люби сам. Пойди к Триш и уладь ваши проблемы. Она жить без тебя не может. Ты должен отпустить меня и оставить эту вражду с Быком. Разве ты не видишь, что она разрушает все, что тебе удалось создать?

У Безупречного в голове вертелась тысяча аргументов, и все они просились наружу. Но он был слишком разбит, чтобы спорить. Он подумал про Быка, про всепоглощающую ненависть, которую испытывал к этому человеку. Шесть лет прошло с их первой встречи. И сейчас он даже не мог вспомнить, как жил до того, как их дороги пересеклись. Казалось, их поединки и соперничество стали одним из основных смыслов его существования, словно его сотворили специально, чтобы состязаться с Быком. Но кто творец, прописывающий книгу его жизни? Является ли она отражением его собственной воли? Или перо автора находится в руке другого? Кто-то другой положил его жизнь на бит, записал на виниле и продает по 13,95 доллара за экземпляр? Кто-то взял его жизнь за образец и делает с нее копии? Кто-то использовал его жизнь как сюжет для романа или фильма, которые другие прочтут или посмотрят, наслаждаясь зрелищем его бессилия? Были ли вся его жизнь и его

предназначение лишь пешками в чьей-то игре? Был ли он сам просто жалким рабом готового сценария?

Он посмотрел на Эрику и на парня рядом с ней, которого ненавидел. Безупречный сам не знал, почему так ненавидит его. Он смотрел на него сейчас как на отражение самого себя, словно Бог, который смотрит на человека, как на собственное подобие. И на этот раз Бог хотел оказаться тем, кто стоит по другую сторону зеркала.

Он очутился в преисподней, в параллельном мире, похожем на реальный, но искаженном и утрированном. В таком затуманенном состоянии он смотрел сейчас на сестру и слышал, как с его губ срываются слова: «Отпусти ее». Это был лишь краткий миг, окруженный сиреновой неопределенностью. Затем он оторвался от своих размышлений, вернувшись в реальность, и снова повторил чуть слышно:

— Отпусти ее.

— Что ты сказал, Майкл? — не поняла Эрика.

— Ты права. Права, — ответил он ей. Трудно было произносить такие слова, но он чувствовал, как вместе с ними тяжесть свалилась с его сердца. Его легкие ощутили свободу, и он смог выдохнуть полной грудью. Потом он взглянул на Мihu, сидевшего рядом с сестрой. — Аты что можешь сказать?

— Я люблю ее, брат. Очень сильно люблю. И никогда не посмею причинить ей боль. Это правда. Я уважаю твои чувства так же, как уважаю собственные, и хорошо понимаю их. И я всегда с ними считался. Я просто человек, который любит и любим. А сейчас умер мой друг. И я лишь хочу, чтобы весь этот кошмар закончился.

Безупречный кивнул и одобрительно улыбнулся. Ему понравилось то, что он услышал.

— Ладно. Я тебя понял. Идите... живите своей жизнью. Будьте счастливы. И когда в следующий раз увидите Ганнибала, передайте ему: пусть говорит обо мне что угодно, но поединков больше не будет.

— Спасибо, Майкл, — с огромным облегчением промолвила Эрика.

Безупречный еще не был уверен в правильности того, что делал, и старые аргументы теснились в его мозгу: «Не отпускай ее. Бейся с Ганнибалом. Не верь этому мальчишке». Он понимал: понадобится время, чтобы по-настоящему укротить демонов. Он откинулся на спинку сиденья и глубоко вздохнул. И в этот самый момент понял, что больше не видит неосязаемой дыры. Он обвел глазами окружающее пространство и не нашел ее. Она исчезла: он широко улыбнулся, радуясь этому. Дыра исчезла, вместо нее не появилась трещина, не прилетели видения — все было спокойно. Безупречный рассмеялся. Эрика смотрела на него недоуменно, но не прерывала

этот радостный смех. Она давно уже не видела брата таким счастливым: это было здорово.

В этот момент у Михи запершило в горле, и он закашлялся. Он кашлял не сильно, стараясь сдержаться, но грудь просто разрывалась.

— Что случилось? — спросила Эрика.

— Ничего, — ответил он. — Просто почувствовал себя вдруг нехорошо.

Безупречный потянулся к минибару и, достав оттуда бутылку холодной воды, протянул ее Михе. Миха жадно пил воду, а Эрика заботливо наклонилась к нему. Наблюдая за ними, Безупречный видел любовь в их глазах и пожалел, что сам не испытывал такого. Он много раз видел влюбленные пары и хотел пережить подобные чувства. Полностью раствориться, потеряться в другом человеке казалось ему самым прекрасным, что может быть на свете. «Пошли мне Ее». Он столько раз мечтал о любви, о встрече с Единственной. И тут он вдруг осознал, что уже встретил Ее, но позволил уйти. Он позволил ей исчезнуть из его жизни под рев мотора. Каким же он был глупцом. Но еще не поздно. Он ведь еще жив. Безупречный вытащил пейджер и набросал следующий текст: «Триш, прости меня за все. Мне очень жаль. Давай все исправим. Я люблю тебя.

P. S. Выходи за меня. Майкл».

Он помедлил перед тем, как отправить сообщение. Действительно ли он хотел того, о чем написал? Он не был уверен, но это не страшно. Свадьба не состоится завтра же. У него будет время: несколько месяцев, чтобы привыкнуть к мысли о браке. Он рассмеялся и собирался нажать кнопку «Отправить», как вдруг что-то с громким свистом разрезало воздух.

Безупречный повернул голову влево и увидел в стекле небольшое отверстие. Неужели неосязаемая дыра вернулась? Он отвел взгляд, чтобы проверить, последует ли она за ним. Она не двигалась, но затем появилась вновь на противоположном стекле, справа от него. Черт. Она все-таки вернулась. Безупречный протянул руку к отверстию и к его огромному удивлению смог дотронуться до дыры и даже порезался об острый край. Он посмотрел на струйку крови, потекшую из пальца, и понял: это что-то другое. Он изумленно посмотрел в окно: тонированное стекло затемняло обзор. Но ему удалось различить темный силуэт движущегося вровень с лимузином закрытого фургона. Потом раздался сильный удар, и оконное стекло разлетелось вдребезги.

Солнце поднималось над горизонтом, и свет зарождавшегося дня сиял все ослепительнее. Очертания предметов стали яснее. Он отлично видел теперь фургон, следовавший вровень с ними, слышал гул его мотора и визжание тормозов. Дверца распахнулась, и оттуда высунулись двое вооруженных

парней: дула винтовок были направлены прямо на Безупречного.

— Это конец, — последнее, что он произнес.

Остальное напоминало замедленные съемки. Вспышка света, заставившая его зажмуриться на мгновение. Когда он снова открыл глаза, он увидел вращающийся предмет, летевший в его сторону: это могла быть только пуля. Она двигалась медленно, подкрадываясь все ближе и ближе. При такой скорости он мог бы без труда увернуться от нее, но что-то сковало его волю, не давая уклониться от траектории ее полета. Безупречный чувствовал себя беспомощным, а вращающийся предмет все приближался.

Затем внезапно навалилась невыносимая тяжесть, словно он нырнул глубоко под воду, и ее вес давил на него, вытесняя на поверхность. Он инстинктивно стал двигать руками. Он яростно греб ими, пока полностью не развернулся. И тогда он увидел на кожаном сиденье среди осколков разбитого окна что-то весьма походившее на тело. Это было странное зрелище. Он не мог вспомнить, кто сидел рядом с ним в лимузине. И самое непонятное: этот человек был одет в его одежду. Такого не может быть, подумал он. Подплыв ближе, он разглядел самого себя, вздрагивающего от конвульсий: на лбу между глаз ясно виднелось пулевое отверстие, а сами глаза были широко распахнуты. В тот момент он видел себя сразу с двух сторон.

Он продолжал смотреть, как священный храм его тела разрывают на куски серии выстрелов. Из пулевых отверстий вырывались струи крови, они разлетались в разные стороны, как брызги фонтана. Он взглянул в свои глаза и заметил слезу, рождавшуюся в уголке одного из них. Она увеличивалась, превращаясь из младенца в подростка и, наконец, стала совсем взрослой и зрелой, переполнив тихий приют глазницы. Она перелилась через край и начала свое путешествие по возвышенностям и впадинам его лица. Он наблюдал за слезой и вспоминал всю свою жизнь в ярких картинах — этап за этапом: первый шаг, первый день школы; затем тот день, когда с плачем прибежал домой, потому что описался; тот день, когда сломал ногу, играя в баскетбол, и когда упал с велосипеда — дядя учил его кататься, — потом тот день, когда их бросил отец, а он стоял на крыльце, стиснув кулаки и чувствовал жгучую ненависть, твердо обещая себе, что никому в жизни больше не позволит обидеть сестру. Все так живо виделось ему в ту минуту: первый поцелуй, первые ласки, первый опыт и, наконец, первая строчка, которую он написал: «Я бог». Он вспомнил, как впервые взял в руки микрофон, каким неземным было ощущение его тяжести в руке, как его собственный голос перекрывал шум толпы и как она ликовала, приветствуя его. Безупречный проследил всю свою жизнь так же, как проследил путь этой слезинки. Она уже

взобралась на холм егоскулы и теперь резко покатилась вниз. Конец был близок, и образы продолжали мелькать, сменяя друг друга. Он вспомнил первую встречу с Ганнибалом: теперь он с ясным спокойствием думал об этом, постигая свое предназначение. Триш, мне так жаль. Томми, прости меня. Мама, я люблю тебя. Слеза почти завершила свой путь, и образы стали ускоряться, сливаясь в бурном крещендо.

И в сплетении последних мыслей настойчиво повторялся один и тот же образ: Эрика. Эта мысль заставила Безупречного очнуться: он волновался о ее безопасности. Он поплыл вправо и увидел ее среди криков и свиста пуль, рука ее была вытянута вперед. Даже в скорби она была прекрасна.

Слеза упала вниз с его щеки, но ему уже было все равно: он разглядел отверстие от пули в животе сестры, и ему показалось, что та же пуля пронзила ему сердце. Он горестно закричал: «Эрика!» Это имя прорезало воздух и завибрировало, пронизывая эхом бытие и расколов реальность, как стекло. Трещина росла и ширилась, превращаясь в паутину, достигшую размеров вселенной. Теперь его сестра казалась пленницей, сидевшей за этой паутиной, как за решеткой. На какое-то время все замерло: возможно, прошло лишь мгновение; возможно — вечность. Часть картинки — левая половина лица Эрики — выпала из его сознания, оставив вместо себя черную дыру. Безупречный попытался переплыть черноту и на мгновенье вновь увидел все лицо, покрытое воображаемой паутиной, а потом все вокруг разлетелось вдребезги. Реальность рухнула, рассыпавшись, как осколки стекла, в вечную черноту.

Думай, Безупречный. Думай, думай. Ты не можешь умереть, пока продолжаешь мыслить. Он ничего не чувствовал, ничего не видел. И ощущал только черноту. Не сдавайся, Безупречный. Думай, думай. Просто продолжай думать. Затем раздался бит: бум-ба-бам-бум — ба-ба-бум-ба-бам-бум. В бессмысленной вездесущности черноты это было неопишимо. Не было формы, но сознание того, кто раньше был человеком, испытывало страх и все разновидности человеческих эмоций, пока не наступило спокойствие и не пришло понимание того, что его окружили и он участвует в сражении. Бит продолжал звучать, он был яростнее любого из битов Ноа. Затем он начал меняться; ликующая публика замерла в ожидании, а его противником был... думай, Безупречный, думай. Ты не умрешь, пока продолжаешь мыслить. Бит звучит, Безупречный, думай. Затем послышался голос, и слова, казалось, одновременно исторгались изнутри и извне.

*Я выше ваших определений,
Выше вашего понимания.*

Нет границ, что мне путь презрадят.
Я больше, чем рай и ад.
Я убиваю убийц,
И убиваю слова.
Логос заряжен,
Я как тетива напряжен.
Демииург демонов,
Существовавший до мужского семени.
До меня не было мужчин,
Лишь пацаны без причины и смысла,
Пушечное мясо,
Забывшее, что я их отец И отец их отцов.
Чем больше я вас вразумляю,
Тем сильнее отчуждение,
И тем отчаянней я стараюсьдержать вас в поле зрения,
Внутри орбиты моего влияния.
Хоть вы всего лишь побочные дети,
А я суть сути,
Сумма всех вещей,
За моей спиной целый пантеон,
Потому что мысли мои как пандемия,
А слова — эпидемия.
Я болен словом: одним движением
Повергаю Гекату в дрожь,
Подлость и ложь
Опрокидываю своим воображением.
Я околдовываю дьявола,
Балуюсь догмами.
Догон с Сириуса
Сотворил человека из мантры.
А Безупречный могуч, как рок,
И уместил всю Вселенную
В единственную строку:
Я бог.

Не было слышно ни аплодисментов, ни одобрительных возгласов. Только тишина и чернота, пока стихал бит. А затем темнота уступила место слепящему свету. Думай, Безупречный, думай — думай... а потом ничего, только вечный покой.

Эрика не видела пули — заметила только вспышку света. А затем услышала оглушительный грохот — и голова брата качнулась назад. «Майкл!» — заорала она. Не думая о собственной безопасности и не замечая целого роя пуль, рассекавших воздух, она протянула к брату руку. Пули с жужжанием пролетали мимо ее пальцев: одна пронеслась в дюйме от ее носа, а другая ужалила бок. Слабея, Миха ухватил ее за руку и потянул вниз на пол, закрывая своим телом. Пуля ранила его в левое бедро, но он не обратил на это никакого внимания: он думал только о безопасности Эрики.

Отреагировав на выстрелы, водитель стал двигаться беспорядочными зигзагами. Фургон ускорился и поравнялся с окошком водителя. Обрушился целый шквал пуль, разорвав в клочья стекло и тело водителя. Оставшись без управления, машина слетела с дороги, рухнула в заросшую кустарником канаву и застряла там, врезавшись в дерево.

— Эрика, Эрика. Ты жива? Ответь мне!

Эрика молчала. Она смотрела вверх на умирающего брата: он лежал с открытыми глазами, глядевшими прямо на нее, и слеза стекала по его щеке. «Майкл, Майкл», — закричала девушка.

— Он мертв, Эрика. Но ты не вздумай умирать, слышишь?

— Мне так страшно. Что случилось, Миха? Я боюсь. Не хочу умирать.

— Ты не умрешь. Ты будешь жить долго-долго. Я помогу тебе выбраться. Глядя в глаза брата, она почти слышала, как он произносит ее имя.

— Майкл, Майкл. Не умирай!

— Тихо, Эрика. Я что-то слышу.

Миха прикрыл рот и глаза Эрики и попытался унять ее дрожь. Снаружи ясно послышался звук шагов, тяжело двигавшихся в траве. Все дальнейшее происходило в ритме учащенного сердцебиения Эрики. Дверца лимузина распахнулась. Эрика почувствовала, как снаружи пахнуло холодом и проник дневной свет. Несколько секунд стояла абсолютная тишина, пока вооруженный мужчина наклонился над ними, отбрасывая красную тень и размахивая винтовкой. Эрика чувствовала, как тень и свет перемещались с каждым движением его тела. А потом, будто непроизвольно, Миха поднял голову и взглянул в лицо своему убийце. Понадобилось всего мгновение, чтобы они узнали друг друга. Раздалась очередь. Дверь захлопнулась, отгородив их от внешнего холода и слепящего дневного света.

— Миха, Миха, — звала в темноте Эрика, пытаясь подвинуть его руку.

— Не надо, Эрика. Не смотри, — сказал он, прижимая окровавленные ладони к ее глазам.

— Миха, что случилось?

— Ни о чем не беспокойся. Просто поспи. Можешь сделать это ради меня?

— Да, но, Миха...

— Нет, Эрика. Просто усни. Пожалуйста.

— Хорошо.

Миха продолжал закрывать ее своим телом, чувствуя, как жизнь потихоньку утекает из него.

— Эрика. Помнишь, как мы впервые встретились?

— Да, — она погрузилась в приятные воспоминания.

— Если не считать отдельных моментов в детстве, я не могу вспомнить ничего важного до нашей встречи... словно до тебя со мной ничего не происходило. Как будто моя жизнь началась лишь с того дня, как я увидел тебя.

— Не говори так, Миха.

— Но это так, Эрика. Это правда. Я знаю. И, наверное, всегда знал.

— Почему ты говоришь так странно, Миха? Не умирай. Я не смогу жить, потеряв вас обоих.

— Нет, Эрика... Ты должна жить, — произнес он, чувствуя жуткую усталость, словно весь мир навалился на него своей тяжестью. — Помни — никогда не признавай смерть. Никогда не признавай смерть и живи вечно.

— Хорошо, но ты должен признать жизнь, помнишь?

— Да, Эрика. Но я уже признал ее. А сейчас я устал. Детка, я так устал. Мне надо поспать... надо поспать... Ты поспишь со мной, Эрика?

— Да... хорошо... давай уснем. Мой прекрасный Миха.

— Моя прекрасная Эрика... Давай уснем.

И они уснули в объятиях друг друга, в собственной крови, окутанные сиреновой дымкой.

46

Ра шел по серым ковровым дорожкам с особой торжественностью. Каждый шаг стоил ему огромных усилий, пока он продвигался вперед, окруженный бесчисленным числом опухших глаз. Он отворил тяжелую звуконепроницаемую дверь студии и вошел. Дверь с лязгом захлопнулась за его спиной, он остался в одиночестве и тишине. Он подошел к столу в форме полумесяца и сел в мягкое кресло, погрузившись всем телом в его уютное тепло. С воображаемого помоста, на который его подняла смерть, он смотрел на большой черный микрофон, блестящий перед ним в темноте. Было 3:57, эфир через три минуты. Никогда еще работа бога радиоволн не была для него такой тяжелой обязанностью. Сегодня необходимость говорить угнетала Ра, а ведь обычно ликование и радость так и сочились из него в предвкушении общения с публикой. Сегодня от ликования не осталось и следа: новость, которую он должен был сообщить, вытравила из него обычную веселость. Погрузившись в размышления, он ждал сигнала к началу.

— Ра, пора начинать, — прорезал тишину голос звукорежиссера.

— Хорошо, — устало произнес Ра.

Он протянул руку, надел наушники: они повисли с двух сторон словно гири. Толстые амбушюры плотно прилегли к голове и гасили любые посторонние шумы. Он остался в чистом, свободном пространстве радиоволн и слышал во всех нюансах шум двигающегося микрофона, когда подтягивал его поближе к губам. Его затрясло, но, вдохнув поглубже, Ра заговорил:

— Как делишки, Нью-Йорк? Это ваш бог Ра, снова с вами на частоте... — Голос его дрогнул, и он прервался, не закончив свое фирменное приветствие. — Йо, братья, у меня печальные новости. Сегодня черный день для хип-хопа. И он наступил сразу вслед за другим черным днем. Только вчера я сообщил вам о перестрелке на вечеринке после церемонии вручения наград «Соре». Я уже говорил, что лично присутствовал там, и наблюдать перестрелку и начавшуюся после нее панику было весьма неприятно. А сегодня у меня просто нет сил говорить о том, что произошло только что. — Его речь прервалась: он пытался собраться с духом. — Что ж, я скажу как есть. Вряд ли найдется способ как-то смягчить горестную весть. Безупречный был расстрелян насмерть из проезжающей мимо машины в двух милях от его загородной резиденции в Берген-Каунти. Его сестра Эрика Уильямс, находив-

шаяся вместе с ним в машине, серьезно ранена: ее доставили в реанимацию больницы Сент-Джозеф. Также были застрелены водитель лимузина и еще один неизвестный молодой мужчина.

Хеннесси стоял у окна своего офиса, скрестив руки за спиной и оглядывая открывавшиеся впереди просторы. Он слышал голос Ра, дрожавший под грузом печальных новостей. Эмоциональная подача Ра тронула сердце бизнесмена, хотя ди-джей был не первым, от кого Хеннесси услышал дурную весть. Продюсеру сообщили о случившемся примерно через час после перестрелки. И с того момента он разглядывал серые тучи на безоблачном небе.

В дверь постучали.

— Входи, Джейн, — ответил Хеннесси, ожидавший прихода своей секретарши.

Джейн пересекла комнату и положила ему на стол папку с документами:

— Вот документы, которые вы запрашивали, сэр.

— Спасибо, Джейн, — ответил он, не оборачиваясь. — Скажи мне, сколько неизданных треков Безупречного у нас есть?

— Что-то около сотни.

— Достаточно, чтобы сделать еще восемь-девять альбомов, плюс альбом, куда войдут величайшие хиты. Какой плодовитый юноша. Спасибо, Джейн. Теперь можешь впустить нашего юного друга.

Джейн вышла из офиса, оставив дверь открытой.

— Я любил тебя, Безупречный. Я любил тебя больше остальных. Мне будет тебя не хватать, — вполголоса произнес продюсер.

— Мистер Хеннесси, — раздался сзади чей-то голос.

Перед тем как обернуться, Хеннесси стер с лица остатки эмоций и выключил радио, прервав речь Ра на середине. Затем президент «Краун рекорде» радушной улыбкой поприветствовал молодого человека, стоявшего в дверях:

— Серьезный Базар, новый герой дня. Как дела?

Хеннесси взглянул на платиновые часы на своем запястье: он стоял в коридоре возле запертой двери своего офиса и размахивал взад-вперед кейсом. Затем раздраженно обратился к секретарше:

— За что я плачу сотрудникам деньги, Джейн?

— Не знаю, мистер Хеннесси.

— Я жду уже двадцать минут. У меня полно дел.

— Знаю, сэр. Служба охраны приносит свои извинения. Они задержались

внизу, но совсем скоро должны подняться сюда.

— Джейн, то же самое ты говорила мне десять минут назад.

— Знаю, сэр. Мне очень жаль.

— Знаешь что, к черту их. Я спущусь вниз сам. Но поверь мне, когда они придут завтра и узнают, что их уволили, они научатся быть пунктуальными. Увидимся завтра, Джейн.

— До свидания, мистер Хеннесси. До завтра.

И в первый раз за год Хеннесси шел по коридорам «Краун рекорде» без сопровождения. Он еле добрался до лифта, ощущая себя голым. Многие служащие заметили странность происходящего, но они были слишком потрясены новостью о гибели Безупречного, чтобы обращать внимание на начальника. Тот постоял у лифта еще с минуту, но охрана так и не появилась. Тогда он нажал кнопку и вошел в лифт один.

Вместо обычных заунывных мелодий, звучащих обычно в лифте, над головой раздавался бит одной из песен Безупречного. «Надо сменить ее, — подумал Хеннесси. — Я просто не выдержу, если буду слышать каждый день его голос».

Лифт спустился в паркинг, и двери открылись. «Мерседес» Хеннесси был припаркован всего в паре метров. Когда ты президент компании, тебе предоставляют самое удобное место. И все же из-за необходимости проделать путь до машины в одиночестве продюсеру показалось, что до автомобиля добрая пара миль. Да, кого-то завтра же уволят, подумал Хеннесси, глубоко вдохнул, выдохнул и направился к машине. Пройти надо было всего двадцать шагов. Хеннесси трясся всю первую половину пути, к пятнадцатому шагу немного успокоился, к восемнадцатому почувствовал облегчение, словно уже был дома. Он нажал кнопку отключения сигнализации; оставался всего один шаг: продюсер уже протянул руку к дверце машины.

— Обернись, Хеннесси, обернись, чертов ублюдок! — прорычал сзади знакомый голос.

Хеннесси не оглядываясь понял, кто стоит за спиной. Из-за этого голоса он и завел привычку повсюду ходить с охраной — началось это чуть больше года назад. Хеннесси медленно повернулся, держа руки приподнятыми, и взглянул в лицо, которое хотел видеть меньше всего на свете: Бин Ладен стоял в пяти шагах от него и направлял на него «тек-найн» со взведенным курком.

М-да, кого-то определенно уволят.

Рэпер, стоявший перед своим бывшим боссом, выглядел совсем иначе, чем год назад: от бросавшейся в глаза роскоши не осталось и следа. Никакого золота и платины на запястьях и шее, а одежда явно видала виды. Изношен-

ные ботинки и мешковатые джинсы, сверху — слишком большой и грязный бордовый пуховик. Бин Ладен был небрит, волосы отросли.

— Спорим, я последний ниггер на свете, которого ты хотел бы видеть, — произнес он. Хеннесси промолчал. — Можешь не отвечать. Я и так это знаю, чувак.

— Что нового, Бин? Как поживаешь?

— Как поживаю? Не строй из себя идиота. Ты сам знаешь, как мои дела. Ты спустил в унитаз мою жизнь.

— Никто не спустил твою жизнь в унитаз, Бин. Ты сам это сделал.

— Нет, не я. Это сделал ты. И не смей, твою мать, мне возражать. Я тебе больше не позволю, — истерично пролаял Бин Ладен.

— Хорошо, хорошо. Ты теперь босс.

— Ты чертовски прав. Я босс. Я теперь разными делами заправляю...

Он оборвал свою тираду на полуслове и, как одержимый, прижал дуло пистолета к своему лбу.

— Ты отымел меня, Хеннесси. Ты выжал из меня все соки. Я когда-то собирал стадионы, а теперь не могу пристроиться на работу даже в баре — в сраном баре, чувак.

Хеннесси сделал небольшой шаг вперед. Бин Ладен моментально направил дуло пистолета на него.

— Ладно-ладно. Остынь. Просто успокойся, — отступил Хеннесси.

— Не смей меня успокаивать. Ты отнял мою жизнь и теперь просишь успокоиться?

— Я дал тебе эту жизнь.

— А потом украл. Ты думаешь, ты кто такой? Господь Бог? Ниггер, по-твоему, я похож на сраную пешку? Ты подставил меня, вышвырнул вон, а потом заставил подышать с голоду.

— Я не вышвыривал тебя, Бин. Ты сам сделал выбор, ввалившись ко мне в офис с десятком парней, вооруженных до зубов. Помнишь?

— А чего ты ожидал, ублюдок? Ты забрал себе все мои авторские права.

— Ты продал их мне.

— Ты дал мне за них жалкие двести тысяч. Я не понимал, что подписываю.

На этот аргумент у Хеннесси не нашлось ответа. Он продолжал стоять с поднятыми руками, а в мозгу проносились тысячи мыслей: все о том, как ему выбраться из этой передряги. «Я клянусь, Господи, если я выживу, я поувольняю на хрен всю службу охраны! Нет, я не только уволю их самих, я найду способ сделать так, чтобы всех членов их семей тоже поувольняли. Много голов полетит».

— Чего же ты хочешь, Бин? Ты пришел сюда, потому что чего-то хочешь, —

говорил Хеннесси обезумевшему рэперу, пытаясь придумать какой-нибудь план.

— Я хочу вышибить твои ублюдочные мозги, — холодно бросил Бин.

Это был не тот ответ, на который надеялся Хеннесси, но ему удалось сохранить спокойствие и говорить хладнокровно.

— Нет, Бин, это не то, чего ты на самом деле хочешь. Иначе ты сразу меня пришил бы. Так чего же ты хочешь, Бин? — повторил он с осторожной настойчивостью.

— Хочешь знать, чего я на самом деле хочу, ублюдок? Хочешь знать, чего я хочу? Я хочу, чтобы сучки вернулись! Красивые большезадые сучки, которых я трахал пачками. Сучки, выстраивавшиеся в очередь, чтобы у меня отсосать, теперь делают вид, будто не знают, кто я такой. Я хочу назад свои побрякушки. Хочу платиновые часы, кольца по десять штук баксов каждое, хочу свои зубы. Все, что у меня отобрали. Хочу крутые тачки со стальными дисками на колесах и встроенной игровой приставкой внутри. Хочу свою хату и все барахло, которое в ней было. У меня забрали даже платиновые сертификаты. У меня ничего не осталось. Я хочу назад свою жизнь, ублюдок. Жизнь, которую ты украл.

Хеннесси смотрел на парня — тот чуть не плакал — и чувствовал, что рэпер у него на крючке. Он теперь ясно видел выход из этой чудовищной ловушки.

— Я вернулся в гетто, чувак, в дерьмовые трущобы, Ты знаешь: там повсюду крысы и тараканы. Я забыл, какими крупными они могут быть. Я почти не высываюсь из дома днем, потому что сгораю от стыда, когда меня видят в такой дыре.

— Я понимаю, я хорошо понимаю тебя, Бин. Я чувствую твою боль и сожалею, что тебе пришлось так страдать. Я не знал, что все так плохо. Мы оба не святые. Мы люди и совершаем ошибки. Но ведь мы пока живы. А значит все можно исправить.

— Что за херню ты гонишь? — истерично выкрикнул рэпер.

— Я говорю, Бин, что ты сможешь получить свою жизнь назад, ты снова будешь на вершине мира, станешь королем Нью-Йорка.

— Не пытайся наебать меня, Хеннесси! — завопил Бин, тряся пушкой перед носом у продюсера.

Хеннесси отступил назад, размахивая поднятыми вверх ладонями.

— Да что ты, — ответил он, — я не пытаюсь тебя обмануть. Я же вижу, как все серьезно. Но правда в том, что Безупречный погиб...

— Не упоминай при мне этого ниггера. Все только о нем и говорят, словно он чертов Иисус или типа того. Я рад, что этот ублюдок мертв.

— Ты хочешь в чем-то сознаться, Бин?

— Я ничего такого не говорил. Я только сказал, что рад его смерти.

— Ты абсолютно прав. Он мертв, и теперь его трон в «Краун» освобожден. Пустоту необходимо заполнить. У меня в этом чемодане лежит контракт. Увидев тебя сегодня, я понял, что ты именно тот, кто сможет его заменить.

Слова Хеннеси были слаще самого дорогого «Кристалла». Именно это мечтал услышать Бин: обещание нового рождения и возможности вернуть все свои шмотки, игрушки и голых шлюх — все, о чем он столько грезил в последнее время.

— Откуда мне знать, что ты не поимеешь меня, как раньше?

— Потому что мы становимся умнее с опытом, Бин. Ты многому научился с тех пор, и я научился тоже. На этот раз тебе останутся авторские права полностью, и ты будешь получать двадцать процентов с продаж всех дисков. И помимо аванса я дам тебе двести пятьдесят тысяч премии при подписании контракта.

Обещание богатства действовало как самый дурманящий наркотик. Еще недавно твердый в своей решимости, Бин размяк. Его гнев стал стихать, и одновременно начала спадать бледность со щек Хеннеси. Сердце президента стало биться ровнее, когда он увидел, что Бин опустил дуло пистолета. Смерть больше не смотрела в лицо. И Хеннеси стал медленно опускать руки. Но ярость вновь овладела Бин Ладеном, и он опять выставил пушку перед собой.

— К черту тебя, Хеннеси. Ты, наверное, думаешь, что я самый тупой кретин в мире. Но тебе не удастся отыметь меня дважды.

— Не делай этого, Бин! — сделал последнюю попытку Хеннеси.

— Не беспокойся. Я присоединюсь к тебе в аду через каких-нибудь пару секунд.

Сказав это, Бин Ладен улыбнулся и кивнул. Потом улыбнулся и кивнул Хеннеси, и тут же прогремели шесть выстрелов, и кровь залила джинсовый костюм президента «Краун рекорде».

47

За последние годы Безупречный стал весьма склонен к философии и — в определенной степени — к духовным материям. Однако речь шла не о религии. Он не был приверженцем ни церкви, ни мечети, ни синагоги. Он больше восхищался метафизической стороной теологии, чем-ее практическим воплощением. И когда пришло время решать относительно его похорон, возникли споры. Эрика не соглашалась с матерью, считавшей, что церемония должна проходить в церкви. Миссис Уильямс хоть и не была яркой прихожанкой, полагала, что похороны превратятся в фарс, если не будут проходить в доме Божьем. Эрика цитировала слова из песни Безупречного, где говорилось: «Если Бог создал все вокруг, то каждый дом — это дом Бога». Довод был весьма сильный, но традиционализм матери противился этому. И поскольку печальная миссия организации похорон была возложена по завещанию на мать, ее голос перевесил.

Согласно последней воле Безупречного мать также получала дом. Он покупал его матери в награду за годы тяжелого труда. Эрике он оставлял права на свои альбомы и треки — все свое творческое наследие. «Я люблю тебя, сестренка. Настал твой черед заботиться обо мне», — когда юрист зачитал ей эти слова, Эрика упала на колени. Кто в возрасте двадцати шести лет составляет завещание? Она не знала таких примеров. Для всех было шоком, когда их пригласили к нотариусу. Какой недуг так терзал молодого парня, что заставил в расцвете лет думать о подобных вещах? Никто из них не знал. В последний год он редко разговаривал с ними. А может — это они редко говорили с ним. Мать чувствовала невыносимую вину. В последние годы она жила припеваючи, наслаждаясь изобилием, которое подарил ей сын. И была так занята собой, что не заметила, как он страдал.

В пользу Томми Эрике вменялось в обязанность выпустить демозапись Безупречного: десять треков, которые тот помогал делать. Все права и доходы от продажи должны были перейти к Томми, а в сложившейся ситуации — к его родителям. Наконец, для Триш Безупречный оставил письмо, в котором говорил о своей любви и рассказывал об опасениях, которые не позволяли ему полностью отдаваться своим чувствам. К письму он приложил обручальное кольцо с огромным бриллиантом и просил прощения, что она так и не дождалась от него слов, мечтами о которых жила столько лет: «Выходи за

меня замуж». Только Триш письмо не получила, потому что ее не нашли. Она исчезла, и никто не знал, где ее искать. Она бросила работу в «Краун» и уехала из Нью-Йорка. Квартира ее пустовала. Эрика не знала, куда она подалась. Она отчаянно разыскивала подругу, но так и не смогла отыскать. Больше она ничего не слышала о Триш. Только много лет спустя Эрика стала понимать причину ее поступка.

В церкви собрались тысячи людей, и еще больше народу находилось снаружи. Позже все эти тысячи последуют за гробом, растянувшись на всю длину Ямайка-авеню. Список приглашенных состоял из самых важных людей в индустрии рэпа: многих из них Безупречный не знал вовсе, а многих из тех, кого знал, не слишком любил. Тем не менее, они сожалели о его кончине и шли по улице, плача и причитая под звуки реквиема. Много народу шло за гробом с самодельными плакатами и транспарантами, на которых были написаны слова, выражавшие их горе и сожаления.

Эрика насчитала более десяти тысяч человек. Поток машин остановился на несколько часов, пока следовала траурная процессия: это было величайшее выражение любви всего города к своему сыну — один из самых деловых районов города застыл, устроив день отдохновения в память о Безупречном. На улицах, где его слова продавались законно и незаконно ради получения прибыли, все на день отложили погоню за долларами, чтобы выразить ему свой респект. Это ясное послание гласило: «Тебя любили, брат. Тебя любили».

Мать поддерживала Эрику все время, пока они шли за гробом. Пуля прошла навылет и не задела жизненно важные органы. Уже через неделю девушку выпустили из больницы. И она могла ходить, но пока делала это с осторожностью. Ей трудно было продержаться целый день без поддержки — поэтому она опиралась на плечо матери. Как она продержится оставшиеся ей годы жизни, Эрика пока не знала. Смерть брата была лишь частью ее утраты. Миха... Он умер, и всем вокруг было наплевать на это — для них он был никто, всего лишь еще один неопознанный труп в машине. Его похороны тоже легли на ее плечи. Воспоминания об их любви заставляли Эрику думать о человеке, в чью сторону многие кидали обвинения в этом чудовищном преступлении: этот человек не присутствовал на похоронах или постарался остаться незамеченным.

Растянувшись в кресле, Ганнибал уныло наблюдал за похоронной процессией на экране своего огромного телевизора. Экран был такой большой, что создавал почти полный эффект присутствия, но Ганнибал был рад, что на самом деле он не на похоронах. Появление Ганнибала могло вызвать неловкость и стеснить близких Безупречного. Он понимал: многие считают это убийство делом его рук. Знал и без плаката, который виднелся в

руках одного из парней, шедших за гробом: «Это сделал Ганнибал». Полицейские донимали его каждый день с момента убийства. Он знал, что у них не было улик. Но также знал, что общественность настроена против него, а полицейские всегда найдут способ собрать недостающие доказательства. Он окажется не первым невиновным, которого приговорят к смертной казни.

Но пока его беспокоили не мысли о заключении. Слишком много народу погибло, и скорбь еще не утихла. Он сидел и наблюдал за похоронами, а в уголке экрана Лектер продолжал играть свою роль, как Ганнибал — свою.

Безупречный, Безупречный, Безупречный. Думаю, теперь все действительно окончено. И что мне теперь делать? С кем соперничать? Ганнибал остался на сцене один и чувствовал себя ненужным.

Между кадрами с похорон, транслировавшихся по MTV, вставляли отрывки выступлений Безупречного. Увидев Безупречного на сцене, Ганнибал почувствовал, что уже видел этот момент когда-то раньше. Он тщательно покопался в воспоминаниях, но так и не смог найти нужное. Зато он вспомнил тот вечер, когда боролся с Безупречным в чемпионате по фристайлу. Он тогда проиграл, но сегодня, спустя три года, воспоминание оказалось приятным.

Он вспомнил клуб «Ярость», плакаты с Бин Ладеном и логотипами телеканала ВЕТ. Обычно бесстрашный Ганнибал чувствовал, как колотится сердце, когда он вышел на помост. Он знал, что ждет его впереди.

Безупречный выиграл состязание в первом раунде: публика наградила его более горячими овациями. Ганнибал не остался в долгу во втором. Теперь они были абсолютно равны — как все мы перед лицом смерти. Под рев толпы, стоя на пороге будущего, от которого его отделял только черный микрофон, Ганнибал открывал финальный раунд.

*Я коррумпированный ниггер,
Кооперируюсь с ниггерами,
Вписываю их в делишки,
Заставляю толкать излишки.
Все знают, что я дурачу шлюх, а иногда
Случается и так,
Что я дурачу педиков.
Каков бы ни был рынок,
Ниггер, я в курсах,
И если он прибыльный, я его поймею,*

*Потому что я жадный пацан,
Пацан-вегетариан, питаюсь «зеленью».
И все, что невыгодно,
Меня никак не ебет — это ясно?
Так что не шути со мной, ублюдок,
Потому что я опасный.
Я — причина, почему у них есть
Дилеры на каждом углу гетто.
У меня монополия на контрабанду,
Будто я хренов Гринспан*.
Когда Бык рассекает по району,
Все латиносы кричат: «Эль капитан!»
Йо, ты говоришь, ты Безупречный,
Ладно, ниггер, а я бессердечный,
Всажу парочку тебе в грудь
Без всяких сожалений.
А то еще лучше —
Отправлю тебя в Синг-Синг:
Тамошние ниггеры заставят тебя
Петть петушком сопрано,
Приучат твою задницу к софт-порно.
И когда это случится,
Безупречный запоеет тенором,
Но это будет не телеканал,
Это будет жесткий анал.*

Он завершил последнюю строку под грохот аплодисментов. Прошло минуты две, прежде чем публика успокоилась. Ганнибал знал, что выступил здорово, но знал и масштаб своего соперника. Он взглянул поверх микрофона и увидел Безупречного: тот приближался с холодной решимостью на лице.

*Негр-неандерталец,
Что ты так зол на весь мир?
Может, потому, что никак
Не можешь кончить?
Но я твою бабу не трахал,
Так чем я тебя огорчил?*

* Председатель Совета директоров Федеральной резервной системы США.

*Не делай вид, что мы не знакомы,
Что ты привязался к Безупречному?
Всех собак на тебя спущу...
Ты тошнотворней, чем отхожее место волхвов,
Устроил Вьетнам в Ватикане.
Думаешь, я скис?
Ниггер, погляди на меня в оба:
Я забью последний гвоздь
В крышку твоего гроба.*

Раздался гром аплодисментов, и Ганнибал прочистил горло, перед тем как парировать выпад соперника. Но Безупречный еще не закончил.

*Ой-ой, теперь ты закашлялся,
Неудивительно,
Потому что рифмы твои иссякли.
Ты просто сопляк —
А я суверен.
Я мудрее волхвов,
Сам Соломон отдает мне салют,
Потому что я слишком крут.
Безупречный не по зубам дилетанту,
Я задавлю тебя своим талантом.
Я рифмую рапсодию,
А тебе не под силу даже пародия.
Захотел превзойти меня у микрофона,
Ниггер, ты смешон, ты недостойн быть мне фоном,
Даже если я телеги рифмую с бодуна,
Ты всего лишь жалкое подобие меня.
Прости, но когда я закончу читать,
Тебе останется лишь валяться и причитать.
Извини, но за вас, бездарностей,
Я не собираюсь заступаться; я аномалия
Среди вашего дерьма, и я натурально
Разнесу в клочья вашу анатомию.
Это «Мортал комбат», ублюдки,
Вот какова Безупречного власть.
А теперь подайте мне мой хренов контракт.*

Это был конец, все было сказано. Неистовство толпы объявило Безупречного победителем. Тогда проигрыш оказался горькой пилюлей для самолюбия Ганнибала. Понадобились время и смерть, чтобы смягчить ее вкус- вкус поражения. Безупречный вы и фал в тот день, и сейчас, мысленно возвращаясь в прошлое, Ганнибал признал, что тот заслужил победу. Ганнибал всегда это понимал. Но он ненавидел проигрывать. Его стремление к лидерству превратило их во врагов. И хотя он уважал Безупречного за талант, превосходивший его собственный, он не мог по этой самой причине стать ему другом. В этот момент Ганнибал с грустью вспомнил про Муху.

Он сокрушался о гибели Мухи, сидя с закрытыми глазами, и ведать не ведал, что дуло пушки находится всего в паре дюймов от его виска. Ганнибал предавался воспоминаниям в каком-то полусне, читая про себя рэп и отбивая ритм, звучавший в тот вечер, и не слышал, как незванный гость тихо прокрался в комнату. Сначала непрошенный визитер стоял молча: он находил зрелище забавным... но через пару минут он заскучал.

— Привет, Бык, — спокойно поприветствовал бывшего друга Мук.

Ганнибал мгновенно узнал голос и очнулся от грез. Он понял, что это Мук, хотя и не видел его: все закрывала своим дулом огромная пушка.

— Лучший способ проверить, настоящий ли ты мужик, — это когда к твоей башке приставляют холодную твердую сталь, — заявил Мук, наслаждаясь моментом. — Ну, и кто из нас педик?

Ганнибал хранил молчание. Он давно собирался улучшить охранную систему дома. Но так и не успел: всегда что-то мешало — то дела, то смерть друзей.

— Ты не слышишь, что я к тебе обращаюсь, ниггер?

Я спросил, кто из нас педик? — заорал Мук.

Но Ганнибал по-прежнему молчал.

— На колени!

Ганнибал не двигался. Разъяренный Мук взвел курок и прижал пистолет к виску Ганнибала, вдавив дуло в кожу.

— На колени, Бык, — повторил он настойчиво. Ганнибал увидел сумасшедший блеск в глазах Мука и молча повинился. — Молодец, ниггер, молодец. Теперь открой рот.

Ганнибал открыл рот, бросив на Мука взгляд, в котором читалось возмущение его подлостью.

— Хорошо. Теперь возьми это в рот, — Мук сунул пистолет к самым губам Ганнибала. — Хотя, нет. Это совсем не забавно. Лучше возьми в рот вот это.

Продолжая наставлять пистолет на Ганнибала, он стал одной рукой расстегивать ремень, намереваясь спустить штаны. Задача была не из легких:

приходилось действовать только левой рукой. Раздраженный неудачей, Мук оставил в покое ремень и стал расстегивать молнию. Ганнибал слышал, как замок молнии медленно опускался вниз. Он видел, как набухла выпуклость под толстой джинсовой тканью. Он уже чувствовал зловонный запах грязной мошонки: Мук запустил руку в штаны и щупал пальцами свои малиновые трусы. Это было тошнотворное зрелище. В это мгновение Ганнибал начал привыкать к мысли, что сегодня, вероятно, умрет: он твердо знал, что не подчинится.

Мук попытался высвободить свое богатство через небольшую щель ширинки: ему уже почти удалось вытащить его наружу, когда послышался звук шагов, приближавшихся сзади. Мук, зная, кто сейчас появится, стал торопливо застегиваться. Он обернулся, продолжая наставлять дуло пистолета на Ганнибала, и взглянул на Якобинца, стоявшего в дверях с пушкой в руке: за его спиной торчала пара вооруженных парней.

— Ты какого хрена тут застрял, Мук? Мы не можем торчать здесь весь день.

— Все ништяк, я уже иду, — ответил Мук. Он вновь обратил все внимание на Ганнибала и прошептал ему: — Везучий ублюдок. Я так возбудился, что тебе достаточно было поцеловать его: и я бы кончил прямо тебе в лицо. — Он чмокнул губами, имитируя поцелуй, затем рывком поставил Ганнибала на ноги. — Пойдем, босс засдался.

Он вытолкал Ганнибала вперед себя, тот молча повиновался и, подойдя ближе, поприветствовал кивком Якобинца. Мук уже почти вышел из комнаты, когда взгляд его упал на громадный телевизор с тошнотворной физиономией Лектера в углу экрана. Мук отпрянул и выстрелил. Пуля ударила в самую середину и превратила экран в сплошную паутину. Через тысячную долю секунды он разлетелся на мелкие осколки.

— Ты на хера это сделал? — удивился Якобинец. — Только больной на всю голову станет стрелять в телевизор.

В ответ Мук просто сказал:

— Ненавижу этот гребаный фильм.

48

Как бы высоко ни взлетел Джерси, он по-прежнему вел дела в офисе, располагавшемся в подсобке мясной лавки «Знаменитые котлетки Джоуи» в Бей-Ридж, в Бруклине. Он купил достаточное количество копов в этой части города и мог ни о чем не беспокоиться, паркуя здесь свой лимузин. Машина подкатила к дверям магазина. Ганнибал помнил его хорошо: когда-то он ненавидел доставлять сюда посылки. В отличие от Гарлема, Бруклин не был однородной средой: у него было столько разнообразных граней и лиц, сколько рас и национальностей существует в мире. Магазин находился в итальянском квартале. Знакомства и связи Ганнибала не распространялись так далеко.

Якобинец и Мук проводили его внутрь: они прошли мимо прилавка, на котором Джоуи-младший рубил котлетки, мимо других, более пожилых обитателей магазина, сидевших и куривших у стены с репродукциями знаменитых итальянских икон, проследовали за занавески, скрывавшие вход в подсобные помещения, и спустились вниз на два пролета по деревянной лестнице в тускло освещенный подвал. Отворив дверь, они наконец оказались в залитом светом офисе Джерси, где он сам восседал за большим столом из красного дерева. По привычке Якобинец тут же встал на своем посту у стола Джерси. Ганнибал, войдя в комнату, заметил в дальнем левом углу телевизор: по телевизору шли новости — показывали похороны Безупречного. Мук вошел последним и закрыл дверь.

— Здравствуй, Бык, — поприветствовал его Джерси.

— Что за дела, Джерси? Если ты хотел меня видеть, надо было просто сказать — я пришел бы без всех этих пушек.

— Эх, Бык, Бык. Ты не звонишь мне, не пишешь, а я почему-то все еще отношусь к тебе с симпатией. Ты здорово облажался, Бык. Ты ведь сам это понимаешь, правда? Ты облажался. Забыл своих друзей. Бросил бизнес, даже не попрощавшись.

— Нельзя же вечно торговать наркотой.

— Конечно, но следует быть более преданным и помнить о тех, кто был с тобой в самом начале пути. Ты что же думал? Что можешь так просто вычеркнуть меня из своей жизни? Сделать одной из историй, звучащих в твоих песнях? Со мной чуть припадок не случился, когда Яко дал мне послушать

одну из твоих записей, где во всех деталях раскрывались все мои операции — вся схема бизнеса. Тогда впервые зашел спор, следует ли тебя убить. Но я и Мук были против. Мук сказал, что в хип-хопе полно придурков с длинными языками, которые болтают всякую чушь, но никто не верит в то, что это правда. Так что никто не примет твои слова всерьез. И я сказал: ладно, забудем. Яко долго бесился, но в конце концов успокоился. К тому же Мук был рядом и присматривал за тобой. Но потом ты избавился от Мука, и мы сказали друг другу: мальчик слишком задирает нос, пора вернуть его с небес на землю. Ты вычеркнул меня из своей жизни, но теперь Джерси сам впишет себя обратно в историю. Ты что же думал: что будешь жить припеваючи, трахать баб и наслаждаться своим счастьем, избавившись от меня? Ты организовал «Каннибал рекорде» не без нашей помощи. Ты должен нам процент, и пришло время его получить.

— Сколько? — спросил Ганнибал, зная, что рано или поздно разговор сведется к цифрам.

— Двадцать миллионов, — спокойно заявил Джерси, словно речь шла о двадцати долларах.

— Двадцать миллионов, ни хрена себе! — отреагировал Ганнибал, впервые с начала разговора проявив эмоции. — Ты оставляешь меня ни с чем, с пустыми руками! Это нечестно, Джерси. — И только сейчас Ганнибал удивился тому факту, что Джерси почти точно знал сумму на его банковском счету. Но он недолго размышлял над этой загадкой: стоило взглянуть на Мука — и ответ был найден.

— Вообще нет. Мы провели голосование: стоит ли оставлять тебе твою жалкую жизнь. Я проиграл — а ты до сих пор дышишь. Так что это еще как честно. У тебя остались руки, ноги, зубы и оба глаза. Это более чем честно. Деньги должны поступить в мое распоряжение к концу недели.

— Что ж, танец с дьяволом? Понимаю, — ответил Ганнибал. Он знал, что спорить бесполезно. — Значит, двадцать миллионов? И мы попрощаемся друг с другом.

— Я получу свои деньги, и на этом все. Это сразу и прошлые долги, и доля от будущих заработков.

— Откуда мне знать, что позже ты не появишься у меня на пути снова и не станешь требовать еще денег?

— Интересная мысль. Ноне стоит беспокоиться. Я человек слова, Бык. И, несмотря на все, я любил тебя. Ты был одним из лучших. Ты управлял улицами как настоящий профи. Не знаю, как Мук справится с этим вместо тебя, но... посмотрим.

Так вот что произошло. Мук продал его, чтобы получить место, которое

когда-то занимал Ганнибал. Почемубы нет. Он сам давно уже перерос квартал Сайпресс- Хилл. По крайней мере, Ганнибалу удастся выйти из игры с меньшими потерями, чем его предшественнику. Ганнибал повернулся и собирался уйти, когда взгляд его упал на телевизор — и он задержался, чтобы задать Джерси еще один вопрос.

— Знаешь, Джерси, я одного не могу понять. Ты зол на меня, это вполне объяснимо, но зачем ты убил Безупречного и парнишку?

Вопрос удивил Джерси своей странностью.

— Безупречный... кто такой этот Безупречный? — машинально спросил он. Якобинец наклонился к нему и тихо сказал:

— Ниггер, которого пристрелили возле Бергена, это во всех новостях, — и он показал на телевизор.

— Ах, тот ниггер! — громко воскликнул Джерси, вспомнив, о ком шла речь. — Какое мне до него дело? Так позаботься о том, чтобы я получил деньги. Мук и Яко отвезут тебя домой.

Ганнибал получил ответ на свой вопрос. Придется искать убийцу в другом месте. Если бы Джерси был причастен, он не стал бы скрывать, а напротив, похвастал бы этим. Мук открыл дверь, и все трое уже собирались выйти, как вдруг Ганнибал еще раз обернулся:

— Ах да, Джерси, чуть не забыл: я вычту из двадцати миллионов шесть штук.

— Шесть штук? Это еще почему?

— Столько стоил телевизор, который подстрелил Мук.

—Что?

— Это правда. Я сам видел. Разлетелся на кусочки. Хороший был телевизор. И большой, очень большой, — подтвердил Якобинец.

— Мук, ты стрелял в его телевизор? — зарычал на Мука Джерси. Мук ничего не ответил, просто стоял в полном оцепенении. — Что это за фигня?

— Не знаю. Этот ниггер все время смотрит один и тот же долбаный фильм. Он действовал мне на нервы.

— И ты подстрелил телевизор, как будто это он во всем виноват? Знаешь, я заставлю тебя заплатить за этот телевизор, — проворчал Джерси. — Ладно, Бык, можешь вычесть шесть штук, а теперь убирайся отсюда и доставь мне мои деньги.

Лимузин пересекал Бруклин: через одну-две мили после квартала Бей-Ридж пейзаж стал живописнее. День стоял погожий, но за тонированными стеклами лимузина было темно. Ганнибал сидел справа у окна и молча смотрел в него. Мук сидел рядом, ближе, чем было необходимо: в лимузине хватало свободного места. Якобинец сидел с другой стороны. Перегородка,

отделявшая место водителя, была опущена, и Якобинец дружески болтал с шофером и весело смеялся.

— Говорю тебе: я ничего подобного не видел. Полнейший идиотизм. Мы выходим, и все нормально. Тут Мук просто берет и разносит на куски телевизор. Одним выстрелом экран вдребезги. И все взрывается к чертовой матери. — Якобинец и шофер засмеялись. Якобинец пересказывал эту историю уже больше часа. И Муку стало надоедать, что над ним насмехаются: шутка явно затянулась. Если бы он мог шлепнуть Якобинца, он бы с радостью это сделал. Но он знал, что это невозможно. И он терпел, криво усмехаясь. Больше всего его терзало сознание того, что они никогда не посмели бы издеваться над Ганнибалом. Ни малейшим образом. Даже сейчас, когда он был в опале, уважение к нему все равно ощущалось в их поведении.

— Слушай, Мук. Так зачем ты подстрелил телевизор? — заорал водитель.

Мука разозлил этот вопрос — больше всего тем, что его задал какой-то шофер. Якобинец смотрел на него в ожидании ответа, приготовившись язвительно его прокомментировать. Но через мгновение понял, что Мук не собирается отвечать, поэтому сам ответил за него:

— Он сказал, все из-за фильма: он его ненавидит.

— Ненавидишь фильм? И поэтому выстрелил в телевизор? Что это был за фильм?

— «Ганнибал», — проронил Ганнибал, не отрывая взгляда от тонированного стекла.

— Да, точно. «Ганнибал», — вспомнил Якобинец.

— «Ганнибал»! Тебе не нравится этот фильм, Мук? Это же классный фильм! — Замечание водителя еще больше разозлило Муку. Он прикинул, нельзя ли убрать хотя бы его. Нет, нельзя. Водитель был членом семьи, и его смерть воспримут как личное оскорбление.

— Да уж, не говори, — согласился с водителем Якобинец. — Эта фигня со свиньями реально правда. Я знаю одного парня, который держит такую же ферму и занимается похожими вещами.

Затем Якобинец перенес свое внимание на Ганнибала. Он посмотрел на красивую бежевую кожаную обивку и подумал, что было бы очень жаль ее испортить. Он начал обдумывать, как сделать то, что он собирался сделать, оставив как можно меньше следов. Такие пятна нелегко отмыть. Надо сделать все быстро и точно. Он кивнул Муку, и тот ответил тем же, обрадовавшись, что Якобинец наконец занялся делом, вместо того чтобы продолжать насмехаться над ним.

Мук еще теснее придвинулся к Ганнибалу и положил ему руку на бедро, нежно сжав ладонью колено. Ганнибал бросил на него взгляд, в котором

смешались злость негодование и угроза. «Я вышибу тебе мозги, если не убереешь руку», — говорил этот взгляд. Мук только улыбнулся в ответ и, издеваясь, вытянул губы как для поцелуя.

— Как копы обращались с тобой в последнее время? — спросил Мук. Пока Ганнибал размышлял над значением его слов, он почувствовал, что машина остановилась. Он взглянул в окно и увидел сине-черный силуэт больницы Брукдейл. Он не задавал вопросов. Он понимал, зачем его сюда привезли. Он не знал, что именно произойдет в ближайшие минуты, но был уверен: это причинит ему жуткую боль.

— Ты любишь кино, Бык, не так ли? — спросил Якобинец. — Тебе это должно показаться весьма... ироничным.

Он окликнул шофера, и тот протянул ему очень большой и острый, очень чистый нож мясника. Мук улыбнулся. Ганнибал хранил молчание.

— Мук, расстели на полу газету, постараемся не слишком тут все запачкать.

Мук сделал, как велел Якобинец, а Ганнибал наблюдал за бывшим другом с презрением. Сам он никогда не выполнял приказы Якобинца, не делал этого и Мук, пока был вместе с Ганнибалом. Джерси бы этого не позволил. Теперь все изменилось: Мука формально повысили в должности, но на деле его значимость снизилась.

Когда Мук закончил с газетой, он занял свое прежнее место на сиденье.

— Отлично, — заметил Якобинец и затем обратился к Ганнибалу: — Ты никогда не нравился мне, засранец. Ты всегда был любимчиком Джерси, ведь так? Но те времена прошли. Дай мне руку, Бык.

У Ганнибала все сжалось внутри, но он не подавал вида. Он послушно вытянул руку вперед, глядя Якобинцу прямо в глаза. Якобинец медленно закатал рукав Ганнибала до самого предплечья, а затем кончиком лезвия сделал метку на запястье. Нож был такой острый, что даже легкое касание оставило глубокий порез. Кровь струйкой потекла на газету, расплываясь на ней большим алым пятном. Якобинец крепко держал Ганнибала за руку своей левой рукой, а правую вытянул и высоко поднял, намереваясь ударить.

— Не дергайся. Для тебя же будет лучше, если срез получится ровный и аккуратный. И даже не вздумай пытаться подставить под удар мою руку вместо своей.

Ганнибал продолжал хранить молчание, когда Якобинец сжал рукоятку ножа и, нацелившись, замахнулся.

— Постой! — закричал Мук. — Не руку. Это причинит ему недостаточно сильную боль. Лучше отрежь ему язык.

Услышав это абсурдное предложение, Якобинец заявил:

— Отличная мысль. Давай сюда свой язык, Бык.

Ганнибал посмотрел на Мука, человека, которого когда-то называл братом, которому позволял спать в своей постели. И теперь, глядя на него, он впервые в жизни понял, что такое настоящая ненависть. Он ненавидел его куда сильнее, чем белого мерзавца, который собирался совершить эту гнусность.

Ганнибал дрогнул: маска спокойствия слетела с его лица, а сердце бешено заколотилось. Но он подавил свои эмоции и удержал слезу, готовую появиться в уголке глаза. Ганнибал понимал, что для него значит потеря языка, и все же... он его высунул. Якобинец крепко ухватился за кончик и вытащил весь язык до конца. Якобинец знал, что нож не подходит для такой операции. Здесь бы пригодился нож поменьше, чтобы сделать несколько последовательных движений. Но это не так уж важно. Что с того, что получится не слишком красиво. Нацелившись на розовую плоть в своих пальцах, Якобинец снова занес правую руку и выгнул спину, чтобы закончить все одним быстрым движением. Затем посмотрел на Ганнибала и улыбнулся:

— Будет очень больно*.

И с этими словами он нанес удар.

Дверца лимузина распахнулась, Ганнибала вышвырнули спиной на асфальтовую мостовую: солнце слепило глаза, и отблески освещали окровавленный рот и изуродованный кусок плоти, лежавший у Ганнибала на груди. Дверца резко захлопнулась, и когда лимузин отъезжал, вздрагивающий словно в лихорадке Ганнибал услышал, как Мук прокричал: «Посмотрим, как ты теперь будешь читать свой рэп, ублюдок».

* Реплика Лектера из фильма «Ганнибал».

49

Эрика очнулась в отделении интенсивной терапии больницы Сент-Джозеф. Не в силах разлепить сомкнутые дремотой веки, она не представляла, где находится. Она только слышала звон в ушах, стук собственного сердца, бессмысленную болтовню где-то поблизости и ощущала раздражающе яркий свет, бивший прямо в глаза. Это было тошнотворное ощущение, и его еще усиливал зловонный больничный запах. Она стала догадываться о своем местонахождении: неудобная кровать и надетая на нее казенная сорочка подсказали ей правду. Как только Эрика осознала, где находится, воспоминания о случившемся нахлынули мощной волной. Она поднялась, чувствуя, как сжалось сердце. Сиреневая дымка меняла цвет от оттенков лаванды до фуксии и кроваво-красного, снова погружая девушку в пережитый кошмар. На мгновение она подумала, что это всего лишь дурной сон. Но больничный запах и необычный наряд лишили ее последней надежды. Попытавшись пошевелиться, Эрика почувствовала неудобство и боль в правом боку. Она дотронулась до живота и обнаружила, что он стянут тугой повязкой. При мысли о случившемся Эрика зарыдала и продолжала плакать в одиночестве, пока бесцельно двигавшиеся пальцы не нащупали кнопку вызова медсестры. Меньше чем через минуту врач и медсестра появились у ее изголовья.

— Добрый вечер, мисс Уильямс. Вижу, вы наконец пришли в себя. Как себя чувствуете?

Ей было наплевать на свое самочувствие и, усилием разлепив губы, она проговорила натужно: «Майкл, Майкл?»

— Мне жаль, мисс Уильямс, ваш брат скончался. Он умер до приезда «скорой».

Эти слова больно ужалили Эрику, хотя она ожидала их услышать. Она видела, как пуля прострелила голову брата. Она еще надеялась на чудо, но чувство здравого смысла говорило обратное. К несчастью, смерть брата была лишь половиной ее утраты.

— Миха, Миха, — позвала она. — Как он?

Она слышала выстрелы, но не видела любимого мертвым. Неведение оставляло место надежде.

Врач и медсестра странно переглянулись. Врач мягко ответил:

— Мне очень жаль, мисс Уильямс, но, как я уже сказал, ваш брат скончался.

— Нет, нет, — повторила она, — не Майкл — Миха!

Стараясь подчеркнуть разницу между именами, она изо всех сил напрягала голос.

— Да, Миха. Ваш брат Майкл, правильно? — осторожно переспросил доктор.

— Нет, не Майкл — Миха. Миха!

Она истратила все силы на произнесение этих слов. И напряжение, которое от нее потребовалось, напомнило Эрике, с каким трудом она произносила в детстве имя брата. Она не вспоминала об этом уже много лет.

— Дайте-ка разобраться, — вздохнул сбитый с толку врач. — Миха — это другое имя или прозвище вашего брата?

Подумав какое-то мгновение, девушка ответила:

— Нет.

— Значит, Миха и Майкл — это два разных человека?

— Конечно, разные.

— Тогда Миха — это, наверное, второй труп, который мы нашли в машине?

— Труп? Так он тоже умер!

— Ох, простите, — извинился за свою бестактность врач, — но так и есть.

Он тоже скончался.

— Не извиняйтесь, — произнесла Эрика сквозь слезы. — Вы что-то хотели спросить.

— Да, у нас есть несколько вопросов, но можно отложить их до лучших времен. Может, вам сейчас лучше поспать.

— Не думаю, что мне теперь удастся заснуть, и не думаю, что лучшие времена когда-нибудь настанут. Задавайте свои вопросы.

— Вы уверены, мисс Уильямс? — вмешалась в разговор медсестра.

— Да.

— Что ж, тогда мы хотели бы задать вам пару вопросов о... Михе.

— Что вы хотите знать?

— Понимаете, мисс Уильямс, до того как вы назвали нам его имя, он числился в наших документах как Джон Доу*.

— Но почему? — недоуменно спросила она.

— Ну, мы не смогли найти ничего, что позволило бы установить его личность.

Как странно, подумала Эрика. А потом решила, что его бумажник, видимо,

* Стандартное имя для неопознанных трупов.

куда-то завалился.

— И в сложившейся ситуации, мисс Уильямс, мы надеялись, что вы поможете нам устранить кое-какие пробелы. Расскажите нам о его семье: мы бы хотели сообщить им о случившемся.

— Хорошо.

— Что ж, начнем с фамилии, — сказал врач.

Вопрос неожиданно поставил Эрику в тупик. Накакое-то время она пришла в полное замешательство.

— Мисс Уильямс, вам, по всей видимости, трудно отвечать. Может, лучше продолжить позже?

— Нет, я в порядке, продолжайте, — сказала она, прервав молчание.

— Хорошо, значит, вернемся к тому же вопросу. Как фамилия Мухи? — повторил врач.

И снова девушка не ответила. Ее очень беспокоило, что она не в состоянии ответить на такой, казалось бы, простой вопрос. Конечно, она знала его фамилию: он точно говорил ей. Почему же она не может вспомнить?

— Не знаю, — вынуждена была ответить она.

— Вы не очень хорошо его знали? — спросила медсестра.

— Нет, мы были знакомы ровно год, — ответила Эрика.

Почему же она не знала ответа на простейший вопрос?

Может, это действие транквилизаторов, которыми ее пичкали: они притупляли все ее чувства. Возможно, они повлияли и на память. Ведь они с Мухой разговаривали друг с другом почти каждый день с момента знакомства. Ее озадачило, как могли они общаться целый год и ни разу не коснуться темы его семьи. Неужели из-за блаженства в ореоле сиреновой дымки, в котором она пребывала весь год, она даже не подумала спросить Муху о его прошлом?

— Не знаю. Не могу вспомнить, — все, что она сумела ответить.

— Тогда, боюсь, мы оказались в затруднительном положении.

— Вы хоть что-то можете нам рассказать о нем? Где он жил, откуда был родом, — что угодно? — настаивала медсестра.

И снова Эрике показалось странным, что она не в состоянии ответить. О его жизни до их знакомства она сохранила только какие-то обрывки воспоминаний. Он упал с велосипеда в юности. Он провел немало вечеров в баре «Спит». Он искал любовь и...

— Ах да, у него был младший брат и две сестры. Но я ни разу не встречалась с ними и не разговаривала. Не знаю, где они живут. Он говорил, что они не ладят друг с другом.

Рассказывая о родственниках Мухи, она тут же вспомнила Теренса: у него

тоже не складывалось общение с братом и сестрами.

— Кажется, он родился в Бруклине. И знаю, что собирался переехать в Гарлем, но не успел.

— Где же он ночевал? — спросила медсестра.

— Чаще всего в доме Ганнибала, а еще мы нередко проводили ночь в гостинице, — ответила она. Случайное упоминание Ганнибала вызвало в памяти многое, что было связано с этим именем. — Да, еще Миха дружил с Терренсом.

— Кто такой Терренс? И как с ним связаться?

— Терренс мертв, — ответила Эрика. — Терренс мертв.

Врач и медсестра раздраженно переглянулись.

— А есть кто-то живой, кто мог бы рассказать нам о Михе и его семье или о Терренсе?

— Ганнибал. Ганнибал, наверное, сможет рассказать. — Передав с этими словами эстафету другому, девушка тут же почувствовала, как разговор утомил ее. Вопросы ставили в тупик. Она искала ответы, но тонула в океане блаженной сиреновой дымки. Продолжая пытаться свой ум, она ощутила, как сильно ее клонит в сон. Может, когда она проснется, ответы придут сами собой.

— Еще одно, мисс Уильямс. Вы сами знаете хоть что-нибудь о Михе? — спросила медсестра.

Наконец Эрике задали вопрос, на который она могла ответить.

— Да. Я знаю, что любила его, а он любил меня.

Поздним вечером Эрика сидела на ступеньках перед парадным входом огромного белого дома — дома Ганнибала. Она ждала уже много часов, терпеливо пересчитывая булыжники, которыми был вымощен проезд к дому: длинная, красивая дорожка, почти такая же, как в особняке Безупречного, тянулась к большим железным воротам, извиваясь, словно русло реки, и огибая деревья и лужайки. Ворота оказались открытыми, когда она пришла. Входная дверь тоже не была заперта, но Эрика не переступила порог. Она позвонила в дверь: никто не отзывался. Огромный дом казался пустым и заброшенным. Так продолжалось несколько часов, но Эрика ждала на ступеньках у входа, понимая, что рано или поздно владелец вернется, и тогда ему придется ответить на ее вопросы.

Она заметила желтое такси, появившееся на дорожке перед домом. Оно двигалось довольно быстро, но Эрике показалось, что прошла вечность, пока оно остановилось у входа. Наконец машина затормозила и встала, но двигатель продолжал работать. Прошло не меньше минуты, и только тогда дверца медленно открылась. Из машины вышел человек: он вытянул руку

вперед, помогая себе выбраться из такси, а потом выпрямился и захлопнул дверцу за собой.

Такси отъехало по дорожке, выющейся среди зеленых газонов, прочь из владений Ганнибала, а он остался стоять со стеклянной банкой в руках, глядя на вскочившую Эрику. Они молча и пристально смотрели друг на друга: оба не двигались и ничего не говорили.

Эрика столько собиралась высказать, но сейчас слова не шли ей на ум. Ганнибал тоже знал, что сказать, но его язык лежал в стеклянной банке, которую он держал в руках. И оба продолжали молчать.

Этот ли человек виноват во всех ее горестях? Она не знала, но искала ответ на этот вопрос и на многие другие. Однако стоя здесь один на один с ним, она чувствовала, что ей трудно говорить, трудно думать. Интересно, что у него в этой банке?

Но вскоре предстояло задать все вопросы: Ганнибал приближался к ней. Он медленно шел по вымощенной мелким булыжником дорожке. Он поднялся по ступенькам на площадку перед входом, и пламя в его глазах обожгло Эрику, когда он задержал на ней взгляд. Она ничего не могла сделать: просто смотрела, как он приблизился к ней, прошел мимо и шагнул в дом.

Она ненавидела себя за трусость. Она ждала здесь много часов, а потом позволила ему уйти, не сказав ни слова. Ярость стала закипать в ее сердце. Нет, нельзя, чтобы все так закончилось. Она собиралась окликнуть его, когда Ганнибал медленно повернулся к ней лицом. Он поставил банку на пол, достал пейджер и стал печатать. Закончив, он снова взял в руки банку и подошел к Эрике. Пока он приближался, она почти нашла ответ на один из вопросов. В банке, которую он держал в руках, был, похоже, какой-то соляной раствор, а в нем плавал кусок плоти. И когда взгляд Эрики оторвался от содержимого банки, он снова встретился с мерцающим пламенем. Но на этот раз пламя в глазах Ганнибала не испугало ее. Он протянул ей руку, она в ответ протянула свою: он положил ей на ладонь пейджер и быстро ушел.

Снова он был совсем рядом, и снова она позволила ему уйти, не сказав ни слова. Но зачем ему понадобился пейджер? Она взглянула на экран и прочла оставленное им сообщение: «Я тоже его любил. Я любил их обоих. Мне очень жаль».

Бык».

Эти слова принесли ей успокоение, многочисленные вопросы стали меньше ее терзать. К ней пришло некоторое утешение. Она знала, что Миха любил ее, и знала, что любила и по-прежнему любит его. Пока этого было достаточно. Она достала мобильник и вызвала такси. Та же самая желтая машина, из которой минуту назад вышел Ганнибал, вернулась за ней и увезла

прочь. Тогда они виделись с Ганнибалом в первый и последний раз.

Ганнибал поднялся по лестнице на второй этаж, продолжая держать в руках банку со своим языком. Он проделал долгий путь по коридору до последней двери, хотя не было никакой разницы, в какой комнате провести ночь. Теперь они все пустовали. Он остался один: ни Мука, ни Терренса, ни Жнеца, ни ребят. Не было больше Михи и Безупречного. Какой смысл теперь жить?

Он вошел в темную комнату и хотел произнести: «Свет», но вспомнил, что у него больше нет языка. Он взглянул на свой громадный телевизор и вспомнил, как его экран разлетелся вдребезги. Он хотел закричать, но знал, что вместо крика получится только жалкий, уродливый вой. И он делал единственное, что ему оставалось: продолжал молчать, позволив чувствам терзать его изнутри. Он думал, что справится с собой, но эмоции разрывали его на части. Он упал на колени перед разбитым экраном и впервые за долгие годы, стоя в этой крошечной тьме, он заплакал — и плакал долго и мучительно. Он не знал, что в нем накопилось столько слез. В какой-то момент ему показалось, что если он сейчас не остановится, то утонет в море скорби, оплакивая свою жизнь. Но он ничего не мог с собой поделать: слезы, вырвавшиеся на свободу после стольких лет заточения, текли не переставая, легко и обильно.

А потом, продолжая рыдать, он заметил тонкую фигурку, сжавшуюся в дальнем левом углу у двери в ванную. Осознав, что он не один, Ганнибал попытался собраться с силами и понять, кто оказался свидетелем его слабости. Это была женщина, но больше он ничего не мог разобрать в полумраке. Впрочем, ему не пришлось долго раздумывать: Роза сделала шаг вперед. Он хотел спросить, что она здесь делает, но лежавший в банке язык не хотел повиноваться. Он почувствовал отчаяние оттого, что больше не способен общаться с миром.

Роза не сказала ни слова, приблизившись к нему. Она просто опустилась рядом с ним на колени. Он молча осыпал ее проклятиями. Он хотел, чтобы она ушла, и не придумал лучшего способа отпугнуть ее, чем открыть пошире рот и показать ей рваные остатки того, что когда-то было языком. Но вопреки его чаяниям она не испугалась, только придвинулась ближе, подползая к нему на коленках. Он попытался оттолкнуть ее от себя, но она не сдавалась. Она придвигалась все ближе, а он продолжал бороться с ней, пока тяжесть перенесенного горя не сковала окончательно его волю и он не перестал сопротивляться. Она прижалась к нему и обхватила руками, и голова его упала ей на грудь: она держала его крепко и нежно, согревая теплом своего смуглого тела. И в объятиях этой женщины Ганнибал впервые в своей жизни

ощутил покой. Разум сдался, уступив место чувствам: он обхватил ее руками — и сломался. Он отпустил на свободу свое горе, вместе с ним выпустив из рук банку с языком: она покатилась по полу. И стоя на коленях в этих теплых объятиях перед разбитым вдребезги телевизором, Ганнибал плакал, плакал, плакал...

КНИГА

СЕРДЬМАЯ

50

Эрика сидела на сцене справа от места, отведенного ведущему. Пока гример прикоснулся к ее щекам кистью, добавляя румян, она осматривала пустой зал с отсутствующей публикой. Передача будет идти в прямом эфире, ее увидят миллионы, но в студии находились лишь участники и съемочная группа. Она наблюдала, как участники группы суетятся, стараясь побыстрее закончить приготовления. Операторы снова и снова проверяли положение установленных камер, звукоинженеры колдовали над микрофонами; над головой то и дело мелькали яркие вспышки: осветители пытались довести декорацию до совершенства. А гримеры наносили последние штрихи на лица Эрики и трех других участников шоу.

Шоу называлось «Карфаген сегодня», владельцем его был Карфагенянин, а ведущим Рузвельт Мохаммед — человек с мускулатурой бодибилдера и дикцией талантливого оратора. Он прекрасно подходил на свою роль. В его передаче обсуждались главные новости дня, а шла она на недавно появившемся канале — CarthageTelevisionNetwork(Телевизионная сеть Карфагена). Телеканал СТНбыл кабельным и во многом походил на своего «старшего брата» — канал ВЕТ. Всего через три года после его основания число подписавшихся на него зрителей достигло нескольких миллионов. Канал еще не мог в полной мере конкурировать с ВЕТ, но продолжал активно расширять свою аудиторию.

Эрика редко общалась с прессой после смерти брата. Она считала журналистов во многом ответственными за его гибель. Шоу Мохаммеда было, пожалуй, единственным, которое ей время от времени хотелось смотреть. И когда он лично позвонил ей и пригласил участвовать в передаче, посвященной жизни и творческим достижениям ее брата, Эрика согласилась, сознавая значимость темы. Она также понимала, как важно, чтобы программа получилась правдивой и искренней. За прошедшие годы на телевидении появлялось бесчисленное количество шоу, в которых так или иначе затрагивалась жизнь Безупречного. И большинство этих шоу вызывали у нее раздражение: в них выступали люди, с видом знатоков рассуждавшие о вещах, говорить о которых не имели никакого права.

Сейчас она сидела в студии, приготовившись к разговору о том, что мучительно пыталась забыть последние девять лет. Можно сказать, для нее

это была терапия особого рода. Полученное много лет назад пулевое ранение давно зажило, а лазерная хирургия избавила Эрику от шрама на теле. Но шрам на сердце, оставленный событиями того погожего январского утра, напоминал о себе каждый день: иногда будто жало впивалось в ее мысли. В последние годы это происходило все реже, но временами, в моменты тихого одиночества, она еще падала на колени и начинала отчаянно рыдать. А иногда она невольно плакала на публике, стоило ей вспомнить слезу, скатившуюся со щеки брата и упавшую в лужу крови, и его беззвучный предсмертный крик: «Эрика!» И часто в полном одиночестве она думала о Михе.

— Тишина в студии, — раздался голос откуда-то из-за слепящих огней. — Выходим в эфир через две минуты.

В этот момент появился Мохаммед и поудобнее устроился в своем кресле. Смуглый и бритый наголо, он уверенно и без всякого напряжения разместился в самом центре сцены. Мохаммед обернулся к ней с широкой улыбкой и протянул руку:

— Приветствую тебя, сестра. Спасибо, что согласилась прийти. Как дела?

Эрика пожала его руку, чувствуя силу и уверенность, исходившие от этого рукопожатия.

— Все нормально. Спасибо, что пригласили, - ответила она.

Поприветствовав Мохаммеда, она перевела взгляд на противоположный конец сцены: там сидел располневший Сталин и в своей обычной манере раздевал ее взглядом. Не удивительно: за прошедшие годы красота Эрики стала более зрелой и совершенной. Ей исполнилось тридцать, и хотя живости и энергии в ней стало меньше, чем в двадцать один, фигура сохранила девичью стройность, кожа по-прежнему сияла, только вот улыбка стала печально-торжественной.

Затем она посмотрела на Гевару, сидевшего слева от Мохаммеда. Заметив ее взгляд, кумир латиносов кивнул ей в знак уважения.

— Привет, детка. Как твои дела? — услышала она сбоку приятный нежный голос. Эрика обернулась и увидела Эбони; они чмокнули друг друга в щеку. Эбони пришла сегодня на передачу, потому что написала книгу под названием «История в стиле хип-хоп». В ней она воссоздала мир альтернативного хип-хопа и в деталях описала жизнь Безупречного и Ганнибала и историю их баттлов.

— Всем приготовиться... — скомандовал невидимый за светом прожекторов голос. — Начинаем отсчет: пять, четыре, три, два, один.

— Добрый вечер всем, кто смотрит нашу передачу. Как всегда с вами в студии я, ведущий Рузвельт Мохаммед, и это «Карфаген сегодня». Спасибо, что этим вечером вы с нами. Вас ждет прекрасное шоу. Сегодня мы будем

говорить о жизни и творческом наследии одного из величайших гениев рэпа. Он покинул нас слишком рано, но успел создать произведения, которые мало кому удастся написать и за очень долгую жизнь. Он оставил нам творчество, достойное глубокого изучения и вдохновляющее силой таланта. Вы, конечно, поняли, что речь идет не о ком ином, как о легенде хип-хопа Безупречном. Мы собрали в студии замечательных гостей, чтобы поговорить о его жизни и влиянии его творчества на умы и души в прошлом, настоящем и будущем. С гордостью представляю вам гостью, сидящую справа от меня: с нами сегодня сестра Безупречного, адвокат, специализирующийся на авторском праве, Эрика Уильямс. Справа от нее женщина-рэпер и автор бестселлера, который скоро будет перенесен на экраны, «История в стиле хип-хоп», — Эбони. Слева от меня рэпер и независимый кинопродюсер Гевара. А слева от него как всегда полный кипучей энергии Сталин, звезда хип-хопа. И теперь, прежде чем обратиться к остальным, я хотел бы начать с тебя, Эрика. Надеюсь, мисс Уильямс не против: я намерен почаще общаться с ней в течение вечера, учитывая, что остальные присутствующие не были столь непосредственно связаны с героем нашей программы. Никто из нас не знал его так близко.

— Я не возражаю, — ответила Эрика.

— Итак, до сих пор продолжаются споры относительно того, как умер Безупречный.

— Был убит, — прервала его Эрика. — Он был убит. Слово «умер» подразумевает естественный характер смерти.

— Ты права, абсолютно права, я признаю свою ошибку. И что касается самого убийства, многие полагают, что оно было заказным и, возможно, имело политические мотивы, — сказав это, он взглянул на Эрику в ожидании ее комментария, и она кивнула в знак одобрения. После этого Мохаммед продолжил: — Что ж, мы все знаем, что дело осталось нераскрытым и убийц так и не нашли. Возникшие в этой связи многочисленные версии весьма разнообразны. Одни считают, что убийство совершила мафия. Другие, как, например, брат Гевара, считают — и должен признать, я сам склонен в это верить, — что данное преступление дело рук правительства. Власти предпочитают не самую убедительную версию президента «Краун рекорде» Стивена Хеннесси: он считает, что виноват убитый рэпер Бин Ладен и другие участники его организации Аль-Каида. Некоторые утверждают, что причастен сам Хеннесси. И многие по-прежнему полагают, что виноват в этом преступлении глава конгломерата CarthageConglomerateEmpireи владелец CarthageTelevisionNetworkГаннибал. Мы все помним печально известные баттлы и открытую ненависть, которую питали тогда друг к другу Безупречный и Ганнибал. Упомянув все основные точки зрения, я хотел бы теперь узнать

мнение непосредственной участницы той трагедии. Что ты думаешь, Эрика?

— Что сказать... я там была, но я говорила уже много раз и повторю снова, что не видела стрелявших. И я стараюсь не тревожить свой ум бесчисленными версиями убийства, хотя многие из них и кажутся весьма убедительными.

Правда мне не известна. Но я знаю, что вина лежит не только на двух или трех мерзавцах, спустивших курок. Что же до Ганнибала, то я не верю в его непосредственную причастность. Но виню его и журналистов, а также компанию «Краун рекорде» в создании нездоровой атмосферы, которая и привела в конечном счете к гибели Майкла.

— Рузвельт, если позволишь, я хотел бы высказаться, — попросил слова Гевара.

— Конечно, брат, — с готовностью отозвался Мохаммед.

— Я полностью согласен с сестрой в том отношении, что виновных в убийстве надо искать не только среди тех, кто держал в руках оружие и согласен, что пресса сыграла здесь значительную роль. Радиостанции и журналы получали огромную прибыль от шумихи, поднявшейся вокруг соперничества Безупречного с Ганнибалом, а также, хоть и в меньшем масштабе, с присутствующим здесь Сталиным. Вот почему я убежден, что правительство однозначно выиграло от этого убийства, которое суверенностью можно назвать политическим. Чтобы разобраться в сути этого преступления, надо вспомнить, какой личностью был Безупречный к моменту его гибели. Он радикально изменился по сравнению с тем временем, когда только начал выходить на сцену. Первый его альбом, «Безупречная победа», безусловно, превосходная работа. И все же по большей части это типичный рэперский треп на излюбленные хип-хоповские темы. Особенным его сделали только удивительный талант и артистизм исполнения, присущие Безупречному. Он, без сомнения, был одареннейшим мастером слова и, вероятно, лучшим поэтом среди рэперов своего времени и не только. Но перейдем теперь к его второму альбому «Философия бедняка». По моему убеждению, это один из самых глубоких в духовном отношении, самых философских и одновременно политически острых и значимых альбомов в истории хип-хопа. Безупречный использовал свой великий дар слова для обсуждения реальных проблем. Он говорил о СПИДе, зверствах правительства, политических заключенных, проблемах религии и войне с терроризмом. Он говорил о тех вещах, о которых, по мнению власть имущих, нам не положено говорить. И он общался с народом, с молодежью...

Гевара собирался продолжить, но Эбони воспользовалась паузой в его речи, чтобы присоединиться к разговору:

— Я согласна с Геварой в отношении всего сказанного. И в своей книге я

прослеживаю огромные перемены, произошедшие с Безупречным к моменту его гибели. Он говорил: «Раньше я болтал лишь о шлюхах и тачках, / Теперь я готов покорять реальность, / Развенчивать фальшь, / Изменять мировоззрения». Понимаете, что я имею в виду? Безупречный менялся и хотел, чтобы мы последовали его примеру. Но я также думаю, что не следует всегда и во всем обвинять правительство. Боюсь, многие из нас склонны прибегать к типичному жаргону сторонников теории заговора, используя разного рода клише: типичные доводы, слишком надуманные и бездоказательные.

— А что плохого в шлюхах и тачках? — вклинился в разговор Сталин. — Я вот что хочу сказать. У нас с Безупречным вышла когда-то небольшая размолвка, но я всегда уважал его. И ценил его творчество: мне понравился и первый альбом, и второй. И все последующие. И больше всего мне нравились их сбалансированность. В каждом есть и серьезные вещи, и песни, под которые можно*потанцевать, — такие же, как пишу я. Мы все не можем делать одно и то же. Кто-то создает композиции, заставляющие людей думать. Кто-то пишет песни, под которые можно расслабиться и потанцевать, забывая обо всех проблемах и неприятностях. Многие говорят, что наша музыка слишком материалистична. А я отвечу на это: весь мир материалистичен, давайте смотреть на вещи реально. Все мы дети, выросшие в трущобах, и в детстве нам не хватало самого необходимого, не говоря уже каких-то излишеств. Мы мечтали о лучшей жизни, а получив то, о чем мечтали, прославляем эту жизнь. Нас часто обвиняют в том, что в наших песнях и клипах мы оскорбляем женщин. Я готов признать, что это так. Но ведь если бы не существовало женщин, готовых на все, лишь бы сняться в наших клипах, нам некого было бы оскорблять. Здесь есть над чем поразмыслить.

— Я понимаю, что ты имеешь в виду, брат, — ответила Эбони. — Но ты не считаешь, что, если мы хотим развиваться как раса, нам следует покончить с дурацкой враждой между братьями и сестрами и начать относиться друг к другу с взаимным уважением? Нам следует поддерживать друг друга, а не искать оправдания унижениям, которым мы подвергаем друг друга. Честно говоря, меня до глубины души поражает, что, хотя в наше время хип-хоп достиг нового уровня самосознания, никому из рэперов так и не пришлось в голову открыто признать всю порочность неуважительного отношения к женщинам и извиниться за него в сколько-нибудь приемлемой форме.

— Да, ты права. Это, вероятно, так. Но я каждый день вижу, как женщины танцуют под эти унижительные для них песни, — возразил Сталин.

— Что ж, этот вопрос весьма интересен и актуален. Но давайте вернемся к главной теме нашей сегодняшней передачи, — вмешался Мохаммед.

— Разумеется, — согласился Сталин. — Так вот, Безупречный понимал важность обоих типов песен для хип-хопа: он писал и те, и другие. Это и сделало его великим. И это же сделало Ганнибала одним из самых богатых людей в стране на настоящий момент. Сегодня многие любят болтать, что Безупречный погиб из-за хип-хопа и баттлов между ним и Ганнибалом. Я считаю, это все чушь собачья. Хип-хоп по своей природе состязателен, так было и будет всегда. Парни участвовали в баллах до Безупречного и Ганнибала и будут участвовать еще много лет спустя. Если мы, перепугавшись, запретим баллы как часть культуры хип-хопа, мы уничтожим его сущность. Кое-кто из тех, кто думает подобным образом, бросал обвинения и в мою сторону, говорил, что я и мои ребята тоже причастны. Многие до сих пор обвиняют мини-Гитлера и ребят с Юга.

— Я внимательно выслушал все, что здесь говорилось, — вмешался Гевара. — И я согласен, брат, танцы нужны нам всем, но считаю, что в наше время все же следует больше задумываться о серьезных вещах. Мы добились значительных успехов, но наша война еще не окончена, и я полагаю, что праздновать победу рановато. Я говорю это, потому что в последнее время заметна тенденция к превращению хип-хопа в клубную музыку, не имеющую никакого отношения к серьезным проблемам, часть которых уже упоминала сегодня Эбони. Думаю, мы не должны забивать, как важно направлять развитие юных умов по правильному пути. И уверен, что можно танцевать и веселиться, не забывая смотреть в будущее и не проявляя неуважения к другим.

Возвращаясь к Безупречному, хочу сказать, что баллы между ним и Ганнибалом могли сыграть ключевую роль в случившемся, но вряд ли послужили единственной причиной убийства. Думаю, если трезво оценить факты и понимать всю хищническую сущность этой страны и ее правительства, и в особенности эксплуататорское отношение к цветным, многое обретет смысл.

Мохаммед кивнул, выражая свое согласие с последним заявлением Гевары.

— Необходимо понять, что в то время Безупречный и Ганнибал были самыми крупными фигурами в хип-хопе. Миллионы слушали их песни, и каждый из них выпустил один из самых радикальных и революционных альбомов своего времени, породив целые движения последователей. Как до них Боб Марли, а еще раньше Че Гевара, Малькольм Икс и Мартин Лютер Кинг, они угрожали нарушить статус кво. Не забывайте, что альбом Безупречного назывался не просто «Философия», а «Философия бедняка». Его месседж был совершенно определенным, как и месседж «Боевых слонов». Вот почему

их обоих заставили, как бы так выразиться, — замолчать.

— Да, похоже, каждому из присутствующих есть что сказать по существу вопроса, — воспользовался небольшой паузой Мохаммед. — Думаю, мы затронули сегодня весьма интересные вопросы. Мне представляется, что роль Ганнибала в случившемся была достаточно велика. Стоит вспомнить, что произошло с ним, и тот факт, что он предпочел оставить в тайне, как и почему это произошло. Я не собираюсь кусать кормящую меня руку. Никто из нас не отрицает значения той огромной работы, которую проделал Ганнибал в последние годы в интересах наших братьев: он помог хип-хопу подняться на новый уровень самосознания, что оказалось не только весьма благоприятно, но и прибыльно для него. Тем не менее, остается ряд вопросов, на которые хотелось бы найти ответы. Интересно, что никто из вас не упомянул Бин Ладе-на и его возможную роль в убийстве. Сегодня — и в этом есть определенное сходство с делом Ли Харви Освальда или Джеймса Эрла Рея — официальное мнение гласит, что именно он стрелял в Безупречного. И сейчас я хотел бы вновь обратиться к Эрике и узнать, что она думает по этому вопросу. Скажи нам, ты считаешь, что был кто-то еще, так сказать, прятавшийся в засаде?

— Я слышала много версий происшедшего и должна сказать, что точка зрения Гевары кажется мне весьма правдоподобной. Мы все знаем о программе COINTEL- PRO* в шестидесятые и про чудовищное ущемление наших прав и свобод такими организациями, как ЦРУ, ФБР, и другими органами внутренней безопасности, в ходе так называемой борьбы с терроризмом в новом тысячелетии. Мы живем в мире, где за нами постоянно следят, наличность исчезает из обращения, нужна биометрическая карта, чтобы купить еду, скоро каждому имплантируют микрочип и будут проводить сканирование сетчатки, прежде чем пустить в самолет. Эра неприкосновенности личной жизни закончилась. Да, наше движение многого добилось. После стольких лет, к примеру, удалось освободить таких людей, как Мумия и Леонард, но еще многое предстоит сделать. Посмотрите на эпидемию СПИДа в Африке: слава богу, сейчас уже есть лекарства, позволяющие лечить эту напасть, но подумайте о миллионах людей, которые умерли в прежние годы. И сейчас многие продолжают умирать, пока фармацевтические гиганты борются за патент на лекарство. Мы выиграли одну схватку: власти признали наше право на получение компенсаций, но продолжаются дебаты относительно их размеров и формы выплаты. Сейчас я много знаю и могу рассуждать об этих проблемах, но я не имела о них ни малейшего понятия, пока не услышала об этом в песнях брата. И я понимаю, какую роль могло

* Секретная программа ФБР по подавлению деятельности ряда политических и общественных организаций США в 1950-1970-х.

сыграть в его смерти правительство. Но, как я уже говорила раньше, я считаю, что в той или иной мере все версии, от Бин Ладена до правительства, имеют под собой почву, но не хочу строить бесполезные домыслы. Вначале я пыталась, но поняла, что от этого не становится легче. Я потратила годы, стараясь свыкнуться с событиями того дня, и если бы я слишком углубилась в поиск ответов, я попросту сошла бы с ума. Это не значит, что я отказалась от попыток найти убийц брата. И то, что я занялась авторским правом, напрямую связано с его творчеством, а еще с моим стремлением защитить других молодых и талантливых ребят, уберечь их от неудачных сделок и контрактов. Вроде того, какой подписал когда-то мой брат. И еще я хотела бы обратить внимание на то, что в тот день погибли трое. Вместе с моим братом был убит человек, которого я любила больше жизни. Люди об этом не помнят, потому что он не был знаменитостью, как Безупречный. Но смерть человека не становится менее значимой оттого, что его имя не известно миллионам... Впрочем, довольно о смерти. Поговорим лучше о жизни двух замечательных людей, оставивших нам прекрасное творческое наследие, достойное изучения, — и я несказанно рада тому, что поэзия Безупречного теперь будет входить в программу колледжей.

— Абсолютно согласен. Я собирался перейти к этому вопросу позже, — подтвердил Мохаммед.

— Это именно то, о чем он мечтал. Таким было его представление о хип-хопе. Как сестра и куратор каталога его произведений, я чувствовала себя обязанной бороться за его мечту. И я занялась этим сразу после того, как мне удалось отвоевать все права на его музыку у «Краун рекорде». И сейчас, когда его творчество будут изучать, он получит признание научного мира, которое полностью заслуживает.

— Ты многое сделала в память о своем брате. Но мне интересно, что ты собираешься делать дальше, сестра? — поинтересовался Мохаммед.

— Я не знаю. Это трудный вопрос. Мне уже тридцать, и я чувствую себя так, словно прожила очень долгую жизнь. Мне многое пришлось испытать... — Речь Эрики прервалась на мгновение. — Думаю, я буду просто жить, любить и помнить. — «Помнить Миху», — мысленно добавила она.

— Спасибо, мисс Уильямс. Уверен, что ваш брат тоже вам благодарен. А сейчас мы прервемся на рекламу, но вскоре вернемся в студию. Вы смотрите программу «Карфаген сегодня» на канале CTN. Безупречный: человек и легенда, истина торжествует. Мы вернемся через три минуты.

51

Хеннеси стоял, зажав кейс под мышкой, и слушал веселую мелодию, игравшую над головой. Приглушенные звуки саксофона успокаивали, но не могли полностью унять острую боль, преследовавшую его весь день. Прозвенел звонок, и двери лифта открылись. Облаченный в костюм от Армани бизнесмен шагнул в новую для себя жизнь. Он увидел, как рабочие у окна снимали табличку с названием «Краун рекорде». Печальное зрелище для приближающегося к полтиннику руководителя.

Многое изменилось за девять лет. У него на висках появились проблески седины, а вокруг глаз залегли морщины. Фигура еще оставалась стройной. Но в прошлое канули те дни, когда он щеголял в джинсе. Закончилось и его пристрастие к хип-хопу. После встречи с Бин Ладеном он понял, что достиг своего предела. Охранники в конце концов появились на парковке. Шесть выстрелов, прогремевших в тот вечер, произвели именно они. Пролитая кровь была кровью Бин Ладена, и Хеннеси помнил, как умирающий рэпер дергался в конвульсиях и проклинал Хеннеси до последнего вздоха.

Сделав строгий выговор службе охраны, Хеннеси постарался побыстрее смыть с себя следы происшедшего. Он умыл лицо, но кровь запеклась на джинсовом костюме и впечаталась в память. Шмотки он выбросил, но избавиться от воспоминаний было не так легко. Перенесенное потрясение навсегда оставило свой след. За прошедшие с тех пор девять лет Хеннеси не насчитал быи девяти ночей безмятежного сна. Затем страдающий бессонницей президент проиграл права на произведения Безупречного его сестре. И тогда он решил—хватит. Он навсегда распрощался с хип-хопом и джинсами. Влез в костюм от Армани и заключил пару договоров с поп-исполнителями.

На этом доселе непрерывная полоса хитов для Хеннеси закончилась. Компания «Краун рекорде» перестала быть любимицей журнала «Биллборд». И отказавшись от всего, что связано с рэпом, потеряла бывшее влияние на радиостанцию «WHRU» и другие радиостанции того же направления. Подростки в городах перестали слушать музыку от «Краун», а пригороды перестали раскупать записи миллионами, как прежде. Студия переживала период упадка.

Неудачи измучили Хеннеси, но еще больше его чувства страдали от

отсутствия сна. Четырех-пяти часов за ночь, и то с перерывами, явно не хватало его организму. Временами он бродил в полудреме, не понимая толком, спит он или бодрствует. У него начались видения: странные призраки кружились над ним и над Бин Ладеном, лежавшим с разmozженным черепом. Он видел это и многое другое во время таких дневных грез. Сон наваливался на него своей тяжестью в самый неподходящий момент: он не приходил, когда Хеннесси лежал дома в постели, а одолевал его, когда тот сидел на деловом совещании, — и временами Хеннесси не выдерживал и отключался от реальности.

С утомленным и кислым лицом Хеннесси прошел по коридору и по привычке завернул за угол. Он думал только о том, чтобы поспать, и не смотрел под ноги, чтобы не видеть лежавшую на полу табличку, которая должна была заменить вывеску «Краун рекорде». Он не мог смотреть на это название, не мог произнести его. Хеннесси отчаянно пытался игнорировать неизбежное. Он ускорил шаг и вскоре по привычке подошел к двери большого офиса в конце коридора.

— Здравствуй, Джейн, — поприветствовал Хеннесси секретаршу.

— Хм, доброе утро, мистер Хеннесси, — ответила она с удивленным выражением лица. — Простите за вопрос, сэр, но что вы здесь делаете?

— Как что? Иду к себе в офис, разумеется.

— Но, сэр, это больше не ваш офис. Ваш офис находится внизу... помните?

Наступила пауза: слова секретарши медленно просачивались в мозг Хеннесси.

— Ах да. Ты права, Джейн. Это теперь не мой офис, а ты не моя секретарша, и я больше не президент «Краун рекорде», да и «Краун рекорде» больше не существует. Я теперь региональный директор по Восточному побережью... чего-то там, — проговорил он с сарказмом.

— Да, сэр. И как региональный директор по Восточному побережью, вы должны быть сейчас в конференц- зале вместе с остальными, чтобы поприветствовать нового президента компании.

— Спасибо, Джейн. Боюсь, если бы не ты, я бы об этом и не вспомнил.

В знак признательности он слегка кивнул головой бывшей секретарше и направился в конференц-зал. Зал находился в другом конце коридора. Хеннесси выругался про себя, вновь торопливо проходя мимо рабочих, и оставшуюся часть пути чувствовал себя немного сконфуженным.

Хеннесси вошел в огромную, элегантно обставленную комнату, в середине которой стоял величественный прямоугольный стол из дорогой древесины. Как и в его прежнем офисе, в конференц-зале имелось огромное окно во всю стену, из которого открывался потрясающий вид на город. За столом было

тринадцать мест. Из них десять уже были заняты руководящими сотрудниками компании и главными акционерами: по большей части пожилые и унылые лица. Хеннесси указали на место в конце стола. Да, канули в Лету те времена, когда он стоял у руля компании. Сейчас, когда он подошел к столу и погрузился в удобное кожаное кресло, никто и глазом не повел в его сторону.

Сразу после прихода Хеннесси совещание началось. Тот, кто созвал это совещание, поднялся первым и начал свою речь.

— Приветствую всех, кто пришел. Я рад, что мы собрались сегодня здесь. Наша компания многого достигла за долгие годы своего существования. Мы вписали себя в анналы истории звукозаписи. Мы всегда были дальновидны и шли впереди остальных, так будет и впредь. Но, как и все в этом мире, наша компания должна меняться, приспосабливаясь к новым условиям, и эволюционировать, иначе она просто погибнет. Сегодня гибель нам не угрожает, потому что у нас есть предвидение. Атам, где есть предвидение, будут процветание и прогресс. Мы стоим на пороге новых свершений, новой эры, и мы войдем в эту эру с новым лидером. Для меня огромная честь представить вам человека, который поведет нас к процветанию, обеспечит развитие новой компании, образованной в результате слияния «Краун рекорде» и «Карфаген рекорде», — это ее президент мистер Ганнибал.

Имя Карфагенянина породило в сердцах присутствующих приступ страха, смешанного с почтением, а у Хеннесси вызвало только одно чувство: «Не могу поверить, что такая херня происходит на самом деле». Все задержали дыхание и встали с мест, аплодируя, когда молчаливый человек вошел в комнату в сопровождении Розы.

За эти годы тридцатипятилетний Ганнибал стал более зрелым в мыслях, но мало изменился в манерах. Гусиные лапки в уголках глаз были единственным заметным признаком старения. Он сохранил прежнюю энергию и одевался так же, как прежде. Разница была только в том, что теперь он носил мешковатые джинсы и грубые ботинки собственной марки «Элефант». Из большого количества деловых начинаний, в которые бросался Ганнибал, мода оказалась одним из самых успешных. Роза заняла свободное место справа от Ганнибала, а сам он по праву сел во главе стола и компании «Краун». «Что ж, я прошел долгий путь», — сказал он себе.

Джерси вовсе не желал, чтобы с Ганнибалом произошло что-то плохое по дороге из его офиса. Когда Якобинец сообщил о том, что с ним сделали, Джерси избил его до полусмерти, но потом простил. Они ведь были семьей. А что значит какой-то язык в отношениях двоюродных братьев? Ганнибал оказался в трудном положении: говорить он больше не мог, а самое главное

— не мог читать рэп, и его обчистили почти до нитки. Все, что у него осталось, — это собственное имя и независимая студия звукозаписи, хотя и сильно ослабленная финансовыми потерями. И он был единственным артистом этой студии. Однако у него оставались права на его новый альбом. Когда распространилась весть о случившемся, люди вмиг осознали значимость альбома, который станет последним в карьере Ганнибала. Месяцами в магазинах было трудно найти хоть один экземпляр диска «Боевые слоны». К концу года, когда были подсчитаны итоги, оказалось, что продано двенадцать миллионов дисков. Единственным альбомом, превзошедшим этот результат, был диск Безупречного «Философия бедняка». После его смерти продажи взлетели до заоблачных высот. Это была их последняя схватка. И снова Безупречный победил, и снова Ганнибал отстал совсем чуть-чуть.

Но успех «Философии» и «Слонов» был гораздо важнее их соперничества. Эти альбомы посеяли новые для хип-хопа семена размышлений. Оказалось, что порой вечные ценности тоже могут приносить прибыль. То, что когда-то считалось радикальным и немассовым, а потому игнорировалось, на какое-то время превратилось в мейнстрим. И многие молодые исполнители в тот момент присоединились к новым тенденциям. Они основали в хип-хопе движение гражданской сознательности; рэперы Гевара и Эбони стали во главе. Они несли в массы протест, требуя освободить Абдуллу Аль-Амина, Леонарда Пелтиера и многих других, несправедливо осужденных. В ритме бита они слагали рифмы против войны с терроризмом, за гражданские права человека, мешая запланированному властями проведению в жизнь закона о военном положении. Движение долго шло рука об руку с хип-хопом, и несколько лет это был настоящий оплот несогласных. Но в последнее время стали возрождаться стили клубного, танцевального хип-хопа. И снова, как прежде, ритм стал важнее слов: сначала писался бит, а уж потом под него делался текст. Люди опять хотели танцевать, позабыв все свои проблемы. И опять возобновилась борьба хип-хопа за победу высоких интересов над сиюминутной материальностью.

Что же до Ганнибала, то доходы от «Боевых слонов» вернули его к жизни. И в этой новой жизни рядом с ним была Роза. Как Аарон для Моисея, она стала его голосом и не только. С ее помощью он нанял других исполнителей и по истечении контракта с «Краун» организовал слияние с молодой дистрибьюторской компанией. Сначала они поставляли товар только мелким сетям магазинов аудиопродукции. Учитывая характер песен, сделанных в духе «Боевых слонов», продавались они неплохо, так что вскоре, заметив масштаб исполнителей и огромный спрос на новую волну хип-хопа, крупные сети магазинов тоже стали закупать их продукцию. Ганнибал присоединил «Ребл

дистрибьюшн» к «Карфаген рекорде» и теперь контролировал все стороны музыкального бизнеса.

На этом его планы не заканчивались. Он заключил договор с молодым дизайнером и создал собственную линию одежды. Через три года компания «Элефант» стала одной из крупнейших по производству одежды урбанистического стиля. Ганнибал нашел партнеров и в других областях: он основал киностудию «Элефант пикчерс» и кабельную сеть «Телевидение Карфагена». И сейчас он планировал съемку фильма «История в стиле хип-хоп» по книге Эбони.

Отношения с Розой оставались неизменными. За что она любила его, Ганнибал не знал, и не знал, научился ли сам за эти годы любить ее. Когда-то он считал, что не способен на любовь к женщине. Теперь он не был в этом уверен. Ганнибал знал, что Роза спасла его душу, и не представлял свою жизнь без той, что родила ему троих детей. Не имевший братьев и сестер, Ганнибал с детства мечтало большой семье. И он любил эту женщину — наверное, любил. В любом случае она была ему дорога, хотя он предпочитал не задумываться о столь тонких материях. Что бы ни было между ними, это помогало ему в жизни, и он будет пользоваться их отношениями так долго, как того требуют его замыслы. Во всяком случае, так он говорил себе.

Замыслы и Роза привели его домой, на Ямайку. Они поехали туда после того, как навестили ее родных на 'Кубе. Оказавшись на острове впервые после того, как покинул его в трехлетнем возрасте, Ганнибал получил незабываемые впечатления. Он совсем не помнил Ямайку. И все вокруг было одновременно незнакомым и родным. Когда стало известно, что он уроженец острова, жители Кингстона встретили его радостными возгласами, словно героя. «БЫК, БЫК!» — кричали они. Тысячи людей выкрикивали его имя. А он шел рядом с ними, разговаривал с ними через Розу, узнавал их мечты, горести и чаяния. Вернувшись домой, он осознал, что его великая картина принадлежала не ему одному. Предстояло совершить еще многое, руководствуясь более важными целями. Его история на этом не заканчивалась.

За эти годы Ганнибал купил телевизор еще большего размера, но больше никогда не смотрел фильм про Лектера и ни разу не выговорил ни слова. Его фанатизм исчез вместе с голосом. И произносить он мог теперь только жалкое подобие слогов. Нервные окончания языка были навсегда утрачены. Остаток был лишь бесчувственным мертвым куском плоти у него во рту. Вместе с нервными окончаниями он потерял чувство вкуса, правда, не до конца. Он ощущал горечь, но сладкое и кислое стали для него несуществующими понятиями.

Ганнибал так долго не разговаривал, что забывал временами звук собственного голоса. Звучание собственных мыслей всплывало в памяти

смутно и хаотично. Приходилось слушать старые записи, чтобы восстановить воспоминания. И когда Ганнибал слышал богатство интонаций и мощную энергию своих песен, он припоминал, что сказал ему много лет назад отец: что особый дар и огромная власть заключены в его языке. Вскоре прослушивание старых записей стало его огорчать. Он завидовал тому, кем был когда-то. Завидовал молодому пацану, состязавшемуся за первенство на улицах. Он скучал по тем простым и счастливым дням.

Ганнибал скучал и по Терренсу. В своей жизни он больше не встретит человека, равного Терренсу по духу и преданности. Он не жалел Мука, которого застрелили через два года после их последней встречи. Тот так и не смог завоевать настоящее уважение парней. И в конце концов один из них, не без подсказки Джерси, приставил пистолет к голове Мука и, шлепнув соперника, занял его место. Так Рим наградил Мука за предательство.

Ганнибал скучал и по прекрасной личности, научившей его тому, какова его истинная сущность. Слова Михи спасли Ганнибала в тот момент, когда он был совершенно потерян. За это он всегда будет благодарен парнишке и вечно будет сожалеть о нем. Единственный ребенок, воспитанный в христианской семье со строгими правилами, Ганнибал всегда мечтал о младшем брате. Он молил послать ему брата, а когда мечта сбылась, вел себя с ним отвратительно. «Прости, братишка. Ты принес в мою жизнь любовь, которую я не готов был принять».

Ганнибал думал о многом, стоя перед советом директоров «Краун рекорде». Когда он, наконец, занял свое кресло, он взглядом дал знать выступающему, что тот может продолжать свою речь.

— По известным причинам мистер Ганнибал записал свое обращение и поручил мне его прочитать. — Он начал читать вслух: — Спасибо всем. Должен признаться, я очень польщен тем, что нахожусь сегодня здесь. Я владел многими компаниями, но эта для меня особенно дорога. Я начинал свою карьеру в «Краун» примерно десять лет назад. Здесь я вырос, а потом оставил родное гнездо. Но полученные здесь знания и уроки использовал, чтобы построить свою империю. И я благодарен и признателен за это компании. Я многое испытал в жизни. Я прошел путь от нищеты до огромного богатства, затем снова был почти нищим, и опять поднялся, еще выше, чем прежде, — и вот сегодня я здесь. И я счастлив быть здесь: у меня далеко идущие замыслы, которые подарят нам великое будущее: вместе мы прогремим и впишем свои имена в анналы истории. Сегодня рождается новый Карфаген. Я скажу лишь одно: там, за этими стенами, мир, который лежит перед нами. И закончу словами одного мудрого человека: давайте завоюем его. — Выступающий прервался, явно не решаясь произнести последние слова речи. Но все же

закончил: — Что ж... мои ниггеры, за работу.

Все присутствующие встали и зааплодировали. Ганнибал тоже поднялся и бросил взгляд на Хеннесси. Тот с умным видом клевал носом. Ганнибал улыбнулся про себя: он знал, что скоро устроит здесь чистку авгиевых конюшен. В этот момент он обратил внимание на другого человека: как показалось Ганнибалу, тот во многих отношениях был ровней ему самому. На человеке был черный пиджак и бордовый галстук, а с лица не сходила усмешка. Он аплодировал горячее всех остальных. Ганнибалу это показалось странным, но он наградил своего союзника благодарным кивком, подходя к окну. Слушая бурные овации за спиной, он глядел на открывающиеся перед ним врата нового Рима, имя которому Нью-Йорк.

«Великая картина еще не обрела цельность», — сказал он себе. Облака в небе стали принимать знакомые очертания. Ему показалось, что он видит силуэт Безупречного. И Ганнибал подумал, что там, в раю, тот все еще жаждет встретиться с ним в поединке, и поприветствовал соперника улыбкой: «Не волнуйся, брат. Я приду».

52

Снова наступила весна. Эрика сидела на скамейке в парке Квинса, окруженная со всех сторон юными лицами, и пристально смотрела в глаза своего брата на каменной стене. Это был огромный настенный портрет, прекрасно выполненный и очень похожий на Безупречного. Художник отлично поработал: портрет был как живой, итак же великолепно смотрелся изображенный рядом Ганнибал. Композиция представляла обоих лицом к лицу и копировала знаменитую фотографию, напечатанную в журналах много лет назад: казалось, теперь эти двое будут соперничать друг с другом вечно. Сменяются поколения, молодежь пойдет по их стопам, по тому же пути, которым многие следовали до них и многие будут следовать позже, вступая в нескончаемый поединок, имя которому хип-хоп. Наверное, пока бьется сердце, а язык не онемел, найдутся люди, которые захотят заявить о себе миру, и поединки, чтобы доказать, чьи слова достойны быть услышанными.

Под огромным изображением Безупречного и Ганнибала двое тинейджеров состязались в читке перед ликующей толпой. Тот, что выступал сейчас, явно хорошо изучил творчество Безупречного: каждое слово, каждую интонацию. Эрике это польстило, и она знала, что Майклу это тоже бы понравилось. И тут же, как повелось с того самого трагического дня, вспомнив про Майкла, она вспомнила и про Мihu. «Мой прекрасный Мihu», — подумала она.

Много раз она возвращалась в памяти к словам, которые он сказал ей тогда, в поезде: что он никогда не признает смерть и будет вечно наслаждаться вместе с ней мгновениями счастья. 14 много раз с тех пор ей казалось, что он по-прежнему рядом, а вокруг них сиреневая дымка. Он держит ее за руку, ласкает, целует, смотрит нежным взглядом. В такие моменты их духовного единения она чувствовала себя цельной.

В ее воспоминаниях он представал прежде всего, как удивительный дух, а не как человек — ее прекрасный Мihu. Она вспомнила процедуру опознания. Он лежал на холодном металлическом столе у всех на виду, в жуткой тишине, под назойливыми слепящими лампами морга. Тело перед ее глазами совсем не походило на мужчину, которого она знала и любила. То, что она видела теперь, было лишь куском плоти. Полицейским пришлось долго убеждать ее, что это и есть вытасченное из машины тело, лежавшее на ней, когда их нашли.

«Но это не Миха», — повторяла она. Им не удалось опровергнуть эти слова. А если это был не он, тогда кем же был Миха? Откуда появился этот юноша, ставший зеркалом для Безупречного, возлюбленным для Эрики и младшим братом для Ганнибала? Казалось, он был воплотившейся мечтой, вышедшей на свет из бессознательного: он родился взрослым и не имел прошлого. Только имя, только слово, превращенное в человеческую плоть триединством желаний, непорочно зачатое им. Мыслящая материя, идея, воплотившаяся в бытии без ведома своего создателя или создателей, словно свет, рассеявший тьму. Эрике приходили в голову такие мысли, но она не знала наверняка. Может ли желание ожить?

Так и не найдя ответа на свои вопросы, Эрика организовала похороны тела, за которым так и не пришел никто из родных. Только она и ее мать наблюдали, как сердце Эрики во второй раз опускали на глубину двух метров. Она не знала, что еще одна темная, молчаливая фигура неподвижно застыла в дальнем углу кладбища, не отрывая взгляда от гроба.

С того самого дня хоть и прошло немало лет, но сердце Эрики так и не воскресло. И если ей удалось сохранить рассудок, то только потому, что она твердо верила: она похоронила лишь плоть Михи, но не его дух. А для нее Миха всегда был прежде всего духом, возвышенным и прекрасным, ожившей мечтой, покинувшей ее слишком рано. Он был создан с единственной целью любить Эрику, а она существовала с единственной целью любить его. Такова была книга ее жизни. И только придя к пониманию этой мысли, она стала понимать поступок Триш. Мечта может существовать лишь до тех пор, пока мы верим в ее реальность. Ее надо принимать на веру, не задавая вопросов. Иначе она исчезнет, растворившись в небытии, словно никогда не существовала. Так и сделала Триш — исчезла без следа; так происходит со всеми, кто очнулся от грез и видел, как сиреневая дымка постепенно стала кроваво-красной. Хотя, что такое реальность и кто вписывает в нее страницы? Бит ее сердца принадлежал ей, но ей ли принадлежали слова песни?

Была ли она всего лишь «хорошенькой коричневой штучкой», персонажем текста, сочиненного для развлечения? А все ее былые радости и нынешние страдания и горести — лишь поводом к размышлению для читателей или отрывающегося под заводной бит в клубах молодняка? Она не знала ответа и временами ненавидела и проклинала Создателя за то, что он подарил ей такое счастье, а затем предательски украл его, заставив продолжать жить без любви. Она мечтала о любви до гроба. Что ж, мечта сбылась. Как могла она продолжать жить? Как могла теперь полюбить кого-то? У нее не было ответов ни на один вопрос, и она сидела на скамейке в парке в переменчивый весенний день и смотрела на двух юных ребят, состязавшихся перед ней в

своем искусстве.

Возможно, в книге моей жизни больше не будет любовных строф. Возможно, ее сюжет давно был продуман. Может быть, я подписала контракт, сама того не зная, и теперь буду рабой изложенных в нем условий, пока не истечет срок. А возможно, я была создана без заранее намеченной цели, и моя жизнь как фристайл в хип-хопе: цепь случайностей, изменчивая по своей природе, как капризная погода. А возможно, есть общий рисунок, но время от времени между заготовленными строфами вставляются импровизированные строчки, чтобы разнообразить и оживить повествование или сделать его более пронзительным. Может, я и есть такая импровизация? А Эрика — просто имя, просто слово? Был ли и Миха просто словом?

Но ответы не приходили, и со временем Эрика смирилась с неведением. Приняла тот факт, что в мире есть вопросы, на которые, наверное, никогда не найти ответы. И в этом смирении и неведении она нашла для себя определенное благо. Она еще полюбит в этой жизни, но никогда так полно, как в первый раз. Больше не будет сиреновой дымки. Миха стал для Эрики первым во всех смыслах и навек останется для нее несравненным и самым дорогим. И сейчас, сидя на скамейке, она вспоминала, как они ехали рядом в поезде и голова ее покоилась у него на груди. VI она ощущала покой и счастье в самый разгар вечного поединка между Безупречным и Ганнибалом, которых окружала ликующая толпа.

Огни зажглись, занавес поднялся, зрители замерли в ожидании: Безупречный вышел на сцену с микрофоном в руке; за спиной ди-джей, сердце колотится, разум пылает. Это финальное выступление на вручении премии «Соре», через два часа после выхода Ганнибала, через два часа после пережитого позора. И сейчас он сомневался: чем ответить, какую песню исполнить. Толпа знала, чего хочет: «Бычий отстой», — скандировал зал. «Бычий отстой», — злорадно усмехнулся Безупречный про себя. Слова Ганнибала еще преследовали его, их яд еще не перестал жечь. Он не планировал исполнять эту песню. Но мог дать публике то, чего она жаждала, мог добавить импровизаций в духе фристайл-баттлов, жестких, резких — еще жестче, чем обычно. Но тогда их вражда будет длиться бесконечно. А когда закончится? Никогда не закончится, никогда. Но с ней надо покончить, прямо сейчас. Нельзя, чтобы весь смысл сводился к этому. Он хочет значить больше и сделать больше. Он должен... должен... Безупречный принял решение и обернулся к своему ди-джею: тот стоял один, Томми больше не было рядом. «Послесловие», — попросил он. Диджей подтвердил, и заиграл бит. Сначала толпа зароптала, но после первой строфы стихла в напряженном внимании.

Безумец для одних — для других мученик.
Но убийство есть убийство, и бойня есть бойня.
Слишком много матерей и сыновей
Стали жертвами политики и Идеи.
Снова политика во главе угла,
И скоро нас ждут свежие могилы.
Невинные гибнут,
Отвечая за чужую вину.
Богачи делят власть,
Отправляя бедняков на свою войну.
Военная мощь марширует,
Мир — площадка для игр
Адептов Марса, и военное положение
Результат псевдомирного плана Маршалла*,
Раз уж доктрину Монро** похерили.
Они хотят понатыкать жучков во все дырки,
Превратив мир в паутину проводов.
Ваши телефоны давно на прослушке,
А скоро на горшке не посидишь спокойно:
Они и дерьмо хотят держать под контролем,
Скоро даже чек не дадут обналичить,
Пока не проверят сетчатку и отпечатки.
Раньше на плече ставили клеймо,
Теперь вживят микрочип с номером.
Еще осталась свобода слова,
Но лишь в виде ссылки на пятую поправку***.
Наших детей учат в школах,
Что Кремль сдался и сложил оружие,
Но ЦРУ нужен враг, чтоб себя оправдать,
Терроризм теперь вместо коммунизма,
А Джон Эшкрофт**** новый Маккарти.
Издевается, мерзавец, над нами,
Его агенты следят за нами,
Они уже и меня допрашивали:

* Программа помощи США в восстановлении Западной Европы после Второй мировой войны.

** Принципы внешней политики США, провозглашенные в 1823 г. и оправдывавшие экспансию в Латинскую Америку.*** Пятая поправка к Конституции США запрещает принуждать кого-либо свидетельствовать против самого себя.**** Генеральный прокурор США, организатор «войны с терроризмом».

*Вы террорист или были им когда-либо?
Оказывали содействие террористам?
Любите Президента?
Поддерживаете Конгресс?
И я в ужасе, потому что перестал понимать,
Кто же такие для них террористы.
Пресса говорит: если ты не с нами,
Значит, ты враг, ты с террористами.
Но я не бомблю больницы, детей не калечу,
Самолеты с небоскребами не скрещиваю,
Чтобы в жизнь провести свои законы.
Я вижу ясно сквозь пелену вашей ереси —
Вот ваша правда: пусть все взлетит на воздух,
Только бы взлетели ваши рейтинги.
Расти, бюджет ЦРУ, расти, власть ФБР,
Все на защиту отечества!
На свободу теперь нужна их санкция,
Потому что пришла новая эпоха,
В ней фашизм фетиш; но я должен сознаться,
В фирменных шмотках здесь кидая понты:
Часть меня, как прежде, мечтает остаться
В рабстве у великой американской мечты,
И если скажут мне, что это лицемерие,
Я отвечу одно: я сторонник
Американских идеалов, но я жертва реальности.
Я реально хочу достучаться до причин,
И пока не постучу в ворота смерти,
До предсмертного вздоха я буду бить вас словом,
Пока не вгоню им вас в могилу.*

На этом он закончил, и бит затих, свет уступил место тьме... и во тьме Ганнибал смотрел, как Безупречный покидает сцену в последний раз. И в душе восхищался его талантом, и умом понимал, что не может его превзойти; Ганнибал верил, что однажды сможет, и знал, что однажды их поединок завершится. «Однажды, — сказал он себе с улыбкой... — но не теперь».

ПОСЛЕДНИЕ

Хочу поблагодарить маму за свое сердце, отца за свой ум, а Создателя за то, что мои сердце и ум живут в полном согласии. Не могу найти слов, чтобы выразить ту огромную признательность, которую я испытываю к моей матери Венере: она пошла на многие жертвы ради меня. Я обещаю ей, самой трудолюбивой женщине из всех, кого я знаю, — у нас скоро будет большая кухня с «островком посередине», как ты мечтала. Выражаю глубокую признательность самым близким: Мишель, Дженис и Джею — респект тебе, Джей, за то, что стал первым врачом в семье. Огромный привет дяде Микки, Ломали и ее компании — особенно Кимми: спасибо, что с таким вниманием читала мою книгу на ранних этапах.

И еще хочу отдельно поблагодарить Королеву мира, мою красавицу Монифу Пауэлл за то, что научила меня ценить любовь и вдохновила на создание образа Эрики. Я люблю тебя, девочка, люблю больше жизни.

Горячий привет моему другу и брату, моему вдохновителю и единомышленнику Тот-Найну. Спасибо за поддержку, за то, что всегда был рядом. Люблю тебя, брат. Отдельный привет твоей семье: Марсии «Стройняшке» Моррис и начавшему ползать Масаи Макалпину — «Тоту-младшему».

Горячий привет моему кузену Трою — Моисею: М-Уан, спасибо тебе за внимательное прочтение книги, за аннотацию для обложки и за то, что рассказал, как строится музыкальный бизнес. Спасибо Абу, Большому Тахиру, за помощь и поддержку в создании моего альбома; Хербу Бойду — за редактуру и аннотацию для обложки; Омару Тайри — не знаю, как благодарить тебя за твою аннотацию; Джевону и Йо — за любовь и энтузиазм; Дасии Моррис — за скрупулезную редактуру; Тани Смол — зато, что она замечательный друг, и за сделанные ею экземпляры книги. Спасибо Френсис Голдин за любовь и энергию, вложенные в проект; Мумии Абу Джамалю — не знаю слов, чтобы отблагодарить тебя, брат, за все, чему ты научил меня; я написал о твоей свободе как о свершившемся факте и знаю — скоро ты ее обрешь. Благодарю Мшиндо Куунду, величайшего художника в мире, за любовь и поддержку и за обложку, которую сделал практически даром. Спасибо Джейкобу и Дамиану и всей команде издательства «MTV/PocketBooks». Спасибо, что тоже видели картину целиком.

Своего отца Энтони Ричардса хочу поблагодарить за то, что дал мне жизнь и имя. Наши недавно возобновившиеся отношения многому меня научили, я многое понял о тебе и себе самом. И наконец я хотел бы поблагодарить Создателя за жизнь, любовь и творческий дар. И всех, кто нашел время и желание прочитать эту книгу. Спасибо всем.

С любовью,

Гор

Содержание

КНИГА ПЕРВАЯ	8
КНИГА ВТОРАЯ	54
КНИГА ТРЕТЬЯ	85
КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ	129
КНИГА ПЯТАЯ	178
КНИГА ШЕСТАЯ	242
КНИГА СЕДЬМАЯ	307
Послесловие	328

Гор уловил голос поколения и целого движения... Замечательная книга.

Бин Верин, легенда Бродвея

Гор Пта совершил беспрецедентную работу по перенесению реалий мира, который мы называем хип-хопом, на страницы своего первого романа... Потрясающе! Это книга для тех, кто ценит виртуозное балансирование на тонкой грани между жизнью и искусством.

Пол «Пи Мур» Морланд, «FourKorners»

Гор продемонстрировал настоящее мастерство в своем первом романе. Каждая страница наполнена битом и душой хип-хопа.

Том-Найн, автор «Иероглифов ума»

Наконец-то появился настоящий роман о хип-хопе, при этом мастерски написанный! Эта книга — не просто развлечение, это обучение искусству рэпа как такового... Она определенно станет классикой!

Таир, продюсер/рэпер

Гор Пта... яркий и искусный рассказчик, он сплетает слова в историю, которая берет за душу.

Кару Ф. Дэниелс, журналист и писатель, автор книги «Бренди: Вплотную»

Вершина мастерства! Каждый хип-хопер обязан прочитать эту книгу! «История в стиле хип-хоп» глубже любых предыдущих книг и фильмов на эту тему. Она соединяет мотивы «Вестсайд-ской истории» и древнеегипетские мифы, и в будущем из этого может получиться прекрасный сценарий,

Дживон Брукнер, «DaGhettoTymz»

Литературно-публицистическое издание

ГОР ПТА
ИСТОРИЯ В СТИЛЕ ХИП-ХОП

Ответственный редактор Светлана Лисина
Художественный редактор Юлия Двоеглазова
Технический редактор Виктория Вершинина
Корректор Ольга Тихомирова
Верстка Максима Залиева

Подписано в печать 12.08.2009.
Формат издания 84x108. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 25,20. Тираж 4000 экз.
Изд. № 90205. Заказ № 1468.

Издательство «Амфора».
Торгово-издательский дом «Амфора».
197110, Санкт-Петербург,
наб. Адмирала Лазарева, д. 20, литера А.
E-mail: secret<g>amphora.ru

Отпечатано по технологии CtP
в ИПК ООО «Ленинградское издательство».
195009, Санкт-Петербург, Арсенальная ул., д. 21/1.
Телефон/факс: (812) 495-56-10.

По вопросам поставок обращайтесь:

«Книжный клуб 36.6»

107078, Москва,

Рязанский пер., д. 3

Тел.: (495) 926-45-44

E-mail: club366@club366.ru

Информация в Интернете: www.club366.ru